

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ И ЗАПАДНАЯ УКРАИНА

В 1939-1941 гг.

люди, события, документы

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ЗАПАДНАЯ
БЕЛОРУССИЯ
И ЗАПАДНАЯ
УКРАИНА
в 1939-1941 гг.
люди, события, документы**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙА
2011

УДК 94(476+477)"1939/41"

ББК 63.3(4Бел+4Укр)621

З 300

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук *О. В. Петровская*

кандидат исторических наук *Е. Ю. Борисенко*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г. Ф. Матвеев*

доктор исторических наук *Е. И. Серапионова*

Утверждено к печати

Ученым советом Института славяноведения

Российской академии наук

З 300 Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.:
люди, события, документы. — СПб.: Алетейя, 2011. — 424 с.: ил.

ISBN 978-5-91419-549-3

Сборник посвящен анализу сложных процессов, сопровождавших советизацию в 1939—1941 годах Западной Украины и Западной Белоруссии, и включает как собственно историческую, так и историко-культурную, лингвистическую, литературоведческую проблематику. В основе статей сборника лежат выступления российских, белорусских украинских и польских участников международной научной конференции «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.: люди, события, документы», проведенной 17 сентября 2009 г. в Институте славяноведения РАН.

УДК 94(476+477)"1939/41"

ББК 63.3(4Бел+4Укр)621

ISBN 978-5-91419-549-3

9 785914 195493

© Коллектив авторов, 2011

© Институт славяноведения РАН, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий сборник является итогом работы международной научной конференции «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы», состоявшейся 17 сентября 2009 г. в Москве. Конференция была организована Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН и посвящена 70-летию так называемого «золотого сентября» 1939 года, сыгравшему важную роль в судьбе украинского и белорусского народов.

Организаторы конференции предложили обратиться к сложным процессам, сопровождавшим советизацию Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг., не случайно. Активное внимание современных исследователей к советской внешней политике накануне Второй мировой войны зачастую оставляет в тени другие аспекты деятельности большевистского руководства, не позволяет представить происходившие на западноукраинских и западнобелорусских землях процессы комплексно и оценить их адекватно. Исходя из этого, основными направлениями работы форума были избраны политические, экономические и культурные аспекты интеграции западных украинских и белорусских земель в состав СССР.

В конференции приняли участие российские, украинские, белорусские и польские исследователи из университетов и академических центров Москвы, Белостока, Киева, Львова, Луцка, Минска, Бреста, Барановичей, Гродно, Острога. Диалог представителей разных стран, история которых непосредственно связана с событиями, обсуждавшимися на конференции, позволил выявить особенности национальных подходов к изучению проблем, связанных с включением территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР, сделать шаг на пути преодоления взаимных предубеждений и установления более доверительных отношений между Украиной, Белоруссией, Польшей и Россией.

Публикуемые статьи являются расширенными версиями докладов участников конференции. Для того чтобы точнее осветить многомерность и неоднозначность большевистской советизации, вписать ее в конкретно-исторический контекст советской внешней и внутренней политики, в состав сборника были помещены также исследования, материалы которых выходят за обозначенные хронологические рамки. Ряд статей затрагивает сложные аспекты этнокультурного и этнополитического положения западных областей Украины и Белоруссии накануне сентября 1939 года и сложные

перипетии дипломатической и военной активности в преддверии и начале Второй мировой войны. Проводятся параллели политики советизации с действиями польского и венгерского руководства на территориях, присоединенных в 1938 г. в результате раздела Чехословакии.

Представленные в сборнике статьи весьма разнообразны по тематике и подходам: от построения моделей советизации и теории культурной коммуникации до обращения к судьбам отдельных людей – жителей присоединенных территорий. Тщательному разбору подвергается не только социальная и экономическая политика советской власти, но и динамика восприятия западноукраинским и западнобелорусским населением политики советской власти, эволюция представлений о советском человеке, обусловленная происходившими социально-политическими изменениями. В фокусе дискуссии оказались этноконфессиональные проблемы, обнаруженные участниками конференции в самых разных проявлениях жизни социума и политических реалиях того времени. Отличается многообразием и палитра вводимых в оборот источников: архивные документы, мемуары, материалы устной истории, произведения художественной литературы и народного творчества. Воссозданию целостной картины, происходивших на землях Западной Белоруссии и западной Украины процессов, осмыслению их причин и последствий способствует расширение авторами традиционных исторических подходов исследования за счет методов компаративного, культурологического, искусствоведческого анализа.

Многие материалы сборника демонстрируют различные точки зрения на поставленные вопросы, причем некоторые из них отличаются дискуссионностью. Детальная реконструкция тесно взаимосвязанных национальных и социальных отношений еще далека от завершения. Вместе с тем полемика показала необходимость продолжения теоретического диалога, расширения круга его участников и проблематики с целью всестороннего тщательного анализа событий и процессов в Западной Белоруссии и Западной Украине в 1939–1941 гг., взвешенной оценки исторического наследия России как участницы этих процессов, формирования и закрепления тенденции к взаимному объективному познанию и восприятию.

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ И ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. Н. Вабищевич

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ НАКАНУНЕ СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Для межвоенной Польши, которая по составу населения была многонациональным, а по устройству – унитарным государством, национальная проблематика приобретала особенное значение. Правовую основу для налаживания культурной жизни различных этносов и конфессиональных групп в пределах Польши составляли ее международные обязательства, принятые в рамках системы соответствующих договоров Версальской системы (Договор о защите национальных меньшинств или Малый Версальский трактат, который был подписан польским правительством 28 июня 1919 г.), после завершения советско-польской войны (Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г.), а также внутреннее законодательство (конституции Польши 1921 и 1935 гг.).

В действительности, реальная практика государственной национальной и конфессиональной политики Польши находилась в противоречии с обещанными международными, конституционно-правовыми гарантиями. Общенациональный патриотический подъем поляков, который наблюдался сразу после восстановления их государственности, сменился мифологизированными мессианскими концепциями, которые нашли претворение в правительственной политике, действиях местной администрации и общественном сознании, для которого была характерна отчетливая эгоистичность и нетерпимость по отношению к белорусам и другим этносам.

Ведущие позиции в практической реализации национальной политики Польши занимала национально-демократическая концепция с ее основным лозунгом «Польша для поляков», сторонники которой считали польскую культуру высшей, цивилизованной. Хотя режим «санации» Ю. Пилсудского продекларировал переход от предыдущей политики национальной ассимиляции к политике государственной ассимиляции, на самом деле произошел переход от насильственных, конфронтационных методов к умеренным при неизменности стратегической цели национальной политики – ассимиляции белорусов. Как на правительственном уровне, так

и особенно со стороны местного полицейско-административного аппарата с конца 1920-х годов фактически вернулись к предыдущей политике национальной ассимиляции, хотя публично об этом не объявлялось. В польском общественном сознании утвердился стереотип об искусственном, лишенном самостоятельности западнобелорусском движении, которое было инспирировано и финансировалось с востока. Прикрываясь антисоветскими, антикоммунистическими лозунгами, польские власти осуществляли борьбу и против Компартии Западной Белоруссии, и против национально-демократического крыла западнобелорусского движения.

Следует отметить, что в 1920-е годы был очень привлекательным образ БССР, «общebelорусского дома». Это признавали даже антикоммунистически настроенные лидеры белорусских христианских демократов. В частности, А. Станкевич констатировал: «... жизнь белорусского народа там сдвинулась с места, ... белорусских школ насчитываются тысячи»¹. В середине 1920-х годов из БССР шла организационная, пропагандистская, учебно-методическая, финансовая помощь западнобелорусским партиям и общественным организациям. При содействии Коминтерна с июля 1924 г. до февраля 1925 г. в Минске при ЦК КП(б)Б действовало Бюро помощи Компартии Западной Белоруссии («заграничное бюро», «закордонное бюро») для «оказания содействия КПП (Коммунистической партии Польши – А. В.) и КПЗБ (Коммунистической партии Западной Белоруссии – А. В.) в ее революционной работе», решение о создании которого было принято на заседании бюро ЦК КП(б)Б 17 июля 1924 г.². По линии Наркомпроса республики в вузах БССР на льготных условиях выделялись места для западнобелорусской молодежи³. Благодаря этому западнобелорусские юноши и девушки (среди них учащиеся и выпускники Виленской и Новогрудской белорусских гимназий, не имевшие шансов получить высшее образование в Польше) нелегально переходили польско-советскую границу и поступали на учебу в БССР, после завершения которой с энтузиазмом включались в общественно-политическую, социально-экономическую и культурную жизнь республики. Вместо «заграничного бюро» в марте 1925 г. было создано Представительство ЦК КПЗБ при ЦК КП(б), которое фактически являлось минским филиалом Представительства Компартии Польши при Исполкоме Коминтерна в Москве и просуществовало до лета 1937 г. Кроме материальной помощи

¹Беларуская крыніца. 1926. 21 кастрычніка.

²Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 227.

³Там же. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 58. Л. 1; Д. 33. Л. 2.

западнобелорусскому движению с востока оказывалась и моральная поддержка, хотя и регламентированная директивными идеологическими мерами высших партийных органов.

Однако нельзя чрезмерно абсолютизировать воздействие советского фактора. Польским властям было очень выгодно демонстрировать (особенно на европейском уровне) западнобелорусское движение через призму коммунистической угрозы. Прикрываясь обвинениями в зависимости деятелей Западной Белоруссии от Москвы и Коминтерна, польские власти имели всегда козыри в применении репрессивных действий не только против коммунистов, но и других западнобелорусских партий и объединений, за исключением немногочисленных полонофильских.

На протяжении всего межвоенного периода польские власти не смогли обеспечить западнобелорусским землям обещанного цивилизационного прорыва. Этот регион в пределах Польского государства оставался отсталым и второстепенным. Западная Белоруссия не получила возможностей для полноценного национально-культурного развития. Темпы ликвидации неграмотности в течение 1921–1931 гг. составляли 10 %. В 1931 г. 43 % населения Западной Белоруссии в возрасте более 10 лет составляли неграмотные. Таким образом, неграмотность населения оставалась важной нерешенной социальной проблемой. После окончательной ликвидации белорусских школ польские власти к сентябрю 1939 г. не смогли обеспечить всеобщего польскоязычного начального обучения. В Западной Белоруссии так и продолжали существовать «бесшкольные местности». В 1936 г. в Полесском воеводстве из 236 тыс. детей школьного возраста 53 тыс. не были охвачены начальным образованием. В Виленском школьном округе не обучалось 21,6 % детей¹. В западнобелорусских землях в 1938/1939 учебном году более 100 тыс. детей не посещали школы. Действующая система образования затрудняла доступ к профессиональным и высшим учебным заведениям. На протяжении всего межвоенного периода среди студентов Виленского университета имени С. Батория доля белорусов не превосходила 3 %².

С середины 1930-х годов в правительственных кругах Польши усилились националистические и тоталитарные тенденции. Под влиянием военных межведомственный Комитет национальных дел активизировал деятельность по усилению полонизации. 13 сентября 1934 г. министр иностранных

¹ Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). F. 172. Ap. 1. B. 5912. L. 3.

² Вабишэвіч А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2008. С. 29.

дел Польши Ю. Бек заявил на заседании Лиги наций в Женеве о том, что польское правительство прекращает сотрудничество в деле защиты прав национальных меньшинств. Это означало отказ от выполнения Малого Версальского трактата.

В это время некоторые правительственные ведомства в Варшаве предложили проекты усиления колонизации западнобелорусских земель. Например, сотрудники политического департамента МВД Польши подготовили в середине 1935 г. отдельный реферат. В документе отражена сложная общественно-политическая ситуация на «кресах восточных», где чиновники местной администрации находились «как в оккупированных землях»¹. Сравнительный анализ данных переписей населения 1921 и 1931 гг. засвидетельствовал уменьшение доли поляков в 36 поветах «восточных кресов», особенно в Полесском воеводстве (их там насчитывалось только 14,5 %). Не принимая во внимание сфальсифицированный и неточный характер результатов переписей, авторы реферата объясняли такую этническую динамику развитием национального сознания в направлении, нежелательном для польских властей. Согласно их оценкам, в большинстве поватов Виленского и Новогрудского воеводств часть польского населения перешла к белорусскому этносу². Среди причин обострения отношений между польской администрацией и местным населением назывались низкий уровень квалификации чиновников, неподобающий им моральный облик, грабительские налоги, наличие помещичьего землевладения и др. В данном реферате планировалось развернуть осушение болот, для того чтобы выделить 1,5 млн га земли для 100 тыс. колонистов из центральных и западных регионов Польши³. Предусматривалось также переселить более 200 тыс. пенсионеров⁴. Целенаправленную работу по ассимиляции предлагалось проводить не только в отношении «тутейших», но и католиков, «которые признавали себя поляками, но дома говорили по-белорусски или по-украински». Национальное сознание местных («кресовых») поляков признавалось неустойчивым⁵.

Один из проектов национальной политики был разработан в национальном отделе МВД в июне 1936 г.⁶ В подготовленном документе предлагалось внимательно подходить к выбору методов осуществления национальной

¹ Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zespół 9/1. Sygn. 946. K. 3.

² Ibidem. K. 40.

³ Ibidem. K. 10.

⁴ Ibidem. K. 25.

⁵ Ibidem. K. 39.

⁶ Ibidem. Sygn. 936. K. 1–9.

политики. При достаточно высоком уровне национального сознания непольского населения насильственные методы признавались неприемлемыми. В отношении непольского населения с низким уровнем национального сознания предписывалось ограничение свободы его культурного развития при «сильном излучении культуры правящего народа»¹.

Авантюрный по своему характеру план «Перспективы внутреннего осадничества», разработанный в МВД Польши в конце 1937 г. В. Ормицким², предполагал для достижения «стабильного преимущества польского населения» (56,2 % и более) осуществлять колонизацию осадников, выселение непольского населения или его обмен на поляков. Этими миграционными процессами следовало охватить 6 млн человек. В случае реализации такого проекта существенно обострилась бы этноконфессиональная ситуация в западнобелорусских землях.

Несмотря на то, что польские власти не признавали белорусский вопрос угрожающим для военно-стратегической безопасности страны, тем не менее в 1936–1938 гг. они осуществили целый комплекс насильственных мер: провели окончательную ликвидацию немногочисленных белорусских школ, организаций, газет, развернули дерусификацию и полонизацию православной церкви, усилили контроль за общественной жизнью. Согласно разработанному МВД Польши плану ликвидации всех легальных белорусских организаций, 2 декабря 1936 г. виленский староста запретил за «проведение подрывной деятельности» Товарищество белорусской школы (ТБШ), а через 2 недели еще одну культурно-просветительскую организацию – Белорусский институт хозяйства и культуры³. 22 января 1937 г. виленский воевода Л. Ботянский не разрешил действовать ТБШ, которое якобы занималось «антигосударственной» деятельностью⁴. В течение 1937–1938 гг. на территории Западной Белоруссии была запрещена деятельность фактически всех белорусских партий и общественных организаций.

Вместе с репрессивными акциями активизировалась работа польской администрации на местах, военных кругов по усилению национально-культурной ассимиляции. В целом пакете предложений относительно общественно-политического, экономического и культурного развития Полесья, который был представлен 17 декабря 1936 г. руководством IX Корпуса охраны пограничья, предусматривалось применение

¹Ibidem. K. 7.

²Ibidem. Sygn. 955. K. 4–46.

³Ibidem. Sygn. 963. K. 445.

⁴Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 1306. Л. 9–9об.

насилованных мер к любым «антигосударственным» общественным структурам, вплоть до запрета их деятельности; проведение кадровой чистки среди учителей, православного и римско-католического духовенства Полесского и Новогрудского воеводств и др.¹ Целый ряд мер в направлении колонизации содержался в отдельном письме полесского воеводы В. Костек-Бернацкого в МВД Польши в феврале 1937 г.² Особое внимание обращалось на вопросы образования и культуры. Предполагалось развернуть работу по ликвидации неграмотности, созданию системы польских начальных школ. Из состава педагогических кадров планировалось полностью удалить белорусов, украинцев, русских, местных полешуков³. Исключительно поляков следовало принимать на работу в лесную охрану. Успешность колонизации Полесья ставилась в зависимость от осуществления мелиорации, на которую требовались значительные капиталовложения. В деле пропаганды особая роль отводилась радиофикации полесской деревни, чтобы устранить практику нелегального прослушивания советского радио, «рассадника сепаратистского национализма и коммунизма»⁴. Использовать радиоприемники можно было под контролем только в клубах (светлицах), народных домах.

На съезде служащих сельскохозяйственного аппарата Полесского воеводства 16 апреля 1937 г. выдвигалось требование запретить продажу земли православным. «Лояльный полешук или «тутейший» — это поляк. Тот, кто указывает в декларации национальность белорус, украинец или еврей, не может купить землю»⁵. Чиновникам всех уровней предписывалось использовать в отношениях с местным населением только польский язык. В православных храмах проповеди тоже должны были стать польскоязычными (в качестве исключения — русский язык или местные диалекты: «Полесье так отдалено от русской культуры, что проповедь по-русски не принесет вреда»⁶).

Во время проведения конференции чиновников воеводских управлений и руководителей Корпусов охраны пограничья (24 апреля 1937 г.) были изложены конкретные предложения по усилению колонизации. На конференции отмечалось, что в отличие от белорусов и украинцев местных

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 832. Л. 4.

² Там же. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1656. Л. 14–19.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1436. Л. 303об.

⁶ Там же. Л. 304об.

жителей (полешуков) можно беспрепятственно приобщать к польской культуре. При осуществлении колонизации Полесья предлагалось создавать отдельные польские культурно-просветительские центры. Белостокский воевода С. Киртиклис главные надежды в деле полонизации возлагал на польскую армию, а также римско-католическую церковь, польские школы, административный аппарат¹. Летом 1937 г. новогрудский воевода А. Соколовский предлагал на съезде поветовых старост осуществить целый ряд насильственных мер в области культуры и образования, среди которых были окончательная ликвидация школ, где изучался белорусский язык; увольнение учителей непольской национальности; роспуск белорусских самостоятельных художественных коллективов и создание вместо них польских и т. п.²

13 октября 1937 г. полесский воевода В. Костек-Бернацкий заявил о том, что «Полесье должно стать польским, несмотря на местный говор и вероисповедание громадного большинства жителей». Было предписано поветовым старостам признавать местное население польским³. На заседании поветовых старост в Бресте в январе 1938 г. В. Костек-Бернацкий в качестве двух основных задач внутренней политики Польского государства отметил следующие: укрепление обороноспособности страны и полонизация Полесья. «Полесье должно быть освоено польской культурой, а все население Полесья ... (за исключением евреев), предназначено для польскости, чтобы вскоре стать польским»⁴. 5 апреля 1938 г. Полесское воеводское управление отправило на места указания о принципах национальной политики в отношении жителей Полесья. «Полешуков, которые не признают себя положительно украинцами, белорусами или русскими, необходимо признавать поляками, несмотря на вероисповедание и диалекты»⁵.

Свои проекты решения белорусского вопроса предлагали отдельные польские политические объединения. Например, в 1937 г. бюро исследований Виленско-Новогрудского округа Лагеря национального единения (*Obozu Zjednoczenia Narodowego, OZN*) предлагало выработать «рациональные» методы национальной ассимиляции белорусов, которые «должны быть этическими и достойными, чтобы не возбуждать

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1091. Л. 8.

² Там же. Оп. 10. Д. 1281. Л. 40об., 45.

³ Там же. Оп. 6. Д. 2608. Л. 30, 30об.

⁴ Там же. Оп. 10. Д. 1436. Л. 302об.

⁵ Там же. Оп. 8. Д. 1089. Л. 1.

ненависть или презрение»¹. Белорусы не признавались отдельным народом, а только ответвлением польского народа (наподобие кашубов и других польских региональных этнических групп)², что являлось сознательной, целенаправленной и публичной фикцией составителей данного проекта. Белорусам необходимо было навязать латинский алфавит. Признавалась ассимиляция белорусов только в направлении высшей культуры (т.е. польской). На съезде Лагерь национального единения 19 апреля 1938 г. был предложен целый ряд мероприятий по укреплению среднего сословия, усилению роли интеллигенции в подъеме культурного уровня населения «восточных кресов»³. Эффективность политики государственной ассимиляции ставилась в зависимость от наличия кадров польской интеллигенции, которая должна была активно включаться в общественную работу⁴. Предлагалось проведение тщательного отбора («селекции») кадров, избавление от неквалифицированных и слабоподготовленных работников, выдвижение молодежи местного происхождения с соответствующей идеологической подготовкой.

В конце 1930-х годов в некоторых местностях признавались опасными для польского государства народные развлечения, театральные представления, организаторов которых причисляли к коммунистическим активистам⁵. Как отмечалось в отчете новогрудского воеводы за июль 1938 г., полиция считала «подрывными» некоторые песни, что исполнялись в отдельных деревнях во время гуляний или семейных торжеств⁶.

В отдельной аналитической записке Полесского воеводского управления в мае 1939 г. был изложен целый комплекс мер по различным направлениям социально-экономической, национально-культурной и конфессиональной жизни с целью усиления польского влияния в регионе⁷. В частности, среди предложенных мероприятий предусматривалось произвести ревизию «кресовых законов» 1924 г., чтобы упразднить юридические основания для использования белорусского и украинского языков; закрыть частную русскую гимназию и начальную школу в Бресте; не допускать на территории

¹ Januszewska-Jurkiewicz J. Koncepcje programowe działaczy Obozu Zjednoczenia Narodowego Okręgu Wileńskiego i Nowogródzkiego w kwestii białoruskiej // Białoruskie zeszyty historyczne. № 23. Białystok, 2005. S. 200.

² Ibidem. S. 203.

³ ГАБЮ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1427. Л. 3–11.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 551. Оп. 1. Д. 1229. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 1230. Л. 1.

⁷ Polski stan posiadania na Polesiu. Brześć nad Bugiem, 1939. S. 81–110.

Полесского воеводства деятельности украинских, белорусских, русских партий и организаций; заменить всех чиновников, учителей польской национальности на поляков или полонизированных полещуков и др. Присутствовали также предложения по финансовой поддержке строительства сети польских начальных школ, особенно в «бесшкольных местностях», открытию новых низших профессиональных школ, библиотек, народных домов и т.д.¹ Учитывая реальную демографическую ситуацию в Полесском воеводстве (не в пользу поляков), предлагалось постоянно усиливать процессы ассимиляции и полонизации, «иначе другим путем не достичь количественного преимущества польского элемента на этой территории»². «Православная масса на Полесье в политическом, национальном отношении представляет собой необработанный и вообще податливый элемент для польской государственной ассимиляции»³.

Дерусификация православной церкви, борьба с белорусским и украинскими движениями, удаление русского языка из обучения религии в школах и церковных проповедей, а также другие дискриминирующие меры содержались в отдельной директиве министра вероисповеданий и общественного просвещения В. Свентославского от 21 декабря 1938 г. под названием «Религиозная политика со специальным рассмотрением православной проблемы»⁴. Среди национальных проблем в Виленском воеводстве его администрация первоочередное значение придавала ассимиляции белорусов («тутейших») как римско-католического, так и православного вероисповедания (1939 г.). В деле полонизации основные усилия планировалось направить на просвещение, которое должно было «дать молодежи основу польской культуры»⁵. Целый ряд конкретных предложений относительно полонизации содержался в аналитических записках для МВД белостокского воеводы Г. Осташевского в первой половине 1939 г. «Белорусское меньшинство сейчас находится еще на такой стадии национального осознания, что при соответствующих культурно-просветительских усилиях может поддаться ассимиляционному процессу...» при «экспансии польской культуры...». Согласно Г. Осташевскому, «раньше или позже белорусское население будет полонизировано». Центральные и местные органы власти обязаны были инвестировать в систему образования, социально-культурную сферу, пути сообщения и др. «Этому

¹Ibidem. S. 84.

²Ibidem. S. 17–18.

³Ibidem. S. 28.

⁴ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2305. Л. 12–16.

⁵Там же. Оп. 8. Д. 1092. Л. 51об., 52об.

населению надо дать что-нибудь и чем-то привлечь», но одновременно «желать только того, чтобы думало по-польски и было настроено в сторону государственности»¹. Для ослабления русской культуры предлагалось провести строгую проверку всех русских эмигрантов и безотлагательно выселить за пределы Польши тех, кто препятствовал процессам ассимиляции, решительно вводить польский язык в проповеди, церковную жизнь православной церкви; постоянно и последовательно удалять с должностей православных священников, которые пропитаны русским духом и культурой, а вместо них присылать тех, кто воспитан в польском духе, преданных польскому делу и т.д.² 14 февраля 1939 г. на конференции по вопросам конфессиональной политики, в которой участвовали чиновники воеводских управлений и министерств, полесский воевода В. Костек-Бернацкий серьезной угрозой для Полесья назвал деятельность украинских миссионеров-униатов³.

На наш взгляд, активизация усилий в деле ускорения полонизации объясняется неудовлетворительной результативностью предыдущих действий польских властей в этом направлении. Обратимся для подтверждения этого к результатам этносоциологических исследований, проведенных польскими учеными в 1937–1938 гг., когда изучался уровень национального сознания в двух регионах: в первом преимущество имело население римско-католического вероисповедания (77 деревень Виленско-Трокского, Ошмянского поветов), во втором – православного вероисповедания (107 деревень из северо-восточных и восточных поветов Виленского воеводства – Дисненского, Вилейского, Воложинского, Молодечненского, Поставского, Браславского). Анкетирование на территории Виленско-Трокского и Ошмянского поветов не показало роста национального сознания местного польского населения, значительную часть которого составляли белорусы римско-католического вероисповедания. Они часто отождествляли этническую принадлежность с конфессиональной, а также государственной. Согласно результатам исследования, на территории двух указанных поветов из 52-х опрошенных деревень только в 7-ми был признан хорошим уровень национального сознания поляков. В качестве родного языка местное католическое население называло белорусский или «простой», хотя в общественной жизни ими использовался и польский

¹ Там же. Оп. 10. Д. 1574. Л. 15–16.

² Там же. Л. 145–150.

³ Там же. Д. 2305. Л. 31–37.

язык¹. В ходе исследования выяснилось, что православные белорусы в деревнях больше тянулись не к польской культуре, а к белорусской.

Хотя поляки не преобладали среди населения Западной Белоруссии, однако они занимали привилегированное положение в социальной структуре. Поляки составляли абсолютное большинство в полицейско-административном аппарате. В 1932 г. из 5 120 государственных чиновников и служащих местных органов управления Полесского воеводства поляков было 88 %, русских – 5,8 %, белорусов – 3,6 %, евреев и украинцев – по 1,3 %². Господство поляков среди чиновников наблюдалось и в других воеводствах Западной Белоруссии. В 1930-е годы усилилась тенденция полного удаления непольских представителей из органов государственной администрации. Большинство чиновников было прислано из других регионов Польши.

Кроме чиновников, в городах жили также представители польской интеллигенции, немногочисленные торговцы, ремесленники, рабочие. Среди интеллигенции господствующее положение также занимали поляки. Например, по состоянию на 15 февраля 1932 г. национальный состав интеллигенции в Полесском воеводстве был следующим: поляки составляли 75,5 %, евреи – 9,8 %, русские – 9,5 %, украинцы и белорусы – по 2,5 %³. Для польской власти важное значение приобретала полонизация и окатоличивание городов, превращение их в крупные центры распространения польской культуры. Так как польская интеллигенция слабо включалась в активную общественную работу, важное значение для успешной полонизации «восточных кресов» приобрела задача воспитания из местного населения кадров интеллигенции, польской по взглядам и культуре.

В социальной структуре надежной опорой польских властей считались помещики, которые сохранили свое доминирующее положение и накануне сентября 1939 г. В этом году доля поляков среди владельцев хозяйств с площадью землевладения в 50–100 га в отдельных поветах Виленского воеводства колебалась от 66 % в Браславском повете до 97,1 % в Поставском повете. Белорусское присутствие там было незначительным – от 0,2 % в Молодечненском повете до 3,6 % в Дисненском повете⁴.

¹ *Wyslouch S. Polacy i bialorusini-katolicy na terenie Wilenszczyzny. Warszawa, 1938. S. 17–18, 19, 57.*

² ГАБЮ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2253. Л. 28.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Оп. 8. Д. 1092. Л. 12–13.

В 1937 г. в восточных воеводствах Польши количество военных осадников достигло 9–9,1 тыс. человек, а вместе с гражданскими колонистами – 16,6 тыс. человек¹. Почти половина из них была в Волынском воеводстве (41,5 %), 21,7 % – в Новогрудском воеводстве, 13,3 % – в Виленском воеводстве, 12,6 % – в Полесском воеводстве². По сравнению с колонистами-поляками земельные наделы белорусских крестьян были мизерными. В 1939 г. в Виленском воеводстве 75,9 % приобретенной в ходе парцеляции земли досталось полякам, 18,6 % – белорусам, 1,8 % – литовцам, 0,9 % – русским, 0,5 % – евреям. По средней площади приобретенной земли белорусы также отставали от поляков – 4 га против 6,8 га³. При нерешенности аграрного вопроса, который являлся основным для большинства западнобелорусского (преимущественно крестьянского) населения, отрицательные социальные стереотипы как в отношении помещиков, так и осадников тесно переплетались и взаимодополнялись с национальными стереотипами. Западнобелорусские крестьяне ожидали позитивных, радикальных изменений в улучшении своего положения.

Драматические события в общественно-политической жизни Советской Белоруссии в 1930-е годы еще больше усложняли неблагоприятное этнокультурное положение в западнобелорусских землях. Эти процессы существенно отличались от 1920-х годов, когда национально-культурное строительство в БССР оказывало позитивное влияние на западнобелорусское движение, защиту населением Западной Белоруссии своих социальных и национальных прав. Особенно негативное воздействие оказывали сталинские репрессии. В 1933 г. группа деятелей западнобелорусского движения (среди них были бывшие депутаты польского сейма И. Гаврилик, И. Дворчанин, С. Рак-Михайловский и др.) были привлечены к сфабрикованному ОГПУ делу «Белорусского национального центра», который якобы готовил антисоветское восстание с целью отделения Советской Белоруссии от СССР, – отмечалось в обвинительном заключении. «Это восстание должно было явиться поводом для начала фактической войны между Польшей и СССР и отторжения БССР, Полотчины, Смоленщины и Черниговщины от Советского Союза. Оперативный план восстания был разработан польским генеральным штабом...»⁴. Все действия по поддержке западных белорусов, предпринятые в республике в 1920-е годы, были

¹ *Stobniak-Smogoczewska J.* Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945. Warszawa, 2003. S. 102, 243.

² *Ibidem.* S. 103.

³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 16.

⁴ НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 456. Л. 40.

оценены органами ОГПУ в качестве контрреволюционной и подрывной антисоветской работы: «Под видом переброски культурных сил для усиления белоруссизации в БССР Рак-Михайловский, Островский и их группа целыми пачками перебрасывали своих людей. ... Это делалось с целью насыщения советских школ и учреждений нацдемовскими элементами, проникнутыми национализмом и убеждением о перерождении советской власти для создания контрреволюционных нацдемовских организаций»¹. В активной помощи в переправке послов Громады из Польши в БССР «для активизации и усиления нацифашистской работы» обвиняли и народного поэта Я. Купалу². В 1936–1938 гг. были репрессированы многие руководители Компартии Польши и Компартии Западной Белоруссии, которые находились в СССР. Среди жертв сталинских репрессий оказался и лидер Громады Б. Тарашкевич. Всех их безосновательно обвиняли в сотрудничестве с польской политической полицией (дефензивой), заставляли декларировать «контрреволюционный, нацдемовский» характер своей деятельности. Бывший советский дипломат А. Ульянов «признался» в том, что по указанию режима «санации» Ю. Пилсудского в БССР якобы перебрасывались антисоветские, контрреволюционные силы; «закордонное бюро» КПЗБ было превращено в «орудие Пилсудского для широких политических провокаций, для подавления и разгрома революционного движения в Западной Белоруссии» и т.п.³ Тревожные сведения, распространявшиеся, советской печатью, радио, агитаторами КПЗБ о репрессиях в БССР против бывших лидеров западнобелорусского движения дезориентировали часть западных белорусов. На собраниях люди не верили, что бывшие белорусские послы Громады были предателями⁴. Кроме дезориентации, усиливалась идейно-политическая конфронтация в западнобелорусском движении. Под влиянием решений VII конгресса Коминтерна осенью 1935 – осенью 1936 гг. наблюдались попытки налаживания сотрудничества западнобелорусских коммунистов и белорусских христианских демократов в совместной акции в поддержку белорусских школ, однако они были пресечены польской полицией. После безосновательного роспуска в августе 1938 г. Исполкомом Коминтерна

¹ Там же. Л. 133.

² Платонаў Р. II. Лёсы: гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20–30-х гадоў. Мінск, 1998. С. 222.

³ Илькевич Н. Н., Платонов Р. II. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск, 1997. С. 25, 17, 19.

⁴ НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 456. Л. 29.

КПЗБ и Компартии Польши фактически произошла окончательная ликвидация оставшихся к этому времени немногочисленных организационных структур западнобелорусского движения. Однако даже в таких сложных условиях в обыденном сознании западных белорусов советский фактор оставался притягательным. Значительная часть из них обращала свои взоры на восток с надеждой на коренное изменение своего незавидного положения. Во многом этому способствовала и советская пропаганда, с которой всячески боролись польские власти.

Если по отношению к славянскому населению польские власти проводили политику ассимиляции, то основным средством решения еврейского вопроса считали их эмиграцию. Признавая евреев в качестве представителей чужого для поляков цивилизационного направления, польские национал-демократы (эндеки) заявляли о невозможности ассимиляции евреев. Под влиянием возрастающих антисемитских настроений в польском обществе и, особенно, под воздействием негативных последствий мирового экономического кризиса доля евреев среди эмигрантов из Польши значительно возросла – с 10,8 % в середине 1920-х годов до 36,6 % (в Полесском и Белостокском воеводствах – до 40–50 %) в середине 1930-х годов¹. Эмиграционная волна схлынула только во второй половине 1930-х годов. По разным оценкам всего в течение 1920–1930-х годов из Польши выехало от 334 тыс. до 395,2 тыс. евреев².

В 1930-е годы польские праворадикальные силы выступали за антисемитизм в области культуры и просвещения: «Несколько лет польские национальные силы проводили экономическое сражение с евреями, а теперь пришло время «культурной борьбы», которая является не менее, а даже более важной. Польская культура, искусство, литература, пресса, театр, кино находятся под мощным влиянием евреев. Поляки должны этому безотлагательно противостоять»³. Раздавались радикальные предложения о полном удалении евреев из вузов, различных сфер общественной жизни.

В западнобелорусских землях антисемитизм не имел такого размаха как в центральных и западных воеводствах Польши, но отдельные акции подобного характера имели место. Например, в ноябре 1931 г. проявления антисемитизма наблюдались в Виленском университете имени С. Батория,

¹ *Ziemiński J. Problem emigracji żydowskiej. Warszawa, 1937. S. 74.*

² *Polska – Polacy – Mniejszości narodowe. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. T. 8. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1992. S. 114–115; Najnowsze dzieje żydów w Polsce: w zarysie (do 1950 roku). Warszawa, 1993. S. 164.*

³ *Walka kulturalna // Mały dziennik. 1939. 12–13 marca.*

начальных школах в Барановичах¹. 7 июня 1935 г. антисемитская акция произошла в Гродно. В конце 1936 – начале 1937 гг. антисемитские акции затронули Виленский университет имени С. Батория. Ущемление прав студентов-евреев наблюдалось в ходе предпринимаемых попыток их унижительной дискриминации – введения своеобразного «скамеечного гетто» (последних рядов в учебных аудиториях). Один из еврейских погромов, который имел сильный резонанс во всей Польше и за рубежом, состоялся в Бресте 13 мая 1937 г. Вместе с тем местная еврейская общественность боялась дальнейших антисемитских акций, которые могли лишить еврейских торговцев значительной части клиентов-христиан². В октябре 1937 г. в Бресте в забастовке протеста против дискриминации евреев-студентов в польских ВУЗах участвовало только 7 еврейских промышленных предприятий (500 рабочих), несколько магазинов. Большинство местных еврейских предпринимателей опасалось, что данная акция протеста только навредит и усилит антисемитские настроения в городе³. Летом 1937 г. было зафиксировано усиление антисемитских настроений в Новогрудском воеводстве⁴. В сентябре 1937 г. в Гродно местные структуры польских правых партий развернули активную антисемитскую пропагандистскую кампанию⁵.

В католической прессе, изданиях эндеков евреев обвиняли в деморализации общественной жизни. Абсолютное большинство выдвинутых претензий являлось необоснованным, надуманным и даже абсурдным. Примас римско-католической церкви, кардинал А. Гленд в пастырском обращении 29 февраля 1936 г. осудил физическое насилие, однако все же признал в качестве исключения наличие добросовестных верующих евреев, предлагал отделить иудеев от христиан во всех сферах общественной жизни. В частности, он отмечал: «Надо закрываться от вредного морального влияния, т.е. бойкотировать еврейскую прессу и еврейские деморализаторские издания, но нельзя нападать на евреев, бить их, наносить увечья, унижать. В еврее также надо уважать человека и ближнего...»⁶. Это пастырское обращение вызвало острую критику в периодической печати, особенно в еврейских изданиях.

¹ Żydzi: zajęcia antyżydowskie // Sprawy narodowościowe. 1931. № 6. S. 646–647.

² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1196. Л. 65.

³ Там же. Л. 70.

⁴ Там же. Д. 1243. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 1174. Л. 48об.

⁶ Modras R. E. Kościół Katolicki i antysemityzm w Polsce w latach 1933–1939. Kraków, 2004. S. 339–340.

Проекты лишения евреев гражданских прав, разработанные во второй половине 1930-х годов праворадикальными, шовинистическими польскими силами, не были приняты польским руководством, только отдельные ограничительные предложения были одобрены сеймом. В 1938 г. МВД Польши оценивало евреев в качестве опасного национального меньшинства для интересов Польского государства.

В отличие от сельской местности, в городах и местечках экономические позиции принадлежали евреям. Например, в Полесском воеводстве в 1939 г. еврейских собственников в промышленности было 59,6 %, в торговле – 70,9 %, в ремесле – 76,1 %. Польское присутствие составляло там соответственно 23,7 %, 16,1 % и 9,8 %. Местные полешуки также имели слабые позиции – соответственно 15,7 %, 12,7 % и 13,9 %¹. Из 24 229 объектов городской недвижимости в Полесском воеводстве в 1939 г. 16,3 % принадлежало полякам, 6,2 % – евреям, 36,2 % – «тутейшим»². Другие пропорции были в Виленском воеводстве – в 1939 г. во владении материальными ценностями там господствовали поляки³. При этом воеводское управление считало, что «ликвидация еврейского элемента в городах положительно изменит их национальную структуру, создаст для поляков новые сферы занятости, т.е. укрепит польское влияние, ослабит там социальное напряжение, будет способствовать исчезновению безработицы»⁴. Белостокский воевода Г. Осташевский признавал невозможным решение еврейской проблемы в рамках одного или нескольких воеводств. Предлагалось проводить политику в отношении евреев так, чтобы «еврейскую массу и особенно молодое поколение убедить в том, что добровольная эмиграция евреев из Польши – это историческая необходимость». Г. Осташевский предлагал МВД Польши запретить евреям приобретать недвижимость в городах и деревнях; путем ограничений добиться присутствия евреев во всех сферах в соответствии с их долей среди общего количества населения; распустить все еврейские общественные организации, руководящие органы которых находились за рубежом; ограничить деятельность еврейские общины исключительно религиозными вопросами и др.⁵

Евреи не смогли избежать частичной полонизации и культурно-языковой ассимиляции, однако эти процессы у них не имели таких угрожающих

¹ Polski stan posiadania na Polesiu. S. 56.

² Ibidem. S 63.

³ ГАБЮ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 52.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 1574. Л. 142–144.

масштабов, как у белорусов. Процессы аккультурации были характерны для еврейской интеллигенции, которая частично интегрировалась в польскую культуру, науку, образование, активно использовала польский язык. В целом, тенденция сохранения собственных этнокультурных и конфессиональных ценностей занимала доминирующие позиции у евреев, хотя часть из них подверглась культурно-языковой ассимиляции.

Оценивая в целом этнополитические отношения в Западной Белоруссии, следует признать, что так и не удалось преодолеть конфронтационного характера во взаимоотношениях поляков (титularного этноса в Польском государстве, однако находящегося в западнобелорусских землях в численном меньшинстве) и белорусов (коренного большинства населения). Полонизация как процесс распространения польской культуры имела принудительные формы. При усилении антагонистических противоречий в белорусско-польских взаимоотношениях возможности добровольной ассимиляции белорусов были исключены. Ассимиляция являлась стратегическим направлением правительственной национальной и конфессиональной политики, которая получила идеологическое оформление в форме политики национальной и государственной ассимиляции, а также являлась средством интеграции различных регионов в составе Польского государства, которая осуществлялась согласно инкорпорационной концепции.

Планы правительственных кругов, местной администрации относительно усиления полонизации белорусского населения во второй половине 1930-х годов частично или почти полностью соответствовали идеологическим установкам оппозиционной партии эндеков по вопросам национальной политики. Так как колонизация из-за значительных социальных и других расходов не обеспечила существенного преимущества поляков среди населения западнобелорусских земель, предполагалось добиться цели путем ассимиляции белорусов. Инициаторами жестких мер в решении национального вопроса выступали военные круги, позиции которых существенно усилились в Польском государстве с середины 1930-х годов. Административно-репрессивные действия польских властей оказывали дестабилизирующее влияние и еще больше обостряли напряженную этнокультурную ситуацию в западнобелорусских землях накануне сентября 1939 г. При разработке планов полонизации Полесья учитывался не только этноконфессиональный состав населения, но и нерешенность аграрного вопроса, слабая степень урбанизации, высокий уровень неграмотности, слабость социально-культурной инфраструктуры и другие проблемы. При сохранении и укреплении роли государственных и других

общественных институтов Польши, при создании благоприятных условий в ходе претворения в жизнь прогрессивных мероприятий в хозяйственной, социально-культурной сферах Западной Белоруссии ассимиляция белорусов могла иметь реальные трагические последствия, приобрести необратимый и этноразрушительный характер. К 1939 г. уже отсутствовали организованные общественно-политические структуры, однако белорусское население все же смогло сохранить на обыденном уровне этноконфессиональные традиции, язык, способность к противодействию полонизации. Можно утверждать, что в тех сложных условиях, когда нависла реальная угроза для самостоятельного существования западных белорусов как одной из частей разъединенной белорусской нации, были задействованы все мобилизационные ресурсы для их этнокультурного сохранения.

**КАРПАТСКАЯ УКРАИНА В 1939 ГОДУ КАК ОДНА
ИЗ «РАЗМЕННЫХ МОНЕТ» МЮНХЕНСКОГО ДОГОВОРА**

Закарпатье в Украине издревле называют Серебряной Землей. Ее территорию составляет полоса украинских этнических земель на восток от Карпатских гор, а в народной памяти о временах Киевской Руси и Галицко-Волынского государства она также долгое время сохраняла название Подкарпатской Руси. В составе Австро-Венгерской империи это был довольно отсталый регион, однако «весна народов», а потом и недолгое временное восстановление украинской государственности (Украинской Народной Республики, Украинской Державы и Западноукраинской Народной Республики) привели к стремлению украинцев-русинов Закарпатья к воссоединению с Великой Украиной. Короткое существование Гуцульской Республики также стало ярким свидетельством стремления к национально-государственному возрождению украинцев карпатского региона.

Однако решением Сен-Жерменского мирного договора в 1919 г. украинское Закарпатье вошло в состав Чехословацкой Республики (ЧСР) под названием Подкарпатская Русь. Непосредственно Закарпатье касался параграф 53 договора в Сен-Жермене, где говорилось: «Австрия признает, как это уже сделали Союзные и Объединившиеся Державы, полную независимость Чехословацкого Государства, которое включит в себя автономную территорию Русин к югу от Карпат»¹. Чехословацкая власть в свою очередь оформила этот параграф в «Генеральном уставе для организации Подкарпатской Руси». В частности там говорилось: «1. Чехословацкая Республика обязуется обустроить русинскую территорию южнее от Карпат в границах, определенных главными союзными и связанными державами, как автономную часть Чехословацкого государства, и наделить ее широчайшим самоуправлением, какое только соотносится с единством Чехословацкого государства.

2. Территория русинов южнее от Карпат будет иметь свой собственный сейм. Этот сейм будет иметь законодательную власть во всех языковых, образовательных и религиозных вопросах, в делах местной администрации и в вопросах, в которых его уполномочивают законы Чехословацкой Республики. Губернатор территории русинов, который будет назначен

¹Сен-Жерменский мирный договор // Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. Т. II. М., 1925. С. 26.

президентом Чехословацкой Республики, будет подотчетен русинскому сейму.

3. Чехословацкая Республика соглашается с тем, что чиновники Русинии были по возможности избираемы из жителей этой территории.

4. Чехословацкая Республика гарантирует территории русинов представительство в законодательном собрании республики, в которое она направит депутатов, избранных в соответствии с конституцией Чехословацкой Республики. Однако эти депутаты не будут иметь права голоса в чехословацком парламенте по тем законодательным вопросам, которые относятся к компетенции русинского сейма»¹.

Далее уставом определялись границы Закарпатья: «В связи с тем, что часть русинского народа образует на словацкой территории, определенной Мирной конференцией, меньшинство, чехословацкое правительство рекомендовало представителям обоих народов, чтобы они договорились о возможном присоединении части связанной русинской территории к автономной русинской территории»².

Формальное вхождение Закарпатья в состав Чехословацкой республики было оформлено в Праге подписью украинской делегации в составе ста человек во главе с А. Волошиным³.

В соответствии с чехословацкой статистикой 1930 г. на территории Подкарпатской Руси проживало 549 тыс. местного украинского населения, из которого около 80 % непосредственно в Закарпатье и еще 15 % — на Пряшевщине (в Словакии)⁴. Кроме того, в самой Праге имелась многочисленная и активная украинская диаспора, которая состояла из эмигрантов центральной и западной Украины. В то время в самом Закарпатье действовали две главные силы — так называемые москвофилы в союзе с мадярыонами (т.е. — венгрофилами, лидер — А. Бродий) и украинский национальный политический лагерь (лидер — А. Волошин), который постепенно брал верх в общественной жизни региона.

Чехословакия долгое время оттягивала выполнение собственных обязательств, однако под давлением активизировавшегося украинского национального движения в начале 30-х годов XX в. вынуждена была приступить к воплощению в жизнь плана автономии для Закарпатья.

¹Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Uzhorod, 2008. S. 12–13.

²Ibidem. S. 13.

³Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО України). Ф. 4465. Оп. 1. Спр. 204. Арк. 36.

⁴Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. К., 1996. С. 187.

В определенной мере этому способствовала и международная обстановка, которая становилась все более угрожающей для государственного единства Чехословакии, и невыполнение ею Сен-Жерменских договоренностей могло стать поводом для эскалации «чехословацкого вопроса» со стороны соседних стран (Польши, Венгрии и, в первую очередь, Германии), имевших к ЧСР территориальные претензии.

Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе бывший консул США в Берлине Д. Мессерсмит, он уже давно знал, что «фон Папен в Вене и его коллега фон Макензен в Будапеште уже в 1935 г. открыто пропагандировали идеи полного расчленения и окончательного присоединения Чехословакии»¹. В 1936 г. это предлагали и венгерский посол в Германии Д. Стояни и премьер-министр Пруссии Г. Геринг². Кроме того, в этом направлении усиленно работал и Абвер³. Подобные планы А. Гитлера поддерживала и Италия, а дуче фашистов Б. Муссолини даже заявил в преддверии Мюнхенской конференции о разделе этой страны как о свершившемся факте, указав, что если Чехословакия оказалась в таковой деликатной ситуации, так это только потому, что она была не просто Чехословакией, а «Чехо-немецко-польско-венгерско-карпато-украино-Словакией»⁴.

Зная о стремлении Венгрии захватить Закарпатье, руководители Рейха давали ей понять, что не только не будут противиться этому, но и поспособствуют агрессии. Так, например, Г. Геринг заявлял, что венгры должны удовлетвориться экспансией лишь в направлении отторжения венгерских территорий (читай – Закарпатье от Чехословакии), а А. Гитлер убеждал Будапешт не распылять свою политическую силу, а направить ее в сторону Чехословакии⁵. 30 мая 1938 г. фюрер в директиве о подготовке агрессии (согласно плану «Грюн») указывал, что с ее началом уже в первые 2–3 дня может быть создана такая ситуация, которая выявит всю бесперспективность чешского военного положения, а это станет стимулом для немедленного нападения на Чехословакию для тех государств, которые имеют к ней территориальные претензии. Далее А. Гитлер прямо указал, что следует рассчитывать на выступление Польши и Венгрии⁶.

¹ Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы по истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 48

² Там же. С. 53.

³ Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего Рейха. Ростов-на-Дону, 1999. С. 58–61.

⁴ Хибберт К. Бенито Муссолини. Ростов-на-Дону, 1998. С. 149.

⁵ Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы... С. 64, 67.

⁶ Там же. С. 97.

Следует, однако, заметить, что осенью 1938 г. шеф Абвера В. Канарис, который, как и начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер, был против разрешения чехословацкого вопроса силовыми методами, вместе с полковником Генштаба Типпельскирхом нанес визит в Будапешт, где предостерегал Венгрию от участия в ликвидации Чехословакии вооруженным путем (т.е. от агрессии против Карпатской Украины). Однако венгерское руководство, зная о решительной позиции А. Гитлера, не учло этого предостережения. При этом необходимо упомянуть и известную позицию Франции и Великобритании относительно попустительской (если не потворствующей) позиции экспансионистским планам Германии. Так, например, позиция Н. Чемберлена, который дважды перед Мюнхенской конференцией встречался с А. Гитлером, как известно, фактически давала добро на раздел Чехословакии и, таким образом, вселяла надежды на успех венгерской экспансии относительно украинского Закарпатья.

28 сентября 1938 г. Н. Чемберлен был вынужден прервать свою речь в парламенте о чешском кризисе в связи с вручением ему телеграммы от А. Гитлера, в которой последний уведомлял британского премьера о созыве конференции четырех государств 29 сентября в Мюнхене.

Со своей стороны зондировать почву для раздела Чехословакии продолжали Венгрия и Польша. Польское агентство ПАТ, например, заявило, что «дело ЧСР может быть разрешено лишь таким образом, что Германия, Венгрия и Польша получают те территории, на которые имеют историческое право. Также дела Словакии и Закарпатья должны быть решены. Из оставшейся ЧСР нужно создать "нейтральное" государство, в котором должны быть абсолютно исключены большевистские влияния»¹. А «Gazeta Polska» предлагала Словакии, воспользовавшись правом самоопределения, стать независимым государством или, утратив в пользу Венгрии южную часть своей территории, в уменьшенном виде остаться в союзе с чехами «еще под большим давлением». Но наилучшим выходом для словаков ведущая польская газета считала вхождение их в федерацию с венграми². Что касается Подкарпатской Руси (Карпатской Украины), то ПАТ требовало присоединения этой территории к Венгрии, мотивируя подобную аннексию так: «Польша и Венгрия будут иметь общие границы и таким образом ликвидируется тот коридор (Закарпатье), который дает чехам возможность связи с большевиками. Если Карпатская

¹Polska Agencja "PAT" (Warszawa). 1938. 25 сентября.

²Gazeta Polska (Warszawa). 1938. 26 сентября.

Украина будет присоединена к Венгрии, этот коридор к СССР исчезнет, чем усилит охрану для средней Европы»¹.

Как известно, в Мюнхенской конференции приняли участие представители Германии, Италии, Франции и Великобритании. В основу разрешения чехословацкого вопроса был заложен этнографический принцип. В соответствии с ним Германия получала судетские земли. Что касается Венгрии и Польши, то британское предложение состояло в том, чтобы дать возможность заинтересованным государствам решить вопрос полюбовно в течение трех месяцев. После улаживания этих вопросов, Германия и Италия проявили готовность предоставить Чехословакии свои гарантии для их границ.

Однако уже 30 сентября 1938 г. варшавское радио по поводу польских претензий к ЧСР заявило: «Польша не признает трехмесячного срока для согласования ее дел. Польша имеет полную свободу разрешить этот вопрос сама. Германия и Италия отнеслись к этому с пониманием. Польское правительство не ожидает, чтобы какая либо другая сила разрешала то, что оно само может сделать». В тот же день Варшава направила в Прагу ультиматум с уведомлением, что 2 октября она займет «польские земли» (окраины Тешина). Правительство ЧСР было вынуждено принять этот ультиматум².

Заметим, что напрямую вопрос о судьбе Закарпатья не рассматривался в Мюнхене, но его подтекст непрямо указывал на потакание Венгрии. Хотя в дополнении к соглашению, подписанному в Мюнхене между Германией, Великобританией, Францией и Италией от 29 сентября 1938 г. указывалось, что, как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны выдадут ей гарантии, далее там же выдвигался мизерный срок в три месяца³. Как воспринимались такие условия Венгрией, видно из последовавшей с ее стороны реакции. 1 октября регент М. Хорти в письме к А. Гитлеру высказал свое удовлетворение решением в Мюнхене, а его посол в Варшаве А. Хори заявил, что Венгрия в случае распада ЧСР претендует на «исторические границы», и что Будапешт считает это вопрос уже решенным делом⁴.

Официальная Варшава поддержала венгерские претензии. Вся правительственная польская пресса выступила за аннексию Закарпатья

¹ Polska Agencja "PAT" (Warszawa). 1938. 25 сентября.

² Нова свобода. 1938. 4 октября.

³ Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. С. 159–160.

⁴ Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы... С. 108.

и присоединение его к Венгрии. Еще до начала Мюнхенской конференции поляки добивались присоединения Закарпатья к Венгрии, мотивируя это тем, что на территории Карпатской Украины якобы имеются большевистские базы, которые представляют большую опасность для Европы. Однако после смены политического курса руководства ЧСР такие утверждения стали очевидным вымыслом. Тогда Польша вынуждена была указать на истинную причину своей поддержки экспансионистских планов Венгрии, а именно – на украинскую угрозу, т.е. на то, что Подкарпатская Русь (Закарпатье – Карпатская Украина) является Пьемонтом для возрождения украинской государственности.

Львовское польское издание «Век Нови» 11 октября 1938 г. откровенно изложило смысл позиции Варшавы. «В венгерских претензиях к Чехословакии, – писало оно, – есть одна вещь большого политического веса – это Подкарпатская Русь. Эта страна имеет ключевую позицию в средней и восточной Европе. Польскую Силезию даже не сравнить с ней. Эта страна обозначала для чехов соединение с СССР. В случае его развала и создания украинского государства, чехи сделали бы немедленный разворот в своей национальной политике, проведя украинизацию Руси. Вместо Москвы, чешские пути вели бы к Киеву. Наша Галиция оказалась бы тогда между двух огней! ...Когда сегодня украинцы выдвигают требования к самоопределению Руси, когда они говорят о независимости, или хотя бы об автономии, – хотя эти требования с позиции украинцев логичны, то польский интерес должен здесь поставить твердое нет!»¹.

Следует заметить, что на тот момент (сразу после отторжения от Чехии судетских земель) позиции Германии относительно Карпатской Украины и Словакии отличались от устремлений как Польши, так и Венгрии. Так, например, 7 октября 1938 г. министр иностранных дел Германии разослал инструкции во все иностранные представительства Рейха, которыми те должны были руководствоваться в своей деятельности. В них, в частности, указывалось:

«1. Дружественные отношения с Прагой. 2. Поддержка венгерских требований в выравнивании венгерских территорий путем непосредственных переговоров. 3. Поддержка словацких Жилинских требований. 4. *Мы относимся сдержанно к Карпатской Украине. Общую венгерско-польскую границу не поддерживаем, но не выступаем активно против польско-венгерских устремлений* (курсив мой. – П. Г.-Н.).

¹Век Нови (Львов). 1938. 11 октября.

5. Доверительно поддерживаем словаков в деле Братиславы. 6. На сегодня нашим лозунгом является самоопределение»¹.

Кризис в ЧСР, территориальные претензии соседних государств и активизация украинских политиков в Закарпатье привели к широкому международному резонансу. Этому способствовали также и сами украинские лидеры Закарпатья. Когда в начале октября 1938 г. возникла опасность оккупации Карпатской Украины венгерскими войсками, специальная делегация украинцев в Праге 9 октября обратилась к государствам-гарантам Мюнхенского соглашения (Великобритании, Франции, Германии, Италии и Чехословакии) с телеграммой, в которой указывалось: «Украинская делегация т.н. Подкарпатской Руси ставит Вас в известность о следующем: пражское правительство и далее пренебрегает выявлением воли украинского населения к самоопределению. Тем временем польские и венгерские власти намерены аннексировать страну венгерскими войсками. Это вызывает у украинского населения большое беспокойство и опасность кровавого восстания. Подавая протест против любого выступления венгерской армии, просим посредством присылки международных подразделений дать возможность украинскому народу Подкарпатья воплотить свободное проявление его воли»².

На следующий день, 10 октября, украинцы вновь обратились к государствам-гарантам. В своей телеграмме к ним делегация Карпатской Украины в отчаянии заявляла: «В виду слухов о польско-венгерском плане военного занятия Закарпатья доводим до Вашего сведения, что украинцы в Закарпатье и за его границами готовы к крайнему отпору против попыток лишить их человеческих прав самим решать свою судьбу. Просим Вас прислать международную делегацию на Закарпатье, чтобы обеспечить порядок, и разрешить формирование на Вашей территории украинских легионов. Верим, что Вы, как гаранты европейского правового порядка, будете готовы применить все необходимые меры, чтобы обезопасить Европу от политического бандитизма»³.

Между тем в 1938 г. перед общей угрозой активизировались и украинцы Закарпатья. Еще 31 мая 1938 г. состоялось общее совещание москвофилов и украинофилов, и к началу октября, после еще нескольких таких совещаний, им удалось согласовать свои позиции. Результатом стала общая декларация по поводу украинской автономии, которая была вручена

¹ Химинець Ю. Мої спостереження Закарпаття. Спогади. New York, 1984.

² Turnwald W. K. Renascence or Decline of Central Europe? Munich, 1954.

³ Архив Делегації Карпатської України. Відень, 1938. Док. 1–2.

чешскому правительству. Это было важным фактором давления на Прагу, ибо до этого момента чехи отказывались идти на переговоры с украинцами, мотивируя их разрозненностью.

Тогда же была достигнута договоренность о составе будущего автономного украинского правительства, была создана Народная рада (Народный совет) Подкарпатской Руси, в состав которой вошли практически все основные политические силы страны. Против автономии выступила лишь Коммунистическая партия. Первое автономное правительство в составе из 6 человек возглавил лидер мадяронско-москофильского лагеря А. Бродий, а лидер украинофилов А. Волошин стал государственным секретарем. В общем, портфели были поделены так: четверо представителей москофильского направления и двое – украинского.

5 октября в отставку подал президент ЧСР Э. Бенеш. Этим немедленно воспользовались словацкие и украинские автономисты. 7 октября правительство Словакии провозгласило автономию своей страны. Целый день 9 октября украинцы вели телефонные переговоры с Прагой об утверждении автономного правительства для Закарпатья. В Праге же под различными предлогами тянули время, и 10 октября все члены украинского правительства вылетели в столицу ЧСР. Вечером того же дня пражское радио оповестило, что Чехословацкая республика превратилась в федерацию трех государств: чехов, словаков и украинцев. Тем не менее, украинское правительство так и не было утверждено. Как выяснилось, этому противились не только некоторые чешские партии, но и лидер СССР И. Сталин, который лично обратил внимание правительства ЧСР на недопустимость предоставления украинцам Закарпатья политических и национальных прав. Тогда 11 октября делегация Украинской национальной рады по телефону выдвинула пражскому правительству ультиматум: если до 14.00 украинское автономное правительство не будет утверждено, она прервет переговоры. Это возымело эффект, и в тот же день была провозглашена автономия Подкарпатской Руси.

Автономное правительство А. Бродия просуществовало всего 15 дней (от 11 до 26 октября 1938 г.) и провело три заседания. Основной задачей было установление границ со Словакией и присоединение восточнословацких районов (Пряшевщины), которые были населены украинцами-русинами. Первое заседание правительство состоялось в Ужгороде 15 октября.

16 октября канцлеру Германии А. Гитлеру, всем министрам и партийным лидерам Германии был выслан меморандум о самоопределении Закарпатья. В нем приводилось этнографическое и историческое обоснование украинских

прав на Закарпатье, критиковались чешский режим и польско-венгерская политика в отношении Закарпатья, а также выражалось стремление (на основе права самоопределения) добиться полной государственной независимости Карпатской Украины и обеспечения гарантии ее границ.

На втором заседании (18 октября), помимо внутренних организационных проблем, обсуждались международные вопросы, в частности, о переговорах со Словакией относительно Пряшевщины, границах, репрессиях по отношению к украинским политическим группам, борьбе с террористическими польскими и венгерскими отрядами, переговорах с Прагой, а также сотрудничестве с Германией. На третьем заседании (22–23 октября) в центре внимания были вопросы границ, позиция по этой проблеме Германии, сохранение единства страны и способы противодействия территориальным претензиям Венгрии. Решение о территориальной целостности Подкарпатской Руси (по принципу плебисцита) было передано правительству ЧСР и всем большим западным державам, что, следует заметить, противоречило конституционным нормам ЧСР.

Однако вскоре стало известно, что А. Бродий и его правая рука в правительстве С. Фенцик подпольно проводили провенгерскую политику, и министры автономного правительства Подкарпатской Руси Е. Бачинский и Ю. Ревай, протестуя против бездеятельности спецслужб ЧСР, подали в отставку. Впрочем, федеральное правительство ЧСР их отставку не приняло и в тот же день, 26 октября 1938 г., после решения соответствующих юридических инстанций, сняло с должности А. Бродия, который был тот час же арестован в Праге за государственную измену. Он был уличен в связях с вражескими ЧСР элементами и профашистской деятельности в пользу Венгрии, агентом которой он был длительное время под псевдонимом «Берталон». Его подельник С. Фенцик укрылся в польском посольстве в Праге, а потом перебрался в Венгрию.

26 октября 1938 г. новым премьер-министром Подкарпатской Руси правительство ЧСР утвердило лидера украинского лагеря в Закарпатье Августина Волошина. Новое правительство начало проводить украинскую политику, что вызвало массовую поддержку не только населения Закарпатья, но и Галиции, жители которой провели многолюдные демонстрации солидарности с правительством А. Волошина во Львове, Станиславе, Коломые и других городах.

Тогда же (в октябре 1938 г.) глава заграничной делегации Карпатской Украины Ю. Хымынец и полковник М. Колодзинский-Гузар в Берлине навестили японское посольство, где представили вышеуказанный

меморандум. Они просили помощи у Японии и пригласили представителя посольства навестить Карпатскую Украину. 15 декабря в сопровождении Ю. Хымынца и полковника Ярого японец прибыл в Хуст¹.

Непосредственные же переговоры о границах между представителями Карпатской Украины (министр Е. Бачинский) и Венгрией, проходившие в Комарно при посредничестве И. Риббентропа, были прерваны из-за неуступчивости обеих сторон. После этого министр иностранных дел Германии созвал на совет в Мюнхене представителей Словакии (премьера Й. Тисо и его заместителя Ф. Дюрчанского) и Карпатской Украины (министра Е. Бачинского). Эта встреча вселила в украинцев надежду на заступничество Германии. Однако и переговоры трех участников (Карпатская Украина и Словакия – с одной стороны, Венгрия – с другой) не имели успеха. Тогда все участники дали согласие на разрешение спорных вопросов арбитражной комиссией в Вене, которая состояла из представителей Германии, Италии и ЧСР. Представители Словакии и Карпатской Украины были ее неофициальными членами.

1 ноября в Вену на арбитраж приехал А. Волошин (вместе с ним также Ю. Брацайко, М. Долинай, С. Клочурак, Ю. Гуснай и И. Рогач). В тот же день украинский премьер-министр дал десять интервью иностранным журналистам. Перед открытием работы арбитражной комиссии 2 ноября 1938 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заявил, что ее задачей является окончательное установление границы между Венгрией и ЧСР по этнографическому принципу, а принятое арбитражем решение будет обязательным и окончательным как для Венгрии, так и для Чехо-Словацкой Республики². В итоге на арбитраже было решено передать Венгрии южные районы Словакии и Карпатской Украины (с городами Ужгород, Мукачево и Берегово). 3 ноября правительство Подкарпатской Руси объявило, что отныне страна будет называться Карпатской Украиной, а ее столица переносится из Ужгорода в Хуст. Правительство также заявило о результатах Венского арбитража: «Отторжение исконных наших городов Ужгорода и Мукачева от Карпатской Украины – это израненность нашей Родины. Но в этот важный момент помним о том, что ценой этой нашей раны достигнута украинская государственная самостоятельность. Этот тяжелый удар, который постиг нас, не поколеблет нашей воли исполнить то великое задание, которое поставила перед нами история»³.

¹ См.: *Химинець Ю.* Указ. соч.

² Так называлась Чехословакия после предоставления автономии Словакии и Подкарпатской Руси.

³ ЦДАВО України. Ф. 4465. Оп. 1. Спр. 126. Арк.39.

Обращаясь к народу, А. Волошин от имени правительства также отметил: «Между Вами ходят агенты чужих интересов, которые запугивают Вас, что мы на нашей урезанной земле не сможем жить, ибо не будет с чего жить и на чем работать. Однако такое утверждать может лишь Ваш враг, который хотел бы подчинить всю нашу землю господству тех фальшивых “приятелей”, забравших сегодня наши прадедовские города, хотя им те города не нужны, не принесут им никакой пользы... Наше самостоятельное государство дает нам не только культурную и политическую свободу, но и обеспечивает также для всех нас хлеб и работу. Уже в этом году приступим к строительству новых шоссе и железных дорог. Призываем Вас всех, сознательных Братьев и Сестер, чтобы Вы в началах нашей самостоятельности показали себя достойными свободы и помогли Власти в построении нашего государства.

Пусть исчезнут всяческие религиозные, языковые и классовые споры, которые до сегодняшнего дня вызывали между нами враги нашего народа.

Единство нашего народа, спокойствие и порядок станут самым надежным залогом быстрого развития нашего государства.

История признает правду за теми, кто умеет за нее постоять. Поэтому стоим и мы за свою правду. Для всех наших дальнейших действий, которые мы предпримем в исполнении наших обязательств, ожидаем твердой моральной опоры населения Карпатской Украины и всего Украинского Народа¹.

Украинская делегация, для которой отторжение Ужгорода и Мукачева с окраинами стало тяжелым ударом, уже 3 ноября распространила декларацию, в которой говорилось: «Делегация Карпатской Украины с наибольшим огорчением узнала о решении разъединительной комиссии по делу границ Карпатской Украины в Вене от дня 2 ноября 1938 г. Утверждаем, что передача Венгрии Ужгорода и Мукачева с украинскими окраинами, как также и других украинских сел в других округах, не отвечает этнографическим принципам, легших в основу политики, что была начата после Мюнхенской конференции. Делегация утверждает, что это решение противоречит справедливым интересам Карпатской Украины»². С протестом от имени Объединения украинских организаций Америки выступил и его делегат в Европе Л. Мышуга, который был уполномочен заявить, что решение арбитража «является оскорблением для Карпатской

¹ Там же.

² *Seton-Watson R. W. Masaryk in England*. New York, 1943.

Украины и для всего украинского народа» и в связи с этим «американские украинцы этого решения не признают и против него протестуют»¹.

Тем не менее, власти Карпатской Украины подчинились решению Венского арбитража. В срочном порядке все правительственные учреждения были перенесены в г. Хуст, который стал новой столицей Карпатской Украины. Само правительство было реформировано и сокращено до четырех министерств. Была создана Служба безопасности, управление полиции, начался процесс создания армии, в основу которой легла добровольческая организация «Карпатская сечь», активизировалось разрешение земельных, социальных, культурных вопросов и т.д. 30 декабря правительство А. Волошина официально утвердило название украинской автономии – Карпатская Украина.

Несмотря на то, что решение Венского арбитража было обязательным как для Карпатской Украины, так и для Венгрии, Варшава и Будапешт считали его лишь первым шагом к ликвидации украинской проблемы. Уже 20 ноября 1938 г. польское официальное агентство ПАТ, ссылаясь на венгерские источники, заявило: «Карпатская Украина стоит в преддверии переворота. Часть Украинской народной рады в Хусте обратилась к венгерскому правительству по поводу интервенции, дабы положить конец господствующему хаосу и террору. Венгерское правительство еще не приняло соответствующее решение. Развитие событий в Карпатской Украине достигло такого напряжения, что соседние государства не могут спокойно и безразлично взирать на это. Правительство Волошина, утратив всякий авторитет, не может совладать с господствующим хаосом края»². Все это было откровенной и неприкрытой ложью и провокацией.

Уже на следующий день Народная рада Карпатской Украины в ответ выдала официальное заявление: «Официальные правительственные венгерские лица в день 20 ноября 1938 г. огласили через радиogramмы и перед представителями некоторых государств, будто бы Первая Украинская народная рада обратилась к венгерскому правительству, чтобы оно присоединило к Венгрии Карпатскую Украину. При этом венгры показывают какие то письма, будто бы присланные с нашей стороны, о принятии нашей страны в венгерское государство.

Этим оглашаем перед всем миром, подаем к сведению всем представителям государств, всем органам прессы и всем честным людям, что венгерские официальные круги пользуются средствами подлога и мистификации, ибо

¹Свобода (Джерси Сити). 1938. 5 ноября.

²Польское агенство "ПАТ". 1938. 20 ноября.

ни Первая Центральная народная рада, ни другие представители народа Карпатской Украины, к Венгрии по поводу опеки над нашей страной не обращались и не будут обращаться.

Низменные способы коварства и мистификации, применяемые ответственными кругами Венгрии, свидетельствуют о том, что они имеют намерение обмануть и провести представителей других государств и таким способом повлиять на изменение постановлений арбитров, которые приняли великие государства в день 2 ноября 1938 г. в Вене.

Призываем всех людей доброй воли не верить сплошь ложной и позорной клевете венгерской пропаганды, венгерским органам прессы и венгерскому радиовещанию, которые обманом и мистификацией пытаются повлиять на международное мнение, дабы таким способом оправдать свои захватнические намерения.

Все органы прессы, стоящие на объективной позиции относительно Карпатской Украины и ее народа, просим перепечатать это наше уведомление и в дальнейшем пользоваться объективными источниками в получении информации о жизни и труде нашего народа и нашего государства¹.

Активизация внешней и внутренней политики Карпатской Украины вызвала беспокойство ее соседей. 3 декабря председатель польского Сейма заявил, что целью польской политики является помочь Венгрии заполучить Карпатскую Украину и таким образом создать общую границу. Такие же намерения временно объединили с польской и советскую сторону. 16 декабря 1938 г. польский посол в Праге передал чешскому министру иностранных дел Хвальковскому протест по поводу процессов на территории ЧСР, а собственно в Карпатской Украине и, в частности, относительно формирования Карпатской сечи. Вскоре подобный протест правительству ЧСР подал и советский посол в Праге. Польский и советский послы в Париже также предприняли ряд дипломатических запросов и акций с целью нейтрализовать «украинскую угрозу» и заручиться невмешательством Франции в процессы в Центральной Европе.

Ответом на польский протест от 16 декабря стало интервью украинского министра Ю. Ревая, которое он дал в Хусте краковскому изданию «*Ilustrowany Kurjer*». Ю. Ревай категорически опроверг информацию о том, что якобы на территории Карпатской Украины проводится антипольская пропаганда и что готовятся планы воссоздания Великой Украины. «Небольшой край с 660 000 жителями, — сказал он, — не может себе

¹ Нова Свобода. 1938. 22 ноября.

позволить вести антипольскую политику»¹. О «Карпатской сечи» он сказал, что это лишь военное воспитание молодежи. «Карпатская сечь» в любом случае не образовалась для того, чтобы провоцировать польский народ².

В то же время правительство Карпатской Украины назначило на 12 февраля 1939 г. выборы в первый Сойм (парламент) Карпатской Украины. На выборах уверенно победило Украинское национальное объединение (УНО) – коалиции всех украинских партий Закарпатья. За список УНО проголосовало 92,4 % избирателей. Государственным и правительственным языком стал украинский язык³.

Вместе с тем, осознавая шаткость позиций Карпатской Украины на международной арене, руководство страны сделало попытку заручиться поддержкой Германии. 8 января 1939 г. в Берлин прибыл представитель украинского премьер-министра с целью организовать личную встречу А. Волошина с А. Гитлером, однако эта попытка не имела успеха. Очевидно, в Германии уже тогда судьба ЧСР и Карпатской Украины была предрешена.

4 марта в столицу Германии приехала делегация правительства Карпатской Украины для переговоров по хозяйственным вопросам. Вскоре, 9 марта 1939 г., через агентуру ОУН в Берлине представитель А. Волошина узнал, что германские высокопоставленные военные (в частности, подполковник К. Грабе) заявили о готовящихся Рейхом больших изменениях в Чехо-Словакии. Еще 5 января 1939 г. на встрече А. Гитлера с польскими представителями во главе с Ю. Декон диктатор Германии дал понять полякам, что он не заинтересован в сохранении Карпатской Украины. Днем позже это подтвердил Ю. Беку и И. Риббентроп, который разослал также во все немецкие заграничные миссии инструкцию о том, как они должны реагировать на статьи мировой прессы о Карпатской Украине и участии в этом Германии. Другими словами, Германия не была заинтересована в украинской государственности⁴.

Такая позиция была обусловлена и уступкой Советскому Союзу, ибо, стремясь сблизиться с СССР, в 1939 г. А. Гитлер учитывал негативное отношение Москвы к украинской государственности в любой ее форме. Посыл в отношении этого вопроса был дан Германии И. Сталиным на XVIII съезде партии, когда советский вождь заявил, что характерным является крик, учиненный вокруг Советской Украины англо-французской и североамериканской прессой, которая утверждает, что Германия готовится

¹Osteuropa (Königsberg, Deutschland). 1938. December.

²Ibidem.

³Государственный архив Закарпатской области. Ф.3. Оп.3. Д.127. Л.16.

⁴Клочурак С. До Волі. Нью-Йорк, 1978. С. 132.

вскоре напасть на УССР с целью присоединения ее к Карпатской Украине. И. Сталин заметил, что этот шум очень подозрителен и нацелен отравить атмосферу между СССР и Германией, а также спровоцировать конфликт Советского Союза с Германией. Советский диктатор отметил, что Запад, отдавая немцам Судеты, надеется на поход Германии на Восток, однако Германия отказывается от такого обязательства¹.

Как следствие, 12 марта 1939 г. в Берлине А. Гитлер заявил венгерскому послу, что пробил час, которого так долго ждали венгры. Фюрер велел доложить в Будапешт, что развал ЧСР уже начался и что он готов поддержать независимость Словакии, а относительно Карпатской Украины венгры имеют свободу действий². Об этом решении была уведомлена и Италия. Развал ЧСР произошел молниеносно. 14 марта Словакия провозгласила свою государственную независимость, а Чехию захватила Германия.

В тот же день, 14 марта, зная о скоплении венгерских войск на границе, А. Волошин провозгласил государственную независимость Карпатской Украины и сформировал новое правительство. После этого А. Гитлеру была отправлена телеграмма: «От имени правительства Карпатской Украины прошу Вас принять к сведению провозглашение нашей самостоятельности под охраной Немецкого Рейха. Премьер-министр доктор Волошин. Хуст»³. Тем временем отдельные подразделения венгерских войск уже перешли границу Карпатской Украины. Из Берлина ответа не было. Утром 15 марта правительство А. Волошина вновь обратилась к Берлину, на этот раз уже с прямым вопросом: отдала ли Германия Карпатскую Украину Венгрии? Ответ консул Германии в Хусте посоветовал А. Волошину «не оказывать сопротивления венгерскому вторжению, ибо немецкое правительство в данной ситуации, к сожалению, не может взять Карпатскую Украину под протекторат»⁴.

Несмотря на свою обреченность, карпатские украинцы не пошли на попятную. 15 марта 1939 г. Сойм Карпатской Украины провел свое первое заседание в Хусте. Всего в парламент Карпатской Украины 12 марта было выбрано 32 депутата. С трибуны звучали слова, в которых можно было услышать как нотки торжества и исторической важности события, так и обреченности: «Наша Земля обретает свободу, независимость и провозглашает перед всем миром, что она была, есть и хочет быть Украинской. И даже если бы нашему молодому Государству не суждено

¹ Известия. 1939. 11 марта.

² См.: Химинець Ю. Указ. соч.

³ Нариси історії Закарпаття. Ужгород, 1995. Т. II. С. 316.

⁴ Там же.

было долго жить, то наш Край останется уже навсегда Украинским, ибо нет такой силы, которая могла бы уничтожить душу, сильную волю нашего украинского народа». Открывая заседание, А. Волошин произнес: «Всевышний позволил нам, самой маленькой ветке украинского народа взять свою судьбу в свои собственные руки. Верю, что с вашей помощью наш Первый Законодательный Сойм, единогласной волей народа, данное ему право и власть, будет использовать на пользу украинской нации и всего населения Карпатской Украины... Слава Украине!». В тот же день Сойм утвердил «Конституционный Закон № 1» и «Закон № 2», которые составили Конституцию государства. Конституционный Закон № 1 утверждал государственную независимость Карпатской Украины. В соответствии с ним же президентом страны Сойм избрал А. Волошина².

В день созыва Сойма Карпатской Украины (15 марта) венгерские войска начали полномасштабное наступление вглубь ее территории. Вторжение планировалось на 12 марта, в день проведения выборов в Сойм Карпатской Украины, однако немецкое правительство посоветовало венграм быть терпеливее, указав, что своевременно сообщат в Будапешт о времени начала нападения. Очевидно, ожидался захват Германией Чехии и Моравии, а также провозглашение независимости Словакией, что и произошло 14 марта. В тот же день венгерские войска вторглись на территорию Карпатской Украины.

На борьбу с хорошо подготовленной регулярной армией агрессора стало добровольческое ополчение Карпатской сечи и отряды самообороны. Чешские войска и жандармерия не оказывали сопротивление венграм, не только не передали оружие украинцам, но и пытались разоружить Карпатскую сечь. В распоряжении сечевиков были лишь 41 винтовка и 90 револьверов с амуницией, захваченные у жандармов. Чешская армия одновременно напала на все пункты расположения Карпатской сечи: «Сечевую гостиницу», где располагалось командование Сечи, Летучую эстраду, Женскую сечь и Кош. Бои продолжались несколько часов, после чего было заключено соглашение: чехи уйдут в свои казармы, а украинцы сдадут оружие в канцелярии премьера. В этот день было убито 40 сечевиков и около 20 чешских солдат.

Одновременно карпатские украинцы, пытаясь противостоять венграм, провели с ними свыше 20 боев, наиболее ожесточенным из которых был

¹ *Рогач І. Під Прапором Державности // Карпатська Україна в боротьбі. Відень: Українська Пресова Служба, 1939. С. 109.*

² *Штефан А. Августин Волошин – президент Карпатської України. Спомини. Торонто, 1977. С. 94.*

бой на Красном Поле под Хустом. В этом неравном бою погибло свыше 200 украинских юношей. Тяжелые бои велись за столицу Карпатской Украины – город Хуст. Город Севлюш, который расположен в 25 км от столицы страны, несколько раз переходил из рук в руки. 18 марта в кровавом бою около села Воловец героически погиб последний командир Карпатской сечи полковник М. Колодзинский. Отдельные подразделения и группы продолжали борьбу до мая 1939-го, а некоторые – до января 1940 г.

После оккупации Закарпатья гитлеровскими союзниками – венграми свыше 5 тысяч украинских защитников Карпатской Украины оказались в тюрьмах Тячева, Великого Бычкова, Кривой (около Хуста) и тюрьмах на территории Венгрии. За годы венгерской оккупации в концентрационные лагеря было вывезено 183 395 человек, в основном украинцев и евреев. Около 115 000 из них были уничтожены. Президент Карпатской Украины А. Волошин и правительство были вынуждены эмигрировать.

Фактически с вторжением в Карпатскую Украину и первыми боями с венграми и началась прелюдия Второй мировой войны. Оккупация Карпатской Украины союзницей нацистской Германии – Венгрией стала прямым следствием Мюнхенского сговора, и ответственность за это, как и за расчленение ЧСР и начало Второй мировой войны, несут не только Германия, Италия, Франция и Британия, но и Венгрия и Польша в равной степени.

ВКЛЮЧЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В СОСТАВ СССР: КОНТРОВЕРСИИ ВЗГЛЯДОВ

Е. С. Розенблат

Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: ОКУПАЦИЯ – ВОССОЕДИНЕНИЕ – СОВЕТИЗАЦИЯ

До сих пор в рассмотрении проблемы вхождения западных областей Белоруссии в состав БССР (СССР) осенью 1939 г. преобладают два основных подхода, находящиеся в зависимости от одобрения или неприятия автором современных контуров польско-белорусской границы. Историки, ностальгирующие по великой Речи Посполитой, события 17 сентября 1939 г. и отторжение части польских территорий трактуют как столь же и даже более катастрофические для польской государственности, чем вторжение германских войск в Польшу. Исследователи, которым дорог суверенитет Белоруссии, не склонны к излишней драматизации и оценивают события, предшествующие и последующие за введением частей Красной армии в Западную Белоруссию, как успешное восстановление целостности белорусской этнической территории, нарушенной условиями Рижского мирного договора 1921 г. Эти полярные мнения для удобства можно сформулировать коротко, в принятых обеими сторонами терминах: «советская оккупация» и «воссоединение». В первом случае подразумевается насильственный характер действий советской империи в отношении Польши и, следовательно, содержатся реваншистские надежды на определенные геополитические изменения. Во втором, — в оценке событий содержится абсолютное убеждение в справедливости случившегося и законности присоединения западных областей Белоруссии к советской республике. Итак, оккупация или воссоединение?

Оккупация: 17 сентября – 28–30 октября 1939 г.

В заключенных между Советским Союзом и Германией пактах 23 августа и 28 сентября 1939 г. нашли отражение военно-стратегические цели сталинской политики: расширить территорию, отодвинуть советскую границу на запад, создать новую оборонительную линию, укрепить престиж советской страны на международной арене, повысить авторитет советского и партийного руководства в советском обществе (что было

актуально после сомнительной победы в советско-финской войне). 17 сентября 1939 г. части Красной армии вступили на территорию «кресов восточных», что и де-юре, и де-факто являлось военным захватом земель соседнего польского государства, т.е. оккупацией.

Шествие частей Красной армии по территории Западной Белоруссии практически не сопровождалось ведением военных действий. По воспоминаниям очевидцев, во многих населенных пунктах красноармейцев встречали радостно и торжественно, в их честь возводились так называемые триумфальные арки – сооружения в виде ворот, украшенные лозунгами и цветами. Однако не следует представлять идиллическую картину мирной смены власти. С середины сентября на территории бывших северо-восточных воеводств II Речи Посполитой действовало большое количество вооруженных формирований: части Войска Польского, спецподразделения советских и немецких спецслужб, отряды самообороны, банды уголовников, группы дезертиров, а затем – части РККА и вермахта. В этот период регион был буквально наводнен оружием.

К началу советского вторжения среди населения региона распространилось убеждение, что крах Польши неминуем. Этому во многом способствовал приток беженцев из центральной и западной частей Польши, начавшаяся эвакуация органов управления, ход боевых действий против Германии. Известие о вступлении на территорию Польши советской армии только усилило эти убеждения, что, в свою очередь, способствовало росту активности радикальных элементов общества. Уже 17 сентября 1939 г. в регионе не существовало какой-либо единой системы управления ни гражданской администрацией, ни воинскими частями польской армии. Те, кто здесь представлял польское государство, сами были дезориентированы и не знали, как себя вести в сложившейся ситуации. Польские военные также оказались не готовы к советскому вторжению. Этому во многом способствовали распространенные в регионе слухи о том, что РККА будет помогать Войску Польскому в борьбе с вермахтом, а также приказ главнокомандующего вооруженными силами Польши Рыдз-Смиглы, который запрещал вступать в боевые столкновения с Красной армией. В такой ситуации все зависело от поведения того или иного польского командира, его видения обстановки, его понимания происходивших событий. С другой стороны, большое значение имел субъективный фактор, присутствовавший в деятельности различных революционных комитетов, повсеместно возникших в регионе накануне советского вторжения.

Жители Западной Белоруссии по-разному представляли свою роль в происходивших событиях. Одни до конца защищали государственный суверенитет Польши и всеми способами подавляли антигосударственные, с их точки зрения, акции. Другие отстаивали свои идеалы, за которые подвергались гонениям во II Речи Посполитой, и помогали Красной армии в сборе развединформации, при охране коммуникаций, занимали населенные пункты до прихода частей РККА, нападали на небольшие отряды польской армии¹. Классическим примером подобного рода явлений могут служить события в Гродно, Скиделе и ряде других населенных пунктов. Так, после начала освободительного похода «повстанцы» заняли Острино, Озеры и несколько других местечек, но в ходе боев 18–19 сентября 1939 г. с частями польской армии они были оттуда выбиты. Все, кто при этом был схвачен с оружием в руках, были расстреляны. В Скиделе восстание началось, вероятно, 18 сентября. Были захвачены полицейский участок, почта, электростанция, разоружены и арестованы находившиеся в местечке польские полицейские и военнослужащие, затем захвачена железнодорожная станция. В ходе проведения карательной операции повстанческий отряд был частично уничтожен, а частично рассеян, однако уже через несколько дней остатки отряда участвовали в штурме Скиделя Красной армией.

В Гродно, еще до начала боев за город, вспыхнуло вооруженное восстание, в котором активное участие приняла часть еврейского населения. Так, один из участников обороны Гродно в 1939 г. году вспоминает: «День восемнадцатого сентября мы провели частично в казармах [...], но было и патрулирование, и акции очистки города от красных групп, грабивших склады. Наш взвод был послан с заданием очистить площадь Батория, где засели местные коммунисты и заблокировали движение по центру города...»². Другой защитник города охарактеризовал эти события как «коммунистическо-еврейский бунт»³. В данном случае повстанческие отряды также не были окончательно разгромлены и помогали советским войскам штурмовать город.

¹ *Gnatowski M.* W radzieckich okowach. (1939–1941). Studium agresji 17 września 1939 i radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża, 1997. Czesz II. Dokumenty i materiały. D-t nr. 50. S. 101; d-t nr 55. S. 108; d-t 61. S. 120.

² *Szawłowski R.* («Karol Liszewski») Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiedzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne i przeciw ludzkosci oraz zbrodnie ukraińskie. T. 2. [Dokumenty]. Warszawa, 1997. D-t. nr. 18. S. 52.

³ *Ibid.* D-t nr. 19. S. 58.

Таким образом, смена власти в крае не происходила бескровно. Жертвами стихийно и с участием советской разведки создававшихся еще до вступления частей Красной армии отрядов становились представители польской администрации, полиции и армии, помещики и члены их семей. Убийства скорее были характерны для сельской местности, небольших населенных пунктов (деревень, осад, хуторов), которые некоторое время находились в состоянии безвластия, оставаясь не занятыми частями Красной армии. В городах и местечках региона сложилась иная ситуация. С одной стороны, прилегающие к советской границе крупные населенные пункты сразу были заняты частями РККА, и там процесс установления просоветских органов власти шел под контролем армии и оперативно-чекистских групп НКВД. С другой стороны, в более отдаленных от границы городах и местечках, после ухода оттуда польской администрации, создавались отряды гражданской охраны¹. То есть в обоих случаях над ситуацией сохранялся определенный контроль.

Польская сторона действовала не менее жестоко. Очевидцы событий, польские военнослужащие, вспоминают следующие эпизоды: «Передвигаемся по восставшему краю. Как репрессии против нападений сжигаем целые деревни и массово расстреливаем вооруженное население». «Войска шли по взбунтовавшейся территории, перед оградами польских осад лежали трупы мужчин, женщин, детей. Целые колонии стояли покинутые, со сломанными дверями, разгромленными хозяйственными постройками. Днем над горизонтом поднимались столбы дыма от уничтожающего польское имущество огня... Дорога армии обгадрялась приговорами чрезвычайных судов, уничтожением захваченных вооруженных деревень»².

Кроме того, активизировались местные уголовники всех национальностей, ожидая возможности грабежа. К общему хаосу добавились беженцы из Западной и Центральной Польши, а также мародеры и дезертиры из Войска Польского, которые, оторвавшись от своих частей, стремились добраться домой. Эти криминально-анархистские элементы осуществляли нападения на евреев и их собственность. До подобных эксцессов дошло в Кольно, Кольбушове, Волковыске, где было убито 7 человек, и в других населенных пунктах³.

¹ «Zachodnia Białoruś». 17.IX.1939–22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. D-1 nr. 24. S. 126, 127, 59; III. D-1 nr. 3. S. 84; V. D-1 nr. 1. S. 380.

² Wrzesień w relacjach i wspomnieniach. Warszawa, 1989. D-1 nr. 507, 508. S. 942, 943.

³ Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie (AZIH), zespól 301, województwo Białostockie, 2269, 1266, 1276; Levin D. The Lesser of Two Evils.

Таким образом, во второй половине сентября 1939 г. в западных областях Белоруссии имел место краткосрочный вооруженный конфликт между частью евреев и белорусов (революционные комитеты) с одной стороны и оставшимися на данной территории польскими государственными институтами (польской армией, полицией) и частью польского населения (вооруженные группы осадников, резервистов, отряды гражданской охраны) – с другой. Вакханалия убийств и грабежей продолжалась в регионе в течение нескольких дней. Возможно, подобная ситуация также способствовала тому, что не только евреи и белорусы с надеждой ожидали прихода Красной армии. В реляциях многих поляков отмечается, что антипольские акции прекращались с занятием того или иного населенного пункта частями РККА¹. По всей вероятности, советская власть в первое время после занятия региона действительно дала своим сторонникам своеобразный карт-бланш и не возражала против частичной расправы с врагами. Это, в свою очередь, ускорило «дифференциацию» общества, позволило быстро обрести деятельных сторонников, в максимально сжатые сроки сориентироваться в местных особенностях, ограничить или парализовать деятельность наиболее активных антисоветских элементов.

Следует отметить, что красноармейцы и представители советской власти на оккупированной территории вели себя в соответствии с полученными инструкциями предельно корректно. Сами участники похода 17 сентября 1939 г. позиционировали себя не как захватчики, а как освободители братских белорусского и украинского народов от угнетения польскими помещиками и капиталистами. Поведение представителей Советского Союза практически не вызывало нареканий у местного населения. Красная армия действовала не как агрессор, а как миротворческая миссия. В этом принципиальное отличие ситуации на оккупированных Германией и Советским Союзом польских землях. Нацистская пропаганда не скрывала, что оккупация Польши является шагом на пути к установлению германского мирового господства. А потому и поведение представителей рейха, и методы управления изначально тут были иными. Советское руководство перед лицом мировой общественности и населением занятых областей, а также для своих граждан объясняло введение частей Красной армии на территорию Польши как вынужденную меру, необходимую для защиты

Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia-Jerusalem, 5755/1995. P. 62.

¹AW - H1, województwo Poleskie, powiat Pińsk, 130.162. Relacja nr. 9305; powiat Prużana, 135.168. Relacja nr. 674; województwo Wileńskie, powiat Dzisna, 31.184. Relacja nr. 9027.

братских народов. Подобная пропаганда была особенно эффективна ввиду понимания, что в противном случае «кресы восточные» оказались бы, как и остальная часть Польши, под немецкой оккупацией.

Временные управления, созданные в крупных населенных пунктах Западной Белоруссии, возглавили представители Красной армии. Но действовавший аппарат управления комплектовался с использованием местных кадров. Подобный подход обеспечивал оперативное решение стоящих перед властями задач. Временные управления осуществляли поддержание общественного порядка, что включало изъятие оружия у населения¹, контроль над работой всех производственных и торговых предприятий, борьбу с контрабандой и спекуляцией, рассмотрение жалоб и обращений граждан. Характерно, что так называемая рабочая гвардия (или милиция) была сформирована практически исключительно из местных добровольцев. Именно на эти вооруженные отряды возлагалась задача арестов, а иногда и истребления польских офицеров, помещиков, осадников, представителей польской администрации. Активное участие местных жителей позволяло создать видимость демократического управления территориями, занятыми частями Красной армии, что готовило почву для следующего шага – подготовки к выборам в Народное собрание Западной Белоруссии. Проведение этого мероприятия 28–30 октября 1939 г. в Белостоке и его решения о ходатайстве перед Верховным Советом СССР и Верховным Советом БССР о принятии Западной Белоруссии в состав СССР и БССР, по сути, завершило период советской оккупации: население захваченных территорий выразило готовность стать гражданами советского государства. В ноябре 1939 г. соответствующие решения были приняты, и начался новый период в истории Западной Белоруссии – период советизации.

Советизация: прагматические намерения и реальные последствия

До нападения Германии на Советский Союз оставалось около полутора лет, поэтому нельзя вести речь о реализации всех планов советского руководства в отношении бывших польских территорий. Можно лишь проанализировать основные направления советизации и оценить их результаты.

Первое, что необходимо отметить: Западная Белоруссия, как и Западная Украина, должны были стать, согласно принятым решениям, не просто буферными территориями, если принимать во внимание подготовку

¹ «Zachodnia Białoruś». 17.IX.1939–22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Warszawa, 1998. D-1 nr. 35. S. 16.

СССР к войне, а органичной и надежной частью советского государства. Пограничное положение региона обязывало советское руководство к особой ответственности и аккуратности в работе по превращению этих областей в подлинно советские. Такая задача подразумевала действия в двух основных направлениях:

1. Проведение социально-экономических преобразований по образцу и подобию тех, которые осуществлялись в советском государстве в 1920–1930-е годы (национализация, коллективизация, индустриализация, ликвидация частного сектора экономики, государственная монополия торговли, плановость хозяйствования и пр.).

2. Превращение местных жителей в советских граждан. Тоталитарное советское государство идеальным гражданином считало человека, для которого государственные и партийные интересы были превыше личных.

Первое направление подразумевало проведение ряда реформ, призванных в кратчайшие сроки стереть разницу между присоединенными и советскими территориями. Для этого было необходимо избавиться от капиталистического прошлого и перейти на рельсы социалистического хозяйствования. Одним из наиболее быстрых и масштабных мероприятий советской власти в регионе было проведение национализации, в ходе которой было проигнорировано решение Национального собрания ограничиться национализацией только крупной собственности. Национализация обеспечила для советской власти наличие земельных, производственных, жилых и материальных фондов, благодаря которым облегчались задачи проведения дальнейших социально-экономических реформ. На базе бывших помещичьих имений и осад создавались колхозы и совхозы, в национализированных домах размещались советские учреждения и расквартировывались советские служащие. Большие изменения в наращивании экономического потенциала региона не произошли, в основном использовались уже имеющиеся ресурсы. Западная Белоруссия осталась преимущественно аграрным регионом со слабо развитой промышленностью. Немногие крупные предприятия, имевшие ранее выход на европейские рынки сбыта продукции и закупки сырья, были переориентированы на внутренний советский рынок. О недостаточных темпах индустриального развития западных областей Белоруссии косвенно свидетельствует такой факт: хлынувшим сюда потокам беженцев из Польши, значительную часть которых составляли ремесленники и квалифицированные специалисты, предлагалась низкооплачиваемая работа, не требующая квалификации

(торфозаготовка и пр.). Развертывание промышленного строительства в регионе задерживали следующие факторы: во-первых, в преддверии войны советское руководство, безусловно, считало нецелесообразным размещение новых предприятий на границе; во-вторых, следовало произвести учет имеющихся сырьевых, хозяйственных и людских ресурсов, чтобы принять адекватные решения о дальнейшем промышленном развитии; в-третьих, изменение соотношения аграрного и промышленного секторов экономики западных областей Белоруссии, принимая во внимание промышленную отсталость края и исторически сложившиеся тут традиции, требовало значительных капиталовложений.

Несмотря на то, что социалистические преобразования в экономике края не были проведены в полном объеме, уже к концу 1939 – началу 1940 гг. в западных областях Белоруссии наблюдались характерные для социалистической экономики «болезни»: разрушение прежней системы повлекло за собой возникновение дефицита товаров, образование «черного рынка», всплеск контрабанды и спекуляции. Переход на новую денежную систему привел к дестабилизации финансовой системы, разорению многих семей, лишению людей накопленных в 1920–1930-е годы средств. Безусловно, часть населения Западной Белоруссии после присоединения к БССР улучшила свое материальное положение, но вряд ли в этом случае можно вести речь о большинстве.

Негативные явления в экономике отчасти компенсировались активными действиями советской власти в социальной сфере. Наибольшими достижениями в этот период стало создание системы бесплатного образования и бесплатного здравоохранения, что способствовало росту популярности советской власти среди населения. Для жителей западных областей Белоруссии, в первую очередь для крестьян, это означало существенное сокращение расходов.

Ряд мероприятий советской власти был рассчитан на то, что население присоединенных территорий в короткие сроки усвоит ценностные ориентиры советского государства и партии Ленина–Сталина и станет частью советского общества. Полем битвы стало массовое сознание. В 1939–1941 гг. была ликвидирована многопартийная система, существовавшая «при Польше», была начата антирелигиозная кампания, всеми способами внедрялась советская идеология (путем проведения собраний, лекций, встреч с избирателями, использования СМИ).

Еще одним способом «оздоровления» общества стало изъятие так называемого «классово чуждого» и «социально-опасного элемента». Арестам

подвергались бывшие польские чиновники, полицейские, офицеры, осадники, помещики, крупные торговцы предприниматели и домовладельцы, члены различных политических, общественных и культурных партий и организаций, действовавших во II Речи Посполитой. В конце 1939 – начале 1940 гг. из режимных областей выселялись неблагонадежные, с точки зрения советской власти, лица, а также их семьи. Сначала они переселялись в менее значимые населенные пункты Западной Белоруссии, затем начались депортации – массовое принудительное переселение людей в Архангельскую, Кировскую, Куйбышевскую, Мурманскую, Новосибирскую, Свердловскую, Самарскую области РСФСР, а также в Акмолинскую область Казахстана, Мордовскую и Коми АССР. Всего было проведено 4 депортации: 10–12 февраля 1940 г.; 13–15 апреля 1940 г.; 29 июня 1940 г.; 19–20 июня 1941 г. Не оправдывая репрессии как средство решения стоящих перед государством задач, тем не менее заметим, что в действиях советской власти наблюдалась определенная логика – в преддверии большой войны происходила профилактическая «чистка» пограничной территории, т.е. ликвидация возможной «пятой колонны». Особняком стоит третья депортация, которая коснулась беженцев из западных и центральных областей Польши. Советская власть вынуждена была радикально и достаточно жестко решить вопрос с беженцами, руководствуясь следующими обстоятельствами, вызванными присутствием на границе десятков тысяч «незапланированных» временных жителей:

- сложностью трудоустройства большинства беженцев (особенно по специальности);

- обострением экономической ситуации (увеличение дефицита товаров, рост цен);

- ухудшением криминогенной обстановки (спекуляция, валютные операции, контрабанда, воровство);

- усилением межнациональной напряженности (присутствие большого количества еврейских беженцев провоцировало антисемитские и, как следствие этого, антисоветские настроения);

- активизацией нелегальных переходов через границу и вместе с тем угрозой государственной безопасности (под видом беженцев в СССР могли проникать иностранные разведчики);

- ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в связи с перенаселенностью городов и местечек (антисанитарные условия проживания, угроза вспышки эпидемий);

отказом части беженцев проходить регистрацию и получать советские паспорта;

политической неблагонадежностью еврейских беженцев, которые критически оценивали советскую действительность (это был более сложный контингент для идеологической работы, чем местные жители). Имея связи с международными организациями и родственниками за границей, они могли сообщать о недовольстве своим положением в Стране Советов. Кроме того, беженцы несли с собой нежелательную с точки зрения советской власти информацию о нацистской политике в оккупированной Польше (это противоречило союзным отношениям между Германией и СССР).

Безусловно, беженцы воспринимались представителями советской власти на местах и в центре как крайне дестабилизирующий фактор, мешающий советизации. Они были признаны материалом, непригодным для интеграции в советское общество на присоединенных землях, их дальнейшее пребывание здесь, с точки зрения советской власти, было нецелесообразным. Результатом такого решения стали массовые депортации. Действия в отношении беженцев являлись частью масштабной политики генеральной чистки новых приграничных территорий от «чуждого элемента», составлявшего явную или потенциальную угрозу в условиях вполне очевидной предвоенной ситуации¹.

Большую роль в приведении Западной Белоруссии в соответствие с советскими стандартами сыграли так называемые «восточники» – советские и партийные служащие, направленные сюда на работу. Кадровая политика советской власти заключалась в том, чтобы проверенные и политически благонадежные люди возглавили наиболее важные учреждения и предприятия. Нередко бывало, что благонадежность заменяла работнику компетентность. Чтобы кадровая ситуация была более сбалансированной, важное значение придавалось выдвижению местных кадров в аппарат управления, судебные, силовые органы, торговые, промышленные и финансовые структуры. Этим воспользовалась значительная часть жителей Западной Белоруссии: одни мимикрировали в различные органы, другие вынуждены были изменить профессиональную ориентацию и привычный образ жизни. Наибольшей мобильностью в этом смысле обладало

¹Подробнее о проблеме беженцев см.: *Розенблат Е. С. Чуждый элемент: еврейские беженцы в Западной Белоруссии глазами советской власти. 1939–1941 гг. // История и культура российского и восточно-европейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 333–361.*

еврейское население, которое успешно адаптировалось к изменившимся социально-политическим и хозяйственным условиям.

В целом, на протяжении сентября 1939 – июня 1941 гг. население Западной Белоруссии было втянуто в политическую жизнь Советского Союза. Жители присоединенных «кресов восточных» стали гражданами советского государства. Они получили избирательные права и участвовали в выборах в высшие законодательные органы – Верховный Совет БССР, Верховный Совет БССР, а также местные советы депутатов. Это создавало у населения западных областей Белоруссии, в большинстве своем практически лишенном в 1930-е годы избирательных прав в Польше, иллюзию причастности к «большой политике» и важности голоса каждого избирателя, несмотря на во многом формальное осуществление избирательных гражданских прав, безальтернативность выборов и невозможность со стороны избирателей влиять на запланированные «сверху» результаты выборов.

Советизация западных белорусских областей на протяжении периода с осени 1939 г. по июнь 1941 г. проходила в достаточно мягкой форме. Советское руководство не пошло на применение тех методов «шоковой терапии» построения социализма в одной отдельно взятой стране, которые были характерны для Советского Союза в 1920–1930-е годы (тотальная коллективизация, форсированная индустриализация, многочисленные показательные процессы над «врагами народа», оголтелая антирелигиозная кампания и пр.). Западные области Белоруссии находились в щадящем режиме, в рассматриваемый период велась только подготовительная работа к следующему полномасштабному этапу советизации, наступлению которого помешало нападение Германии на СССР. Осторожность и неторопливость сталинской политики объяснима: население присоединенных территорий должно было сохранять лояльность, его необходимо было постепенно подготовить к восприятию советских реалий, не дать ему качнуться в сторону ностальгирования по прошлому или зависти к судьбе той части Польши, которая оказалась под немецкой оккупацией. Контроль за настроениями жителей западных областей Белоруссии показывал, что в обществе диапазон реакций на проводимые советской властью мероприятия был достаточно широк – от резкого неприятия до полного одобрения.

Реакция населения Западной Белоруссии на советизацию

Основная масса населения Западной Белоруссии проявила лояльность к советской власти, ожидая от нее социальной справедливости и национального

равенства. Можно выделить три категории людей, которые связывали с установлением советской власти надежды на улучшение своего положения: 1) находившиеся под влиянием советской пропаганды, которая обещала перемены к лучшему в их социально-экономическом и правовом статусе; 2) симпатизирующие советской системе и находившиеся в оппозиции польской власти (представители левых партий); 3) дискриминируемые при польской власти группы населения – те, кто не смог раньше реализовать свой личностный потенциал и видел перспективы в изменении социально-политических условий¹. Многие жители западных областей Белоруссии приняли и поддержали советскую власть по идейным или карьерным соображениям. Особенно привлекательными с точки зрения рядовых граждан бывших «кресов восточных» были такие мероприятия как провозглашение всеобщего равноправия, расправа с носителями властных полномочий при старом режиме и крупными собственниками, переход к бесплатному образованию и здравоохранению, придание белорусскому языку статуса государственного. Но часть изначально просоветски настроенных обывателей в скором времени испытала разочарование. Кроме того, определенные слои населения Западной Белоруссии настороженно и даже враждебно отнеслись к вторжению Красной армии на польские земли и установлению советской власти.

Органы НКВД, созданные на присоединенных территориях, проводили сбор информации об общественных настроениях и отношении к проводимым советской властью преобразованиям. Целенаправленно производились «замеры» среди крестьян, служащих и рабочих различных учреждений и предприятий, беженцев, духовенства, домохозяек и других групп. Врагами советской власти были признаны наиболее активные сторонники польского государства: репрессии, прежде всего, обрушились на осадников, офицеров, полицейских, жандармов, польских чиновников, лесничих, лидеров общественно-политических организаций и партий, крупных частных собственников (владельцев фабрик, заводов, типографий, транспортных средств, обширных земельных владений). Определенные группы а priori были причислены к потенциальным противникам советской власти (бывшие члены различных «контрреволюционных» польских, еврейских и украинских партий, ксендзы, раввины, православные священники, сектанты, зажиточные крестьяне – кулаки и пр.). За ними

¹ *Lukas R. The forgotten Holocaust. The Poles under German occupation. 1939–1944. The university press of Kentucky, 1986. P. 127, 128; Siemaszko Z. W sowieckim osaczeniu. 1939–1943. Londyn, 1991. S. 111.*

устанавливалось наблюдение, им грозили аресты и депортации. Но и среди той части общества, которая, по мнению большевиков, просто обязана была безотказно поддерживать советизацию края (рабочие и крестьяне), восприятие многих преобразований было неоднозначным. Благодаря проводимой НКВД работе обнаруживались раздражающие население факторы, выяснялись наиболее болевые точки – причины недовольства жителей присоединенных территорий. Анализ сообщений НКВД позволяет нарисовать общие контуры ситуации в западных областях Белоруссии и определить те особые для каждой категории населения раздражители, которые провоцировали появление антисоветских настроений.

Среди крестьянства отмечались случаи коллективных ходатайств за освобождение из-под ареста односельчан путем составления писем и сбора подписей в защиту арестованных¹. В связи с выселением осадников и лесников возникали слухи о подготовке советской властью массовых депортаций населения, и органы НКВД отмечали, что жители сельской местности начали заготавливать продукты питания и одежду: «Житель дер. Алексеевичи Брошевичской волости Дунькович Степан Иванович распространяет слухи, что из деревни будет вывезено около 70 семейств, в связи с этим крестьяне начали подготовку к отъезду, заготавливая печеный хлеб, одежду, режут скот и не пускают детей в школу. Житель дер. Субботы Брошевичской волости Гаевкий Адам распространяет слухи, что всех безземельных и малоземельных крестьян вывезут в Сибирь и что большинство крестьян подготовилось к выезду, а некоторые из них готовятся бежать за границу»². Такое явление, как массовый убой скота, было своеобразным ответом крестьян на угрозу создания колхозов. В спецсообщении начальника УНКВД по Пинской области капитана госбезопасности Мурашкина, направленном секретарю Пинского обкома КП(б)Б Минченко, отмечалось, что в Телеханском районе убой скота принял массовый характер и ведет к уменьшению поголовья и уничтожению племенных и стельных коров. В документе приводятся слова жителя деревни Бобровичи Телеханского района Ефима Крота: «Надо резать скот, а то все равно большевики заберут или в колхоз отдашь»³.

Материалы НКВД по западным областям свидетельствуют о нарастании тревожности среди крестьян. Национализация земли и организация колхозов порождали огромное недоверие к советской власти. Даже

¹ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 222. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13, 14.

² Там же. Ф. 2223 «11». Оп. 1а. Д. 10. Л. 127.

³ Там же. Ф. 7581 «11». Оп. 1. Д. 76. Л. 91.

предварительные мероприятия советской власти – сбор информации о состоянии крестьянских хозяйств – вызывали негативную реакцию, что проявлялось в суждениях: «Большевики хотят узнать, есть ли зерно, а потом его **изъять**»¹.

Особенно явно население выражало недовольство в ходе проведения выборов в Верховный Совет и местные советы депутатов. Повсеместно фиксировались многочисленные случаи отказа участвовать в голосовании, агитации против выдвинутых кандидатур, распространения записок антисоветского содержания, порчи избирательных бюллетеней, повреждения телефонных линий и т.д. В условиях тотального дефицита товаров первой необходимости, процветания спекуляции и контрабанды ожидать от населения полной поддержки и энтузиазма было трудно. В спецсообщении начальника Высоковского районного отдела НКВД сержанта госбезопасности Макарова на имя секретаря Высоковского РК КП(б)Б Рябцева отмечалось, что крестьянство недопонимает избирательную кампанию: «Житель дер. Гремячи Ховавко Петр во время проводимого собрания, выступая, говорил, что проводимая выборная кампания – пустое, никому не нужное дело, которым не нужно и заниматься, потому что внеочередной острый вопрос, который необходимо разрешить крестьянам – нехватка обуви и одежды»². Вообще многие вопросы, связанные со снабжением, вызывали нарекания со стороны крестьян, обостряя внутренние противоречия в деревне. Например, колхозники колхоза им. Ворошилова (дер. Рудавин Пинского района) возмущались тем, что, подчиняясь уставу и соблюдая трудовую дисциплину, не могут в рабочее время приобретать товары в кооперативе соседней деревни, а единоличники, имея больше свободного времени, и, соответственно, больше возможностей для совершения покупок, насмеваются над ними: «Вот, колхозники, вы будете только работать, как волы, у вас все отберут, а вам ничего не дадут». Значительная часть колхозников делала выводы: «Как есть такой колхоз, то лучше быть единоличником, буду тогда иметь и время свободное и из кооператива все товары»³.

Проблемы экономического характера волновали и городское население. Представители советской власти признавали, что в западных областях в этой сфере сложилась кризисная ситуация. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1939 г. «О переходе на советскую валюту

¹ Там же. Ф. 7050. Оп. 26. Д. 86. Л. 242.

² Там же. Ф. 6 «II». Оп. 1а. Д. 7. Л. 17.

³ Там же. Ф. 2227 «II». Оп. 1а. Д. 22. Л. 36.

на территории Западной Украины и Западной Белоруссии», с 21 декабря 1939 г. злотые по счетам и вкладам обменивались на рубли по курсу 1:1, но не более 300 злотых¹. В результате население было ограблено государством. Сложившаяся в польское время структура снабжения населения промышленными товарами и продуктами питания была разрушена. Появлению товарного голода способствовала скупка советскими офицерами и служащими одежды, обуви, тканей и продовольствия. Частная торговля была практически ликвидирована, а государственная и кооперативная не могли обеспечить потребностей населения. Магазины и лавки не имели в ассортименте самого необходимого. Неудивительно, что органы НКВД фиксировали высказывания, свидетельствующие о разочаровании и обманутых ожиданиях жителей западных областей: «Что за власть, кушать нечего, деньги польские изъяла, видимо от нее хорошей жизни не дожدهшься»². «Сейчас один килограмм хлеба стоит один рубль тридцать пять копеек, а скоро стоимость его дойдет до трех рублей килограмм, жизнь с каждым днем становится все хуже и хуже, вот тебе и советский рай...»³. Люди понимали разницу между массированной советской пропагандой и реальным положением вещей, критически отзывались о «ликвидации эксплуатации трудящихся» и защите их прав. Вот высказывания рядовых рабочих, зафиксированные органами НКВД: «... пришла соввласть и жизнь резко ухудшилась, рабочего всюду притесняют, большевики только хвалятся, что у них всего много, все хорошо, а на деле ничего хорошего нет, рабочего так же эксплуатируют, как и паны»; «социалистические соревнования большевики вводят для того, чтобы рабочие и служащие за одну и ту же плату вырабатывали две нормы, этим самым они постепенно одевают на нас ярмо...»⁴.

Волна недовольства была отмечена органами НКВД в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В первую очередь протесты работать в субботу поступали со стороны религиозных евреев⁵. В меньшей степени были распространены негативные

¹ Филиппов С. Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 49.

² ГАБО. Ф. 7580 «П». Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 85 об.; л. 3.

⁵ Там же. Д. 26. Л. 218–220.

высказывания о займах, отсутствии спецодежды, неумелом руководстве предприятиями, низкой заработной плате.

Явное ухудшение условий жизни порождало ностальгические чувства. Прошлое, связанное с польским государством, вспоминалось добрым словом, поскольку сравнение было не в пользу БССР и Советского Союза («...Жизнь в Советском Союзе гораздо хуже, нежели была в Польше, у нас было всего много, всего хватало и было все дешево, а сейчас ничего не стало...»; «... При советской власти жить плохо и ничего нет, даже хлеба и того нет, при польской власти жить было лучше, всего было в изобилии и все было дешево»¹). Сожаление об утраченной жизни порождало желание вернуть прежние дни. Так появлялась вера и даже убежденность в возвращении старых порядков: «...скоро будет восстановлена Польша», «...Поживем, помучаемся только до весны, весной все установится по-старому»². Органы НКВД отмечали и различные домыслы о развитии международных событий, которые должны способствовать возрождению польского государства. В прогнозах о дальнейших перспективах западных областей просматриваются традиционные политические стереотипы польского общества, ориентация на англо-французских союзников: «... Английское и французское правительства сейчас на территории бывшей Польши сбрасывают листовки, призывающие поляков крепко держаться на своих местах и потерпеть, скоро они объявят войну советскому правительству и тогда мы снова свободно вздохнем»; «...Англия дала советскому правительству срок [до] 15 февраля освободить Западную Украину и Белоруссию...»; «... Советская власть пришла к нам не надолго, ее скоро здесь не будет, иностранные государства Польшу выручат, и восстановится самостоятельное государство»³. Доходило и до призывов организовывать борьбу, прямых угроз в адрес советской власти: «В Карпатах и Беловежской пуще сейчас концентрируются польские войска, надо идти им на помощь и освободиться от этого хамства...»; «Соввласть долго не просуществует, ей существовать только до весны, весной выступят польские солдаты и ее свергнут...»; «...Вот пришли босяки, обируют Польшу, у себя ничего не имеют, пока потерпим, а потом организуемся и прогоним большевиков. Мы не должны допустить того, чтобы в Польше остались большевики»; «...придет время, когда каждый поляк убьет 10 большевиков...»⁴.

¹ Там же. Д. 30. Л. 4, 23.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 3, 84 об., 85 об.

⁴ Там же. Л. 4, 23; Д. 26. Л. 20.

Установление советской власти в западных областях Белоруссии спровоцировало возникновение межэтнической напряженности. Закрепление советской модели социализма в области политики, экономики, идеологии объективно приводило к обострению межнациональных отношений, которые в определенной степени отразили раскол в обществе, вызванный переменами. В принципе, деление местного населения на сторонников и противников советской власти было неизбежно; раскол усугубился в ходе советизации, видоизменился и принял форму открытого или чаще всего скрытого межнационального конфликта. Традиционный антисемитизм населения Западной Белоруссии, существовавший в основном на бытовом уровне, на протяжении 1939–1941 годов приобрел политический оттенок, став одной из форм антисоветизма¹.

В короткий отрезок времени с сентября 1939 по июнь 1941 гг. в Западной Белоруссии активизировались те процессы, которые привели к образованию новых межэтнических объединений. Баланс межэтнических отношений, существовавших до 1939 г. в Западной Белоруссии, был нарушен, установилась новая система взаимоотношений этнических групп, отвечающая новым условиям жизни.

Как правило, потенциально конфликтными являются взаимоотношения этнических групп по таким признакам как «коренное — некоренное» население, «большинство — меньшинство», «титularyное — нетитularyное» население. Для Западной Белоруссии в период советизации основной фронт межэтнического противостояния проходил в другой плоскости. Титularyное население — белорусы — являлось достаточно пассивной массой с относительно низким уровнем этнополитического сознания. Белорусское население — буферная этническая группа — являлось промежуточной, ослабляющей столкновения между враждующими этническими группами евреев и поляков прослойкой. В период советизации позиции несамостоятельной и инертной в политическом отношении белорусской группы эволюционировали в направлении от евреев к полякам.

Отношения между этническими группами, в первую очередь между поляками и евреями, начали приобретать конфликтный характер. Обострение отношений объясняется тем, что на территории Западной Белоруссии с установлением советской власти формально сложились условия для формирования «равноправного контакта» между этническими

¹ *Розенблат Е. С.* Евреи в системе межнациональных отношений в западных областях Беларуси. 1939–1941 гг. // *Bełoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2000. № 13. S. 102.

группами, то есть был ликвидирован этнический приоритет польской группы. Для того чтобы «равностатусный контакт» стал привычным для всех групп населения, требовалось длительное время, особенно для польской группы. Тем более, что действовала политика двойных стандартов, и поляки чувствовали угрозу своей этнической безопасности как со стороны советского государства, так и со стороны местного населения. Адаптация поляков к этой ситуации была болезненной, реакцией на нее стала гиперболизация этнического сознания, а гиперидентичность всегда повышает уровень интолерантности в межэтнических установках. Снижение этнотолерантности привело к закреплению негативных этно-стереотипов в отношении еврейского и отчасти белорусского населения.

Разнообразие межэтнических контактов, неоднозначность, неровность, изменчивость характера межэтнических отношений в различных регионах, в городской и сельской местности, в разных сферах жизни позволяет говорить о мозаичности межэтнической ситуации в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Наблюдались две противоположные стороны межэтнических отношений: взаимное притяжение и взаимное отталкивание. При том, что происходило усиление межэтнической напряженности между евреями и поляками на идеологической почве, а также рост антисемитских настроений, нельзя преувеличивать значение этой тенденции. Межэтнические отношения в этот период не следует полностью сводить только к нарастанию противоречий – значительная часть белорусского, польского, еврейского населения продолжала сохранять добрососедские отношения, основанные на взаимном уважении и поддержке. Определенная межэтническая дисгармония в общественно-политической сфере уравновешивалась общей вынужденной заинтересованностью этнических групп в мирном сосуществовании. Полной изоляции этнических групп в Западной Белоруссии не произошло, сохранялись традиции этнического симбиоза, т.е. взаимовыгодного альянса, что наиболее типичным было для сферы жизнеобеспечения. Прагматизм межэтнических отношений являлся своеобразной стратегией выживания в условиях тоталитарного режима.

Несмотря на кажущуюся окончательность решений Рижского мирного договора 1921 г., советское государство, уступившее Польше часть белорусских и украинских земель под давлением неблагоприятных обстоятельств, не теряло надежды возвратить утраченные территории и ждало подходящих для этого условий. В 1939 г. такой момент настал,

и снова, как во времена разделов Речи Посполитой, актуальным стал девиз Екатерины II «отторженное возвратих».

После ввода частей РККА в Западную Белоруссию, что, бесспорно, может быть расценено как нарушение ранее принятых польско-советских соглашений и оккупация польской территории, Советский Союз предоставил населению занятых земель определить их дальнейшую судьбу (заметим, что в 1921 г. польское государство не рискнуло пойти на столь демократичный шаг). Не будем отрицать того, что отчасти проведение Народного собрания в Белостоке было умело срежиссированным спектаклем, депутаты ангажированы, а его решения подготовлены и утверждены Кремлем. Но можно ли представить себе иной вариант развития событий, принимая во внимание, что польского государства уже не существовало, а ближайшие перспективы для западных областей Белоруссии сводились к альтернативе: попасть под немецкую оккупацию или войти в состав СССР? Народное собрание озвучило единственно возможный выбор жителей Западной Белоруссии.

Социалистические преобразования, развернутые в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг., на первый взгляд впечатляют многовекторностью, охватом различных, как магистральных, так и периферийных областей жизнедеятельности. Но, несмотря на масштабы работ по советизации западных областей Белоруссии, они коренным образом не изменили образа жизни большей части населения. Главное, на что были направлены усилия советского руководства — на подготовку арены будущих военных действий (передислокация войск, укрепление оборонительных рубежей, обеспечение безопасности новой границы и прилегающих к ней территорий). Именно военно-стратегические цели обусловили репрессии в отношении политически неблагонадежных групп населения. Остальные мероприятия советской власти на территории Западной Белоруссии были достаточно поверхностны и декоративны (в первую очередь это касается коллективизации).

Тем не менее, советизация западных областей Белоруссии происходила достаточно болезненно, сопровождалась ломкой прежнего и утверждением нового жизненного уклада, внедрением новых норм поведения, быта и морали. Жители западных областей Белоруссии по-разному относились к тем изменениям, которые начались с установлением советской власти. При внешне идиллической картине массовой поддержки советской власти, здесь хватало критически и враждебно настроенных по отношению к ней людей.

Одним из незапланированных советской властью последствий советизации Западной Белоруссии стало реструктурирование системы межэтнических отношений, изменение характера межэтнического взаимодействия. Вчерашняя элита – польская группа – не выдержала своего рода культурный шок, испытываемый даже не столько от падения своего статуса, сколько от роста престижности еврейской группы. Посттравматический синдром польской диаспоры от потери государственности и влияния в обществе привел к нарастанию этномобилизационных процессов в среде поляков и неизбежно способствовал снижению адекватности восприятия остальных этнических групп, распространению ксенофобных реакций. Польско-еврейский межэтнический конфликт того периода был, на наш взгляд, в действительности не настолько глобальным и острым, как это запечатлелось в исторической памяти поляков. События 1939–1941 гг. способствовали увеличению психокультурной этнической дистанции между поляками с одной стороны и евреями и белорусами – с другой стороны, что имеет определенные отзвуки и на современном этапе развития межэтнических и межгосударственных отношений.

Ян Ежи Милевский (Jan Jerzy Milewski)

ВКЛЮЧЕНИЕ «ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ» В СССР (1939–1941): НОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В сентябре 1939 г., после нападения Германии на Польшу, ни польское руководство, ни общество не ожидали агрессии со стороны Советского Союза. Казалось, что пакт о ненападении, подписанный с СССР 25 июля 1932 г. и продленный в 1934 г. на 10 лет, защищает восточные польские границы. В конце 30-х годов XX века Польша, в соответствии с более ранними рекомендациями маршала Юзефа Пилсудского, старалась вести так называемую политику равновесия («равного удаления») в отношениях с Советским Союзом и Германией (26 января 1934 г. была подписана польско-немецкая декларация о ненападении). На практике существовали, однако, определенные отклонения от этой политики: нацистские министры охотились в Беловежский Пуще, но советских политиков там не было. Даже министр иностранных дел Максим Литвинов (Меир-Хенох Валлах), который родился в Белостоке и имел там близких родственников, проезжал через этот город относительно спокойно. Таким образом, возникла такая ситуация, что, с одной стороны, Адольф Гитлер связывал с Польшей чрезмерные ожидания, с другой – Иосиф Сталин необоснованно приписывал Польше стремление в союзники Германии. Власти III Рейха, завершая свои заигрывания с Польшей, длящиеся с 1933 г., действительно в последнем квартале 1938 г. сделали предложение о союзе и рассчитывали на положительный ответ. Перед Польшей ценой небольших уступок, благодаря предлагаемой совместной акции против СССР, немецкие политики открывали большие перспективы. На практике это, однако, означало зависимость от более сильного партнера. Здесь надо отметить, что идеологические соображения не играли тогда большой роли, так как оценка гитлеровской Германии до начала войны была совершенно иной, нежели после войны, когда нацистский режим отягощали неисчислимые преступления, принесшие невиданное число жертв. Последнюю попытку склонить польских политиков на сторону немецких предложений предпринял во второй половине марта 1939 г. министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, но и она закончилась неудачей.

В ответ на британские и французские гарантии, предоставленные Польше, Адольф Гитлер 28 апреля объявил о прекращении действия декларации о неприменении силы, подписанной с Польшей в 1934 г. Польский министр иностранных дел Юзеф Бек отозвался речью, произнесенной в Сейме 5 мая

1939 г. Свое самое знаменитое выступление Бек закончил следующим образом: «Нам в Польше чуждо понятие мира любой ценой. В жизни людей, народов и государств есть лишь одна, ни с чем не сравнимая ценность. Это — чувство чести»¹.

В польской историографии в последние годы зазвучали голоса, утверждающие, что отклонение Польшей предложения Гитлера было безрассудным, неправильным решением. Самый выдающийся сторонник этой точки зрения, Павел Вечоркевич, умерший в начале 2009 г., констатировал: «Хотя принятие требований Фюрера и привело бы к постепенной вассализации Польши, но все же оградило бы страну и от четвертого раздела, и от сентябрьского поражения, и, наконец, от зверств обеих оккупаций»². Единственная трудность в 1939 г., по его мнению, заключалась в том, что такая основательная переориентация политики требовала подкрепления ее авторитетом, которого не имели тогда ни министр Бек, ни маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, ни президент Игнацы Мосцицкий. Большинство польских историков относится критически к этой гипотезе. Станислав Жерко из Западного Института в Познани дал такую оценку: «Принятие немецкого предложения означало бы для польского народа шаг в пропасть»³. Такого же мнения придерживается известный историк и публицист Фома Лубеньский: «Парад перед Гитлером на Красной площади [как следствие польско-немецкого союза] закончился бы несравнимо хуже. Третий Рейх должен был проиграть, потому что имел идею только о немецком, или, более широко — расистском нордическом мире. А другим расам или народам мог предложить разные категории рабства. Следовательно, союз с Гитлером окончился бы для Польши не только поражением, но и позором участия в борьбе с целой европейской цивилизацией, к которой ведь себя причисляли поляки»⁴.

В ситуации, когда ухаживания за Польшей неожиданно для Адольфа Гитлера закончились неудачей, он начал искать новых союзников, что и использовал Иосиф Сталин, обеспокоенный уступками западных держав Германии. Результатом явилось германо-советское соглашение, которое вошло в историю как пакт Молотова — Риббентропа. Таким образом, как пишет русский историк Сергей Случ, «Сталин, наконец, достиг давно

¹ Wielkie mowy historii. Od Hitlera do Eisenhowera. T. 3. Warszawa, 2006. S. 67.

² *Wieczorkiewicz P.* Historia polityczna Polski 1935–1945. Warszawa, 2005. S. 53. См. также: *Kornat M.* Paweł Wieczorkiewicz (1848–2009) // *Zeszyty Historyczne*. (Paryż), 2009. T. 169. S. 206–207.

³ *Żerko S.* Orzeł z szakala // *Polityka*. 2009. 24 января. S. 71.

⁴ *Lubiński T.* 1939. Zaczęło się we wrześniu. Warszawa, 2009. S. 47.

желанной цели, которой являлось соглашение с национал-социалистической Германией. Более того, заключил с Гитлером договор на условиях, о каких он даже не смел мечтать»¹. Тогда казалось, что благодаря соглашению Советский Союз получал только выгоду: как кратковременные (отодвигал момент возможного втягивания в войну), так и долгосрочные — получал значительные территориальные приобретения, которые были бы невозможны в случае действий, направленных на сохранение status quo.

С точки зрения интересов Польши, подписание пакта, а точнее, секретного протокола, который делил сферы влияния в Центрально-Восточной Европе между СССР и нацистской Германией, с самого начала было очень невыгодным событием². Вдобавок Польша не ориентировалась в содержании тайного протокола, хотя информацией на эту тему владели как американцы (передавшие ее англичанам), так и французы. Вероятно, союзники не поделились этими известиями с польскими властями, чтобы не ослаблять в Польше дух борьбы.

Уже с первых дней нападения Германии на Польшу Гитлер оказывал давление на СССР с тем, чтобы Красная армия перешла восточную границу Речи Посполитой. Сталин, хотя и выразил согласие на мелкие формы сотрудничества с немецкой армией (например, помощь в наведении на цель самолетов Люфтваффе), не хотел ввязываться в сомнительную пока «авантюру». Здесь надо добавить, что, по мнению многих историков, если бы в сентябре 1939 г. Франция и Великобритания полностью выполнили свои союзнические обязательства по отношению к Польше (это значит, в течение 15 дней направили все силы против Германии), то Гитлер до конца 1939 г. войну бы проиграл³. Однако уже 12 сентября 1939 г. на заседании высшего военного совета во французском городке Аббевиле англичане и французы отказались от планов немедленного наступления против немцев. Вдобавок они не сообщили об этом решении ожидающей помощи Польше. Зато информацию получила советская разведка, и это стало сигналом для СССР о том, что можно уже без риска перейти рижскую границу (некоторые историки обращают внимание на подписание в это

¹ *Slucz S. Długa droga Stalina do ugody z Hitlerem // Pamięć i Sprawiedliwość. 2009. № 1. S. 44.*

² Представляется, что с перспективы начала войны значение пакта Риббентроп-Молотов преувеличивается. Гитлер начал бы войну и без этого соглашения. Его последствия были более существенными на заключительном этапе войны и, парадоксально, явились основой для территориальных претензий Советского Союза.

³ *Lityński J. Czy Polska musiała przegrać w 1939 roku? // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1996. № 4. S. 232–265.*

время Советским Союзом соглашения с японцами на Дальнем Востоке, но, думается, что для европейских событий это имело второстепенное значение).

Польское руководство было застигнуто врасплох решением СССР о переходе рижской границы, которое обосновывалось необходимостью защиты украинцев и белорусов. Дезориентированный главнокомандующий маршал Эдвард Рыдз-Смиглы издал тогда знаменитую директиву: «С большевиками в бой не вступать, кроме как в случае нападения с их стороны или попытки разоружения». Помня об этом приказе, трудно подвести серьезный баланс потерь в польско-советских столкновениях в сентябре 1939 г., а особенно сравнивать их с потерями в польско-немецких боях. В северо-восточных районах Польши, тем не менее, дело дошло тогда до нескольких столкновений большого масштаба, таких, как бои за Гродно 20–21 сентября, или битва с танковыми частями под Кодзёвцами (недалеко от Сопоткина), в ходе которой Красная армия потеряла более 20 танков, что с перспективы более поздних этапов Второй мировой войны не является чем-то экстраординарным, но в сентябре 1939 г. впечатление произвело.

Во время овладения землями Речи Посполитой Красная армия совершила ряд военных преступлений. Чаще они носили характер возмездия за упорную оборону польской стороны, которая вела к потерям, как, например, в Гродно, где после занятия города расстреляли около трехсот его защитников. Расстреляли также (в Макранах недалеко от Бреста) около 150-ти отступающих матросов Пинской флотилии, а недалеко от Сопоткина командующего округом третьего корпуса генерала Юзефа Ольшина-Вильчиньского и его адъютанта. Здесь мы не анализируем отдельные случаи убийств и грабежей, которые неизбежно сопутствуют всем войнам. Можно привести также примеры, когда вступление Красной армии успокаивало ситуацию и улучшало состояние безопасности, так как прекращало самовольную деятельность разных революционных комитетов, возникших при известии о переходе Советской армией польской границы.

До сих пор не известно, в какой степени это была просто спонтанная акция сохранившихся в регионе, несмотря на роспуск Коминтерна в 1938 г., Коммунистической партии Польши (КПП) и ее автономных секций (Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) и Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ)), коммунистических структур, а на сколько результат деятельности агентурной сети, получившей сигнал из Москвы. Фактически, несмотря на роспуск

КПЗБ, формальное отсутствие центрального и окружного руководства, контакты между различными ячейками существовали, а в конце августа 1939 г. активизировались. Интересную информацию на эту тему дает рукопись 1979 г. коммунистического функционера тогдашнего Полесского воеводства В. Ласковича, а особенно описанная им деятельность Ивана Тарасюка¹. Иван Тарасюк, в начале 30-х годов – комиссар полка в Ленинграде, выпускник Ленинградской военной академии, в 1932 г. был направлен Коминтерном на работу в КПЗБ. Вскоре после прибытия в Польшу его разоблачили как коммунистического деятеля и осудили на тюремное заключение. После выхода на свободу в 1937 г. он был избран секретарем окружного комитета КПЗБ в Бресте над Бугом, последним по счету в этой организации. После роспуска КПЗБ жил в Варшаве, но выехал оттуда 15 августа 1939 г., прибыл в окрестности Бреста и начал создавать «нелегальные отделения». Согласно В. Ласковичу, уже 1 сентября 1939 г. в районе Жабчиц был создан «штаб повстанческого движения» во главе с Тарасюком. Еще до 17 сентября во многих местностях появились ревкомы или группы для защиты деревни. Начиная с 12 сентября, Тарасюк решил переместить повстанческие группы в направлении Пинска, чтобы овладеть этим городом – по дороге 14 сентября в Молотковичах была занята железнодорожная станция. Также, например, в районе Баранович уже около 12 сентября начали возникать «повстанческие группы». Проблема инспирации этих действий разведывательными структурами СССР требует основательного исследования.

На некоторых территориях деятельность разных «революционных комитетов» начала принимать кровавый характер, а их репрессии коснулись не только поляков, но и православных белорусов. Так, в местности Зельва (повет Гродно) среди убитых были ксендз католического прихода Ян Крыньский и православный священник Давид Якобсон. Белорусы, которые критически относились к деятельности этих комитетов, или просто противились убийствам, стали жертвами и в других районах.

Как вспоминает один из жителей белорусской деревни Курпики Гродненского повета по поводу убийств военных осадников, «большинство людей было против того, что творили люди из банды Арчукевича, но они были не в состоянии их остановить, потому что эти, в основном пьяные, разбойники грозили смертной казнью всем, кто будет помогать

¹Ласкович В. Краткая историческая справка об освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию (рукопись находится в распоряжении автора).

поселенцам!»¹. Тем не менее, жители близлежащей деревни Савалювка спрятали нескольких польских осадников, спасая им жизнь².

Порой в публикациях историков, особенно западных, можно встретить утверждение, что после 17 сентября 1939 г. на северо-восточных землях с инспириции польских властей прошли погромы еврейского населения. Этот тезис не находит никакого фактического подтверждения. В то время имели место только действия, направленные на усмирение антигосударственных выступлений коммунистических групп, в которых значительный процент составляла еврейская молодежь. В июне 1940 г. советский суд в Гродно вынес приговор 11 лицам за участие в подавлении коммунистического бунта в этом городе. Данная акция была коварно названа коммунистической властью «антисемитским погромом», но о бессмысленности такой оценки свидетельствует хотя бы тот факт, что среди осужденных был Еврей Борух Кершейнбэйм (смертная казнь)³.

После подписания 28 сентября 1939 г. германо-советского договора о границах и проведения формальной процедуры присоединения занятых земель к советским республикам, оказалось, что граница БССР проходит почти на 100 км западнее, чем определяли ее даже самые далеко идущие планы белорусского национального движения⁴. БССР охватила и западную часть тогдашнего Белостокского воеводства, где вообще не проживали белорусы, а поляки составляли около 90 % населения. Если взять во внимание все северо-восточные земли (вместе с Виленщиной, переданной Литве), то поляки составляли на этой территории около 45 % жителей и были самой большой национальной группой. На втором месте находились белорусы — около 40 %, а на третьем — евреи (почти 10 %), численность которых осенью 1939 г. резко возросла вследствие прибытия на эти территории многотысячной толпы беженцев из центральной Польши. В вопросе оценки национальной структуры северо-восточных земель Польши мы имеем дело с двумя тенденциями: в части польских

¹ Tomczyk A. *Abyśmy mogli wybaczyć*. Warszawa, 2007. S. 230.

² В начале 90-х гг. XX века Союз семей военных осадников учредил мемориальную плиту, отражающую почитание жителей этой деревни за спасение членов семей поселенцев в 1939 г.

³ Государственный архив общественных организаций Гродненской области. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 90. Письмо прокурора Белостокской области секретарю областного комитета КП(б) от 25. VI. 1940 г. Л. 279.

⁴ См.: Милевский Я. Е. Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 3.

публикаций занижается доля национальных меньшинств, а в белорусских, наоборот, преуменьшается удельный вес поляков.

В Белостокской области, которая, с точки зрения национальной структуры, была самой «польской» (поляки составляли более 60 % жителей, белорусы – около 20 %, а евреи – 13 %), самые важные посты оказались заняты людьми, прибывшими с востока, так называемыми «восточниками». До 10 октября 1940 г. на работу в различные учреждения области с востока прибыло более 12 тысяч человек, в том числе свыше 9 тысяч – на руководящие посты (за исключением милиции, НКВД и органов правосудия). Были это, главным образом, белорусы (44 %), русские (34 %) и евреи (16 %)¹. С другой стороны, стоит заметить, что среди зарегистрированных по области бывших членов коммунистической партии (КПП и КПЗБ) только половина была принята на руководящие посты в советские учреждения². Особенно удивительным, вопреки бытующему мнению, было присутствие в аппарате власти евреев. Подтверждают это другие статистические данные, касающиеся Белостокской области: в органах исполнительной власти на уровне района белорусы составляли 65 %, поляки – 15 %, русские и евреи – по 10 % (по состоянию на 30 декабря 1940 г.)³. Среди работников милиции области в октябре 1940 г. 63 % были белорусами, 20 % – русскими, 11 % – евреями, а 4 % – поляками.

В исследованиях, опубликованных в последние годы, появились также новые оценки, касающиеся сотрудничества местного населения с советскими властями. Наиболее убедительно это показано в работах Кшиштофа Ясевича, который, обращаясь к достаточно распространенному тезису о массовой поддержке советской власти евреями и белорусами, констатировал, что в этом вопросе «польское воображение подавлено эмоциями»⁴. По мнению К. Ясевича, только около 13 % местных евреев были враждебно настроены к Польше и полякам и искренне желало им всего самого худшего. Остальные вели себя пристойно. Следовательно, утверждение о том, что евреи сотрудничали с Советами охотно, а поляки – только из необходимости, надо рассматривать как демагогическое⁵. Подобные суждения можно отнести и к белорусскому населению.

¹ *Milewski J. J.* Okupacja sowiecka w Białostockiem. Próba charakterystyki // *Okupacja sowiecka ziem polskich 1939–1941*; red. P. Chmielowiec. Rzeszów, 2005. S. 205.

² *Jasiewicz K.* Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941. Warszawa, 2001. S. 185.

³ *Milewski J. J.* Okupacja sowiecka... S. 205.

⁴ *Jasiewicz K.* Pierwsi po diable... S. 164.

⁵ *Ibidem.* S. 180.

Многое изменилось и в вопросе оценки репрессий, чинимых советскими властями. Все чаще отмечается, что касались они всех национальных групп, а не только поляков. Стоит, однако, начать с определения масштаба этих репрессий, наиболее характерной формой которых была депортация населения вглубь СССР: в северные области России, в Сибирь и в Казахстан. Благодаря проведенным после 1989 г. исследованиям, особенно российских историков из общества Мемориал, удалось установить, что со всех земель, оккупированных СССР, было выслано около 320 тыс. человек, в том числе из так называемой «Западной Белоруссии» 125 тыс. Эти выводы значительно корректируют функционировавшие ранее в историографии оценки численности депортированных, которые чаще всего колебались вокруг 1,5 млн. Несмотря на очевидные доказательства, представленные историками, новое (меньшее) число депортированных с трудом прокладывает дорогу в общественном сознании. Значительно труднее вычислить потери в числе депортированных, или среди всех репрессированных советской властью в целом в 1939–1941 гг. Материалы, находящиеся в российских архивах, позволяют установить эти потери только до августа 1941 г. Фактические потери можно оценить исключительно на основании исследований, касающихся отдельных местностей на территории нынешнего Подлясского воеводства (бывшее Белостокское). Подводя итог детальным исследованиям по разным деревням, гминам, местечкам и приходам, можно констатировать, что не пережили войны около 20 % депортированных, включая в это число лиц, которые после амнистии в августе 1941 г. погибли на боевом пути армии генерала Владислава Андерса (позднее II Польский корпус) или полковника Зигмунта Берлинга (Польская армия в СССР)¹. Вероятнее всего, потери среди депортированных из больших городов семей интеллигенции, непривычных к тяжелой физической работе и трудным бытовым условиям, были несколько большими.

По-прежнему в Польше не известен так называемый белорусский катынский список, то есть перечень 3 870 человек, которые пребывали в тюрьмах «Западной Белоруссии» и были лишены жизни на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Без сотрудничества российской и белорусской сторон восстановление этого списка невозможно.

Репрессии хотя и охватили все национальные группы, проживающие на землях, включенных в БССР, фактически касались главным образом

¹ *Milewski J. J.* Deportacje z Białostockiego w latach okupacji sowieckiej (1939–1941) // *Exodus. Deportacje i migracje (wątek wschodni). Stan i perspektywy badań*; red. M. Zwolski. Warszawa–Białystok, 2008. S. 39.

поляков, которые доминировали в общественных группах, против которых они были направлены. Относительно менее ощутимы были они в отношении евреев, а особенно белорусов, которые преимущественно в первое время регистрировали положительные для них тенденции, например, расширение возможностей устройства на работу в разные институты и учреждения (работники милиции, учителя и т.п.), или появление школ с белорусским языком. Следовательно, нет ничего странного в том, что создаваемые в подполье организации, целью которых была борьба за возвращение Польше независимости, объединяли почти исключительно поляков. Прежде антисоветскому подполью посвящали мало места, утверждая, что с учетом эффективной деятельности НКВД оно было слабым. Между тем, хотя органы НКВД действительно действовали очень четко, в том числе и потому, что его недооценивали конспираторы, размах борьбы за независимость был очень широким. Доказывает это Рафал Внук в недавно опубликованной работе¹. Оказалось, что в начале 1940 г. польское подполье в советской зоне оккупации, несмотря на существенно более узкую социальную базу, численно было сравнимо с польским подпольем на территории, оккупированной немцами. В 1939–1941 гг. через разные польские конспиративные организации на восточных землях прошло 25–30 тыс. человек, из которых приблизительно 40 % — на землях, включенных в БССР. В те годы в западных областях БССР было арестовано более 6 тыс. человек, обвиненных в участии или сотрудничестве с польским подпольем². Одновременно стоит заметить, что специальные службы, как советские, так и немецкие, пытались оказывать влияние на конспиративную сеть, чтобы использовать ее в собственных целях. С уверенностью можно констатировать, что эта попытка не удалась, а, например, завербованный НКВД комендант округа Союза вооруженной борьбы в Новогрудке после выхода на свободу совершил самоубийство.

Одним из существенных элементов, который влиял на ухудшение отношения к власти даже слоев, в первое время доброжелательно к ней относившихся, была экономическая ситуация. Когда в Польше после 1989 г. возникла возможность исследования истории земель, которые в 1939–1941 гг. находились под советской оккупацией, в первую очередь была поднята политическая тематика — особенно проблема репрессий. Недостаток исследований экономической истории обусловил консервацию

¹ Wnuk R. «Za pierwszego Sowietą». Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939–czerwiec 1941). Warszawa, 2007.

² Ibidem. S. 370.

эмоционального образа этой политики, закрепленной в воспоминаниях тех лет, ассоциирующей главным образом с конфискацией имущества граждан, а также разных учреждений и обществ, которое массово вывозилось вглубь СССР. Политику эту можно было определить как грабительскую. Подобным образом оценивали советские историки экономическую политику польского правительства в межвоенный период. Эти самые историки в целом очень позитивно описывали экономические перемены на восточных землях после 17 сентября 1939 г., подчеркивая развитие промышленности, ликвидацию безработицы и преодоление довоенной отсталости. В этом месте стоит обратить внимание на оценки еврейских историков, которые, очерчивая продвижение беднейших групп еврейского населения, напоминали о конфискациях и репрессиях, которые коснулись тогда более богатых евреев, а также трагической ситуации большинства беженцев из центральной Польши.

Очевидно, что восточные земли межвоенной Польши были в хозяйственном отношении развиты слабо, однако экономические изменения на этих землях в 1939–1941 гг. заключались главным образом в преобразовании экономического строя, фактической ликвидации частной собственности и свободного рынка. Рост производства достигался преимущественно экстенсивными методами, посредством увеличения объема и времени труда, которые сопровождала большая расточительность средств, что часто делало производство нерентабельным. На занятых территориях органы советской власти реализовывали разные инвестиции, но, по мнению Марека Вержицкого, в 1940 г. инвестиционные расходы на одного жителя в восточной Белоруссии были в несколько раз больше¹. Следует добавить, что расходы осуществлялись не только за счет остальной страны, так как советское государство приняло имущество здешних предприятий и учреждений, а также отдельных граждан, вместе с банковскими активами и вещами, заложенными в ломбардах. Стоит подчеркнуть, что выгодной предпосылкой для развития местной текстильной промышленности (главным образом белостокский промышленный округ) было освоение нового рынка сбыта, каковым являлась территория СССР.

В случае других отраслей экономики целью власти также было преобразование их по советскому образцу, хотя сразу к этому не приступили. Так, в сфере сельского хозяйства часть деревенской бедноты изначально

¹ Wierzbicki M. Sowiecka polityka ekonomiczna na ziemiach wschodnich przedwojennej Polski (tzw. Zachodniej Ukrainie i Zachodniej Białorusi) w latach 1939–1941 // Pamięć i Sprawiedliwość. 2009. № 1. S. 222.

могла быть удовлетворена, так как ей передали, по крайней мере, 430 тыс. га земли разделенных помещичьих имений, более 14 тыс. лошадей и 33 тыс. голов другого домашнего скота. Вскоре, однако, различными методами начали оказывать давление при проведении коллективизации (в том числе ввели максимальные размеры сельских хозяйств). Однако до нападения Германии на СССР в «Западной Белоруссии» сумели организовать только 1115 колхозов, которые охватили небольшую часть крестьянских хозяйств. И меньше всего их оказалось в Белостокской области — только 5 %¹. Если к этому прибавить очень слабые результаты совхозного строительства в неразделенных имениях, то очевидно, что подобная политика вызвала снижение сельскохозяйственного производства. Тем временем спрос на продукты питания вырос, так как на территорию «Западной Белоруссии» прибыли с востока десятки тысяч служащих и сотни тысяч солдат Красной армии.

Уже с начала функционирования советской власти, вследствие уравнивания курсов злотого и рубля (до войны 1 злотый = 3,3 рубля), запрещения повышения цен, а потом введения цен официальных, полки магазинов опустели. Ситуация, особенно с продовольственными товарами, быстро стала катастрофической. В итоге развивался «черный рынок», на котором цены в несколько раз превышали государственные. Очень интересное сопоставление по этой проблеме на примере Бреста сделала Оксана Петровская. Один килограмм картофеля официально стоил 0,3 рубля, а на «черном рынке» — 1,5 рубля, 1 кг сахара — соответственно 5,7 и 40 рублей, а 1 кг колбасы — 6 и 15 рублей². Несмотря на формальный запрет, власть терпела существование «черного рынка», потому что он амортизировал недостаток товаров в магазинах. Марек Вержбицкий дал такую оценку: «Уровень жизни в сравнении с довоенным периодом отчетливо ухудшился. Зарплата рабочих, служащих и учителей незначительно превысила довоенный уровень и колебалась от 80 до 250 рублей, в то время как цены выросли в несколько и даже в несколько десятков раз»³. По мнению того же автора, лучше были обеспечены руководящие кадры в администрации и органах безопасности, которые имели более высокие заработки и специальное снабжение. Представляется также,

¹ *Milewski J. J.* Okupacja sowiecka... S. 207.

² *Петровская О.* Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939–1941 годах // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*; red. M. Gnatowski, Białystok, 2000. S. 242.

³ *Wierzbicki M.* Op. cit. S. 231.

что большинство тех, кто ранее долгое время оставались безработными, улучшили свое положение.

Достаточно распространен тезис, что с середины 1940 г., то есть после поражения Франции, когда стало очевидным, что следующим объектом немецкой агрессии может быть СССР, наступили изменения в политике, касающейся поляков; возможно, речь шла даже о создании какой-то «автономной» польской области. Советская власть изменила тогда тон пропаганды в отношении поляков, было принято решение о создании нескольких польских учреждений культуры (например, Музей польской литературы им. Элизы Ожешко в Гродно). Тогда же возникла республиканская газета на польском языке — «Знамя Свободы» («Sztandar Wolności»). Всего в 1940–1941 гг. на польском издавались две республиканские газеты и шесть местных — главным образом, в Белостокской области. Стоит, однако, заметить, что большинство из них были двуязычными, так же имели место случаи отказа от польской версии («Новая Жизнь» («Nowe Życie») в Граево). Решения, которые можно интерпретировать как учет национальной специфики региона, явились очередным инструментом советизации общества. О том, что стремление к отражению этой специфики в прессе могло быть опасным, свидетельствуют аресты в первой половине 1941 г. в редакции газеты «Знамя свободы». Арестованных обвинили в стремлении к тому, чтобы корреспондентами газеты были только поляки, в желании поставить во главе отделов редакции людей с националистическими взглядами, уроженцев западных областей БССР, а также требования меньше писать о колхозах, а больше об индивидуальных хозяйствах¹. Уже хотя бы этот случай свидетельствует о том, что намерения преобразовать Белостокскую область в польскую автономную область, о которых, впрочем, до сих пор слишком мало сведений, носили исключительно инструментальный характер. Фасадные действия вовсе не означали прекращение процессов советизации и русификации. Так, например, одновременно уменьшилось количество польских школ.

Тем временем в «Западной Белоруссии» появился новый тип учебных заведений — высшие школы. В Белостоке был создан 4-х летний педагогический институт, а в Гродно 2-х летний учительский институт (от него ведет традицию ныне существующий в этом городе Государственный университет им. Янки Купалы). Стоит обратить внимание на национальный состав студентов. В Белостоке среди 269 студентов, принятых на первый

¹ Śleszyński W. Prasa sowiecka w obwodzie białostockim w latach 1939–1941 // Radziecka agresja... S. 228.

курс, было 44 % евреев, 25 % белорусов, 16 % поляков и 14 % русских. В Гродно в числе допущенных к экзаменам на рубеже января–февраля 1940 г. насчитывалось 49 евреев, 40 белорусов и 12 русских¹. В Белостоке среди преподавателей точных дисциплин оказалось много знаменитостей. Лишь недавно вспомнили Адольфа Линденбаума (руководителя кафедры математики), который сейчас числится в плеяде самых выдающихся специалистов по математической логике XX века².

По мере усиления советской власти ускорялся курс на элиминацию религии, но проводился он таким образом, чтобы не портить обманчивых настроений общества: эффективной формой борьбы с различными учреждениями религиозного культа должно было стать увеличение налогового бремени. Точно известны расходы католического прихода в Люботыне (повет Остров Мазовецкий). Тамашний приходской ксендз в 1940 г. обязан был выплатить (под угрозой судебной ответственности) налоги, превышающие в общей сумме 14 тысяч рублей, что составляло более 88 % всех расходов прихода³. Резкое увеличение податного бремени привело к закрытию части сакральных объектов. Так, в Белостоке из 63-х синагог, переданных на нужды беженцев с территорий, занятых Германией, 60 не функционировало по финансовым соображениям.

Белорусы всех ориентаций не протестовали против объединения земель, определяемых наименованием «Западная Белоруссия», с БССР, а часть белорусских деятелей пошла еще дальше. Антон Луцкевич, известный белорусский культурный и политический деятель, приветствуя 24 сентября 1939 г. на Лукинской площади в Вильно новую власть, помимо прочего заявил: «Белоруссия снова стала единой, никакие границы не поделят уже объединенных белорусских земель [...]. Перед нами огромная работа, работа по восстановлению всего того, что годами приходило в упадок или уничтожалось польскими панями [...]. Создание объединенной, свободной, советской Белоруссии будет определять дорогу ее быстрого развития»⁴. Несколько дней спустя, 27 сентября 1939 г., Антона Луцкевича арестовали, а затем отправили в минскую тюрьму, откуда он уже не возвратился (умер в ссылке в 1946 г.). Деятели национального белорусского

¹ Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie. Propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001. S. 470.

² Marciszewski W. Wielcy matematycy światowi związani z Białymstokiem // Białystok w 80-lecie. Białystok, 2000. S. 162.

³ Archiwum Diecezji Łomżyńskiej. Zespół Akt Nowych. Akta osobiste ks. Mariana Lisa.

⁴ Милеўскі Я. Е. Калабарацыя на «крэсах усходніх» Другай Рэчы Паспалітай у 1939–1941 гг. // Гістарычны Альманах. Гародня–Беласток, 2007. Т. 13.

движения никогда позже не критиковали сам акт объединения. Однако современный белорусский историк, оценивая последствия 17 сентября, констатирует: «Восточные белорусы невольно ввели в заблуждение своих соотечественников с запада, предлагая им вместо независимой Белоруссии московское рабство»¹. Это чувство разочарования значительная часть белорусов начала ощущать по прошествии нескольких первых недель функционирования новой власти. Уже в 1940 г., по мнению Марека Вержбицкого, на северо-восточных землях среди белорусского населения распространилась поговорка: «То, что поляки не смогли с нами сделать за 20 лет, большевики сделали в течение нескольких месяцев — мы теперь все поляки»². С другой стороны, как следует из исследований Евгениуша Мирановича, часть белорусского населения по-прежнему отрицательно оценивала польское правление, несмотря на разочарования действиями советских властей.

Надежды, разбуженные коммунистической пропагандой у части общества, быстро скорректировала жизнь. Ухудшение экономической ситуации и репрессивная форма правления провоцировали все большее разочарование среди части белорусского населения, которое перестало признавать новую власть своей, начала тосковать по прежнему государству, а после 1944 г. хотела репатрироваться в Польшу. В районе Глубокое из 17 853 семей, которые хотели репатрироваться, были признаны белорусскими 10 932 (65 %). Очевидно, что согласия на отъезд они не получили. В районе Миоры на 2 321 рассмотренных заявлений поляками признали себя только 20 семей. Особым случаем среди них является Антоний Чашкевич (сельсовет Миоры), который осенью 1939 г. был избран депутатом Народного собрания Западной Белоруссии и вошел в состав делегации, которая направилась в Москву, чтобы представить органам центральной власти СССР просьбу о включении «Западной Белоруссии» в состав БССР. Он обратился к уполномоченному по делам репатриации и заявил, что он польский патриот и хочет уехать на родину³.

Занимаясь проблемой воздействия политики советской власти на местное общество, исследователи до сих пор обходили противоположный вопрос: как общественные отношения, существовавшие на землях, включенных

¹ *Szybieka Z.* Historia Białorusi. 1795–2000. Lublin, 2002. S. 332.

² *Wierzbicki M.* Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 2000. S. 321–322.

³ *Вялікі А. А.* На раздарожжы. Бѣларусы і палякі ў час перасялення. Мінск, 2005. S. 103, 132.

в 1939 г. в СССР, повлияли на десять тысяч людей, которые прибыли туда с востока (так называемые «восточники»), чтобы осуществлять эту власть и ее укреплять: советизировать, русифицировать, национализировать, коллективизировать, атеизировать, сохранять порядок, но и следить, репрессировать, лечить, учить и т.п. Ведь были это подобранные, не случайные люди. Вместе с тем, в то время как советская власть боролась с разными религиями, стремясь атеизировать общество, как уже отмечалось выше, в некоторых православных приходах в Белостокской области в 1940–1941 гг. (а особенно в 1941 г.), что вытекает из работы ксендза Гжегоша Сосны, резко выросло число крещений¹. Исследователь отчетливо показывает, что вызвано это было «большим количеством крещений детей граждан СССР».

Многочисленные публикации, касающиеся 1939–1941 гг. (в том числе воспоминания), которые появились в Польше в последнее время, позволяют смотреть на этот период не только через призму плохой системы, но и заметить дифференцированную позицию людей, которые ее представляли. Одни безоговорочно выполняли распоряжения властей, иногда нарушая их в собственных интересах, другие – главным образом оставались людьми.

¹ Sosna G. Bibliografia parafii prawosławnych na Białostocczyźnie. Część demograficzna: chrzty, śluby i zgony (według ksiąg metrykalnych). Ryboły, 1992.

В. Е. Снапковский

**О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ
СССР ПРОТИВ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 ГОДА¹**

После восстановления в 1918 г. независимости Польши Советская Россия-СССР и Германия осуществляли между собой тесное геополитическое сотрудничество с целью ослабления, расчленения и, по возможности, ликвидации польского государства. Новый этап советско-германского внешнеполитического сотрудничества и даже взаимодействия в польских делах, что затрагивало интересы белорусов и украинцев в Польше и в СССР, наступил в конце 30-х годов. При этом А. Гитлер сначала пытался использовать Польшу в антисоветских планах.

Как отмечалось в меморандуме военного атташе Великобритании в Берлине Ф. Мейсон-Макфарлейна для британского МИД от 26 декабря 1938 г., немцы принуждали поляков к совместной военной акции против Белоруссии весной 1939 г. В случае их отказа они намеревались начать военную кампанию против Польши в более ранний срок. По словам британского дипломата, «в этой информации (которую он получил от литовского военного атташе в Берлине. — В. С.), по сути, нет ничего невозможного, хотя менее вероятным кажется то, что поляки будут готовы сейчас согласиться с таким немецким предложением. Однако следует заметить, что операции подобного рода были бы более выгодными для немцев либо накануне весеннего сева, либо поздним летом»². В этом же документе говорилось о планах А. Гитлера напасть на Украину в следующем году и распространении сообщений о подготовке Германии к коммерческому проникновению на украинскую территорию с целью ее эксплуатации³.

Последующие события показали, что Ф. Мейсон-Макфарлейн сделал очень верные выводы из полученной информации, сделав заключение: «а) Мы можем быть совершенно уверены в том, что в следующем году задумывается и готовится военная акция; [...] с) Гитлер, уверен в том, что интервенции с Запада не будет, и даже убежден (с моей точки зрения), что он достаточно силен для того, чтобы победить Польшу, не имея никакой оппозиции со стороны России. При этом он рассматривает Украину как

¹ В статье использованы материалы, собранные автором во время научной стажировки в Варшаве в 2008 г., которая была профинансирована фондом «Касса имени Мяновского», за что выражаю фонду искреннюю благодарность.

² Public Record Office. Foreign Office 371. Ref. 22960. P. 190.

³ Ibidem.

ограниченную цель; d) верно то, что Гитлер отказался от любых претензий на другие территории Польши. Однако он может легко спровоцировать военные действия с Польшей без того, чтобы сначала ворваться на польскую землю, и потом отказаться от своих слов [...]»¹.

О гитлеровских намерениях нападения на Польшу, ее раздела, создания «независимого государства Украины» сообщалось в письме анонимного английского германофила в британский Форин Офис, датированном концом декабря 1938 г.² Относительно ближайших военных планов А. Гитлера в нем говорилось следующее: «Гитлер придумывает новые комбинации каждую неделю. Я только что получил из очень высокопоставленных источников верные, хотя и неполные, фрагменты его последнего плана «Поход на Восток». Адольф Гитлер с непредсказуемой быстротой разорвал свою бывшую псевдодружбу с Польшей и решил поделить эту страну на части. Из 32-х миллионов жителей Польши только 19 миллионов останутся в новой Польше. Девять миллионов должны быть инкорпорированы в независимую Украину, около двух миллионов возвратятся к Германии и около одного миллиона будут присоединены к Литве, включая жителей Вильно и окружающую его территорию. Это дополнение к Литве рассматривается как компенсация Ковно за планируемую утрату Мемеля, который литовское правительство согласно рассматривать в качестве плацдарма для определенных немецких действий следующим летом. Кроме Виленской области Польша должна потерять: 1) Галицию вглубь около 50 километров на север от Львова, включая восточные польско-украинские районы; 2) вернуть коридор Германии, который соединяет границу Рейха по реке Нейсе с юго-восточным углом теперешней границы Восточной Пруссии; восстановленный коридор возвращает Германии Бромберг и Граудэнс, но не город Торн, ту часть Верхней Силезии, которую Польша получила в результате соглашения 1921 года.

Эти изменения польской территории планируется осуществить одновременно с созданием нового государства Украины³. В деле выполнения выше названных планов Берлин не ждет сопротивления кроме тех стран,

¹Public Record Office. Foreign Office 371. Ref. 22960. P. 190–191.

²Это письмо было распространено министром иностранных дел Великобритании среди членов британского парламента вместе с другими документами, которые вошли в папку под названием «Possible German Intentions» («Возможные немецкие намерения») (январь 1939 г.). Автор письма, названный «английским германофилом», обозначен буквой Q.

³Анонимный автор письма утверждает, что последней датой, которая определена для начала русской *сопр* (кампании — *франц.*), является июнь 1939 г., но добав-

которым угрожает нападение. Вильгельмштрассе уверен, что британский премьер-министр оставит Германии свободу рук на Востоке и Юго-Востоке [Европы]...»¹.

Однако после того как польское правительство отказалось участвовать в нацистских приготовлениях против СССР², германская дипломатия сделала поворот на 180 градусов и выступила с инициативой улучшения отношений с Москвой, которая благосклонно была встречена советским руководством.

Значительный интерес с точки зрения того, как начиналось советско-германское стратегическое планирование их будущих действий против Польши, представляет выявленное автором в Архиве внешней политики Российской Федерации донесение поверенного в делах СССР в Германии Г. Астахова в НКВД СССР и его опубликованное письмо непосредственно народному комиссару иностранных дел В. Молотову, которые датируются соответственно 4 июля и 8 августа 1939 г.

В первом донесении сообщалось об анонимном письме, полученном советским посольством в Берлине с предложением от имени немецкого правительства разделить Польшу между Германией и СССР, взяв за основу довоенную российско-германскую границу с частичными изменениями в пользу Германии, которая удерживала бы за собой линию Варты и Литву. Отправляя копию этого письма в Москву, Г. Астахов отметил, что этот документ имеет непосредственную связь со слухами, которые распространяются в Берлине о советско-германских переговорах о разделе Польши, которые якобы уже начались. На его взгляд, подобные разговоры, как и отправляемое письмо, отражают общественные настроения, в которых заинтересована немецкая пропаганда по причинам, о которых нетрудно догадаться³.

ляет, что немецкие операции в Восточной и Юго-Восточной Европе начнутся где-то в апреле 1939 г.

¹ Public Record Office. Foreign Office 371. Ref. 22961. P. 258.

² В заключительном рапорте посла Польши в СССР В. Гжибовского министру иностранных дел А. Залескому от 6 ноября 1939 г. подчеркивалось, что польская внешняя политика после 1921 г. осталась верной принципу «не участвовать ни в какой акции или международных соглашениях, направленных против СССР. И важнейшее, — Польша решительно отбросила многочисленные немецкие предложения, направленные против Советов». См.: Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. II. 1933–1939. Warszawa, 1996. S. 275.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВНПРФ). Секретариат В. И. Иотемкина. Германия. 1939 год. Оп. 4. Д. 61. Л. 108–109.

В письме В. Молотову от 8 августа Г. Астахов поделился своими впечатлениями относительно немецких предложений о разделе Восточной Европы. Он считал, что после подписания торгово-кредитного соглашения, которое уже не за горами, немцы выступят с далеко идущими политическими инициативами, касающимися «всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими» «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского»¹. Советский дипломат, в частности, писал следующее: «Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину»². Г. Астахов правильно спрогнозировал развитие событий и намерения немцев, когда высказал мысль о том, что они хотят достичь временной договоренности с СССР, чтобы нейтрализовать его в случае своей войны с Польшей.

Опубликованные в США документы германской внешней политики, которые охватывают период с 9 августа по 3 сентября 1939 г., свидетельствуют о том, что начало зондажа между Берлином и Москвой на предмет нормализации отношений относилось к 10 августа 1939 г., когда начальник департамента экономической политики германского МИД К. Шнурре подготовил меморандум о разговоре с Г. Астаховым, который состоялся в тот же самый день. По его словам, Г. Астахов получил инструкции подчеркивать, что советское правительство желает улучшения отношений с Германией. К. Шнурре ответил, что, приветствуя это, Германия, хотела бы знать, во-первых, позицию СССР по вопросу Польши, а, во-вторых, цели советского правительства в военных переговорах с Англией и Францией³. Немецкий дипломат особо отметил, что если бы СССР, как и Англия, выступил гарантом мегаломанских польских амбиций, то это было бы, конечно, плохим началом немецко-советских переговоров, учитывая результаты военных

¹ Там же. Л. 127–126. Оубл.: Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. В 2 кн. Кн. I. Январь–август. М., 1992. С. 585.

² Там же.

³ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VII: The last days of peace. August 9 – September 3, 1939. Wash., 1956. P. 18–19. См. также телеграмму Г. Астахова НКВД СССР от 10 августа, где он излагал содержание беседы со Шнурре. См.: Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. I. С. 595–596.

переговоров в Москве, что означало бы своего рода военный альянс против Германии с участием СССР¹.

Астахов проявил большой интерес к поставленным проблемам, однако не имел инструкций из Москвы обсуждать вопросы Польши и военных переговоров. Касательно польского вопроса он сказал, что сомнительно, чтобы он получил конкретный ответ из Москвы по этой «массивной проблеме». На этой стадии переговоров это напоминало бы ситуацию, когда телега была бы впереди лошади, поэтому невозможно поставить польский вопрос сразу и определенно на обсуждение. Астахов хотел бы узнать, какие немецкие решения польского вопроса можно было бы ожидать в ближайшие несколько дней, и каковы цели Германии относительно Польши. К. Шнурре избежал ответа на этот вопрос и сделал вид, что он не хотел бы придавать ему в какой-либо степени слишком большое значение².

12 августа Г. Астахов сообщил В. Молотову о новой беседе со Шнурре, резюмируя позицию Германии следующим образом: «Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) — это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»³.

14 августа К. Шнурре направил посольству Германии в Москве отчет о своем новом разговоре с Г. Астаховым. В нем сообщалось, что советское правительство было бы заинтересовано провести с Германией не только экономические переговоры, но и обсудить иные аспекты двусторонних отношений, касающиеся прессы, культурного обмена, Польши и ранее заключенных советско-германских договоров, переговоры по которым проходили бы в Москве. На вопрос Шнурре, какое значение придает советское правительство польскому вопросу, Астахов ответил, что он не получил специальных инструкций на этот счет, однако главным для него является указание действовать в решении поставленных задач «последовательно» (by degrees)⁴.

В тот же самый день, 14 августа, министр иностранных дел Германии И. Риббентроп направил немецкому послу в Москву Ф. Шуленбургу инструкции, чтобы тот в разговоре с В. Молотовым утверждал, что идеологические разногласия не мешают сотрудничеству между Германией

¹ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VII. P. 18.

² Ibid. P. 19.

³ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. I. С. 597–598.

⁴ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VII. P. 58–59.

и СССР, так как между ними нет реального конфликта интересов. В инструкциях также подчеркивалось, что кризис в немецко-польских отношениях и английская политика неотложно требуют прояснения в советско-германских отношениях, и Риббентроп готов прибыть в Москву для обсуждения этих вопросов¹.

Хочу обратить внимание на то, что как Москва, так и Берлин, рассматривали польский вопрос как главный или один из главных, от совпадения или близости позиций по которому зависела нормализация советско-германских отношений. Об этом свидетельствует и известное послание А. Гитлера И. Сталину от 20 августа 1939 г., которое по указанию И. Риббентропа было передано Ф. Шуленбургом В. Молотову. В нем фюрер писал, что сущность дополнительного протокола, который хочет подписать советское правительство вместе с Договором о ненападении, сможет на месте определить только ответственное немецкое политическое лицо, посланное в Москву (пункт 4 послания). В 5-м пункте говорилось о том, что напряженность между Германией и Польшей стала нестерпимой, что было явным знаком для Сталина, чтобы тот готовился к скорой немецко-польской войне. В 6-м, последнем пункте отмечалось, что И. Риббентроп может приехать в Москву 22-го или, в крайнем случае, 23-го августа 1939 г.²

Как известно, за советско-германскими переговорами очень внимательно и с обоснованными тревогой и обеспокоенностью следили в Польше. Сразу после заключения пакта Молотова—Риббентропа руководитель разведывательного пункта при польском консульстве в Минске майор Р. Протасовицкий (один из лучших польских разведчиков на территории СССР) письменно рапортовал в Варшаву, что «трактат содержит секретные военные и территориальные клаузулы, которые касаются прибалтийских государств, Польши и, возможно, Румынии»³. Срыв переговоров с английско-французской военной миссией, которая, по его словам, «уже фактически отдала Советам на откуп балтийские государства, принимая советское определение понятия об опосредованной агрессии», произошел в результате невозможности согласовать взгляды относительно Польши и в связи с тем, что Германия заплатила в этом вопросе большую цену, чем союзники.

¹ Ibid. P. 62–64.

² Ibid. P. 156–157; Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 585.

³ Wrzesień 1939. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w dokumentach, relacjach i wspomnieniach. Warszawa, 2005. S. 221.

Р. Протасовицкий писал также в рапорте, что в скорой войне Польши и, возможно, союзников против Германии, выступит и Советский Союз. Но не в формальном военном союзе с Германией, а самостоятельно, в собственных интересах и с конкретно обозначенными целями, учитывая необходимость считаться с антисоветской позицией советского общества и Коммунистического Интернационала. В этом рапорте он определял срок вооруженного выступления СССР именно «в момент, как только вырисуется стратегическое разрешение на польско-немецком фронте», добавляя, что в связи с этим следует ждать срочного выхода СССР из конфликта с Японией¹.

В обзорах английской печати, составленных Вторым западным отделом НКВД СССР, пересказывались сообщения газет о советско-германских переговорах. Московский корреспондент газеты «News Chronicle» В. Бартлет писал 23 августа 1939 г. в статье «Задача Риббентропа в России» о том, что сами немцы были удивлены подписанием пакта Риббентропом, который в 1936 г. заключил Антикоминтерновский пакт². На следующий день В. Бартлет, комментируя 3-х часовую встречу Риббентропа с Молотовым, отмечал: «Советские круги твердо уверены, что советско-германское военное сотрудничество невозможно». Согласно его мнению, решение СССР подписать пакт уже усилило Германию и ослабило Польшу. Однако если Россия сделала оговорку в пакте относительно Польши, а Германия ради дружбы с Россией согласилась признать эту оговорку, то тогда войны не будет, заключал британский журналист³. В этом предложении, как можно заметить, содержатся догадки о каких-то тайных «оговорках» в пакте, которые на самом деле оказались дополнительным секретным протоколом.

«Manchester Guardian» писала 24 августа, что Риббентроп в Москве якобы предложил советскому правительству сотрудничество с Германией в вопросе о разделе Польши. Однако далее газета высказала предположение, что вряд ли Сталин и Молотов согласятся рассматривать пакт о ненападении в таком свете⁴. 25 августа в статье корреспондента этой газеты выражалось сомнение в обсуждении вопроса о разделе Польши на переговорах в Москве, однако утверждалось, что СССР и Германия могли договориться относительно пропорционального раздела сфер

¹Ibidem.

²АВИАРФ. Ф. 69. Оп. 28. П. 98. Д. 24. Л. 62.

³Там же. Л. 60–61.

⁴Там же. Л. 61.

влияния в польском вопросе. Также отмечалось, что СССР будет стоять в стороне, когда Германия нападет на Польшу¹.

«Daily Telegraph» 23 августа писала в передовой статье, посвященной советско-германскому пакту, что СССР предоставляет Германии свободу действий в Польше. Заключение пакта меняет в худшую сторону международное положение. Поляки остаются спокойными и решительными, хотя они имели очень мало надежд на поддержку со стороны СССР и не верили в его искренность, заключала газета².

В статье «Daily Telegraph» от 25 августа «Советы хотели ввести войска» сообщалось об англо-франко-советских военных переговорах в Москве, на которых представители Англии и Франции якобы спросили у членов советской миссии о стремлении СССР обеспечивать Польшу боеприпасами и держать в боеготовности Красную армию на границе. Советская делегация, по утверждению корреспондента, ответила: «Немедленно после начала войны оккупировать Вильно и Новогрудок на северо-востоке, а также Львовское, Тернопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке, что из этих районов Красная армия могла бы оказать полякам военную помощь, если это потребуется»³. В этот же день газета также сообщила, что после того как Риббентроп доложил Гитлеру о заключении пакта, усилилось движение немецких войск к польской границе. Из Варшавы передали по радио, что поляки будут сражаться за свободу Польши и всей Европы одни⁴.

После подписания Договора о ненападении и дополнительного протокола к нему немецкая дипломатия торопилась как можно скорее втянуть СССР в политические и дипломатические приготовления к совместному выступлению против Польши. Прежде всего немецкая сторона стремилась к тому, чтобы в Берлин срочно приехали вновь назначенные советский посол и военный атташе для координации, подготовки и осуществления военной акции против Польши. Об этом впервые было упомянуто в телеграмме статс-секретаря германского МИД Э. Вайцзеккера Ф. Шуленбургу от 25 августа, в которой сообщалось, что И. Риббентроп просит посла неотложно встретиться с В. Молотовым и попросить его, чтобы вновь назначенные советские ответственные лица без промедления заняли свое место в Берлине⁵.

¹ Там же. Л. 64–65.

² Там же. Л. 86.

³ Там же. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 90–91.

⁵ Documents on German Foreign Policy... P. 296.

Следующей важной военной проблемой, которая крайне беспокоила Берлин накануне нападения на Польшу, были опасения, что СССР не захочет выполнять свои обязательства по секретному протоколу и занимать отведенную ему часть Польши. В инструкциях Э. Вайцеккера Ф. Шуленбургу от 27 августа говорилось о том, чтобы последний осторожно выяснил в Москве, действительно ли СССР собирается отвести свои войска от польской границы, как это сообщалось в западной прессе, а если это так, то не сможет ли Москва отменить это решение, чтобы потом серьезно помочь Польше¹. На следующий день статс-секретарь вновь настойчиво просил посла отчитаться по этому вопросу².

В целом в течение 28 августа между МИД в Берлине и немецким посольством в Москве состоялся обмен 4-мя посланиями на тему якобы объявленного отвода советских войск от польской границы. Отвечая на послание Э. Вайцеккера, Ф. Шуленбург докладывал в Берлин, что В. Молотов высмеял сообщения зарубежной прессы об отводе советских войск от польской границы³. В ответ на телефонный запрос И. Риббентропа Ф. Шуленбург подготовил меморандум для берлинского МИД, в котором утверждал, что сообщения зарубежной прессы об отводе были неверными. Советские войска на польской границе не только не были сокращены, а, наоборот, увеличены⁴. Последним документом на эту тему была телеграмма Э. Вайцеккера немецкому посольству в Москве от 28 августа, в которой со ссылкой на запрос И. Риббентропа советской стороне предлагалось опубликовать сообщение о концентрации войск Красной армии на польской границе⁵.

29 августа Ф. Шуленбург направил секретную телеграмму в Берлин о том, что, по мнению всех военных атташе в Москве, советские войска в полной боевой готовности сконцентрированы на западной границе⁶. Буквально через минуту германское посольство направило новое послание в МИД за подписью Э.-А. Кёстринга и Ф. Шуленбурга. В нем, со ссылкой на главного военного атташе Х. Меллентина, говорилось, что по информации из советских военных кругов командование Красной армии не собирается предпринимать никаких специальных мероприятий на польской границе,

¹Ibid. P. 362–363.

²Ibid. 380.

³Ibidem.

⁴Ibid. P. 386.

⁵Ibid. P. 386–387.

⁶Ibid. P. 408.

так как там войска всегда были в боевой готовности¹. Уже через несколько часов Ф. Шуленбург отослал очень подробную телеграмму немецкому МИД о том, что он сделал срочное представление В. Молотову о необходимости официального опровержения сообщений зарубежной прессы о будто бы объявленном отводе советских войск в количестве 250 тыс. человек от польской границы².

На сигналы из Минска от польского консула К. Рудского и сообщения прессы о передислокации советских войск с территории Белоруссии на Дальний Восток еще раньше отреагировали в Польше. Об этом свидетельствует письмо вице-директора политического департамента Министерства иностранных дел Польши во Второй отдел Генерального штаба польской армии от 22 августа с просьбой проверить информацию об отходе войск Белорусского специального военного округа³.

30 августа Ф. Шуленбург обстоятельно информировал Берлин о содержании заявления ТАСС, которое опровергало сообщения зарубежной прессы об отводе советских войск от польской границы. Наоборот, как уведомляло ТАСС, советское Верховное главнокомандование приняло решение увеличить количество гарнизонов на западных границах СССР «в связи с усилением напряженности на восточных территориях Европы»⁴. В тот же день Ф. Шуленбург сообщал в Берлин о том, что из-за временного отсутствия В. Молотова в Москве он не имел возможности еще раз напомнить ему о настойчивой просьбе И. Риббентропа по поводу неотложного прибытия советских военных представителей в Берлин⁵. 30 августа немецкий посол уведомил Берлин, что новый советский военный атташе и другие офицеры, как официально информирует советская сторона, отправятся в Берлин 31 августа⁶.

31 августа директор политического департамента МИД Германии Э. Вёрман, ссылаясь на информацию Ф. Шуленбурга, доложил, что советская военная делегация отъедет из Москвы 1 сентября. И. Риббентроп

¹Ibid. P. 409. Генерал бригады польской армии В. Стахевич писал о концентрации советских войск на границе с Польшей на протяжении всех 1930-х годов и усилении советских военных мероприятий с осени 1938 г. См.: Wrzesień 1939. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w dokumentach, relacjach i wspomnieniach... S. 118–119.

²Documents on German Foreign Policy... P. 419.

³Wrzesień 1939. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w dokumentach, relacjach i wspomnieniach... S. 79.

⁴Documents on German Foreign Policy... P. 438–439.

⁵Ibid. P. 443.

⁶Ibid. P. 446.

предлагал опубликовать в Берлине и Москве идентичные коммюнике о ее прибытии в Берлин¹.

1 сентября, в день, когда началась германская агрессия против Польши, Ф. Шуленбург подготовил меморандум, в котором говорилось, что начальник штаба германских военно-воздушных сил обратился с просьбой к наркому радиосвязи СССР, чтобы радиостанция в Минске посылала сигнал-вызов «Рихард Вильгельм 1,0» в перерывах между радиопрограммами и повторяла слово «Минск» как можно чаще во время трансляции передач. Немцы также просили ответить, когда и с какого конкретного времени начнутся необходимые им трансляции минской радиостанции².

В этот же день в немецком МИДе был подготовлен отчет о телефонном разговоре с Ф. Шуленбургом, в котором сообщалось, что до прибытия советских офицеров непосредственно в Берлин советское правительство не желает публиковать никаких сообщений об этом событии³.

На следующий день Ф. Шуленбург сообщал на Вильгельмштрассе, что В. Молотов по-прежнему не считает желательным публиковать коммюнике о советской военной миссии даже после прибытия офицеров в Берлин, опасаясь за их безопасность. По мнению советского правительства, в прессе обеих стран достаточно упоминания о назначении нового советского военного атташе⁴.

3 сентября И. Риббентроп вновь направил подробную и строго секретную телеграмму Ф. Шуленбургу о том, что он предвидит быстрый разгром польской армии и последующую оккупацию территории, обозначенной в Москве как немецкая сфера интересов. Однако военные обстоятельства требуют продолжения немецкого наступления против польских вооруженных сил, находящихся в советской сфере интересов. И. Риббентроп инструктировал посла, чтобы тот обсудил с В. Молотовым вопрос, насколько СССР хотел бы воевать против этих польских сил и оккупировать советскую сферу интересов самостоятельно. Это, по словам И. Риббентропа, было бы не только помощью немцам, но и соответствовало бы московским соглашениям (имелись ввиду секретный протокол к договору от 23 августа, просьба Молотова о внесении изменений в пункт 2 секретного протокола

¹Ibid. P. 460.

²Ibid. P. 480; Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 337.

³Documents on German Foreign Policy... P. 494.

⁴Ibid. P. 509.

от 24 августа и согласие Германии удовлетворить эту просьбу от 27 августа¹⁾ и советским интересам. В телеграмме также содержалось пожелание, чтобы Ф. Шуленбург определил степень вероятности обсуждения этого вопроса с советскими офицерами, которые только что прибыли в Берлин, а также позицию советского правительства по этому вопросу в целом²⁾.

В этот же день немецкий посол поставил перед В. Молотовым вопрос о готовности для СССР «в удобный момент занять часть Польши, которая была отнесена к «русской сфере влияния»³⁾. Для оказания давления на советское руководство германские войска 9 сентября 1939 г. перешли демаркационную линию, установленную секретным протоколом, заняли Брест и стали двигаться дальше на Восток.

10 сентября В. Молотов во время встречи с Ф. Шуленбургом заявил: в связи с тем, что «Польша разваливается на куски», Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Он честно пояснил немецкому послу суть этой мотивировки: «Такая причина представит интервенцию Советского Союза пристойной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»⁴⁾. Однако в телеграмме Ф. Шуленбургу от 15 сентября И. Риббентроп выразил недовольство подобной трактовкой, и отметил, что это «не соответствует реальным немецким устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными немецкими жизненными интересами», а также противоречит соглашениям, которые были достигнуты в Москве⁵⁾.

14 сентября газета «Правда» опубликовала статью «О внутренних причинах военного поражения Польши», в которой констатировалось, что угнетение и неравноправное положение национальных меньшинств стали источником слабости польского государства и внутренней причиной ее поражения. Особое внимание обращалось на бесправное положение 11 миллионов украинцев и белорусов⁶⁾.

В. Молотов на встрече с Ф. Шуленбургом 16 сентября признал, что предложенное советским правительством обоснование интервенции в Польшу содержит обидную для немцев формулировку, но просил учесть,

¹⁾Ibid. P. 246, 295, 356; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2 (2 июня 1939 г. 4 сентября 1939 г.). М., 1990. С. 335.

²⁾Documents on German Foreign Policy... P. 540–541.

³⁾СССР – Германия 1939: Т.1: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 80–81.

⁴⁾Там же. С. 87.

⁵⁾Там же. С. 93.

⁶⁾О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сентября.

что СССР оказался в очень деликатной ситуации: «Советское правительство, к сожалению, не видело какой-либо другой причины, так как до этого Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был так или иначе оправдывать за границей свое теперешнее вмешательство»¹. Он также отметил, что теперь уже нет потребности в совместном советско-германском коммюнике по случаю начала советской акции в Польше. В. Молотов сказал, что советское правительство намерено следующим образом мотивировать свои действия: «Советский Союз считает своим долгом вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению работать спокойно»².

Опубликованные в последние годы польские дипломатические документы о сентябрьских событиях 1939 г. еще раз подтверждают, что вступление Красной армии в Польшу оказалось полной неожиданностью для ее политических и военных кругов. Шифрованная телеграмма польского посла в Москве В. Гжибовского Министерству иностранных дел Польши от 14 сентября была посвящена статьям в советской прессе о восстании в Восточной части Малой Польши и «волнениях белорусов, которые стремятся к созданию самостоятельной республики». Эта информация, писал В. Гжибовский, полученная якобы из Берлина, распространялась среди резервистов в Москве несколько дней тому назад, и поэтому посол придавал ей определенное значение³.

В ответ заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек 16 сентября направил в польское посольство в Москве шифрованную телеграмму следующего содержания: «Шаронов выехал из Каменца 12 числа с.м. в Советы для установления контакта с собственным правительством. Он должен был вернуться через несколько дней. Известий о нем нет. Прошу проверить, когда он возвращается. Перед отъездом разговаривал в дружеском тоне. Все новости о восстаниях *на Украине или Белоруссии, в Малой Польше и на Кресах* (подчеркнуто в тексте телеграммы. – В. С.) – выдумки, о чем прошу проинформировать советское правительство. Шембек»⁴.

Репорт руководителя разведывательной площадки «Минск», направленный в Варшаву, вероятно, 15 сентября, на основании его личного наблюдения подтверждал спокойствие в районе Минска и отсутствие

¹ СССР – Германия 1939: Т. I. С. 94.

² Там же; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 90.

³ Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939: wrzesień–grudzień. Warszawa, 2007. S. 80.

⁴ Ibid. S. 85.

военного транспорта, передвигавшегося в направлении границы или обратно¹.

17 сентября 1939 г. в 3 часа утра заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потёмкин срочно потребовал к себе польского посла в Москве В. Гжибовского и зачитал ему ноту советского правительства, которую тот отказался принять. В ней говорилось, что поскольку польское государство фактически прекратило свое существование, советское правительство отдало приказ Красной армии перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Официально это обосновывалось тем, что Польша стала удобным полем для всяческих случайностей и неожиданностей, которые могут создать угрозу СССР, а действие ранее подписанных советско-польских договоров прекратилось². Утверждение о том, что польское государство фактически перестало существовать, противоречило нормам международного права, так как временная оккупация не могла перечеркнуть факт существования государства как субъекта международного права, который признавался союзниками и нейтральными государствами.

В. Гжибовский срочно направил шифрованную телеграмму польскому МИД о разговоре с В. Потёмкиным, где сообщил, что отказался принять ноту советского правительства из-за указанных в ней мотивов, и выразил категорический протест против ее содержания³. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек направил еще несколько шифрованных телеграмм. Одну из них — в польское консульство в Черновцах с указанием срочно передать в Париж, Лондон, Рим, Вашингтон, Токио, Бухарест открытую депешу следующего содержания: «Сегодня советские войска осуществили агрессию против Польши, перейдя границу в ряде пунктов значительными отделениями. Польские отделения оказали вооруженное сопротивление. В связи с перевесом сил ведут бои в отступлении. В Москве мы заявили протест⁴. Эти действия являются классическим примером агрессии»⁵.

Позже Ю. Бек сообщил польским посольствам в Париже и Лондоне о том, что В. Гжибовский отказался принять ноту В. Молотова и заявил

¹ Wrzesień 1939. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w dokumentach, relacjach i wspomnieniach... S. 92.

² Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 96.

³ Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939: wrzesień–grudzień... S. 93.

⁴ Имеется ввиду выше упомянутая телеграмма В. Гжибовского польскому МИД от 17 сентября.

⁵ Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939: wrzesień–grudzień... S. 94.

протест против агрессии. Министр иностранных дел одобрил такую позицию посла и рекомендовал ему покинуть Москву. В телеграмме Ю. Бека далее говорилось: «Польское правительство, которое действует на территории Речи Посполитой в контакте с дипломатическим корпусом, заявило протест против советской инсинуации». Ю. Бек просил заявить правительствам Франции и Великобритании, что польское правительство ждет решительного протеста союзников против агрессии и оставляет за собой право выдвинуть требования в соответствии с существующими у нее с этими государствами договорами¹.

В сообщении посольства Польши в Лондоне от 17 сентября в связи с нотой председателя СНК и наркома иностранных дел СССР В. Молотова советские действия квалифицировались как акт «прямой агрессии» и нарушение Советским Союзом своих международных обязательств, отвергались как надуманные приведенные в советской ноте причины этой акции (якобы «польское правительство перестало существовать и покинуло территорию Польши, оставляя польское население на территории за пределами зоны войны с Германией без защиты»). В сообщении упоминалось о «мощном сопротивлении со стороны польских вооруженных сил», «жестоких боях» около границы в районе Молодечно. Перечислялись международные соглашения, которые нарушил СССР в результате неспровоцированной агрессии против Польши: польско-советский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., протокол о продлении этого договора от 5 мая 1934 г., согласно которому он действовал до 31 декабря 1945 г.²

Обстоятельства «вручения» ноты советским правительством подробно освещались в заключительном рапорте В. Гжибовского министру иностранных дел польского правительства в эмиграции А. Залесскому, сменившего Ю. Бека, от 6 ноября 1939 г. Польский посол писал, что, когда В. Потёмкин закончил читать ноту, «я сразу сказал, что отказываюсь принимать содержание ноты к сведению и передавать ее моему правительству, а также заявляю самый категорический протест против ее содержания и формы». Он протестовал против одностороннего разрыва существующих взаимных договоров, подчеркивая, что ни один из аргументов, которые претендовали на оправдание превращения этих договоров в «свертки бумаги», не выдержали критики. В. Гжибовский назвал нелепыми утверждения ноты о положении национальных меньшинств

¹Ibid. S. 95–96.

²Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. II 1933–1939. S. 261–262.

в Польше, ссылаясь на то, что теперь не только украинцы и белорусы борются на польской стороне с Германией, но также чешские и словацкие отделения демонстрируют пример славянской солидарности, о которой так любил говорить В. Потёмкин. Польский посол неоднократно сравнивал положение Польши с тем, в котором находилась Россия в 1812 г., когда была вынуждена отдать врагам Москву, но, в конце концов, смогла победить агрессора¹. В заключение он пророчески констатировал: «его (И. Сталина. – В. С.) политика нападения на Польшу, его соглашение с нацистской Германией и его тактика введения нас вплоть до последней минуты в заблуждение принесет Сталину и СССР самые отрицательные результаты»².

Вступление советских войск на территорию Восточной Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины) произошло в соответствии с дополнительным секретным протоколом к пакту Молотова–Риббентропа от 23 августа 1939 г. Накануне и во время сентябрьской кампании политические и военные круги СССР и Германии действовали совместно. Фактически с 17 сентября начался новый этап советско-германского внешнеполитического сотрудничества в решении польского вопроса. Он характеризовался координацией и взаимодействием военных и дипломатических акций СССР и Германии, направленных на реализацию секретных договоренностей относительно судьбы польского государства³.

Вопросы координации действий вермахта и Красной армии на территории Польши наиболее полно отражены в воспоминаниях немецких военачальников. В то же время из цензурных соображений эта проблематика почти не присутствует в мемуарах советских генералов и маршалов⁴. Довольно подробно начало и ход советской военной кампании против Польши описываются в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера. В частности, о событиях 17 сентября он записал,

¹Ibid. S. 280–282.

²Ibid. S. 283.

³См. подробнее о советско-германских переговорах по польскому вопросу накануне и после входа войск Красной Армии на территорию Польши: Kasztory A. Sprawy polskie w negocjacjach niemiecko-radzieckich z września 1939 r. // Niemcy w polityce międzynarodowej 1919–1939. T. IV: Na przełomie pokoju i wojny 1939–1941. Poznań, 1992. S. 405–419.

⁴См. *Кривошеин С. М.* Междубурье. Воспоминания. Белгород-Воронеж, 1964; Голиков Ф. И. Об одной фальшивке немецко-фашистских генералов // Военно-исторический журнал. 1959. № 1. С. 71–84; *Еременко А. И.* Пюмни войну. Донецк, 1971; *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 369–439

что во 2-м часу утра было получено сообщение о переходе Красной армией границы Польши, а в 7-м часу отдан приказ немецким войскам остановиться на линии Сколе—Львов—Владимир-Волынский—Брест—Белосток. В первой половине дня произошел обмен мнениями между штабами Главного командования сухопутных сил и Штабом верховного командования вермахта относительно будущей демаркационной линии¹.

По словам Ф. Гальдера, 20 сентября, в среду, начались трения с Россией² из-за Львова. Начальник оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии А. Ёдль предлагал действовать совместно с русскими и неотложно улаживать разногласия на месте. В случае территориальных претензий немцы должны были очищать занятые территории. Тогда же было постановлено, что немецкие войска оставят Львов. Ф. Гальдер назвал 20 сентября «днем позора немецкого политического руководства». Немецкое командование, чтобы избежать обострения политической обстановки, приняло решение об окончательном определении демаркационной линии по реке Сан³. Ф. Гальдер об этом эпизоде писал: «Форман⁴ [докладывает]: Для удовлетворения настоящих требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии⁵, о чем сегодня будет окончательно объявлено. [Она проходит по] р. Пяса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала — неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат»⁶.

21 сентября в 4 часа утра в результате переговоров с командованием Красной армии было достигнуто соглашение об эвакуации немецких войск за демаркационную линию и занятии оставленных населенных пунктов советскими войсками. Эвакуация войск вермахта должна была быть закончена 4 октября. Части Красной армии должны были занимать оставленные немцами пункты через 24 часа после ухода немецких войск.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, 1939—1940. М., СПб., 2002. С. 149—150.

² Даже в серьезной западной литературе того и последующего времени Советский Союз некорректно назывался Россией или советской Россией, а все его жители назывались русскими.

³ Там же. С. 152—153.

⁴ Представитель верховного главнокомандования вооруженными силами Германии при ставке Гитлера, подполковник.

⁵ Далее Ф. Гальдер писал: "Вечером 3.10 немецкие войска должны перейти окончательную демаркационную линию. [Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются". См.: Гальдер Ф. Указ. соч. С. 154.

⁶ Там же. С. 153.

Немецкое командование придавало большое значение тому, чтобы не допустить разрушения важных стратегических объектов — больших городов, аэродромов, вокзалов — при их передаче советской армии¹.

Позже И. Риббентроп во время переговоров в Москве со И. Сталиным и В. Молотовым 27 сентября 1939 г. сказал, что «установленная обеими сторонами военная программа была осуществлена в духе доброго и дружественного взаимодействия. Для немецкого военного руководства было нелегко оторвать действующие войска от противника и заставить их двигаться в обратном направлении. В районе действия 8-й немецкой армии это привело к тому, что поляки даже вообразили, что они обратили немецкие войска в бегство»².

17 сентября в МИД Германии в 18 часов состоялась пресс-конференция зарубежных журналистов, посвященная входу советских войск в Польшу. На вопрос корреспондента Литовского телеграфного агентства «Эльта» в Берлине Каупаса, определена ли линия, на которой в Польше встретятся армии СССР и Германии, заместитель заведующего Отдела печати МИД Германии Г. Браун фон Штум ответил, что эта линия примерно соответствует предложениям, которые сделала Германия Советской России во время мирной конференции в Брест-Литовске. Он показал ее на карте, протянув от границы с Латвией до Белостока, включая третью часть Виленского края, далее до Бреста, оттуда в направлении Львова, не присоединяя Галицию, которая принадлежала Австрии. Браун фон Штум отметил, что на земли восточнее линии бывшей границы Российской империи Германия не может иметь никаких претензий, и эта линия, по его собственному убеждению, может стать местом встречи двух армий. Он употребил выражение «конгрессовая Польша» и высказал мысль, что вряд ли Советская Россия будет иметь претензии на ту часть Украины, которая раньше находилась в составе Австрии³.

Часом раньше состоялась пресс-конференция в Министерстве пропаганды, на которой руководитель отдела печати этого министерства профессор Бёмер утверждал, что СССР договорился с Германией относительно своей военной кампании в Польше, а договор о ненападении является одновременно и пактом о консультациях⁴.

¹ Там же. С. 154–157.

² Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 608.

³ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 г. — август 1940 г.). Сборник документов. Вильнюс, 2006. С. 170–172.

⁴ Там же. С. 172.

Вход советских войск на территорию Польши имел сильный международный резонанс¹, однако произошел без каких-либо протестов со стороны западных государств. Как вытекало из донесений посланника Литвы во Франции П. Климаса министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису о своем разговоре 19 сентября с полпредом СССР во Франции Я. З. Сурицом на следующий день после встречи последнего с Даладье, французский премьер-министр «был опечален, однако не раздражен, был спокоен и тверд». Особенно его интересовали вопросы о сотрудничестве СССР и Германии в польских делах, в частности «был ли этот поход русских согласован с немцами, или он состоялся спонтанно, из-за новых обстоятельств. Потом спросил дополнительно, идет ли Москва заодно с Берлином в разрешении проблем мира и войны». Советский дипломат, на его взгляд, выразил позицию советского правительства, как ее понимал, а для точного ответа обещал запросить Москву. Климас спросил Сурица, что Россия собирается делать с занятыми территориями и где закончится протекция Красной армии белорусам и украинцам, на что последний не смог ответить, упомянув только, что возможно придется организовать референдум².

20 сентября П. Климас направил секретное сообщение Ю. Урбшису о разговоре с начальником Кабинета министров Франции Р. Кулондром. Отвечая на вопрос Кулондра, что тот думает о действиях России, литовский посланник прогнозировал занятие территорий восточнее линии Керзона, а также возможные ссоры между русскими и немцами там, где Буг пересекает границу Австрии, на север от Львова, из-за находящихся там нефтяных месторождений.

В ходе разговора у Кулондра возникла идея, что Франция и Англия могли бы как-то использовать факт исключительных обязательств Польши на территории между линией Керзона и линией Рижского договора, чтобы снять с себя вину за бездействие относительно входа советских войск в Польшу. Эту идею П. Климас сформулировал ниже следующей

¹Эту акцию поддержал Коминтерн (см. резолюцию Исполнительного комитета коминтерна «Империалистическая война и Балканы» от 28 сентября 1939 г. с поручением руководителям коммунистических партий поддерживать эту акцию. — Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 124–125) и видные представители российской белой эмиграции, в том числе А. И. Деникин и В. А. Маклаков (См. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. док. в 2-х кн. Кн. 2. 1938–1940. М., 1998. С. 255–256, 295–299, 365–366).

²СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 г. — август 1940 г.). С. 191–192.

цитатой: «Таким образом, *crime* (преступление) России ограничивается той территорией, за которую англичане и французы никогда не давали голову на отсечение, и лишь поляки взяли на себя ответственность (акт 15.03.1923 с упомянутой оговоркой от имени Польши подписал Замойский). Таким образом, вышло бы, что *la guerre continue sans rompre avec la Russie*...»².

26 сентября посланник Литвы в Париже П. Климас сообщил Ю. Урбисусу, что заместитель министра иностранных дел Франции Шомпетье де Риб во время разговора о действиях СССР выглядел спокойным. По мнению П. Климаса, положение стабилизируется, «не нанося вреда действиям союзников и не принеся пользы целям Германии... Акция русских сама по себе вовлекает их в будущее переустройство Европы, чего Советы настоятельно добиваются и из-за чего они чувствовали себя «обиженными» в Мюнхене, где пострадал их престиж»³.

17 сентября НКВД СССР направил британскому посольству в Москве копию ноты советского правительства, которая была зачитана В. Потёмкиным польскому послу. Однако по мнению правительства Великобритании, выраженному в декларации от 18 сентября, не произошло ничего такого, что могло бы повлиять на решимость английского правительства выполнить свои обязательства⁴. Англия, как свидетельствует рапорт шефа Польской военной миссии в Великобритании М. Норвид-Нейгебауэра от 3 ноября 1939 г., «не заняла до этого времени официальной позиции относительно факта вхождения Советов на польские земли. Зато с Россией был заключен торговый трактат, вероятно, с целью приобретения сырья, которую мог бы покупать Рейх. О высказывании, что советская оккупация лучше немецкой, я уже докладывал в письме от 12 октября. Лорд Галифакс, выступая в парламенте 26 октября, утверждал, что Россия не выступила бы, если бы Германия не начала войну, а вхождение привело к установлению между Советами и Рейхом демаркационной линии, которая более-менее соответствует линии Керзона»⁵. Польский дипломат говорил также о бытующем в Великобритании мнении, что благодаря этой новой границе Советов был, наконец, ликвидирован украинский и белорусский вопрос. В отношении этих вопросов, пока не видно относительно их большой заинтересованности.

¹ В переводе с французского: «война продолжается без разрыва с Россией».

² СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. I. С. 194–196.

³ Там же. С. 196.

⁴ АВИРФ. Ф. 69. Оп. 28. II. 99. Д. 49. Л. 27.

⁵ Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939: wrzesień-grudzień... S. 283–284.

М. Норвид-Нейгебауэр отметил, что «нейтральное» вмешательство Советов в жизнь и дела малых государств Европы принимается Великобританией с благосклонностью, поскольку СССР воспринимается в качестве мирного союзника в борьбе с главным врагом, «гитлеровским режимом», который к тому же рассматривается как единственный враг. Польский дипломат высказывался за демаскировку методов поведения Москвы в отношении балтийских государств и оккупированных территорий в Польше, а также демонстрацию реальной «угрозы российского империализма для Запада, не менее опасного, чем современный коричневый империализм Рейха. Англия не понимает, что и с одним, и с другим может встретиться на Рейне, хотя, наверно, в разные периоды времени»¹.

Интересно, что уже тогда один из влиятельных сотрудников британских официальных кругов в частном порядке обратил внимание польского политика на то, что лучше не связывать вопроса западной границы СССР с реституцией Польши: за это на западе поляки могут ждать полного выравнивания и даже расширения морского побережья за счет Восточной Пруссии².

23 сентября немецкий посол в Польше Г. фон Мольтке подготовил меморандум для статс-секретаря германского МИДа Э. Вайцзеккера по вопросу создания остаточного польского государства, границы которого на востоке достигали бы линии Гродно—Перемышль, охватывая территории, полностью населенные поляками в количестве от 12 до 15 млн человек. Оно могло бы предотвратить возникновение совместной границы с Советским Союзом и выступать как буферное государство, если бы имело в качестве своей границы старую границу с Рейхом. Предлагалось установить эффективный контроль над новым государством с целью сохранения полной зависимости его внешней политики от Германии³. Однако план Мольтке не получил поддержки в немецком руководстве⁴.

В результате переговоров генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина и наркома иностранных дел СССР В. Молотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 27—28 сентября было принято решение окончательно разделить Польшу, что и было подтверждено советско-германским Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и секретными протоколами к нему. В ходе переговоров И. Риббентроп передал советскому

¹Ibid. S. 284.

²Ibid. S. 284—285.

³Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918—1939. T. II 1933—1939. S. 335—336.

⁴Kaszlory A. Ibidem. S. 414.

руководству слова фюрера о его удовлетворении совместным успешным разрешением польского вопроса, что создает «фундамент для пассивного баланса взаимных интересов»¹. И. Сталин выразил заинтересованность Советского Союза в существовании сильной Германии и его готовность прийти ей на помощь в трудный момент².

Касательно судьбы польского государства он заявил, что изначально советское правительство хотело оставить самостоятельную, хотя и урезанную Польшу, однако потом отказались от этой идеи, понимая, что даже в таком виде она будет представлять собой постоянный очаг опасности в Европе и трений между СССР и Германией. С этим на следующий день согласился Гитлер³.

По второму пункту регламента переговоров, относящемуся к окончательному определению границы между СССР и Германией, немецкое правительство надеялось на уступки со стороны СССР в районе нефтяных месторождений в верхнем течении реки Сан и в богатом лесами районе Августова и Белостока. Однако советское руководство отказалось удовлетворить эти требования, как и немецкие планы относительно Литвы. В протоколе переговоров по этому вопросу было отмечено: «Несмотря на категорические заявления г-на министра, Сталин и Молотов настаивали на своей точке зрения, согласно которой они не собираются делать никаких уступок, касающихся бывшей польской территории севернее Буга и Литвы, за исключением района Сувалки»⁴.

28 сентября переговоры продолжились. Советское правительство согласилось ликвидировать так называемый «нос» между реками Нарев и Буг и в районе городов Остроленка, Пултуск, Вышково и Остров в пользу Германии и повернуть границу на юг в направлении Буга, не доходя до Остроленки. Риббентропу, однако, не удалось убедить Сталина и Молотова передать Германии город Перемышль, который оказался разделенным рекой Сан между двумя государствами⁵.

О готовности гитлеровского руководства идти на уступки СССР в определении границ и решении вопросов территориально-политического

¹ О том, что «новые советско—германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов» говорил В. Молотов в докладе на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. См.: Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1939. С. 7–24.

² Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 609.

³ Там же. С. 610.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Там же. С. 612.

переустройства Восточной Европы свидетельствуют показания командира 12-го армейского корпуса германской армии генерал-лейтенанта В. Мюллера на Нюрнбергском процессе 1946 г. Он сказал, что в сентябре 1943 г. разговаривал с начальником штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенантом Г. Кребсом, который в сентябре 1939 г. был членом немецкой делегации на переговорах в Москве. По словам В. Мюллера, Г. Кребс рассказал ему, что «Гитлер дал делегации указание идти во всем навстречу русским. Далее он рассказал, что Риббентроп вообще не проявлял никакого интереса к этнографическим и географическим условиям при проведении границ между Россией и оккупированной немцами Польшей»¹.

Польское правительство в эмиграции энергично протестовало против советско-германского договора о дружбе и границе. Первая нота была вручена послом Польши в Лондоне Э. Рачинским британскому МИД 30 сентября 1939 г. В ней выражалось возмущение действиями «обоих государств-агрессоров», которые «пренебрегают всеми международными обязательствами и всякой человеческой моральностью», говорилось, что Польша никогда не признает «этот акт агрессии»². 27 октября польское правительство в эмиграции заявило протест Лиге Наций против договора от 28 сентября с просьбой проинформировать все государства-члены организации об этом договоре, который «фактически содержит положения, обуславливающие раздел территории государства-члена Лиги Наций, являющегося жертвой неспровоцированной агрессии»³.

28 октября 1939 г. руководитель Центрального польского комитета помощи польским беженцам в Румынии полковник Я. Ковалевский направил содержательное письмо премьер-министру польского правительства в эмиграции В. Сикорскому о планах СССР касательно территорий Польши. В этом письме, на наш взгляд, Ковалевский очень точно очертил, во-первых, замыслы Германии и СССР по поводу раздела территории Польши, которые были реализованы в договоре от 28 сентября; во-вторых, советские планы относительно Польши в международном контексте. Я. Ковалевский верно подметил, что замысел демаркационной линии на Висле был направлен на то, чтобы оба агрессора разделили польскую территорию поровну. Однако, продолжает он, Гитлер через

¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 3. М., 1989. С. 511.

² Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. II 1933–1939. S. 262–263.

³ Documents on Polish-Soviet Relations 1939–1945. Vol. 1: 1939–1943. London, Melbourne, Toronto, 1961. P. 64.

И. Риббентропа убедил Сталина, что такое решение создаст очаг вечных конфликтов между Россией и Германией, поскольку обе Польши – одна большевистская, а другая – тоталитарная, притягиваясь одна к другой, будут элементом беспокойства¹. Как показывают выше приведенные сюжеты советско-германских переговоров от 27–28 сентября, убеждать Сталина в разделе Польши не было надобности, так как он сам имел давние, со времен советско-польской войны 1919–1920 гг., претензии к Польше и использовал ее трудное положение, чтобы окончательно свести счеты.

Вторая часть письма Я. Ковалевского была посвящена советским планам относительно Польши, которые выходили за сферу их сотрудничества с Германией. Автор сформулировал несколько тезисов будущей советской политики в польских делах: 1. признание Польшей за СССР белорусских и украинских территорий, которые после 1921 г. входили в состав польского государства; 2. в случае признания «этого захвата» Москва готова поддерживать образование этнографической Польши с возможной ректификацией в ее пользу своей границы; 3. согласие Польши на включение в состав СССР ее территорий неизмеримо облегчит Советам сближение с союзниками Польши (Англией, Францией), поскольку ликвидирует формальную и моральную преграду для постепенного вхождения СССР в антинемецкую коалицию. Формальное признание Польшей и ее союзниками советского захвата будет первым условием возможности СССР стать на путь сближения с Англией и Францией; 4. если это произойдет, тогда СССР будет поддерживать Польшу как независимое государство без устремлений инкорпорировать ее в состав Союза Советских Республик, естественно, при условии благосклонной политики в отношении Советов². «Как бы там ни было, политическое и военное отношение СССР к Германии полностью изменится»³, – верно прогнозировал Я. Ковалевский в своем письме премьер-министру В. Сикорскому.

Таким образом, установление общности интересов между СССР и Германией, а затем внешнеполитическое сотрудничество обоих государств в польском вопросе прошло в период с 4 июля до 28 сентября 1939 г. несколько этапов.

Первый охватывал время с 4 июля (первого донесения Астахова в Москву об анонимном письме из германского МИД) до 23 августа (подписания Договора о ненападении между СССР и Германией). В этот

¹ *Polskie dokumenty dyplomatyczne. 1939: wrzesień–grudzień...* S. 265.

² *Ibid.* S. 266–267.

³ *Ibid.* S. 267.

период произошел взаимный зондаж целей и намерений советской и германской дипломатии, направленный на нормализацию отношений. Как установила советская дипломатия, первым условием улучшения отношений Берлин считал выгодное для него решение польского вопроса. Москва не считала польский вопрос приоритетным, поставив на первый план актуальные задачи двухсторонних советско-германских отношений: прежде всего – экономическое и культурное сотрудничество, а уже затем Польша. При этом СССР предлагал провести переговоры в Москве и решать выше названные вопросы последовательно, один за другим.

После того, как общность интересов СССР и Германии в отношении Польши была достигнута, Берлин взамен на обязательство СССР о ненападении на Германию принял советское предложение о разделе сфер интересов в Восточной Европе и его оформлении в виде дополнительного секретного протокола к Договору о ненападении. Первым пунктом этого соглашения был запланирован раздел Польши.

Второй этап советско-германского внешнеполитического сотрудничества по польскому вопросу охватывает короткий отрезок времени от 23 августа до 1 сентября, т. е. до нападения Германии на Польшу. В это время по инициативе Москвы был уточнен второй пункт секретного протокола об установлении демаркационной линии между СССР и Германией. Главной задачей германской дипломатии было вовлечение СССР в военную подготовку к совместной акции против Польши. При этом Берлин делал акцент на распространении информации о концентрации советских войск на польской границе и дезавуировании сообщений зарубежной прессы об их отводе на восток, а также на то, чтобы вновь назначенные советский посол и военный атташе как можно быстрее заняли свои служебные посты в Берлине. Это было необходимо германской дипломатии для облегчения координации дипломатических и военных действий накануне и в ходе военного похода на Польшу. Берлин был заинтересован в публикации любых сообщений о близости позиций и сотрудничестве между Германией и СССР. Москва, наоборот, желала сохранить в секрете факты сотрудничества и поддержки потенциального агрессора.

Третий этап советско-германского внешнеполитического сотрудничества охватывает время с 1 по 17 сентября (до начала советской военной акции против Польши). События в этот период происходили на фоне быстрого передвижения немецких войск на восток и их приближения к демаркационной линии, установленной секретным протоколом от 23 августа. Берлин всячески торопил вход советских войск в Восточную Польшу

и с этой целью оказывал дипломатическое и военное давление на СССР. Москва, наоборот, не торопилась с началом «освободительного похода», так как нуждалась в серьезном обосновании этой акции. Оно было найдено в проблеме восточнославянских национальных меньшинств (украинцев и белорусов), которым якобы угрожала Германия. Этот тезис был решительно отклонен Берлином, который действительно не собирался претендовать на советскую сферу интересов в Польше. В конце концов, советское руководство нашло формулу об угрозе жизни и имуществу украинцев и белорусов в условиях, когда польское государства разваливается на части. Впрочем, прежде чем эта формулировка была озвучена В. Потёмкиным в ноте советского правительства, она была согласована И. Сталиным и В. Молотовым с Ф. Шуленбургом.

Четвертый и последний рассматриваемый в настоящей статье этап сотрудничества Москвы и Берлина в польских делах охватывает период с 17 по 28 сентября (до подписания советско-германского Договора о дружбе и границе). В этот период были скоординированы их военные и дипломатические действия, направленные на реализацию положений секретного протокола (занятие соответствующих территорий) и корректировку разграничения сфер влияния. В ходе московских переговоров оба государства отбросили первоначальные намерения сохранить этнографическую Польшу в урезанном виде и решили полностью поделить ее между собой. При этом Сталин и Молотов обеспечили СССР наиболее выгодные границы и не демонстрировали желания идти навстречу немецким партнерам в принципиальных вопросах территориально-политического размежевания с Германией. Со своей стороны, Германия и ее министр иностранных дел Риббентроп пошли на далеко идущие, как в начале казалось, уступки СССР, понимая их временный характер. В результате СССР выиграл тактически, обеспечив себе, как представлялось, более выгодные территориально-политические интересы на территориях бывшей Польши и всей Восточной Европы. А стратегически победила Германия, получив совместную границу со своей будущей жертвой агрессии и, как минимум, дружеский нейтралитет СССР на время ее военных кампаний в Западной Европе.

*И. Э. Еленская***События 1939–1941 годов в западных
областях Белоруссии: устная история**

Материалы устной истории вносят значительные коррективы в воссоздание картины прошлого. Воспоминания обычных людей, которые не являлись инициаторами и активными участниками преобразований, происходивших в западных областях Белоруссии после начала Второй мировой войны, а были втянуты в водоворот истории, позволяют в первую очередь осветить не фактологическую сторону событий, а проникнуть в мир индивидуальных и коллективных восприятий, оценок и суждений, что помогает лучше понять изучаемый период истории.

В исследовании использованы воспоминания, которые представляют различные взгляды на установление советской власти и советизацию западных областей Белоруссии в 1939–1941 гг. Данные источники можно сгруппировать, учитывая позицию респондентов, их просоветскую или антисоветскую настроенность. В собранных материалах устной истории запечатлены наиболее яркие события, врезавшиеся в память респондентов, многие из которых были в то время подростками. Респонденты очень разные, у некоторых пара классов образования, есть со средним специальным и высшим, есть люди, всю жизнь проработавшие в колхозе, а есть учителя, шоферы, рабочие, завхозы, бригадиры и пр., даже один протоиерей. Многие респонденты живут в тех же деревнях и городах, где жили в 1939–1941 гг. Не берусь пока выявить какие-то связи между социальным положением, образованием и пр. характеристиками респондентов и их оценками событий 1939–1941 гг., поэтому и не останавливалась на этом вопросе.

Воспоминания о вступлении частей Красной армии на территорию западных областей Белоруссии передают интересные детали, эмоционально окрашены и содержат оценочные суждения. Большинство респондентов отмечают, что прихода частей Красной армии ожидали с нетерпением. События сентября 1939 г. – нападение Германии на Польшу, отступление польских войск, перспективы оказаться в зоне военных действий и под немецкой оккупацией – вызывали у населения Западной Белоруссии страх, поэтому Красную армию многие белорусы встречали с искренней радостью, возлагая на советскую власть большие надежды и ожидая перемен к лучшему. Старшее поколение отчасти идеализировало всех русских (разницы между понятиями «русские» и «советские» для жителей Западной Белоруссии практически не было), исходя из собственного

опыта: в годы первой мировой войны многие белорусы-беженцы оказались на российской территории и с благодарностью говорили об оказанной в те годы помощи. Это отношение к «русским» отчасти восприняли представители младших поколений. Как вспоминают респонденты, обычными атрибутами встречи Красной армии были хлеб-соль, цветы и так называемые «брамы» — специально возведенные символические арки, украшенные приветственными лозунгами.

Часть респондентов вспоминает о красноармейцах с симпатией, давая им положительные характеристики. Люди понимали, что вступление Красной армии на территорию Западной Белоруссии — это приговор польской власти на «кресах восточных». Белорусы чувствовали себя в польском государстве людьми второго сорта, многие болезненно воспринимали привилегии поляков и ущемление своих прав. Часть респондентов характеризует поляков как заносчивых, высокомерных, настроенных по отношению к другим этническим группам враждебно:

«Для панов мы были люди второго сорта, они считали нас глупыми, поэтому общались с нами мало. Особенно предвзято относились к нам паничи. Они были всегда высокомерны и одним своим видом показывали свое превосходство над нами»¹.

«Поляки были в принципе такие же люди, как и мы, только относились к нам с большим высокомерием. Поляки считали себя «завоевателями», а белорусов, естественно, покоренными. Поведение тогдашнего поляка можно сравнить с нынешними «новыми русскими», т.е. они — самые лучшие, у них есть все и им все можно, а с простыми людьми можно не считаться, называли нас «быдлом»².

«Поляки были очень гордые, ставили себя выше остальных»³.

«Образ поляка в глазах белорусского населения, конечно, был негативным. Характерны такие черты, как высокомерие, пренебрежение к белорусскому населению, гордость. Называли белорусов «хамами», в редких случаях, когда угодишь поляку, то «пане господажу». Привилегиями поляки пользовались. В Бресте на хорошую работу нельзя было устроиться, все должности занимали поляки»⁴.

¹Ильченко А. Ф., д. Клеши Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 1998 г.

²Крачак Е. Д., д. Городище Каменецкого р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.

³Сурма Е. Н., д. Колдычево Барановичского р-на Брестской области, запись воспоминаний 2006 г.

⁴Пакисмок Н. Р., д. Прилуки Брестского р-на, запись воспоминаний 2003 г.

«При поляках лучше было жить полякам. Они оккупировали всю Белоруссию, ну, а мы считались их рабами»¹.

«Поляков было очень много... Они получали престижную работу, могли поступать в более престижные учебные заведения. Поляки к людям своей национальности относились гораздо лучше. Хуже всего относились к белорусам. К евреям лучше, так как они были богаче. Поляки считали себя более культурной нацией, себя они называли «панове». А белорусов презрительно – «мужики», «голодранцы», «быдло»².

«Белорусы были загнаны, как мыши в норы... Кацапами нас называли. Поляки гнать коров не пускали около своих домов. А дорога была, нужно было гнать в Чертово, все называли так болото. И не давали, останавливали, выходили и хоть куда хочешь, хоть на самолет коров сажай. Они с белорусами никаких дел не имели. Они если бы могли, то придушили этих белорусов. Купили землю и сидели на своей земле. Зачем им кто»³.

Для обиженных польской властью вступление Красной армии ассоциировалось с началом новой жизни, с надеждами на скорое восстановление национальных прав и установление социальной справедливости. В воспоминаниях просоветски настроенных респондентов отражено то праздничное настроение, которое охватило жителей западных областей Белоруссии во время встречи частей Красной армии. Расположение местных жителей вызывало то, что красноармейцы с сочувствием относились к белорусам, которые долго находились под властью Польши. Кроме того, советские солдаты и командиры, в отличие от польских, вступали в разговоры, вели себя демократично, что было необычно для местных жителей, привыкших к соблюдению субординации в общении с военными и представителями властей:

«Встреча Красной армии проходила с массовой торжественностью. Все мы – встречающие – считали обязательным приколоть красный платочек на костюм. Русский язык, русские манеры – пришли свои люди... Мы встречали танковые подразделения. Осматривали мощь

¹Пашкевич Н. Д., д. Рубель Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

²Коваль Е. С., г. Брест, запись воспоминаний 2005 г.

³Стабунник Н. В., д. Теглевичи Зельвенского р-на Гродненской обл., запись воспоминаний 2006 г.

машин, поскольку таких громадин мы никогда не видели. Командиры и солдаты были весьма общительны и разговорчивы»¹.

«Советские офицеры и солдаты ходили к нам в гости. Были многие очень доброжелательны, вежливо обращались. Наша семья со многими подружилась... Вообще советские солдаты и офицеры рассказывали о том, что в СССР все очень хорошо, богатая жизнь, люди довольны всем»².

«В сентябре 1939 г. пришла Красная армия. В начале деревни построили арку. На арке – плакаты, приветствовавшие Красную армию. На встречу воинов вышла вся деревня. Люди шли с цветами, флагами, плакатами. Встречали воинов хлебом-солью. Перед армией выступал оратор (житель нашей деревни). Мы, подростки, тоже пришли встречать Красную армию... Советские солдаты, командиры и политработники культурно, доброжелательно и с пониманием относились к населению. Рассказывали о свободной жизни в СССР, о колхозном строе; сочувствовали местным жителям... Советские бойцы вели себя достойно»³.

«В городе армию встретили с радостью. Солдат называли освободителями. Мы тоже принимали участие в этой встрече, потому что один мой брат был связан с коммунистами. Красную армию встречали с цветами, с хлебом и солью. Называли родными. Приглашали в дом, наливали в кружки молоко... На улицах были пляски, девушки танцевали с солдатами»⁴.

«Ночью, мы девушки, вышивали флаги и лозунги. Вдоль всех дорог и улиц, где проходили части Красной армии, выстраивался народ с флагами и лозунгами, хлебом, фруктами и цветами, со слезами радости на глазах. На площадях городов, улицах деревень проходили митинги, собрания, слова благодарности и признательности звучали повсюду. Все военные были в форме. Они рассказывали о своей жизни. Военные очень хорошо относились к людям. Мы все ждали лучшей жизни»⁵.

Наши респонденты редко рассказывают о различных происшествиях, связанных со вступлением частей Красной армии на территорию Западной

¹ Парфенюк Е. С., г. Брест, запись воспоминаний 2003 г.

² Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

³ Хомич Г. А., д. Чемери-2 Каменецкого р-на, запись воспоминаний 2003 г.

⁴ Коваль Е. С., г. Брест, запись воспоминаний 2005 г.

⁵ Котловская Е. С., д. Шени Пружанского р-на Брестской обл., г. Пружаны, запись воспоминаний 2004 г.

Белоруссии – перестрелках, грабежах, убийствах. Но если и упоминают о некоторых случаях, то подчеркивают, что в насильственных действиях участвовали не красноармейцы, поскольку в Красной армии была жесткая дисциплина, а местные жители, которыми двигали различные мотивы (идейные соображения, бытовая месть, жажда наживы).

Многие респонденты отмечают, что внешний вид красноармейцев вызвал разочарование и недоумение: Красная армия не соответствовала представлениям жителей Западной Белоруссии об армии могучего и, главное, богатого государства. Некоторые респонденты не скрывают иронии и презрительного отношения, описывая особенности обмундирования и вооружение советских солдат. Поношенные гимнастерки, обмотки на ногах, старые винтовки, изможденный вид красноармейцев, их удивление зажиточности местных крестьян – все это порождало сомнения в процветании Советского Союза:

«Встречали [Красную армию] с цветами, с радостью. Вспомнить можно только хорошее. Одиннадцать солдат у нас дома ночевали. У нас пару мешков муки высшего сорта, картошки хватало, сало было, так что на стол было что поставить. Они даже удивились и спросили: «Хозяин, а что завтра ты будешь кушать?». Вели себя мирно»¹.

«Пришли русские неожиданно. Их никто не ждал. Сказали, что надо солдат встречать с цветами. Я схватила астры и побежала. Солдаты были страшные, грязные, в обмотках. Не армия, а старцы. Оружие у них было со штыками. Измученные»².

«От советских солдат пахло рыбой, они были грязные, худые и голодные. Встречались очень озлобленные, но вели себя спокойно. А советские офицеры были чисто и аккуратно одеты, вежливые и доброжелательные... С приходом Советов поняли, что это «гололта»³.

«Отец говорил, помню, так: «Освободители пришли в хэбэ костюмах, когда я при царской России носил шелковую форму!». В то время среди людей ходил стих: «Как был царь Николашка / Были штаны и рубашка / Как пришел Совет / Увидела дуна свет». Люди поняли,

¹ Лукьянюк В. В. Брестская область, Кобринский район, д. Еремичи, запись воспоминаний 2007 г.

² Мороз Е. И., м. Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2007 г.

³ Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

что особого добра в ней, в этой власти, нет. И рассчитывали только сами на себя»¹.

«Армия была очень бедной. Солдаты просили у местных хлеб, картошку и другое. У них даже не было обуви. На ногах у солдат были обмотки и портянки. В сапогах можно было встретить только командиров. Одета армия была в рубашку-гимнастерку и шинель. Мне очень хорошо запомнились машины Красной армии, так как они работали на дровах. Для нас подростков было не понятно: как это такая печка может ехать? Из оружия у солдат была винтовка со штыком»².

«Молодежь всей деревни собирала красные платки, покрывала – шили флаги. Это было осенью, нарвали яблок, цветов и пошли на дорогу к д. Остромичи. Молодежь была хорошо одета, даже самый бедный имел хромовые сапоги. Один хлопец взял у сбежавшего пана поляка три лошади – чтобы подарить их Красной армии. Когда мы увидели худых, оборванных, грязных солдатиков, в рваных шинелях, с обмотанными тряпками ботинками, лошадей, хромых и худющих, настроение упало сразу. Командир, забиравший лошадей у деревенского хлопца, сказал: «А что это ты – кулак, даришь нам таких лошадей? Тебя надо к белым медведям». Домой все возвращались в ужасе. Никто не хотел уже жить при Советской власти, хотели назад, к Польше»³.

Престиж Красной армии в глазах западнобелорусского общества был в значительной степени подорван – красноармейцы в сравнении с польскими и немецкими военнослужащими явно проигрывали. Настораживали внешний вид и подозрительность красноармейцев, видящих в материальном достатке местных жителей признаки принадлежности к кулакам. Даже те жители западных областей, которые были доброжелательно настроены по отношению к перспективам установления советской власти, были озадачены контрастом между заочными представлениями о могучей и непобедимой Красной армии и реальным знакомством с красноармейцами.

«Заранее все знали, что придет Красная армия, так как слушали радио. Все очень готовились. В тот день, когда они должны были

¹Коробейко П. Д., д. Дубрава Брестского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

²Мишевич С. И., д. Липово Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

³Левонюк М. У., д. Стрии Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.

приехать, сделали брамы из елки... Эти брамы поставили на въездах в село. Все думали, что будут ехать много танков. Хлопцы наши оделись в костюмы и на велосипедах поехали на дорогу. Девчата тоже принарядились, нарвали букетов. Советы приехали на трех танках. В село они не заезжали. Стали на выпасе. Из этих танков вышли солдаты, которые и на солдат не были похожи. Одеты они были очень слабенько, у одного даже ботинок на ногах не было. Польские солдаты были красивые, одеты толком, а эти и на армию не похожи. Старые люди сразу сказали, что это не солдаты, а абы что, и разошлись. А они сразу, как вылезли [из танков] стали говорить про Союз, спрашивать, как тут живет, не ущемляли ли поляки... Походили они вокруг своих танков, а потом, показывая на хлопцев с велосипедами, спросили: «А это что, кулацкие сынки?» Им сказали, что нет, что это простые хлопцы и велосипеды тут не роскошь. Они посмотрели-посмотрели и поехали»¹.

«Польские жолнеры были всегда аккуратно одеты, во всем новом, а красные были какие-то потрепанные, расхлябанные...»².

«Когда узнали, что эта территория отдана СССР, то поехали встречать Красную армию, не потому что считали их освободителями, а из любопытства. Что это за новая власть? Поехали на Бульново на мост, там увидели новую власть. Конечно, по сравнению с польской армией, это было земля и небо. Одежда красноармейцев была такая плохая! Пуговицы деревянные, грязные сами, на конях не уздечка, а веревки. Конечно, от такой власти ничего хорошего ждать нечего было»³.

«Сначала встретили, то есть увидели немцев. Они с ходу заняли даже больше территории, чем было положено. Переправились через Буг и начали движение на юго-восток. Но потом вернулись. Немцев встречали с интересом: окружали танки, любовались формой, техникой. Немцы были хорошо откормлены, подтянуты, с выправкой, превосходно одеты. Детям кидали пачки конфет. Все кричали: «Русиш – гуд, польска – капут!». А Красную армию встречали уже с цветами, с музыкой. Был настоящий праздник в Бресте. Были

¹Семенюк (Макарук) О. Ф., д. Тевли Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г. (перевод с белорусского языка).

²Бусень В. А., д. Староволя Пружанского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.

³Гурин Р. И., д. Антоново Малоритского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.

все рады, все улыбались. Ведь пришли свои люди, свой язык. Никто тебя не обзывает. Хорошие люди. Очень разговорчивые. Веселые. Одежда русская, то есть советская армия была, конечно, не так как немецкая, были солдаты очень тощие, худые, изможденные. И когда я увидел девушку, жену, может, командира, одетую в юбку из мешковины, понял, что там, на Востоке, дела плохи»¹.

В некоторых воспоминаниях респондентов сообщается, что иногда красноармейцы в шутливой форме, иносказательно или отрывисто предупреждали местных жителей о тех переменах, которые ожидают западные области Белоруссии после установления советской власти. Население Западной Белоруссии имело смутные представления о жизни в Советском Союзе. Главными источниками информации были не вполне достоверные сведения официальной польской печати и радио, а также пропагандистские материалы, распространявшиеся Коммунистической партией Западной Белоруссии (КПЗБ), но большинство жителей «кресов восточных» не были знакомы даже с ними. Ходили неясные, противоречивые слухи о советских колхозах, эта тема вызывала наибольший интерес. С одной стороны, жизнь в Советской Союзе представлялась в настолько идеальном виде, что это походило на утопию:

«Слышно было только, что в России есть колхозы. Помню от отца еще: говорят, что земля там людская – сколько хочешь, столько и бери. Поэтому думали – скорее бы пришла Россия»².

«Все думали, что этот Союз – это уже рай на земле, так как там все бесплатно и совсем ничего не надо делать... думали, что там не нужно работать и землю там дают бесплатно»³.

С другой стороны, жители Западной Белоруссии, плохо понимали, что такое обобществление и боялись потерять свою собственность. Поэтому все жадно ловили каждое слово красноармейцев, когда они рассказывали о советском строе, в первую очередь о колхозах:

«О приходе Красной армии услышали, когда она заняла станцию Дрогичин. Люди собрались и отправили туда самого представительного мужчину, чтобы он разузнал, что там происходит. Когда он туда приехал, то спросил у красноармейцев про колхозы, на что те ответили, чтобы он спросил у худой лошади, стоявшей у забора,

¹Пакисюк Н. Р., д. Прилуки Брестского р-на, запись воспоминаний 2003 г.

²Пашкевич Н. Д., д. Рубель Столинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

³Семенюк (Макарук) О. Ф., д. Тевли Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г. (перевод с белорусского языка).

и при этом громко смеялись. Схватившись за голову, он поехал в деревню рассказал людям этот эпизод. Народ заволновался»¹.

«Советские войска мы встретили радостно, хотя и с небольшой опаской (все знали о коллективизации). Но все-таки это были наши соотечественники. Одеты они были слабовато. Но страх наш и опасения усилилось после того, как некоторые солдаты рассказали о том, что после них сюда придут другие отряды и начнут отбирать землю и сгонять всех в колхозы. Они советовали распродавать землю... Постепенно мы начали распродаваться... Боялся народ, очень боялся, никому не хотелось расставаться со своим добром»².

Когда респонденты говорят об отношении к красноармейцам и советской власти различных групп населения, чаще всего они отмечают, что негативная реакция наблюдалась у поляков. В отличие от белорусов, настроение которых можно охарактеризовать в довольно широком диапазоне — от праздничной эйфории до настороженных сомнений, поляки находились в подавленном состоянии и ожидали только одних перемен — к худшему. В воспоминаниях достаточно часто упоминается о бегстве поляков в оккупированную немцами Польшу.

Любопытно отметить, что в исследованиях польских историков по теме «советской агрессии 1939 г.» часто используются ссылки на реляции поляков, где подчеркивается особая активность еврейского населения в подготовке встреч Красной армии и агрессивных действиях против польских чиновников, служащих полиции, военных³. В материалах устной истории, записанных в 1998–2008 гг. в западных областях Белоруссии, нет подтверждений тому, что евреи проявляли повышенную активность и участвовали в насильственных действиях против поляков.

В изучаемых воспоминаниях затрагивается тема проведения избирательных кампаний и выборов депутатов в Верховный Совет БССР и местные советы. Для части респондентов выборы ассоциируются

¹Стаценя А. П. д. Выходы Дрогичинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.

²Бобрук Н. С., д. Шубичи Пружанского района Брестской области, запись воспоминаний 2004 г.

³См.: Szawłowski R. («Karol Liszewski») Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiedzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne i przeciw ludzkości oraz zbrodnie ukraińskie. T. 1. T. 2. [Dokumenty]. Warszawa, 1997; Nowak J. R. Przemilczane zbrodnie. Żydzi i polacy na kresach w latach 1939–1941. Warszawa, 1999 и др.

с праздником, запомнились тем, что в этот день продавали дефицитные товары, организовывались танцы, играла музыка:

«Выборы превращались в торжество народа. Люди были довольны, что они могут сами избирать власть. Проводились предвыборные кампании. Их проводили агитаторы. Они агитировали голосовать за блок коммунистов и беспартийных. В период выборов торговые точки работали круглосуточно. Торговали всем, кроме алкогольных напитков»¹.

«Когда были выборы, это был праздник. Привозились магазины прицепные. Были распродажи. Дешевые продукты. Звучала музыка»².

Другая часть респондентов критически отзывалась о выборах, считая их формальными. Люди отмечали, что приходилось голосовать за коммунистов, потому что других партий уже не было. Некоторые жители западных областей Белоруссии считают, что выбирали депутатов «вслепую», не имея достаточных сведений о кандидатуре, подчиняясь указанию властей. В глазах части жителей западных областей Белоруссии избранные депутаты выглядели как люди, не заслужившие права представлять интересы всего населения.

«О, при Советах чем беднее, тем больше шансов стать депутатом. Но отца выбрали, так как уважали (депутатом сельского совета – И. Е.). А одну с хутора выбрали в Верховный Совет БССР, так у нее ни кола, ни двора. Не то, что при поляках. Там выбирали уважаемого, умного, богатого. А та – неграмотная, зато – депутатка»³.

В целом, анализ собранных воспоминаний показывает, что для большей части жителей западных областей Белоруссии политическая сторона событий 1939–1941 гг. была менее важной, чем социально-экономические вопросы. О политической жизни респонденты говорят гораздо более сдержанно и лаконично, чем о социально-экономической. Насколько можно судить, часть респондентов мало задумывалась о политике и власти, принимая их как некую данность.

Подавляющее большинство респондентов высказывает негативное мнение о политике советской власти в сфере сельского хозяйства. В 1940–1941 гг. коллективизация только в незначительной мере затронула западные области Белоруссии – тотальная коллективизация была проведена здесь уже после войны, но создание колхозов, слухи, страх лишиться своей земли

¹ Хомич Г. А., д. Чемери-2 Каменецкого р-на, запись воспоминаний 2003 г.

² Лакисмок Н. Р., д. Прилуки Брестского р-на, запись воспоминаний 2003 г.

³ Головницкий Л. Д., д. Одрижин Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2000 г.

и скота — все это было важной составляющей жизни западнобелорусских крестьян накануне Великой Отечественной войны:

«Стали загонять всех в колхозы. Идти туда никто не хотел. Все поняли, что это за советская власть. ... Молотилки позабирали, коней забрали в колхоз. Колхоз был очень бедненький. Советами все были недовольны. Стала ходить поговорка: «Сначала цветочки, а потом вы узнаете, что такое Советская власть!»¹.

«При поляках было, как кто богатый тот, значит, имел землю, скотину. У середняков этого было меньше. Никому и не хотелось идти в колхоз и все это отдавать. Голоде-то, конечно, было хорошо, а другим — не очень. Колхозное становилось общим, а я как-то по себе знаю, что общее, то ничейное. А вот у кого было много земли, знаю, что заставляли дарить ее государству. Никого не интересовало, что он сам на этой земле как вол пашет. Они ж не спрашивали. Так вот никому это не нравилось, а что было делать?»².

«При колхозах плохо было жить. Слабо платили. Ничего не давали... Забирали плуги, бороны, повозки, лошадей — все забирали. Люди семена разные сдавали. Обогулили людей и все. И говорили: «Как только станем побогаче, так сразу все вернем». И сейчас возвращают»³.

Увеличение налогов на единоличников, дефицит товаров, забытая в Польше проблема очередей — эти сюжеты также занимают заметное место в воспоминаниях жителей западных областей Белоруссии о периоде советизации.

«Были надежды на лучшую жизнь, однако начали и обижаться: платили не только денежные налоги, но и сдавали натуральные поставки»⁴.

«Ввели налоги так, что иметь больше, чем 10 гектаров земли сделалось невыгодно... Единоличников обложили налогами. Отец должен был сдать три тонны зерна, 4 тонны картофеля, мясо, молоко, да еще три тысячи рублей. Чтобы не резать свою корову, говядину сдавали таким образом: покупали по 5 человек корову и вели

¹Семенюк (Макарук) О. Ф., д. Тевти Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г.

²Кальковский Л. А., д. Утес Барановичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

³Колбаско Николай Андреевич, деревня Рудка Пинского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

⁴Романович О. Г., д. Мотоль Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г. (перевод с белорусского языка).

ее на бойню, где всем выдали справки о сдаче мяса и даже платили деньги. За один центнер зерна платили 12 рублей, на которые нельзя было купить даже кружку пива... Люди говорили, что свет не видел таких панов, как Советы. Настоящий пан накормит и заплатит, а Советы еще и кожу снимут»¹.

«Советские люди начали скупать все подряд за польские злотые... Закрылись частные магазины. Сразу появился дефицит на все. Когда привозили мануфактуру или сапоги, с вечера выстаивалась очередь, которая ждала всю ночь до утра открытия магазина»².

«Трудности были, все же смена власти. Появились очереди в магазинах. С приходом советских стали и деньги советские, за них можно было купить все. Деньги были дорогие, а товары стали дешевле»³.

«Вспоминается такой случай. Белый хлеб и белую булку мы видели очень редко. И тут вдруг привезли в государственную лавку теплый хлеб, очень мягкий, вкусный, но которого всем не хватило. И тогда создали очередь. Но зная, что всем не хватит хлеба, сильные мужики ринулись в дверь лавки, оттеснив слабых и женщин. Отцу удалось купить буханку белого хлеба, очень вкусного. По-видимому, хлеб был испечен из муки высшего сорта Краснодарского края или Саратовской области (так я на сегодняшний день думаю)»⁴.

Крестьяне в меньшей степени, чем горожане, ощущали оскудение ассортимента товаров в магазинах и на рынках. Перемены в области продовольственного снабжения населения почти не затронули западнобелорусскую деревню, основанную практически на натуральном хозяйстве. Но и сельские жители были недовольны исчезновением многих привычных и необходимых товаров: тканей, обуви, сахара, различных кондитерских изделий, сладостей, которые покупали для детей.

В некоторых воспоминаниях говорится о страхе перед новой властью и репрессиях. Многие респонденты предпочитали уклоняться от обсуждения этой темы, неохотно упоминали о случаях арестов или высылки соседей. Некоторые респонденты высказывали недоумение по поводу репрессий, вспоминая, что в ходе репрессивных действий советской власти пострадали бедняки. Прямых оценок репрессий большинство респондентов предпочитало не давать, но сами рассказы о репрессированных проникнуты

¹Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

²Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

³Головницкий Л. Д., д. Одрижин Ивановского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2000 г.

⁴Зданевич А. Д., д. Аркадия Брестского р-на, запись воспоминаний 2004 г.

сочувственным отношением к пострадавшим, содержат косвенное осуждение несправедливости действий советской власти.

«Зимой 1940 г. взялись за поляков-осадников, которые проживали на хуторах. Давали на сборы один час и в 40-градусный мороз, погрузив на подводы, под конвоем везли на станцию в Волковыск, где грузили в телятники и отправляли в Сибирь. С собой разрешалось взять небольшой запас еды, а из одежды – то, что было на человеке. С маленькими детьми люди долго ждали отправления и уже в первый день начали умирать самые слабые из детей и стариков. Оставшуюся собственность этих людей, частично разворованную, свезли в сельсовет, а постройки пораспродавали и приказали в разобранном состоянии вывезти. Так советская власть мстила бывшим польским legionерам за поражение в войне, да и независимые хозяева советской власти были, как кость в горле»¹.

«Ну, что ж, было и у нас такое, и в соседних деревнях. Мы, помню, с мальчишками обсуждали это. А происходило все, насколько я знаю, так: вечером в дом приходили партийные работники с органами и доводили до сведения бумагу о выселении, давали несколько часов времени на сборы. А наутро дом был пуст. Зачем и куда их свозили, мы не знаем. Но все боялись. Наутро все знали, что случилось. Это было один раз, и забрали 5–6 семей с пожитками, но не всеми. Заставляли выселяться всех: и старых, и малых. Страшно было!»².

«Боялись все. Особенно мой отец, потому что он был выбран старостой в 1935 г. Старосту выбирали всей деревней на четыре года, и обычно в его обязанности входило: собирать податок (налоги) небольшой, проводить мероприятия, собрания, по праздникам вывешивать флаг. Поэтому опасения были. Помню случай, когда ночью на Волынке 2 семьи зажиточных поляков, в том числе и дети, были вывезены неизвестно куда. Поэтому опасения были у всех. Особенно боялся мой дядя Василий Лаврентьевич, так как он был самый зажиточный кулак. У него была молотилка, керад (механизм, которым при помощи лошадей приводили в действие молотилку), веялка и пару лошадей. У деда Котика Давида (отчества не помню) было 10 десятин земли, жил на хуторе и имел прекрасный сад, усадыбцу, пасеку. У него был керад, молотилка, веялка,

¹Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

²Кальковский Л. А., д. Утес Барановичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

5–6 коров, лошадь. Но так как земля была хуторская, рядом возле дома, то затраты были гораздо меньше, чем у тех, у кого земля находилась вдалеке от дома. У этого деду было все: мед, яблоки, груши, малина, клубника. Молочной продукции было много: он возил молоко продавать лошадью. У него было семеро детей. Дед землю приобрел у пана Вишневецкого. Он был управляющим имением Вишневецкого. Пан предчувствовал, что назревает война, и продал деду землю по схожей цене, а за хорошую службу часть земли подарил. И уже после начала войны были найдены документы, что в воскресенье 22 июня 1941 г. должны были приехать за дедом и сослать в Сибирь»¹.

«С приходом советской власти люди быстро почувствовали, что это за власть, то есть у кого было 10 га земли, 3–4 коровы, те люди были быстро причислены к «кулакам». Их имущество было конфисковано, а людей сослали в Сибирь. В нашей деревне было выслано в Сибирь 3 семьи»².

«Для людей было непонятно, почему крестьян, у которых было несколько гектаров земли, конь и корова, советская власть посчитала зажиточными и выслала в Сибирь. Признаюсь, что по мере раскулачивания отношение к советской власти все больше охладевало у крестьян»³.

Кроме рассмотренных аспектов, в воспоминаниях жителей западных областей Белоруссии содержатся любопытные сведения о представителях власти: выдвиженцах и «восточниках» — советских и партийных работников, присланных на работу в присоединенные области. Местные жители вспоминают о них по-разному. Во многом отношение к новым людям определял их внешний вид и поведение. Для белорусов, особенно для крестьян, одежда являлась не только признаком благосостояния, она была показателем культуры, подчеркивала привилегированность человека, свидетельствовала о его достоинствах. В этом смысле показательны воспоминания жительницы д. Стрии Кобринского района о том, что у местного учителя-поляка было 40 костюмов — такой гардероб внушал уважение, поднимал человека на недосягаемую высоту⁴. Одна

¹ Зданевич А. Д., д. Аркадия Брестского р-на, запись воспоминаний 2004 г.

² Пипко С. Ф., д. Дрочево Малоритского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.

³ Мишевич С. И., д. Липово Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

⁴ Левонюк М. У., д. Стрии Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2001 г.

респондентка, рассказывая о 1930-х годах, призналась, что ее мать часто стирала чистую одежду и вывешивала сушить, чтобы соседи видели как много в семье одежды¹. Жители западнобелорусских земель воспринимали внешний вид людей, прибывших из Советского Союза, как своего рода цивилизационный код, расшифровка которого приводила к неутешительным выводам. Представителям советской власти, одетым по местным стандартам весьма скромно, если не сказать убого, было трудно заработать авторитет в глазах местных жителей. До сих пор в западных областях Белоруссии распространен насмешливый рассказ о женах советских офицеров и партийных работников, которые носили ночные рубашки, купленные здесь, как платья. Белорусы видели как торопливо и жадно «восточники» скупали местные товары, как они не могли скрыть своего удивления и зависти при виде местного изобилия – все это не способствовало укреплению авторитета советской власти, порождало предчувствие горьких разочарований и тяжелых испытаний.

«Приезжали агитаторы из Союза. Ходили они как оборванцы. Одеты были очень слабенько. Неказистые какие-то были. При Польше было очень тихо, и уважали людей. Поляки были культурными, а как пришли Советы, то вся культура кончилась. Русские были очень забитые, некультурные и темные. Ни в чем не разбирались. Все ходили и обманывали, что Бога нет. Собирали страховку. Приехали советские учителя, тоже зачуханые. Учительница в школе ходила все в одном и том же платье. С молодежью общались, так как старшие люди мало их слушали»².

Вспоминая о представителях новой власти, некоторые респонденты сравнивают партийных чиновников с польскими панам-помещиками, а советскую власть с польской.

«...появились две или три семьи из Восточной Беларуси. Пришли и партийные работники. А в город то вообще ехали присланные с России. Приехали, правда, весной 1940 года учителя и, как модно было говорить, совместными усилиями создали свою школу. Начали в деревне проводить собрания, хотели и колхоз сделать, но до войны так и не сделали. [Приезжие были] простые люди, правда, те, что партийные были, что паны, а то и хлеще»³.

¹Тарасевич Е. И., г. Брест, 2004 г.

²Семенюк (Макарук) О. Ф., д. Тевли Кобринского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2004 г. (перевод с белорусского языка).

³Кальковский Л. А., д. Утес Барановичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

Огромный урон авторитету советской власти в этот период наносило то, что карьеру начали делать те люди, которые не заслуживали уважения, злоупотребляли своими служебными полномочиями и при этом внушали страх.

«Те, кто раньше не хотели работать или те, кто пастил коров, сразу же пошли в милицию. Получив винтовку, начали раскулачивание, не забывая в свободное время пить и гулять. При Советах было распространено то, что к власти пристраивались лентяи и пьяницы»¹.

«Можно сказать, что пришла не только советская власть, но и какая-то вседозволенность. Я отлично помню, когда мою мать и отца могли запугать любые сопляки, которые ничего в этой жизни не сделали, а только были у этой власти. Вот люди и боялись. Мне не нравилось это. Многим тоже... Все стали чего-то побаиваться...»².

«Партийные и советские работники, присланные в Западную Беларусь из СССР, вели себя на этой территории как большие чиновники, люди, имеющие власть. Общались они только с коммунистами, а местное население «раскулачивали» и отправляли в Сибирь. Были одеты в кожаные куртки и плащи, на ногах носили хромовые сапоги, на голове – фуражку с красной пятиконечной звездой; все партийные и советские работники имели при себе оружие-пистолет. Местное население боялось советских работников»³.

Многие респонденты вспоминают атмосферу страха и подозрительности: боялись голосовать против предложенных на выборы кандидатур, боялись соседей, боялись доносов, боялись пошутить и рассказать анекдот.

Мы не можем понять исторический период, если не будем знать и изучать различные представления, которые бытуют о нем. Люди старшего поколения транслируют не единую универсальную, а множество своих моделей прошлого, они не взяты из учебников истории и из научных монографий. Эти модели – результат собственных наблюдений, ощущений, опыта и памяти. Такие конструкции, безусловно, не свободны от стереотипов, от влияния различных идеологий, от предубеждений и заблуждений. Они субъективны, но тем и ценны. Официальные исторические схемы нередко нивелируют то многообразие, ту сложность, которая всегда присуща событиям и процессам прошлого. Историческая наука укладывает

¹Болейко Г. В., г. Волковыск Гродненской обл., запись воспоминаний 2003 г.

²Кальковский Л. А., д. Утес Барановичского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2006 г.

³Пипко С. Ф., д. Дрочево Малоритского р-на Брестской обл., запись воспоминаний 2005 г.

прошлое в прокрустово ложе, отсекая «лишнее», то, что не вписывается в востребованную научную концепцию или, наоборот, искусственно раздувая не самые значимые факты истории до вселенских масштабов. Историки конструируют прошлое в угоду окружающей социополитической действительности, зачастую пренебрегая теми моделями, которые предлагают живые свидетели событий. Каждый рассказ устной истории — это индивидуальная интерпретация событий прошлого. Для историка знакомство с такой живой историей — это возможность изучить прошлое на микроуровне, увидеть по-новому причинно-следственные связи событий и их последствия.

Исторические факты порой до неузнаваемости различно отражаются в воспоминаниях очевидцев. Но таковы особенности коллективной памяти. Живые устные рассказы жителей западных областей Белоруссии обозначают ключевые моменты периода советизации 1939–1941 гг., указывают основные факторы, которые подрывали доверие к новой власти. На первый взгляд оценки событий, которые представляют наши респонденты, могут показаться поверхностными и даже примитивными. Акцентирование внимания на внешнем виде красноармейцев или «восточников» — казалось бы, на второстепенных и не принципиальных деталях — в действительности свидетельствует о наблюдательности людей, житейской мудрости, умении анализировать и правильно интерпретировать тот минимум информации, который был в распоряжении жителей «кресов восточных». Как показывает изучение материалов устной истории, наибольшее недовольство жителей западнобелорусских территорий вызвала начатая политика коллективизация и раскулачивания, негативные процессы в сфере торговли (дефицит товаров, очереди, закрытие частных магазинов и пр.), развернутая антирелигиозная пропаганда. Следует отметить, что в документах НКВД, в которых отражались антисоветские настроения западнобелорусского общества и фиксировались главные проблемы, вызывавшие критику советской власти, мы находим практически те же сюжеты¹.

Характерным для значительной части респондентов является определенное ностальгирование о жизни «за польским часом», но многие отмечают, что после вхождения Западной Белоруссии в состав БССР и СССР, жизнь в некоторых аспектах изменилась в лучшую сторону. К положительным

¹Подробнее см.: Еленская И. Э. Западно-белорусское общество в свете материалов НКВД. 1939–1941 гг. // *Polska i jej wschodni sąsiedzi w XX wieku: Studia i materiały ołiarowane prof.dr.hab. Michałowi Gnatowskiemu w 70-lecie urodzin*. Białystok, 2004. — S. 393–400.

переменам респонденты относят возможность получения бесплатного образования, придание белорусскому языку статуса государственного, избавление от социального угнетения.

Не нужно бояться истории. Прошлое неизменно. В 1939 г. произошло поворотное событие в истории белорусской государственности: установление новых границ (заметим, границ, которые, за малым исключением, обозначают контуры современной суверенной Республики Беларусь). Никакие, даже самые резкие и нелицеприятные воспоминания о способах и средствах советизации западных областей Белоруссии не могут оспорить этот факт. А вот игнорирование историками существования такого источника как устные воспоминания приводит к искажению прошлого. Жители Западной Белоруссии не были бездумными автоматами, сознанием, эмоциями и реакциями которых легко управляли власть предержащие. Изучение собранных материалов устной истории показывает, что в большинстве люди, несмотря на лояльность по отношению к советской власти, оценивали ее критически. Вместе с тем, в сумме воспоминания дают поразительный результат – адекватную оценку событий, происходящих в западных областях Белоруссии в канун Великой Отечественной войны.

С. В. Струнец

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОКРАИНЫ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ
В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ (ОСЕНЬ 1938 – ОСЕНЬ 1939 ГОДОВ)**

В результате Первой мировой войны и крушения старых европейских многонациональных империй – Германской, Австро-Венгерской и Российской – в Центральной и Восточной Европе образовался целый ряд новых полиэтнических государств – Вторая Речь Посполитая, Королевство СХС (Югославия), Румыния, Чехословакия. Определение новых границ в регионе зачастую проходило на фоне многочисленных конфликтов между формировавшимися государственными образованиями. Реализовывая идею национального возрождения, политические лидеры старались максимально расширить территории своих государств, в том числе за счет исторически сложившихся этнокультурных пограничий, освобождая своих соотечественников от векового бремени чужеродных угнетателей. В результате этих причин Версальско-Рижская система международных договоров получила значительный конфликтогенный потенциал. С разной степенью интенсивности в течение всего межвоенного периода государства-соседи напоминали друг другу о необходимости ревизии прежних договоренностей. В их «диалоге» проблема статуса различных национальных меньшинств в сопредельных странах имела ключевое значение. В этот период оформился так называемый «национализм родины», направленный на граждан других стран, воспринимаемых в качестве этнокультурнородственных. «Родина» при этом считала своим правом и обязанностью следить за тем, как живут «соплеменники» за ее пределами: оказывать всякого рода помощь, поддерживать политическую активность, помогать общественным организациям и пр¹.

В этот период идея национального «освобождения-возрождения» трансформировалась в идею «освобождения-реванша». В этом отношении действиям нацистской Германии как локомотива данных процессов всегда уделялось достаточно много внимания. Однако в передел политической карты региона под такими же лозунгами включились Польша и Венгрия. Чехословацкий кризис стал своеобразной матрицей, обращаясь к которой в последующие несколько лет более сильные государства делили либо

¹ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2005. № 3. С. 49.

уменьшали в размерах своих слабых соседей, при фактическом самоустраниении Франции и Англии. Спустя год схожий сценарий был разыгран в отношении Польши.

Несмотря на то, что операции по разделу Чехословакии в 1938 г. и Польши в 1939 г. имели целый ряд существенных различий, в процессе их проведения можно выделить целый ряд похожих, а часто и идентичных элементов.

1. Подготовительная стадия

Заользье

Уже в 1934–1935 гг. польская разведка в сотрудничестве с МИД начала работу по созданию широко разветвленной сети подпольных групп в Заользье, целью которых в будущем была бы демонстрация негативной реакции польского населения по отношению к чешской политике. Определенная работа проводилась в этот период и на территории Закарпатской Руси¹, которая в польско-венгерских отношениях считалась сферой интересов Будапешта². В результате постоянно растущей польской активности чехословацкая сторона предприняла ряд превентивных мер, которые привели к стабилизации ситуации³. После многомесячного перерыва экспозитура Второго отдела польского Главного штаба⁴ при поддержке

¹ В национальных исторических традициях государств Центральной и Восточной Европы эта территория именовалась по-разному: Карпатская Русь, Прикарпатская Русь, Угорская Русь, Подкарпатская Украина, Закарпатская Украина, Карпатская Украина, Подкарпатье, Закарпатье и т.д.

² *Samuś P., Badziak K., Matwiejew G.* Akcja „Łom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Łódź – Warszawa, 1998. S. 28.

³ *Januszewska-Jurkiewicz J.* Zaolzie w polityce rządu i opinii społeczeństwa polskiego (1925–1937). Katowice, 2001. S. 142–164.

⁴ Главной задачей подразделения являлась организация диверсии за границами Польши, прежде всего на территории соседних государств, а также подготовка на случай войны диверсионных ячеек в тех районах II Речи Посполитой, которые во время боевых действий могли быть заняты войсками противника. Реферат «В» (Восток) экспозитуры занимался подготовкой диверсии против СССР, вел «прометеевскую акцию» среди нерусских народов, создавал законспирированные организации на пограничье с БССР и УССР. Реферат «А» (Запад) занимался подготовкой диверсионной работы в остальных направлениях. Подреферат «АР» реализовывал эту задачу в Восточной Пруссии и Гданьске, подреферат «АЗ» в Германии, подреферат «АН» в Чехословакии.

консульского департамента МИД¹ приступила к активизации ранее сформированных и созданию новых подпольных групп на сопредельной территории ЧСР, а также на приграничной территории Польши на случай возможной диверсионной акции в регионе.

Параллельно с развертыванием диверсионной акции польское командование отдало приказ 19 сентября 1938 г. о переброске дополнительных армейских частей на юг страны, что совпало по времени с ультиматумом Англии и Франции к Чехословакии. Принятие Прагой 21 сентября этих условий привело к тому, что Польша сразу же предъявила собственные аналогичные требования в отношении территории ЧСР, населенной поляками².

Главную роль в последовавших событиях сыграли созданные ранее подразделения польской «Боевой организации» и ее Тешинской подгруппы, сформированные по обе стороны польско-чехословацкой границы и приведенные в состояние боевой готовности 18 сентября 1938 г. Первая задача подпольных групп, находившихся на территории ЧСР, была чисто демонстративной и не предполагала применения оружия. По мере переброски оружия через границу начался переход к следующей фазе, т.е. непосредственно к вооруженным действиям³. Фактически с 23 сентября с разной степенью успеха польские подпольщики начали уничтожение коммуникаций и, по мере возможностей, живой силы противника на чехословацкой территории⁴. На 30 сентября, в момент наибольшего развития акции, в составе всех боевых групп насчитывалось

¹ Директор консульского департамента МИД В. Дриммер курировал политические акции министерства среди польского меньшинства за границей.

² В ходе обсуждения польских предложений на заседании чехословацкого кабинета министров, президент ЧСР Э. Бенеш заявил о необходимости сохранения дружеских отношений с Польшей и готовности пойти на территориальные уступки на взаимовыгодных условиях. При этом чехословацкий президент отметил, что независимо от того «...договорятся ли западные сверхдержавы с Германией, полякам будет необходим договор с нами, так как в случае союза Германии и России поляки окажутся в нашем сегодняшнем положении». См.: *Záznam jednání čs. vlády 29. září 1938 - polské ultimátum*. Режим доступа: <http://www.fronta.cz/dokument/zaznam-jednani-cs-vlady-29-zari-1938-polske-ultimatum>.

³ Более подробно об организации и проведении акции см.: *Морозов С. В.* Когда Польша нападёт на Чехословакию. Деятельность польских диверсионных отрядов во время Чехословацкого кризиса в сентябре 1938 года // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 16–19.

⁴ *Meldunek sytuacyjny o przebiegu akcji na Zaolziu [1938 wrzesień 24, Bielsko] // Samuś P., Badziak K., Matwiejew G.* „Powstanie na Zaolziu” w 1938 r. Polska akcja

276 человек. После того, как ЧСР 1 октября 1938 г. приняла польские требования, данные подразделения были реорганизованы в 29 патрулей по 3 человека в каждом, с целью их использования в предполагаемой операции в Закарпатской Руси¹.

Одновременно с мобилизацией боевых групп на территории Силезского воеводства началось формирование легиона «Заользье», полувоенного добровольческого формирования, которое должно было поддержать «спонтанные» выступления польского меньшинства в Чехословакии. 30 сентября в ожидании мобилизации, планировалось только для первого броска сформировать 14 рот численностью около 1 700 человек. Первоначальными целями легиона были подъем восстания и ведение партизанских действий на территории Заользья. Однако, в силу скоротечности событий, в активной фазе операции части легиона участия не принимали. Следует отметить тот факт, что формирование данного соединения велось фактически только на территории 4-х повоев Силезского воеводства. В тоже время, по мнению его командования, если бы не ограничения на прием добровольцев, связанные с начавшейся мобилизацией в польскую армию, даже на этой небольшой территории можно было бы завербовать как минимум 15 000 человек².

После того как Варшава предъявила Праге свой ультиматум, в чешском Тешине начались массовые волнения поляков, было совершено нападение на полицейский участок. До вооруженных столкновений, однако, *specjalna w świetle dokumentów oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa 1997. Dokument nr. 37. S. 97, 98.*

¹ *Sprawozdanie z działalności tajnej organizacji Komitetu Siedmiu. [1938 około 15 października, Warszawa] // Ibidem. Dokument nr. 54. S. 122–127; Brulion sprawozdania z działalności Oddziałów Bojowych krajowych [1938 październik, Cieszyń] // Ibidem. Dokument nr. 60. S. 145–153; Sprawozdanie z działalności Oddziałów Bojowych na Zaolziu [1938 listopad, Warszawa] // Ibidem. Dokument nr. 62. S. 154–167.*

² *Sprawozdanie L. Zycha z działalności Legionu „Zaolzie” [1938 około 9 października, Bielsko] // Ibidem. Dokument nr. 56. S. 131–140.* Польский историк Э. Длугайчик отмечает, что многие мероприятия во время поведения и реализации Заользинской акции носили больше пропагандистский, чем реальный характер. Это в свою очередь способствовало участию в происходивших событиях случайных людей, руководствовавшимися далеко не идейными соображениями. Так, при формировании легиона «Заользье» в одном из населенных пунктов использовались обещания помощи в трудоустройстве. После получения этими добровольцами предложения работы в Германии, из 200 человек в составе легиона осталось 65. См.: *Długajczyk E. Tajny front na granicy cieszyńskiej. Wywiad i dywersja w latach 1919–1939. Katowice, 1993. S. 160.*

не дошло, так как чешская полиция не стала вмешиваться в происходящее. На следующий день, 22 сентября 1938 г., в Варшаве после многотысячной демонстрации, посвященной событиям в Заользье, Союз силезских повстанцев в Польше начал формирование по всей стране еще одной полувоенной организации — «Заользинского добровольческого корпуса». Количество желающих было настолько велико, что после того, как число их перевалило за 80 000, дальнейший набор был остановлен. Опять таки из-за быстрого развития конфликта корпус не участвовал в каких-либо акциях на территории ЧСР и был распушен 1 октября 1938 г.¹

Подготовка диверсионной операции в отношении ЧСР, равно как и ее последующее освещение, сопровождалась спланированной и массивной пропагандистской кампанией, которую курировал польский МИД. Ликвидировалась любая возможность альтернативной интерпретации событий. Пресса сознательно преувеличивала масштабы происходившего в регионе, особенно «чешского террора». Катовицкая радиостанция транслировала на чешскую территорию обращения «чехов» к своим землякам с предложением сдаться². В Польше начался сбор средств в поддержку Заользинской операции. Характерной чертой этой кампании стало проведение античешских митингов. Как вспоминал один из участников такого митинга, состоявшегося в г. Катовице 19 сентября 1938 г., собравшаяся многотысячная толпа скандировала: «Бить чехов... создать добровольческий корпус. Вождь, веди нас на чехов, дальше за Ользу, долой коммунистическую Прагу, уничтожить гнездо беспокойств и провокаций в Праге и т.д.»³. В соответствующей тональности были составлены и проекты листовок, которые планировалось распространять на территории Заользья⁴.

¹ *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej... S. 164.

² *Ibidem..* S. 167–169.

³ *Szuścik J.* Życiorys nauczyciela po 1939 r. Wystawa «Zaolzie 1938. Dokumenty - relacje - opinie», 2 X 2003 г. - 23 I 2004 г. Cieszyn. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/23b.jpg>.

⁴ «Наступает день, от которого зависит будущее наших и ваших детей... Наступает день расплаты между польским и чешским народом. Чехи предательски захватили извечно польскую Тешинскую Силезию, а также части Спиша и Оравы... Мало им было выдрать у Польши её земли... так они начали искоренять там польскость, уничтожать польские школы, выбрасывать польского рабочего с его работы... преследовать польские организации... Святое право самоопределения народов, это право не только для одних народов, это право для всех. И если это право будет нарушено, то поляки сами возьмут свою судьбу в свои руки и сами решат за себя, не оглядываясь на жуликов и врунов, на канцелярии международного мошенничества и торговли народами...». См.: Projekt tekstu pierwszej ulotki

Спиш и Орава

6 октября 1938 г. в Жилине словацкие политические лидеры провозгласили курс на автономию Словакии в составе обновленной Чехословакии, но не пошли на провозглашение независимости. В связи с этим Варшава четко дала понять Братиславе, что в таком случае будет требовать от нее определенных территориальных уступок (чего не сделала бы в отношении независимой Словакии), а также поддержит Венгрию не только в ее претензиях на Закарпатье, но и на земли восточной и южной Словакии. Параллельно с этим в Польше начала разворачиваться пропагандистская кампания о необходимости возвращения Спиша и Оравы. Чехословацкая разведка сообщала, что польская сторона формирует так называемый «Словацкий легион», вербуй добровольцев как в Заользье, так и на территории Словакии. До его использования дело не дошло ввиду того, что польская нота была принята.

Южная Словакия

Будапешт во время мюнхенского кризиса пошел по пути координации своих действий главным образом с Берлином, и в результате первого Венского арбитража 2 ноября 1938 г. при посредничестве Германии и Италии отторгнул от Чехословакии южную часть словацких земель общей площадью 10 390 км², где проживало 853 670 человек¹. В отношении этих территорий со стороны Будапешта был разыгран сценарий, фактически идентичный тому, который Варшава использовала в отношении Заользья.

skierowanej do Polaków zamieszkających na obszarze Czechosłowacji [1938 sierpień, Bielsko] // *Samuš P., Badziak K., Matwiejew G.* „Powstanie na Zaolziu” w 1938 g... Dokument nr. 16. S. 66–68. «Правление чешского централизма, стремившегося к денационализации и уничтожению польскости на ваших исконно польских землях, заканчивается, и никто уже не сможет спасти это правление. Государство, созданное из лоскутков при помощи мошенничества и вранья, рушиться при первых испытаниях своей прочности... Поляки! Наступил тот день, когда за совершенные преступления виновные понесут заслуженное наказание... Здесь справедливость должна быть полной, а виновные не должны скрыть перед глазами мира ни одного греха, ни одно преступление не смеет скрыться в тишине и не быть отомщенным!... Поляки! Вы являетесь свидетелями, что право не подкрепленное силой и отважным действием является посмешищем! Право ваше должно быть подкреплено вашими действиями и вашей самоотверженной организационной работой...». См.: Projekt tekstu drugiej ulotki skierowanej do Polaków zamieszkających na obszarze Czechosłowacji [1938 sierpień, Bielsko] // *Ibidem.* Dokument nr. 17. S. 68, 69. ¹ Vedenská arbitráž 2. november 1938. Dokumenty 1. (20. September – 2. November 1938), zostavil: L. Deák. Maticá Slovenská, 2002. S. 24.

В течение подготовительного периода в приграничных населенных пунктах начались массовые демонстрации венгерского меньшинства. Так, например, 5 октября манифестации с антигосударственными лозунгами прошли в Комарно и Новых Замках¹. Демонстрации должны были сопровождаться действиями венгерских диверсионных групп². 12 октября 1938 г. министр иностранных дел Венгрии К. Каня информировал Варшаву о том, что на территорию Подкарпатской Руси удалось перебросить 750–800 человек. При этом в Венгрии не делали секрета из того, что после занятия чехословацких земель члены данных групп будут терроризировать тех, кто не симпатизировал венгерскому правительству³.

Соответствующим образом было организовано и пропагандистское обеспечение этих акций. Подчеркивался исконно венгерский характер территорий, на которые распространялись претензии, говорилось об их предательском захвате чехами и т.п. Активно обыгрывалась идея «освобождения» от чешского ига как венгров, так и «словацких братьев», которым в будущем будут обеспечены их национальные права.

Закарпатье

Венгрия осталась не полностью удовлетворена итогами Венского арбитража. Прежде всего, это касалось территории Закарпатской Руси. Претензии Будапешта на этот регион были отклонены арбитрами. Однако венгерское руководство не оставляло попыток решить данный вопрос в свою пользу. На этом фоне с новой силой возобновились польско-венгерские

¹ Záznam z I. plenárneho zasadnutia česko-slovenskej a maďarskej vládnej delegácie, obsahujúci rokovania o štyroch predbežných maďarských požiadavkách a o hraničných incidentoch. 9. október 1938 // Ibid. Dokument nr. 52. S. 72–76.

² Венгерское правительство еще 1 октября 1938 г. поручило бывшему министру внутренних дел М. Козму организацию тайных террористических подразделений «szabadcsapatok», которые после краткого военного обучения нелегально переходили на чехословацкую территорию, где осуществляли различные диверсии и противоправные акции против чехословацкого государства. Эти подразделения массово использовались в последствии в основном на территории Закарпатья.

³ Záznam z III. plenárneho zasadnutia česko-slovenskej a maďarskej vládnej delegácie, týkajúci sa výmeny názorov na maďarské územné požiadavky, na otázku prípravy česko-slovenského protinávrhu a na pohraničné incidenty. 11. október 1938 // Vedenská arbitráž 2. november 1938. Dokumenty I... Dokument nr. 64. S. 100–104; Krajinské žandárske veliteľstvo posielá Prezidiu krajinského úradu v Bratislave informáciu o pripravách teroristov v Maďarsku, ktorí majú byť nasadení pri okupácii česko-slovenského územia. 2. november 1938 // Vedenská arbitráž 2. november 1938. Dokumenty II., okupácia (2. November – 14. marec 1939), zostavil: L. Deák. Matica Slovenská, 2003. Dokument nr. 2. S. 34.

контакты в дипломатической и военной сферах. Уже в начале октября 1938 г. Венгрия предложила Польше совместную военную акцию и захват Закарпатья. Варшава категорически отказалась, пообещав лишь дипломатическое содействие. В этой связи особенно важна была возможная реакция Румынии на венгерскую интервенцию против ЧСР. Варшава после безуспешных попыток добиться румынского одобрения действий Венгрии в Закарпатье, перешла к более тесному сотрудничеству с Будапештом. 19 октября 1938 г. польский Главный штаб отдал приказ относительно организации и проведения операции «Лом», предполагавшей развертывание диверсионной деятельности в регионе. 20 октября в Будапешт была выслана координирующая группа¹.

Во второй декаде октября в районе Мукачево уже действовал венгерский отряд численностью около 500 человек². На польской стороне границы был создан лагерь для участников венгерских диверсионных групп, которые в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены перейти на польскую территорию³. Действия венгерских отрядов были мало эффективными, а к началу ноября около 340 диверсантов было взято в плен чехословацкой стороной⁴.

В ночь с 22 на 23 октября была отправлена первая польская диверсионная группа из трех человек и два проводника. В ночь с 24 на 25

¹ К этому времени венгры уже несколько дней безуспешно пытались разжечь в Закарпатье пожар народного восстания против чехословацких властей. Каждый день по несколько групп численностью 6 человек перебрасывались к границе, где получали задания вести разведку, совершать диверсии, изучать настроения населения на территории ЧСР, а так же вооружать местное венгерское население. См.: Meldunek I.dz. 368/Tj/38 K. Lurskiego o węgierskich działaniach dywersyjnych na Rusi Zakarpackiej. 20 października 1938 r. // *Samuś P., Badziak K., Matwiejew G.* Akcja „Lom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Łódź – Warszawa, 1998. Dokument nr. 8. S. 73, 74.

² Meldunek I.dz. 3270/38 J. Mielczarskiego w sprawie przygotowań do polskiej akcji specjalnej i węgierskich działań dywersyjnych na Rusi Zakarpackiej. 13 października 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 3. S. 65, 66.

³ Meldunek L. Rudki w sprawie utworzenia obozu dla osób narodowości węgierskiej przekraczających granice polska. 19 października 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 5. S. 68.

⁴ Ministerstvo pravosúdia žiada slovenskú vládu vyriešiť otázku uväzených teroristov v Ilave, ktorí boli zajatí na území Karpatskej Ukrajiny. 13. december 1938 // Vedenská arbitráž 2. november 1938. Dokumenty III., rokovania (3. November – 4. april), zostavil: L. Deák. Maticá Slovenská, 2005. Dokument nr. 72. S. 169, 170.

выслано еще 22 диверсанта. Следующей ночью планировалось перебросить такую же группу¹. Таким образом, набирала обороты и польская диверсионная деятельность, нацеленная на коммуникационные линии между Закарпатьем и Словакией. Вероятно, предполагался и индивидуальный террор. Так, венгерская сторона просила поляков в рамках персональных диверсий ограничиться полицейскими, чиновниками фискальных органов и Национальной гвардии, так как среди других служащих у венгров было много сочувствующих². После 5 ноября начался постепенный переход к структурной реорганизации польских диверсионных отрядов, постепенно усиливалась пропагандистская кампания. 6 ноября начальнику Главного штаба Войска Польского были представлены предложения по смене тактики ведения диверсионной работы³. Венгры переносили начало масштабной акции в связи с тем, что на сопредельной территории находились крупные силы чехословацкой армии.

Будапешт по-прежнему рассчитывал на совместную с Варшавой операцию. В случае продолжения диверсионной работы Будапешт собирался использовать около 1 500 человек, которые начали бы действовать с 12 ноября. Варшаве предлагалось задействовать около 1 000 диверсантов⁴.

¹ *Meldunek sytuacyjny nr 3383/II/2/38 o przygotowaniach do akcji specjalnej na Rusi Zakarpackiej opracowany przez S. Kijaka. 24 października 1938 r. // Samuś P., Badziak K., Matwiejew G. Akcja „Łom”... Dokument nr. 11. S. 77–79.*

² *Ibidem. S. 79, 80.*

³ 4 ноября началось формирование шести самостоятельных рот численностью до 100 человек каждая. Эти отряды должны были не позднее 11 ноября пересечь границу и действовать в южном направлении с целью встречи предположительно действовавших там венгерских отрядов. Командный состав этих подразделений должен был быть укомплектован действующими офицерами польской армии. Так же армия должна была предоставить оружие, обмундирование и провиант на 500 человек. Набор добровольцев в партизанские группы обеспечивали специально созданные для этого во Львове и Перемышле законспирированные политические комитеты, в состав которых вошли председатели всех полувоенных союзов. См.: *Referat l.dz. 3601/II/2/38 opracowany przez S. Kijaka dla W. Stachiewicza w sprawie reorganizacji akcji dywersyjnej na Rusi Zakarpackiej. 6 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 44. S. 127 – 131; Rozkaz L. 3601/K/38 J. Ciastonia regulujący reorganizację akcji dywersyjnej na Rusi Zakarpackiej. 8 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 52. S. 141–147.*

⁴ *Radiotelegram szyfrowy J. Emisarskiego do T. Pelczyńskiego o zarządzeniach węgierskich władz wojskowych w sprawie współdziałania ze stroną polską na Rusi.*

На этот раз Польша так же отказала в прямой военной поддержке, но пообещала интенсифицировать диверсионные действия¹.

На территории Венгрии был сформирован добровольческий корпус численностью 1 400 человек, в составе четырех батальонов и продолжалось комплектование пятого. Части корпуса были выдвинуты к границе 11 ноября. Кроме того, в состоянии боевой готовности находились отряды группы «С», численный состав которой был увеличен до 400 человек². 10 ноября венгры начали оживленную пропагандистскую кампанию на территории Закарпатья под лозунгом «автономии Руси, свободы русинской культуры, языка и религии». В качестве инструмента были использованы мелкие патрули, которые доставляли через границу журналы и газеты на русинском языке, а также продовольствие. В ночь с 13 на 14 ноября начались действия добровольцев. В первой волне должно было быть задействовано около 500 человек, однако границу перешла только группа в 60 человек. Ее задачей было уничтожение небольших отрядов чехословацкой армии, жандармерии и полиции, а также коммуникаций между Ужгородом и Мукачево. От успеха действий этой группы зависело дальнейшее развертывание акции. Части регулярной армии планировалось использовать в случае обращения правительства автономной Закарпатской Руси, чего Будапешт ожидал в течение недели³. 21 ноября части венгерской армии заняли позиции на границе, но к вечеру были возвращены к местам прежней дислокации⁴.

Фактически под давлением Италии и, главным образом, Германии, имевшей свое видение будущего этого региона, Будапешт приостановил 9 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 58. S. 151.

¹Ibidem. S. 47.

²Meldunek l.dz. 10/Tjn. J. Skrzydlewskiego w sprawie węgierskich przygotowań do akcji dywersyjnej na Rusi i ekipy polskiej na Węgrzech. 13 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 79. S. 187–189.

³Raport nr 52/tj/38 J. Emisarskiego do T. Pelczyńskiego w sprawie przebiegu węgierskiej akcji dywersyjnej na Rusi Zakarpackiej. 18 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 91. S. 207–209.; Radiotelegram szyfrowy J. Emisarskiego do T. Pelczyńskiego z informacją w sprawie spodziewanego kroku Węgrów w sprawie Rusi Zakarpackiej. 18 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 102. S. 224.

⁴Radiotelegram szyfrowy J. Emisarskiego do T. Pelczyńskiego z informacją o kolejnych posunięciach władz węgierskich w sprawie Rusi Zakarpackiej. 22 listopada 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 107. S. 232.

любые активные действия в отношении Закарпатья и предложил Варшаве последовать его примеру. 25 ноября польское командование отдало приказ о завершении операции «Лом»¹.

Тем не менее, Польша не стала отказываться от роли активного игрока. Одновременно с процессом ликвидации операции «Лом» был разработан проект новой диверсионной акции в Закарпатье. Предполагалось создать новую подпольную сеть, опираясь на местное население, а также используя для тылового и подготовительного обеспечения территории, занятые Венгрией. В задачи операции входили продолжение саботажа против чешских властей, уничтожение коммуникаций, связывавших Подкарпатскую Русь со Словакией и Румынией, расширение пропаганды, использование настроений населения в собственных целях².

Северо-восточные воссоединения II Речи Посполитой

О подготовке СССР к «польской кампании» известно не так много. Наверняка соответствующие службы Советского Союза имели оперативные планы на случай вторжения в Польшу. Логично было бы предположить, что любая операция такого масштаба должна была сопровождаться массовой диверсионной и пропагандистской кампаниями.

Некоторые польские историки, основываясь на ряде советских и польских источников, предполагают, что на территории восточных воеводств Польши к 17 сентября 1939 г. на базе бывших организационных структур Коммунистической партии Польши (КПП) Коммунистической партии

¹Ibidem. S. 48. В течение первого периода с 20 октября по 10 ноября было уничтожено либо повреждено: 1 железнодорожный мост, железнодорожные пути в одном месте, 10 мостов, 1 шлюз, 1 здание почты и переговорного пункта, 12 телефонных линий, 1 высоковольтная линия. В результате диверсий чехословацкая сторона предположительно потеряла 9 убитых, 5 раненных, 20 пленных. Кроме того, 5 человек было разоружено и отпущено. В ходе второго периода, после формирования дополнительных 7 рот численностью 80 человек каждая, уничтожено 2 шоссе, 15 телефонных линий, в 14 населенных пунктах распространены листовки. Предположительные потери противника составили 14 убитых, 10 раненных. Потери польских диверсантов составили 11 убитых и 10 раненных, 2 захваченных чехами. Всего в 56 проведенных операциях границу Закарпатской Руси перешло 772 человека. См.: Meldunek l.dz. 4051/112/38 Oddziału II w sprawie strat poniesionych podczas polskiej akcji dywersyjnej na Rusi Zakarpackiej. 12 grudnia 1938 r. // Ibidem. Dokument nr. 124. S. 275–283.

²Projekt nowej akcji dywersyjnej na Rusi Zakarpackiej [po 23 listopada 1938 r.] // Ibidem. Dokument nr. 112. S. 236–241.

Западной Украины (КПЗУ), Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) советские разведорганы развернули крупную шпионско-диверсионную сеть¹. Заметим, однако, что подтверждающие эту версию документы ответственных советских органов пока не известны. Согласно же некоторым польским источникам, обстановка в регионе до 17 сентября оставалась спокойной, никаких случаев диверсий и антиправительственных выступлений местного населения отмечено не было. Так, в отчетах польской полиции по Полесскому воеводству ничего не сообщалось о деятельности советской агентуры или активизации просоветских элементов накануне войны². Виленский воевода А. Марушевский так характеризовал ситуацию на территории Виленщины: «... до самого конца не было на Виленщине ни одного случая саботажа или диверсии. Национальные меньшинства вели себя лояльно»³. Ничего не сообщалось о подобного рода фактах и на территории Новогрудского воеводства⁴. Активисты КПЗБ также не проявляли никакой активности даже в тех районах, где были выступления около года назад в период польской акции в Заользье. Возможно это спокойствие было мнимым и имело целью усыпить бдительность польских властей⁵.

В тоже время накануне 17 сентября на территории СССР не была вернута пропагандистская кампания в поддержку братских украинского

¹ *Wierzbicki M.* Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa, 2000. S. 64, 65; *Grzelak Cz.* Działania Armii Czerwonej na Białorusi we wrześniu 1939 r. // *Spółeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941.* Warszawa, 1994. S. 74.

² Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). Ф. 2029. Оп.2. Д. 19. Л. 18. Обзорные сведения воеводской коменды государственной полиции и органов «КОП» об общественно-политическом состоянии на территории Полесского воеводства и о случаях происходивших на польско-советской границе. Ситуационный отчет за июнь 1939 года.

³ Sprawozdanie wojewody wileńskiego płka dypl. p.r. Artura Maruszewskiego, datowane 9.XI.1939 // R. Szawłowski. ("Karol Liszewski"). Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiedzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne i przeciw ludzkości oraz zbrodnie ukraińskie. T. 2. [Dokumenty]. Warszawa, 1997. Dokument nr. 10. S. 22–26.

⁴ *Wierzbicki M.* Powstanie Skidelskie 1939 r. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* № 7. Białystok, 1997. S. 93.

⁵ *Wierzbicki M.* Białorusini w Wojsku Polskim w czasie kampanii wrześniowej 1939 r. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* № 2. Białystok, 1996. S. 66, 67.

и белорусского народов. Советский народ был проинформирован о действиях своего государства в последний момент. Освещение последовавших далее событий происходило уже в рамках установления в регионе советской власти.

Таким образом, подготовительная фаза действий СССР носила скрытый, не демонстративный характер и, в отличие от аналогичных действий Польши и Венгрии, проходила в иных внешнеполитических условиях. К 17 сентября Советскому Союзу уже не требовалось осуществлять давление на Варшаву с целью каких-либо уступок. По всей вероятности, главной задачей была минимализация репутационных издержек, которые бы повлек за собой ввод советских войск на территорию Польши. Возможно, что масштабная диверсионная акция не была реализована и по другим причинам. Репрессии второй половины тридцатых годов, роспуск КПП, КПЗБ и КПЗУ, существенно снизили возможности советских разведслужб на территории Польши, и организовать крупномасштабную операцию в тылу врага Москва оказалась просто не в состоянии. Вероятно, этому мог способствовать и тот факт, что решение о советско-немецком союзе было принято в последний момент, и в результате времени для развертывания операции оказалось недостаточно.

2. «Переходный период» и установление временной военной администрации

Заользье

Так как Прага приняла польские условия, вхождение польских войск в Тешинскую Силезию прошло без каких-либо серьезных эксцессов¹. На присоединяемой территории происходили торжественные встречи частей Войска Польского местным польским населением². Очевидец так

¹ Небольшой инцидент произошел при занятии Богумина, крупного железнодорожного узла и промышленного центра. Местные немцы приготовились встречать части Вермахта, а тем временем польские диверсанты сорвали немецкие флаги и уничтожили мост, чтобы не дать возможности вывезти из города машиностроительное оборудование, затруднить продвижение к нему немецкой армии и не позволить Германии включить вопрос об этом населенном пункте в более широкий контекст в качестве разменной монеты за Гданьск и экстерриториальное сообщение с ним. См.: *Długajczyk E. Tajny front na granicy cieszyńskiej... S. 172.*

² *Dziennik Polski*, 5.10.1938, № 228 // Wystawa «Zaolzie 1938. Dokumenty - relacje - opinie» Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/3.jpg>; *Dziennik Polski*, 11.10.1938, № 233 // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/5.jpg>; *Kurier codzienny*. 8.10.1938.

описывал события этих дней на территории Заользья, где компактно проживало польское население: «Польская армия перешла границу и заняла весь регион с Тшинцем и Яблонковым. Население этих городов с нетерпением ожидало прихода польской армии. Только к полудню стало ясно, что армия прибудет во вторник. С самого раннего утра население всего региона активно готовилось к встрече. Вдоль шоссе и дороги построены многочисленные триумфальные арки. В Тшинце и Яблонькове жители с утра самостоятельно начали замазывать чешские надписи и вывески. На улицах, по которым должна была пройти армия, выстроились толпы детворы с охапками цветов, флажками национальных цветов и в народных одеждах... Надпись на триумфальной арке гласила – «Да здравствует польская армия, да здравствуют освободители»¹. В чешском Тешине еще до прихода польской армии была организована гражданская стража, состоявшая из местных поляков, которая накануне атаковала гранатами представителей властей ЧСР. Атмосфера в городе была настолько напряженной, что чехословацкая полиция, оставив оружие, заранее покинула город². Впоследствии польская сторона будет не раз прибегать к использованию вооруженных отрядов из местного населения для охраны предприятий, учреждений и т.п. Кадровым резервом для формирований такого рода являлись члены различных полувоенных общественных организаций. Фабричная стража оставалась на тех объектах, которые по различным причинам переставали охранять полиция и армия³.

В Польше царил атмосфера всеобщей радости. Риторика «освобождения братьев за Ользой» продолжала звучать повсюду. Манифест Комитета борьбы за Силезию за Ользой (который фактически курировал № 278 // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/9e.jpg>

¹ Jak w Jablonkowie i Trzyńcu witali Wojska Polskie. Kalendarz Cieszyński. 1939 // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/22b.jpg>

² Ryt J. Sprawozdanie z działalności Policji Województwa Śląskiego przy zajmowaniu Śląska za Olzą // Od Zaolzia po Jaworzynę. Rewindykacje graniczne jesienią 1938 roku. Materiały z seminarium naukowego zorganizowanego w 60 rocznicę powrotu Zaolzia i Jaworzyny do Polski. Pracy komisji historii wojskowości. T. III. Nowy Targ, 2004. S. 150.

³ Kowalski R. Raport z prac oddziału II sztabu samodzielnej grupy operacyjnej „Śląsk”. // Od Zaolzia po Jaworzynę. Rewindykacje graniczne jesienią 1938 roku... S. 168.

подготовительные работы к диверсионной акции) гласил: «...граница государства совпала с границей народа. Ольза, эта исконно польская река, которая столько раз наполнялась жертвенной кровью лучших сынов этой земли, с сегодняшнего дня несет свои воды, как и издревле, снова в границах Польши. Исторический момент настал! Заользинская Силезия вернулась к своей давней роли закаленного и негибаемого бастиона Речи Посполитой на ее западных рубежах. Трудно полностью словами выразить нашу радость, когда мы несем весть об этом всюду, где только бьются польские сердца. Слава полякам, которые своей кровью отстояли польскость этой земли. Слава им за то, что своей жертвой приблизили минуту объединения...»¹. Одна из польских газет Заользья так резюмировала события последних дней: «Мы – граждане свободной Польши... Польское население вздохнуло с облегчением. Долголетняя борьба за права, свободу и справедливость польского народа закончилась внушительным успехом...»².

До введения гражданской администрации, в переходный период, вся полнота власти на занятой территории принадлежала военному командованию. Фактически распоряжения административного характера издавал делегат Силезского воеводы при командующем оперативной группой «Силезия». Одним из первых документов было распоряжение, касающееся официального языка на территории Заользинской Силезии:

«I. На территории Силезии за Ользой официальным языком всех публичных властей и публично-правовых институтов является исключительно [выделено в оригинале – С. С.] польский язык.

¹ Manifest Komitetu Walki o Śląsk za Olzą. 1 października 1938 r. // Wystawa «Zaolzie 1938. Dokumenty - relacje - opinie»... Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/ramka.php?autor=dokumenty&autor2=dokumentymini&idx=1>

² Robotnik Śląski, 10.10.1938, № 41 // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/relacje/13.jpg>. Определенное представление об общественных настроениях в Польше этого периода дают заголовки газет, выходивших в октябре 1938 г.: «Да здравствует Польша! Да здравствует польская армия! Население Заользья браталось с польским солдатом – польская армия заняла Тешин и окрестности»; «Заользье наше. Сегодня входим в Тешин»; «Над тешинской землей распростер свои крылья белый орел»; «Вся Польша звучит победной песней»; «Польша сама решит судьбу братьев за Ользой»; «Маршировать за Ользу – приказывает главнокомандующий»; «Что Бог соединил, пусть человек не разделяет...»; «Когда Силезия переживала свои великие мгновения».

2. Названия улиц, площадей, парков и т.д., равно как и названия фирм, институтов, предприятий и т.д., не взирая на характер собственности, должны иметь и с к л ю ч и т е л ь н о польское звучание.

3. Исполнение данного распоряжения поручить директору полиции в Тешине»¹.

11 октября 1938 г. декретом президента II Речи Посполитой занятые территории были объявлены интегральной частью Польши². 27 октября 1938 г. были приняты законы о распространении действия некоторых польских правовых актов на «возвращенные земли Заользинской Силезии», а также об административном делении и организации администрации, которые детализировали и уточняли механизмы управления на данной территории³.

В то же время процесс установления новой власти сопровождался гонениями части чешского населения. Так, в одном из населенных пунктов региона «карательный отряд, прибывший из Польши, захватил 13 человек. Исполнение приговора было жестоким. Например, старик, который до этого себя никак не проявлял политически, был избит за то, что не хотел уезжать. Остальным голову обвязывали чехословацким флагом и избивали через него»⁴. Согласно воспоминаниям чешского генерала А. Вехерека, поляки «преследовали и терроризировали чешское население, увольняя с работы, выгоняя из домов, забирая имущество. Уничтожалось все чешское. Чешские язык и приветствия были запрещены (поздравление «Nazdar» наказывалось штрафом 4 злотых, в итоге появилось поздравление «4 злотых», ретушировались чешские надписи на надгробиях, памятник погибшим в боях за Тешин чехам в Орлове был разбит, а осколки отвезены на свалку...)»⁵.

¹ Dziennik Urzędowy delegata wojewody śląskiego przy dowodcy samodzielnej grupy operacyjnej „Śląsk”. Nr 2. 10 października 1938 r. // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/dokumenty/10.jpg>

² Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Nr 78. 11 października 1938 r. // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/dokumenty/9.jpg>

³ Dziennik Ustaw Śląskich. Nr 18. 31 października 1938 r. // Ibidem. Режим доступа: <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/dokumenty/19c.jpg>; <http://www.kc-cieszyn.pl/zaolzie1938/zaolzie/jpg/dokumenty/19d.jpg>

⁴ Motýl I. 2. říjen 1938: Poláci z vlajek vystřihují modrý klin. Режим доступа: http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/historie/o-nas-bez-nas/2-rijen-1938-polaci-z-vlajek-vystrihuj-modry-klin_83297.html

⁵ Jufica M. Ze vzpomínek generála Aloise Vicherka z let 1938–1939 // Těšínsko. Vlastivědný časopis. 2002. № 1. S. 26.

Вопрос о мероприятиях польских властей, безусловно, требует дополнительного изучения, равно как и вопрос о ситуации, сложившейся в регионе после его занятия польской армией. Уже в сентябре 1938 г. приграничные районы начали заполняться большим количеством «туристов»: от добровольцев до обычных преступников, что беспокоило власти¹, так как влекло за собой различные проблемы с обеспечением правопорядка. Еще больше обстановка осложнилась после перехода поляков к активным действиям. Польский историк Э. Длугайчик отмечает: «Польские источники не упоминают о деятельности боевиков в период между принятием ультиматума и вхождением частей польской армии в конкретные районы. Это время абсолютного хаоса запомнилось чехам больше всего остального. Для многих наступило время сведения личных счетов. Занятые территории Польша рассматривала как освобожденные от чешской оккупации... Были закрыты чешские школы, введено управление комиссаров. Вне закона объявлены чехословацкие политические партии и объединения, конфисковано их имущество, с работы уволены чиновники и служащие, применены массовые депортации чужеродного элемента. В Заользье направилась масса польских государственных функционеров, учителей, технического персонала предприятий, торговцев и обычных любителей легкой наживы. Для большинства местных поляков произошедшие изменения оказались полезными, однако многие так и остались гражданами второй категории, только другого государства. Поводов для радости не было и у немцев. Их также коснулись итоги повальной полонизации. Они утверждали, что из «чешского дождя попали в польскую сточную трубу»². В целом же отношение к немецкому населению со стороны польских властей было лояльным. Новая администрация в этот период не реагировала даже на то, что немецкая молодежь всячески демонстрировала свои симпатии к Рейху»³.

Спиш и Орава

В отличие от пересмотра границ в районе Тешина, изменения на словацком участке не прошли спокойно. Во время работы смешанной комиссии в Чадце начался многотысячный митинг против перехода этих территорий к Польше. Ситуация была достаточно взрывоопасной и польская делегация вынуждена была покинуть город. Спустя несколько дней в районе Оравского Подзамка автобус с польской делегацией был забросан камнями

¹ *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej... S. 166.

² *Ibidem.* S. 187.

³ *Caputa A.* Zaolzie – Mobilizacja – Wrzesień 1939. Режим доступа <http://members.shaw.ca/iorum/caputa/cap04a.htm>

и палками, два члена делегации были ранены. Благодаря вмешательству чехословацких военных удалось избежать кровопролития, и автобус уехал на территорию Польши. По поводу данного инцидента последовала польская нота протеста, работы по делимитации были приостановлены, а в ночь с 24 на 25 ноября 1938 г. главнокомандующий польской армией отдал приказ частям СОГ «Силезия» занять район Чадцы. В результате 25 ноября в течение всего дня шли полноценные боевые действия с применением артиллерии между частями польской и чехословацкой армий¹. Вскоре в Закопане был подписан договор, который окончательно оформил новую границу на польско-словацком участке.

Южная Словакия

Накануне прихода венгров территорию покинуло около половины госслужащих, около половины чешских сельскохозяйственных колонистов и значительное количество словаков. Оставшиеся достаточно пассивно и без какого-либо сопротивления отнеслись к смене власти. Многие верили обещаниям чехословацкой стороны, что они сами и их имущество не подвергнется каким-либо противоправным действиям. В ситуации полной неопределенности многие были готовы присягнуть на верность новым властям, а некоторые даже участвовали в торжественных встречах венгерской армии.

На всей территории, отошедшей к Венгрии, отмечались помпезные встречи армии венгерским населением региона. В этот период резко активизировалась деятельность Венгерской объединенной партии. Ее члены активно участвовали в организациях массовых античешских акций протеста на юге Словакии. Затем партийные активисты всех уровней включились в процесс формирования новой администрации, в том числе в репрессии против чиновников чехословацкой администрации. Представители Венгерской объединенной партии непосредственно участвовали в акциях против невенгерского населения, указывали венгерской военной

¹ *Borák M.* Starcia zbrojne polskiego i czecho-słowackiego wojska pod Czacą 25 listopada 1938 roku // *Od Zaolzia po Jaworzynę. Rewindykacje graniczne jesienią 1938 roku...* S. 78 – 100. Одновременно приказ выдвинуться к границе в районе Спиша и Оравы получила и так называемая оперативная группа «Подхале». 27 ноября части группы перешли границу, будучи радостно встреченными местным польским населением в приграничных населенных пунктах. Однако во время дальнейшего продвижения группы также имели место локальные бои с частями чехословацкой армии. *Kowalski R.* Działania grupy operacyjnej "Podhale" na Spiszu, Orawie i w Peninach jesienią 1938 r. // *Ibidem.* S. 118–135.

администрации лиц, якобы виновных в преступлениях против венгерского государства, фабриковали обвинения, сводили личные счеты, участвовали в грабежах и издевательствах над невенгерским населением, особенно в колониях. Иногда подобные акции приобретали такой размах, что их прекращала венгерская армия.

Составной частью унификации, занятой территории стала ее «зачистка» от потенциально неблагонадежного элемента, что в первую очередь затронуло колонистов, получивших свои земельные наделы в результате аграрной реформы в двадцатые годы. Это осуществлялось различными способами, но чаще путем ареста, физических издевательств и конфискации имущества, а заканчивалось, в лучшем случае, вывозкой на границу со Словакией¹.

Чехословацкая сторона, осознавая массовый характер деяний, приступила к документированию подобных случаев. Сбор данных проводили, как правило, представители армии, пограничной службы и полиции во время перехода пострадавших через временную демаркационную линию. Один из потерпевших вспоминал, что 10 ноября колонию, где он проживал, заняли венгерские диверсанты, после чего при их полном попустительстве гражданское население начало грабежи. 11 ноября было объявлено, что до 18.00 колонисты чешской и моравской [так в документе — С. С.] национальности должны уехать. До этого времени предлагалось распродать часть имущества. В то же время было подчеркнуто, что тем, кто останется, жизнь гарантирована не будет. «В мой дом пришло 100 гражданских и требовали, чтобы я продал велосипед. Один из гражданских взял велосипед, бросил на пол 3 пенго и хотел уйти. Я пытался сопротивляться, но один из террористов направил револьвер мне в грудь и пригрозил выстрелить. 12 ноября я на своей подводе, собрав постель и несколько связок одежды, так как можно было брать с собой только то, что можешь увести, в сопровождении 5 террористов уехал... На моей подводе ехал один гражданский, у которого был приказ, привезти мою подводу и коней обратно»². В одной из деревень местные венгры мотыгами, граблями избивали учителя [судя по фамилии, чех либо словак — С. С.], который спасся бегством, при этом присутствовавшие венгерские военные

¹ *Deák L. Politické pomery na okupovanom území (2.11.1938 – 14.3.1939) // Vedenská arbitráž 2. november 1938 Dokumenty II... S. 13–24.*

² *Protokol napísaný na žandárskej stanici Otakarom T., kolonistom, ktorý vypovedal o okolnostiach jeho vyhostenia a hodnote zanechaného majetku. 14. november 1938 // Ibidem. Dokument nr. 25. S. 59.*

только смеялись. Во время занятия деревни Мостова колонисты были избиты местными венграми при поддержке венгерских военных¹. Житель города Комарно вспоминал: «После прибытия в город частей венгерской армией, местные венгерские граждане хватили граждан словацкой национальности и избивали их. Я так же был избит... В венгерской полиции, куда я обратился, мне ответили, что если бы я уехал из города, меня бы никто не бил. В военной комендатуре Комарно мне дали подписать какой-то документ, где говорилось о том, что я добровольно покидаю Комарно и уезжаю в ЧСР...»².

Не спаслись от венгерского «возмездия» и те, кто участвовал в торжественных встречах венгерской армии. Так, в одной из колоний 8 ноября была установлена триумфальная арка, председатель колонии прочитал приветственную речь. От имени венгерской армии один из офицеров заверил собравшихся в том, что в колонии будет сохранен порядок, и чтобы жители ничего не боялись. 10 ноября снова прибыли венгерские офицеры и группа террористов. Было объявлено о том, что жители должны распродать свое имущество до полуночи, после чего будут выселены. Утром 11 ноября прибыло около 300–400 человек из окрестных венгерских деревень и подразделение венгерской армии. Всем колонистам было приказано выехать до 13 часов 10 минут³. В отчете министерства обороны ЧСР за 11 ноября содержалась информация о следующих происшествиях: 9 ноября Ян М. был схвачен венгерским патрулем и отведен к старшему офицеру, где был избит на основании показаний венгерских свидетелей о том, что он несколько дней назад вернулся из чехословацкой армии, где добровольно нес службу на границе с Венгрией... Насилию подвергся также его 11-летний сын. Ян М. был передан венгерским полицейским, которые забрали у него деньги, ударили по лицу металлическим предметом

¹ Krajinské žandárske veliteľstvo v Bratislave podáva Prezidiu Krajinského úradu správu strážmajstra Františka Jedličku, predtým veliteľ žandárskej stanice v Košútoch, o ťizickom násili maďarského vojska a drancovaní majetku Slovákov a Čechov na okupovanom teritóriu. 18. november 1938 // Ibid. Dokument nr. 44. S. 76.

² Protokol napísaný na žandárskej stanici s Jozefom D., predtým trafikantom v meste Komárno, ktorý vypovedal, ako maďarské obyvateľstvo prepadáva občanov slovenskej národnosti. V atmosfére násillia bol prinútnený podpísať vyhlásenie o dobrovoľnom vystaňovaní sa na Slovensko. 21. november 1938 // Ibid. Dokument nr. 56. S. 85.

³ Zápisnica napísaná na notárskom úrade s bývalými kolonistami Dominikom B., Pavlom Z., a Vincentom K., vyhostenými z obce Bellova Ves, ktorí vypovedali o chovaní maďarských vojakov a teroristov a o okolnostiach vyhostenia všetkých kolonistov z územia maďarského štátu. 6. december 1938 // Ibid. Dokument nr. 123. S. 153, 154.

и за ноги выбросили в реку. Когда М. пытался выплыть, один из полицейских начал стрелять из револьвера... 8 ноября вечером гражданскими лицами в присутствии частей венгерской армии была ограблена словацкая колония Швегрово. У жителей отобраны деньги, скот. Имели место случаи насилия над колонистами. 9 ноября грабеж этой колонии продолжился уже с участием венгерских солдат¹. Несколько дней террор продолжался и в Новых Замках. Венгерская армия заняла населенный пункт 8 ноября около 14.00 и ситуация оставалась спокойной до вечера. После окончания официальных торжеств, возникли «террористические»² группы, которые начали погромы и грабеж чешских и словацких магазинов, домов, что вынудило бежать многих жителей. Венгерская полиция не вмешивалась в происходящее, заявляя, что не знает никаких словаков, а чехов и евреев не охраняет. Многие пострадавшие были отвезены в больницу. На следующий день венгерские власти отобрали ключи у всех владельцев магазинов и фактически без их ведома, провели опись и оценку имущества, занизив на порядок его стоимость. Затем магазины были закрыты и наложен запрет на продажу продовольствия. Некоторых торговцев арестовывали. Это длилось до 22 ноября, когда около 100 вызвали в местную полицию и задержали до двух часов ночи. Затем отпустили, приказав собраться в 6.00 и быть готовыми к выезду. 23 ноября под конвоем их всех отвели на вокзал, погрузили в товарные вагоны и вывезли в направлении Чехо-Словакии. Кроме выдворенных чехов, в составе находилось около 450 евреев из Новых Замков³. Случай массового выдворения в Новых Замках не был единственным. Так в Кролевском Хлмце до 14 ноября были задержаны около 70 человек, в том числе грудные дети, которые были босые и раздетые, так как аресты производились ночью и не было возможности их должным образом одеть. Арестованные не подвергались избиениям,

¹ Ministerstvo národnej obrany podáva správu o násilnostiach maďarského vojska a civilov na okupovanom území na východ od Bratislavy. 11. november 1938 // Ibid. Dok. nr. 9. S. 40, 41; Hlásenie žandárskej stanice Krajinskému úradu v Bratislave o správaní maďarských vojakov a o vyrabovaní kolónie miestnym civilným obyvateľstvom. 11. november 1938 // Ibid. Dokument nr. 10. S. 42.

² Пострадавшая часть населения региона, как правило, характеризовала нерегулярные провенгерские вооруженные формирования, состоявшие преимущественно из местных венгров, как террористические или бандитские.

³ Zápisnica odoslaná slovenskej vláde a č.s. ústrednej vláde o výpovediach 14 vyhostených, obyvateľov Nových Zámok, ktorí boli svedkami drancovania a ničenia obchodov a domov Slovákov, Čechov a židov maďarskými teroristami a dožadujú sa náhrady škôd a uplatnenia reciprocity. 25. november 1938 // Ibid. Dokument nr. 68. S. 94–95.

однако не получали пищи в течение нескольких дней. Дети плакали, но в ответ на просьбы о еде, полицейские отвечали, что это не ресторан. Ночью 14 ноября все арестованные были вывезены автобусом к границе, откуда чехословацкая армия организовала их доставку в Михайловце. В больнице этого населенного пункта уже находилось множество пострадавших, в том числе маленькие дети. Первые группы выдворенных подвергались жестким издевательствам, невзирая на возраст. Многие еле ходили, имели многочисленные кровоподтеки¹.

Массовые аресты производились и с целью захвата заложников, после того как чехословацкая сторона заявила о том, что предпримет ответные меры в отношении венгерского населения на своей территории, если венгерские власти не остановят произвол. В районе Железовец венгерская армия с 17 ноября проводила аресты чехов и словаков в окрестных населенных пунктах. В результате операции в Железовцы было привезено около 300 человек, в том числе беременные женщины и дети. Всех арестованных заперли в зерновом складе, был выставлен конвой из 20 солдат с примкнутыми к винтовкам штыками, напротив дверей установлен пулемет. 19 ноября все задержанные были отпущены домой². Кроме многочисленных случаев насилия, чехословацкой стороной были зафиксированы и несколько убийств. В Гбелицах было без суда расстреляно три человека (по мнению венгерской стороны колонисты были убиты в результате вооруженной перестрелки, когда оказывали сопротивление венгерской армии)³.

¹ Hlásenie žandárskej stanice okresnému úradu o manželke bývalého kolonistu Václava R., bytom v Strede n/Bodrogom, ktorá vypovedala o ťižskom násilí maďarských žandárov na kolonistoch pred ich vyhostením z okupovaného teritória. November 1938 // Ibid. Dokument nr. 93. S. 121.

² Hlásenie žandárskej stanice okresnému úradu v Zlatých Moravciach o Jánovi B., robotníkovi, predtým obyvateľovi obce Nýrovce, ktorý vypovedal o násilí maďarských žandárov voči slovenským a českým kolonistom a o okolnostiach vyhostenia celej rodiny. 3. december 1938 // Ibid. Dokument nr. 110. S. 137–139.

³ Zápisnica napísaná na obvodnom notárstve s inž. Františkom H., predtým obyvateľom obce Gbelce, ktorý vypovedal o násilí a vraždách na kolonistoch, o vylúpení jeho majetku a okolnostiach vyhostenia celej rodiny. 5. december 1938 // Ibid. Dok. nr. 114. S. 143, 144; List vedúceho česko-slovenskej vládnej delegácie M. Kobra grófovi P. Telekimu, vedúcemu maďarskej vládnej delegácie, o násilnostiach maďarskej armády na Žitnom ostrove voči príslušníkom slovenskej a českej národnosti. 15. november 1938 // Vedenská arbitráž 2. november 1938 Dokumenty III. Dokument nr. 26. S. 63–66.

Безусловно, можно ставить под сомнение некоторые сведения, приведенные в чехословацких источниках. Их авторами являлись пострадавшие от действий венгерской стороны жители южной Словакии, часть из которых в межвоенный период в силу разных причин находилась в сравнительно привилегированном положении или воспринималось таковым местными венграми. Вероятно, эти факторы в некоторой степени повлияли на содержание показаний. В то же время их количественный и территориальный охват позволяет говорить о том, что венгерский террор в отношении невенгерского населения региона носил достаточно масштабный характер.

В конце декабря венгерскую военную администрацию сменила гражданская. Начался массовый наплыв чиновников из трианонской части Венгрии. Интересен тот факт, что с самого начала у венгерской элиты существовало недоверие к венграм, ранее проживавшим в границах ЧСР. Опасения основывались на том, что, прожив почти 20 лет в рамках демократического государства и пользуясь обычными для него правами и свободами, им тяжело будет вписаться в авторитарную венгерскую политическую систему. Существовало мнение, что необходимо распустить и венгерские политические организации на этой территории, включив их в состав общевенгерских. В определенной степени эти опасения не были беспочвенны. А. Ярош, один из лидеров чехословацких венгров, заявлял, что необходимо сохранить отличие группы [бывших «чехословацких» венгров – С. С.], которая принесла новый дух и более свободные правила, которые в новой Венгрии надо сохранить и приумножить. Кроме того, при унификации венгерских законов он собирался использовать опыт чехословацкого законодательства в области социального и экономического обеспечения населения¹. Видимо в Будапеште далеко не во всем разделяли энтузиазм новых соотечественников, поэтому в регион и были направлены уже проверенные кадры. В этот период было восстановлено сообщение с остальной частью Венгрии. Проведена административно-территориальная реформа. В результате всего комплекса действий новых властей к середине декабря 1938 г. количество словаков на данной территории по сравнению с переписью 1930 г. значительно сократилось. Венгрия могла официально заявлять о том, что земли носят этнически венгерский характер, что соответствует переписи 1910 г.

¹ Dôverná správa policajného riaditeľstva Prezidiu Kráinského úradu o politickej situácii v Zjednotenej maďarskej strane a požiadavkách maďarskej menšiny v Nitre. 16. november 1938 // Ibid. Dokument nr. 31. S. 77–79.

Закарпатье

В декабре 1938 г. Венгрия вновь активизировала дипломатические и военные усилия с целью захвата Закарпатья¹. Напряженность на границе уже не спадала вплоть до марта 1939 г., когда Чехо-Словакия прекратила свое существование. 23 марта 1939 г. венгерская армия заняла Закарпатье и достаточно глубоко вторглась на территорию Словацкой республики². Активную помощь при этом оказало местное венгерское население³. Приграничные инциденты продолжались до окончательной стабилизации в середине апреля 1939 г.⁴ В Варшаве корректировка границ была воспринята положительно, более того, Будапешту было дано понять, что Польша не будет против венгерской оккупации всей территории Словакии. В то же время Венгрия действовала по согласованию с Германией, что в свою очередь минимализировало значение увеличения польско-венгерского участка границы⁵.

Северо-восточные воеводства II Речи Посполитой

Переход РККА советско-польской границы стал переломным событием для развития ситуации в регионе. Это привело к полной дезориентации значительной части местной польской администрации и полиции, которые

¹ Česko-slovenský vyslanec M. Kober odovzal aide-mémoire I. Scásymu, maďarskému ministrovi zahraničných vecí, o vyhostení príslušníkov slovenskej a esej národnosti z obsadeného územia a o vpáde maďarských teroristických skupín na teritórium Karpatskej Ukrajiny. 15. december 1938 // Ibid. Dokument nr. 75. S. 174, 175. Záznam J. Čekiera, vedúceho sekretariátu pre rokovanie s Maďarskom, o prepadnutí obce Slanec maďarskými ozbrojencami a jeho dôsledkoch pre rokovanie medzi česko-slovenskou a maďarskou vládou. 19. december 1938 // Ibid. Dokument nr. 80. S. 182, 183.

² Берлин накануне одобрил действия Будапешта в регионе взамен на доступ к использованию венгерской экономики и транспортных коммуникаций в своих целях, а также получил заверения, что украинские национальные организации не будут преследоваться. Будапешт снова давал понять Варшаве, что заинтересован в расширении польско-венгерской границы.

³ Sulaček J. Pohraničné incidenty na južnom Zemplíne počas „Malej vojny“ // Malá vojna (vojenský konflikt medzi Maďarskom a Slovenskom v marci 1939). Príspevky a materiály z konferencie v Michalovciach, 30.3.1993. Zostavil: L. Deák. S. 58–61.

⁴ Kutreba Z. Neznámy dokument o maďarsko-slovenskom konflikte v marci 1939 (druhá časť) // Vojenská história. 2003. № 3. S. 86–103; Kutreba Z. Neznámy dokument o maďarsko-slovenskom konflikte v marci 1939 (tretia časť) // Vojenská história. 2003. № 4. S. 78–95.

⁵ Dąbrowski D. Wschodnia Słowacja jako obiekt zainteresowań Polski i Węgier przed wybuchem II wojny światowej // Stosunki polsko-słowackie w I połowie XX wieku (materiały pokonferencyjne). Wrocław, 2006. S. 25.

начали спешную эвакуацию. Были распущены некоторые части Войска Польского. На этом фоне наблюдался всплеск самоорганизации местного населения, прежде всего, части белорусов и евреев. Формы активности были различными, часто переплетались уголовные, политические и бытовые составляющие. В данный, «переходный», период отмечались частые нападения с целью грабежа на государственные склады, имения помещиков, осадников и др. В то же время шел процесс организации просоветских органов временного управления. Ведущую роль в этом процессе сыграл актив бывшей КПЗБ. Именно члены этой партии стали организаторами групп, начавших устанавливать советскую власть во многих населенных пунктах региона, нападать на части Войска Польского, уничтожать представителей польского государственного аппарата, осадников, торжественно встречать Красную армию и т. д. В различной интерпретации многочисленные факты подобного рода описаны как в советской¹, так и в современной польской исторической литературе². В частности, советская власть была установлена еще до прихода Красной армии в местечках Гродно, Озера, Вертилишки, Большая Берестовица, Дубно, Волпа, Индура, Скидель (Гродненский повет), Сопоткино (Августовский повет), Зельва, Волковыск (Волковысский повет) Янов Полесский, Городец, Антополь, Дрогичин Полесский, Мотоль (Дрогичинский повет)³. Кроме того подобного рода события имели место в Жабчицах, Пинске, а также были заняты железнодорожные станции Юхновичи, Молодово, фактически в районе Пинска был установлен контроль над железнодорожной магистралью

¹ Еременко А. И. В начале войны. М., 1964. С. 16–18; Сандалов М. Н. Пережитое. М., 1961. С. 41; Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1983. С. 44; Василючек М. В. В семье единой (воссоединение Западной Белоруссии в братской семье народов). Минск, 1977. С. 11–13; Дрэхва М. С. Барацьба КПЗБ за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне і узяццё Заходняй Беларусі з БССР / Вединой семье народов. Матэрыялы рэспубліканскай міжвузавскай канферэнцыі, прысвечанай 30-летцю воссоеднання беларускага народа в адным савецкім сацыялістычным дзяржаве. Ред. Фіх Б. М., Мацко А. Н. Мінск, 1970. С. 28.

² Wierzbicki M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. ; Wierzbicki M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa, 2001.

³ Wierzbicki M. Western Belarus in September 1939: Revisiting Polish-Jewish Relations in the kresy // Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941. E. Barkan, E. A. Cole, Kai Struve (eds.) Simon - Dubnov – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur. Band V 2007. S. 140. T. Strzembosz. Inscribed In Profesor Guntman's Diary. Yad Vashem Studies. XXX. Jerusalem 2002. S. 70, 71.

Брест–Гомель, и автодорогой Брест–Пинск¹, были заняты Ивацевичи², а также другие более мелкие населенные пункты (деревни, осады, колонии).

В то же время далеко не вся польская военная и гражданская администрация поддавалась панике. Организованный отход по территории Полесского воеводства в западном направлении осуществляли части оперативной группы «Полесье», а также ряд соединений Корпуса охраны пограничья. В направлении литовской границы по территории восточных поватов Белостокского воеводства отходила оперативная группа «Волковыск». С точки зрения этих сохранивших управляемость и организованность структур польского государства различного рода демонстрация просоветских (либо шире – антипольских) настроений было преступлением, которое должно было караться по законам военного времени³. На Полесье командир дивизии «Кобрин» после неоднократных инструкций о решительном уничтожении диверсионных групп издал специальный приказ: «Запрещаю сжигать населенные пункты. В случае вооруженного выступления банд в населенных пунктах, их необходимо очищать и сообщать мне. Уничтожение населенных пунктов могут производить тыловые охранные отряды после моего приказа. Запрещаю самовольные экзекуции. Их производить могут только командиры маршевых групп»⁴. Вполне вероятно, что именно излишняя горячность подчиненных, заставила командира упорядочить процесс пачификации.

Гражданское руководство Гродно организовало оборону города от наступавших частей Красной армии, самое активное участие в которой приняли горожане, прежде всего поляки. Согласно их воспоминаниям в течение нескольких дней в городе происходили вооруженные столкновения между защитниками города и просоветски настроенными

¹Васильчук В. В. В семье единой (Воссоединение Западной Белоруссии в братской семье народов). Минск, 1977. С. 11–13; Мацко А. Н. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение (материалы в помощь лектору). Минск, 1979. С. 15.

²Игнатенко И. М., Мацко А. Н. Дорогой борьбы и созидания. К 40-летию воссоединения Западной Белоруссии с БССР. Минск, 1979. С. 80.

³Подчеркнем, что существенным отличием событий осени 1939 г. на территории Польши от аналогичных событий осенью 1938 г. на территории Чехословакии, было то, что Речь Посполитая уже в течение нескольких недель находилась в состоянии войны, со всеми вытекающими из этого политическими, экономическими и правовыми последствиями для населения.

⁴Rozkaz specjalny dowódcy zgrupowania „Kobryń” // Wojna obronna Polski. 1939. Wybór źródeł. Warszawa 1968. № 509. S. 943, 944.

вооруженными группами, состоявшими в основном из евреев и белорусов¹. В свою очередь еврейским населением это оценивались как обыкновенный погром: «За день до того, как советские войска вошли в Гродно, рабочие освободили заключенных из местной тюрьмы. В это же время, банда поляков по инициативе судьи Микульского решила восстановить в городе “порядок”. Микульский быстро собрал банду, в которую вошли полицейские, члены ОЗОН [Лагерь национального объединения – С. С.], СН [Национальной партии – С. С.], вооруженные винтовками и пистолетами. Банда бродила по городу, убивала, избивала, грабила, беззащитное население. Результатом погрома стали 25 жертв. Эти события привели к тому, что еврейские и белорусские рабочие стекольного завода создали отряд самообороны от банды, а также разоружали группы хулиганов, одетых в униформу польской армии»².

При этом можно говорить о том, что наибольший размах вооруженное противостояние части местного непольского населения и оставшихся в регионе организованных структур польского государства, поддержанных частью местных поляков, произошли именно на территориях, по которым происходил отход частей польской армии. Здесь в течение короткого времени наблюдалась эскалация социальной мести, усиливавшаяся взаимными агрессивными действиями враждующих сторон. Взаимная жестокость стала одним из факторов, определявших жизнь людей в эти дни. Согласно польским данным, после занятия Гродно Красной армией было убито около 300 защитников города³. Однако, установить насколько массовым было данное явление в действительности практически не возможно, особенно в отношении убийств. Расследования по данным происшествиям новой властью не проводились. Вследствие этого реальные факты обрастали лишними подробностями и слухами, значительно преувеличивая их реальный масштаб. Так, например, польский историк М. Вежбицкий в своем исследовании о польско-белорусских отношениях в 1939–1941 гг. на территории бывших северо-восточных воеводств II

¹ Relacja S. Weraksy, ówczesnego studenta, ochotnika obrony Grodna // R. Szawlowski. T. 2. [Dokumenty]. Warszawa, 1997. Dokument nr. 18. S. 52; Relacja B. Chlebowicza, ówczesnego nauczyciela i działacza harcerskiego w Grodnie, uczestnika obrony miasta // Ibidem. T. 2. Dokument nr. 19. S. 58; Relacja inż. Grażyny Lipińskiej, ówczesnej dyrektorki szkół zawodowych w Grodnie. Dokument nr. 21. S. 68.

² Gutman I. „Them” and “Us”. In Reply to Professor Tomasz Strzembosz. *Yad Vashem Studies*. XXX. Jerusalem 2002. S. 89, 90.

³ Filipowicz M., Sawicka E. Zbrodnie sowieckie na obrońcach Grodna 1939 r. // *Biuletyn Historii pogranicza*. Białystok, 2005. Nr 6. S. 26.

Речи Посполитой на основании ряда польских источников сделал вывод о том, что наибольший размах уничтожение поляков местным непольским населением приобрело на Полесье¹. Основным подтверждением стал рапорт эмиссара польского подполья, который на рубеже 1941/1942 гг. изучал возможность активизации конспиративной работы на территории бывших Брестского, Кобринского, Дрогиченского поветов Полесского воеводства в условиях немецкой оккупации. На основании свидетельств местных поляков, подпольщик в своем отчете указал факты массовых убийств представителей польской армии, полиции, администрации, осадников, помещиков, учителей: «Под м[е]стечком| Мотоль известно место, где в общей яме свалено более 800 трупов, замученных местными крестьянами поляков. Под м[е]стечком| Антополь общая могила почти 200 поляков... Под деревней Камень Кобринского пов[е]та| поляки указывают место, где закопано более 600 убитых поляков...»². В своем следующем исследовании М. Вежбицкий опубликовал другой рапорт польского подполья, датированный практически тем же временем, но территориально, по всей вероятности, только частично совпадающим с предыдущим. В этом отчете говорится о том, что на Полесье «... случаев антипольских выступлений практически не было, не считая немногочисленных убийств на почве сведения личных счетов... или на почве грабежей...»³. В то же время советские источники ничего не говорят о массовых убийствах поляков, хотя в них и отмечаются факты классовой мести. Так, по данным Пинского областного управления НКВД из более чем 1 000 военных и гражданских осадников в области до конца 1939 г. было убито крестьянами 4⁴. Пожалуй, самым «кроважатым» упоминанием о событиях первых дней советской власти является информация, приведенная в докладе на первой Брестской областной партийной конференции в апреле 1940 г.: «... В Пружанском уезде в гнев народном было убито несколько десятков офицеров, жандармов и помещиков...»⁵. Как видно, разница в оценках достаточно существенная.

¹ Wierzbicki M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim... S. 91–105.

² Raport emisariusza ZWZ „Mietka” z 15 lutego 1942 r. „Refleksji z za Bugu...” // Biblioteka Uniwersyteku Warszawskiego. Dział mikrofilmów. Mikrofilm 14210.

³ Wiadomości z Polesia. Raport struktur Polskiego Państwa Podziemnego z Polesia z 19 grudnia 1942 // Wierzbicki M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim... Dokument nr 11. 259–262.

⁴ ГАБО. Ф. 7581. Оп. 1. Д. 25. Л. 1. Спецсообщение секретарю Пинского ОК КП(б) Б от 26 декабря 1939 г.

⁵ ГАБО. Ф. III. Оп. 16. Д. 3. Л. 96. Протокол №1 первой Брестской областной партконференции. 18 – 20 апреля 1940 г.

В результате продолжительной дискуссии, развернувшейся в Польше после издания книги Я. Т. Гросса «Соседи», в польской историографии были пересмотрены некоторые оценки, связанные с интерпретацией событий 1939–1941 гг., прежде всего, в отношении положения различных национальных групп в этот период. Польский историк К. Ясевич отмечает, что для польской историографии назрела необходимость отхода от травматического и мартирологического описания этого периода. В тоже время, находящиеся в научном обороте и широко цитируемые свидетельства и воспоминания пострадавших от советской власти польских граждан, по своему качеству и количеству никак не могут претендовать на целостное освещение событий. По мнению исследователя, практически полное отсутствие воспоминаний людей, которые не подвергались гонениям со стороны «советов» в этот период, позволяет говорить о своеобразной «черной дыре» в изучении данной проблематики¹.

Формальное руководство занятой территорией осуществлял Военный совет Белорусского фронта. Через военные советы соответствующих частей и соединений РККА ему подчинялись Временные управления городов, которые стали органами, непосредственно осуществлявшими руководство процессами жизнедеятельности на местах. Достаточно скоро фактическое руководство этими структурами стали осуществлять направленные из восточных областей БССР партийные и советские функционеры. Организованное направление кадров в Западную Белоруссию началось с начала октября 1939 г. Одновременно, пользуясь кратковременным ослаблением пограничного режима, в регион с сопредельной территории БССР хлынула масса желающих улучшить свое материальное положение. Вероятно, масштабный вывоз товаров и материальных ценностей стал одной из причин того, что вскоре «старая» граница снова была герметично закрыта.

Новая администрация в этот период формировалась главным образом за счет присланных из СССР работников. По мере их прибытия, просоветски настроенный актив из местных использовался все реже. Зачастую моральный и профессиональный уровень прибывших работников оказывался низким. Достаточно распространенным явлением были факты пьянства, бытового разложения, воровства и т.д.² Начальный период установления

¹ *Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elite sowieckie w okupowanej Polsce. 1939 – 1941 (Białostoczczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna). Wydanie I. Warszawa, 2001. S. 50, 51.*

² *Jasiewicz K. Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej. 1939–1953 // Tygiel narodów. Stosunki*

советской власти сопровождался ликвидацией институтов и учреждений польского государства, польской государственной символики и атрибутики, заменой государственного языка. Часто это происходило в унижительной для польского населения форме. А реакция на это части белорусского и еврейского населения, бывших граждан II Речи Посполитой, была воспринята поляками как государственная измена. Параллельно поведение многих советских служащих, прибывших из восточных областей, которые не знали местных традиций, обычаев, языков и не стремились их изучать, увеличивало дистанцию между ними и лояльно настроенными к СССР местными жителями. Часть польского населения определяла поведение «восточников» как действия колонизаторов на захваченной территории, которые ни во что не ставят автохтонное население и только варварски его эксплуатируют.

3. Реакция «побежденных» и репрессии «победителей»

Заользье

Чешское население не выказывало никакой радости по поводу смены власти. Как вспоминал один из польских военнослужащих, участник описываемых событий: «...Там, где было большинство польского населения, были улыбки, слезы и цветы... Однако в Петвальде передовые части нашего полка наткнулись на живую баррикаду из чешских женщин, которые вместе с детьми легли на дорогу. Они встали и, плача, отошли только после вмешательства чешских офицеров, которые присутствовали там... После занятия всего Заользья на территории дислокации нашего полка действовали чешские боевые группы, забрасывавшие гранатами все новоорганизованные польские учреждения. Наиболее агрессивными выступления были в Петвальде, где чешское население составляло большинство»¹. В отчете о деятельности польской полиции также сообщается о разгоне двух чешских манифестаций в Рыхвальде².

Уже на рубеже октября и ноября 1938 г. к действиям приступила чешская подпольная организация «Силезское сопротивление». Ее члены рекрутировались преимущественно из беженцев с территорий, занятых Польшей. Организация занималась распространением листовок, диверсионно-террористическими

społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953. Wydanie I. Warszawa, 2002. S. 39–94.

¹ *Caputa A. Zaolzie – Mobilizacja – Wrzesień 1939...*

² *Ryt J. Sprawozdanie z działalności Policji Województwa Śląskiego...* S. 152.

акциями, направленными против польских национальных деятелей, атаками патрулей армии и полиции, провокациями в приграничной полосе. В декабре было зафиксировано около 20 покушений, из которых 12 в той или иной степени были направлены против известных польских деятелей. 8 раз были атакованы функционеры полиции и пограничной охраны. Польская сторона ответила усилением полицейского контингента и активизацией репрессивных акций. В феврале 1939 г. между обеими заинтересованными сторонами была достигнута договоренность о взаимном прекращении диверсионных и репрессивных действий¹.

Тем не менее, итогом событий осени 1938 г. в Заользье стал массовый исход чешского населения. По некоторым оценкам, добровольно либо принудительно свои дома оставили около 30 000 чехов и 5000 немцев², при общей численности населения региона 230 000 человек³.

Южная Словакия

На отошедших к Венгрии территориях был отмечен ряд антивенгерских акций. 27 ноября 1938 г. в Новых Замках прошла крупная демонстрация, на которой местное население высказывало свое недовольство венгерским режимом. Полиция разогнала демонстрацию. Затем на улицах города появились антивенгерские надписи⁴. В Чеклисе около 700 человек во время демонстрации требовали присоединения к Словакии. Полиция так же разогнала антивенгерскую демонстрацию в Шуранах. 30 участников было арестовано⁵. 2 февраля 1938 г. в Пластовицах между молодежью и венгерскими солдатами произошло столкновение из-за исполнения

¹ *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej.... S. 188–192.

² *Kantor M.* Česko-polské vztahy v nova historii Těšmského Szelska. Режим доступа: http://www.go-east-mission.de/dateien/cz/147_260209.pdf.; *Parma J.* Spor o Těšmsko ve 20. letech 20. století. Studie o československo-polském územním sporu. Режим доступа: <http://www.cepol.stosunki.pl/textyc/c0502.htm>.

³ *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. Second Edition. 1980. S. 481.

⁴ Zápisnica napísaná na obvodnom notárstve s Jánom H., kominárskym pomocníkom, obyvateľom Surian, ktorý vypovedal o nálade tamojšieho obyvateľstva a o situácii v Nových Zámkoch po obsadení maďarský vojskom. 3. december 1938 // Vedenská arbitráž 2. november 1938. Dokumenty II... Dokument nr. 108. S. 135, 136.

⁵ Zápisnica napísaná styčným dôstojníkom Rudolmom K., bývalým obyvateľom kolónie Lúčny Dor – Pusté Úľany, ktorý vypovedal o politických pomeroch a náladách medzi maďarským a ne maďarským obyvateľstvom na okupovanom teritóriu. 5. december 1938. // Ibid. Dokument nr. 119. S. 148, 149.

словацких песен и словацкого гимна. При этом один венгерский солдат был тяжело ранен. В столкновении и исполнении словацких песен участвовала и венгерская молодежь, которая таким образом проявляла несогласие с существующим режимом¹.

По подсчетам некоторых словацких историков, в результате венгерской политики свои дома добровольно либо принудительно в течение периода, длившегося примерно полтора месяца, покинуло около 50 000 словаков, при общей численности населения территорий, отошедших к Венгрии, около 900 000 человек². По другим данным, численность оставившего регион населения в период с осени 1938 г. до начала 1941 г. колебалась от 10 до 13 000 человек³.

Северо-восточные воеводства II Речи Посполитой

В силу довоенной специфики региона отношение к советской власти на территории западных областей БССР также приобрело этнический оттенок. По всей вероятности, значительная часть польского населения воспринимала себя и воспринималась другими национальными группами как «побежденная», хотя новая власть и старалась подчеркивать свой интернациональный характер. Объективно ломка структур национального польского государства не могла не затронуть национальные чувства местных поляков. В силу этой и ряда других причин антисоветские настроения были наиболее распространены среди польского населения региона (особенно в начальный период установления советской власти). Преимущественно этнически польский характер имело и организованное сопротивление, которое к началу 1940 г. по своим масштабам не уступало подполью на территории Генерал-губернаторства, несмотря на то, что располагало при этом значительно меньшими людскими ресурсами⁴.

¹ Správa Krajinského veliteľstva Prezidiu krájskeho úradu o politických a sociálnych pomeroch na okupovanom teritóriu Slovenska. 1114. marec 1939 // Ibid. Dokument nr. 206. S. 248.

² Deák L. Politické pomery na okupovanom území (2.11.1938–14.3.1939) // Vedenská arbitráž 2. november 1938 Dokumenty II... S. 11. Автор отмечает, что численность словацкого населения после проведенной венграми переписи в середине декабря 1938 г. по сравнению с переписью 1931 г., сократилась на 50 000 человек, и это не учитывая процент натурального прироста на этих территориях. Однако возможно, что сокращение численности словацкого населения было результатом венгерских манипуляций результатами переписи.

³ Hetényi M. Slovensko-maďarské pomedzie v rokoch 1938 – 1945. Nitra, 2008. S. 211.

⁴ Wnuk R. „Za pierwszego sowieta”. Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa, 2007. S. 368.

В итоге большинство арестованных в результате советских репрессивных акций также составляли поляки¹. Однако в целом репрессии не носили этнического характера. Так, по неполным данным в 1939 г. в западных областях БССР было арестовано поляков – 5256, украинцев – 254, евреев – 661, белорусов – 2422². Эта пропорция сохранялась до 22 июня 1941 г. Также этнически разнородным был и национальный состав населения, подвергнувшегося депортациям в 1939–1941 гг. В этот период во внутренние области СССР были насильно вывезены около 125 000 человек³ при общем количестве населения региона примерно 5 млн⁴. К этому стоит добавить относительно добровольное переселение более 20 000 беженцев из центральных и западных районов Польши, направленных на работу в восточные области БССР⁵, а также несколько тысяч проживавших в регионе немцев и лиц, имевших место постоянного проживания на территории оккупированной Германией, которые выехали в рамках советско-немецких договоренностей⁶.

Выводы

Исследователям еще предстоит ответить на вопрос, насколько глубоко изучался в СССР опыт событий, происходивших на территории бывшей Чехословакии в 1938–1939 гг. и какие выводы были сделаны на основании этого анализа советским руководством. Тем более что само применение принципа «освобождения» в истории известно давно и широко применялось ранее. Однако нельзя не отметить тот факт, что по форме, а во многом и по содержанию, события сентября 1939 г. в бывших восточных воеводствах Польши, зеркально отражают явления, происходившие в 1938 г., на бывших чехословацких территориях, отошедших к Польше и Венгрии.

¹ *Jasiewicz K.* Obywatele polscy aresztowani na terytorium tzw. Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 w świetle dokumentacji NKWD/KGB // *Kwartalnik historyczny*. № 1. 1994. S. 113.

² *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // *Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала»*. Вып. I. М., 1997. С. 77–113

³ *Chackiewicz A.* Aresztowania i deportacje społeczeństwa zachodnich obwodów Białorusi (1939–1941) // *Spółczesność białoruska, litewska i polska...* S. 120.

⁴ *Ситкевич С. А., Сильванович С. А., Барабаш В. В., Рыбак Н. А.* Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939 – 1954 г.) Гродно, 2004. С. 93.

⁵ *Толочко Д. М.* Беженцы из Польши в СССР (сентябрь 1939 – июнь 1941) // *Берасцейскі хранограф*. Вып. 4. Брест, 2004. С. 223.

⁶ *Luczak Cz.* Polska i Polacy w drugiej wojnie światowej. Poznań, 1993. S. 515.

К примеру, практически идентичным является идеологическое обоснование операций. Все они построены на тезисе освобождения своих угнетаемых братьев от ига коварных оккупантов, подло захвативших исконно «наши» земли в прошлом в самый сложный для существования «нашего» государства период. Во всех случаях присутствует элемент возмездия и мобилизации лояльного «нашего» населения, проживающего на «оккупированной» врагом территории. Польская и венгерская операции четко строились на провокационной основе имитации народных волнений, которые должны были бы стать предлогом для военного вторжения. В свою очередь «польская кампания» РККА сопровождалась действиями просоветских вооруженных формирований из местного населения. При этом, безусловно, нельзя исключать возможности действия советских диверсионных отрядов в польском тылу, хотя документы, подтверждающие это, пока не введены в научный оборот.

Схожим являются и такие моменты как, например, встречи «армии-освободительницы», вероятно, чаще массовые, чем торжественные. Мотивы участия в этих акциях были самыми разными: от идейных симпатий к новой власти до страха перед репрессиями с ее стороны. Еще одной характерной чертой периода безвластия становятся грабежи и сопровождавшие их убийства начального периода «оккупации/освобождения». Как правило, пострадавшие заявляют о том, что новые власти всячески этому способствовали, предоставляя местному населению «карт-бланш» на несколько дней для сведения личных счетов. В тоже время имели место случаи, когда именно приход «чужой» армии останавливал беспредел переходного периода.

Пострадавшая сторона, как только позволяла ситуация, начинала формировать комплекс документов, фиксирующий различного рода преступления своих оппонентов на отобранной территории. В будущем эти материалы в той или иной форме были использованы историками и стали частью национального исторического мифа, с характерным для данного явления образом «жертвы» своего народа. Как правило, в этом контексте образ соседей других национальностей выглядит не лучшим образом¹.

¹ В данном случае события этого периода часто вплетаются в более широкий контекст, а именно ответственности того или иного государства за развязывание Второй мировой войны. Если первенство в этом вопросе безоговорочно признается за Германией, то вопрос о ее «пособниках» в каждой из стран Центральной и Восточной Европы трактуется с «национальной спецификой».

Очередными схожими элементами переходного периода были временное военное управление на занятой спорной территории, изоляция от остальной части «государства-родины», введение нового государственного языка, административная реформа, замена старой валюты новой, наплыв «проверенных» чиновников и служащих, ликвидация последствий деятельности бывших «оккупантов» на «освобожденной» территории.

Отметим также, что начальный период смены власти происходил в атмосфере своеобразного взаимного «культурного шока». В совершенно иной реальности оказывались представители ранее доминирующих этнических групп, формально уступая лидерство менее статусным группам. У тех и у других формировалось различное отношение к новой власти, опять таки «шоковое» в первое время. В этих же категориях можно оценивать и состояние «оккупантов/освободителей». Несмотря на пропагандистские тезисы, учитывая реалии того времени, эти люди знали о жизни на «освобожденной» территории достаточно мало. Более показательным в этом отношении является пример событий осени 1939 г. на территории бывших восточных воеводств II Речи Посполитой. Однако в воспоминаниях чехов и словаков о событиях осени 1938 г. также встречаются упоминания о «варварстве» и более низком культурном и экономическом уровне, захвативших их поляков и венгров.

Схожими являются действия «освободителей» в сфере государственной безопасности. Спецслужбы старались максимально быстро изолировать всех тех, кто активно ранее участвовал в общественно-политической жизни на стороне «оккупантов» или получил какие-либо социальные и экономические преференции от прежних властей. Таким образом, везде репрессиям со стороны новой власти подверглись в первую очередь следующие представители противника: чиновники государственных органов, военнослужащие, активисты общественных и политических организаций, сельскохозяйственные колонисты, члены их семей. Неотъемлемой частью установления нового порядка стали массовые принудительные миграции, которые радикально изменили демографическую структуру спорных территорий.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В. К. Баран

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ В 1939–1941 ГОДАХ

В сентябре 1939 г., в соответствии с тайными договоренностями с Германией, Красная армия вступила на территорию восточных воеводств Польши. Началось создание новых органов власти — временных управлений и крестьянских комитетов, которым подчинялись вооруженные отряды — рабочая гвардия и крестьянские дружины. Эти органы власти, рассчитанные на переходный период, находились под полным контролем военного командования и партийно-государственных чиновников, командированных в регион ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У.

В Западной Украине развернулись радикальные социально-экономические преобразования. Фабрики и заводы, собственники которых покинули страну, перешли под непосредственное руководство временных управлений. На всех промышленных предприятиях вводился рабочий контроль, осуществлявшийся при помощи профсоюзов. Крестьянские комитеты взяли на учет имущество помещиков, монастырей, государственных чиновников, а в конце сентября приступили к разделу земли, скота и инвентаря, принадлежавших «классово чуждым элементам».

Под жесткий надзор временных управлений попали банки, транспорт, предприятия связи и торговли. Определенное время расчет за товары и услуги разрешалось вести в польских злотых и советских рублях. Командующий Украинского фронта командарм 1-го ранга С. Тимошенко издал приказ, в соответствии с которым злотый приравнивался к рублю. Напомним, что перед войной в соответствии с бюллетенем курсов иностранной валюты 100 польских злотых приравнивались к 99,66 советским рублям¹. Одним словом, на присоединенных территориях был развернут масштабный процесс советизации общества.

Во всех банках региона начали работать комиссары, назначенные временными управлениями. Они проверяли ценности и текущие счета, осуществляли кредитование промышленных и других хозяйственных

¹ Правда. 1939. 1 августа.

предприятий, обеспечивая постепенный период на советскую валюту, хотя определенное время расчеты разрешалось вести также и в злотых. Комиссары давали разрешения на выплату денег из вкладов частных лиц, но эти выплаты не могли превышать 300 рублей. По указанию политического руководства, любые операции с иностранными банками категорически запрещались.

В конце октября 1939 г. Украинское народное собрание приняло решения, соответствующие заранее намеченным в Кремле планам. Теперь советская власть могла ускорить социалистические преобразования в экономике, осуществив, фактически, полное огосударствление экономики. Уже 3 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О национализации промышленных предприятий и учреждений на территории Западной Украины». Национализации подлежали предприятия и учреждения, предложенные СНК УССР, а именно: предприятия полиграфической промышленности – типографии, литографии, цинкографии; электростанции, гостиницы, бассейны, бани, другие коммунальные предприятия; лечебные предприятия – больницы, аптеки, курорты; учебные заведения.

Были национализированы кинотеатры, театры, музеи, стадионы, картинные галереи, общественные библиотеки; крупные торговые предприятия – рестораны, магазины, столовые, склады и т.п.; дома крупных собственников акционерных обществ, а также дома, покинутые хозяевами. Для приемки национализированных предприятий создавались комиссии, в которые входили 3–5 представителей временных управлений, соответствующих наркоматов, фабрично-заводских организаций. Комиссии проверяли финансовое состояние предприятий, вели учет денежных средств, полуфабрикатов, оборудования, инструментов, сырья, топлива и т.п.

По решению ЦК ВКП(б), национализированные предприятия перешли в ведение союзных и республиканских народных комиссариатов. Союзным наркоматам передали: сахарные, вино-водочные, табачные (сырьевые) заводы и завод по производству аппаратуры для сахарных и винзаводов во Львове – Наркомпищепрому СССР; электростанцию во Львове – Наркомэлектро СССР; мясоконсервный завод в г. Золочеве – Наркоммясомолпрому СССР; фабрику «Портландцемент» в г. Здолбунове – Наркомстройматериалов СССР; калийные месторождения – Наркомхимпрому СССР; ряд объектов – Наркомзагу СССР и др. Немало предприятий было подчинено республиканским наркоматам, в том числе 34 фабрики и завода – Наркомату легкой промышленности СССР. Приемку

национализированных предприятий и организацию трестов надлежало осуществить в течение месяца¹.

По официальным данным, в западных областях Украины были национализированы 2243 крупных и средних промышленных объекта². Все они стали работать на основе плановой директивной экономики и вошли в состав разных трестов и объединений. После национализации промышленности, предприятий транспорта, связи, банков, доля социалистического сектора в экономике региона достигла 62 %. Параллельно шло кооперирование мелких собственников, ремесленных и кустарных мастерских. До середины 1940 г. в западных областях УССР было создано 833 промышленных артели, в которых работали 33,5 тыс. человек. На протяжении указанного года кооперативные предприятия выпустили продукции на 11,2 млн руб., что составляло 16 % от общего объема промышленного производства³.

В феврале 1940 г. политическое руководство СССР рассмотрело вопрос о претензиях, связанных с национализацией собственности иностранных граждан на территории западных областей Украины и Белоруссии. Такие претензии высказывали не только частные лица, но и отдельные фирмы и компании, которые понесли вследствие проведенной «экспроприации» значительные потери. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 февраля 1940 г. были утверждены Инструкция Наркомата юстиции СССР местным органам юстиции и ответы на ноты дипломатических представителей нескольких стран, касавшиеся национализации, — миссии Бельгии (от 9 и 24 ноября 1939 г.) и посольства Германии (от 27 ноября 1939 г.).

В этих документах говорилось, что мероприятия по конфискации помещичьих земель, национализации банков и крупной промышленности на территории Западной Украины и Западной Белоруссии утверждены решениями Народных собраний 28 и 30 октября 1939 г.: «Указанные мероприятия на территории Западной Украины и Западной Белоруссии были проведены еще до включения последних в состав СССР, причем проведены не центральными или местными органами государственной власти

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Лл. 51, 99, 100; *Варецький В. Л.* Соціалістичні перетворення у західних областях УРСР (в довоєнний період). К., 1960. С. 175.

² В западных областях Украины были национализированы: Волынской — 390 предприятий, Дрогобичской — 300, Львовской — 542, Ровенской — 500, Станиславской — 250, Тернопольской — 261 (см.: *Комуніст.* 1940. 10 вересня).

³ Торжество історичної справедливості. Закономірність возз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі. Львів, 1968. С. 598; *Варецький В. Л.* Указ. соч. С. 175.

и государственного управления СССР, а органами власти, созданными суверенными народами Западной Украины и Западной Белоруссии».

Как указывалось в инструкции и ответах, нет никаких оснований для предъявления претензий к СССР и его органам. Тот факт, говорилось в документах, что Советский Союз теперь владеет имуществом, на которое заявлены претензии, «не возлагает на СССР никакой ответственности перед бывшими собственниками, утратившими всякое право на это имущество в силу национализации его суверенными народами Западной Украины и Западной Белоруссии в лице созданных ими органов власти, от которых это имущество, как национализированная и следовательно государственная собственность, законно перешло к СССР»¹.

В начале декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переходе на советскую валюту на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. В принятом по этому поводу постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР были намечены конкретные меры по его реализации. С 21 декабря 1939 г. Государственный банк СССР должен был вести все расчеты государственных и кооперативных предприятий и учреждений в советской валюте. Пересчет польских злотых на советские рубли осуществлялся по установленному курсу: один злотый приравнивался к одному рублю. С этого же дня продажа и покупка товаров, оказание любых услуг, в том числе кинотеатрами, театрами, коммунальным хозяйством, городским и железнодорожным транспортом и т.п., осуществлялись исключительно за советские деньги.

С 21 декабря 1939 г. польские злотые были исключены из официального денежного обращения. Их не принимали ни от государственных и кооперативных предприятий и учреждений, ни от частных лиц и частных организаций. Если счета частных предприятий и лиц в банках и сберегательных кассах не превышали 300 злотых, то из этих счетов с 21 декабря 1939 г. позволялось производить выплаты в советских рублях. Если же на счетах лежало более 300 злотых, выплаты разрешалось осуществлять на сумму, не превышавшую 300 злотых. Суммы свыше 300 злотых, находившиеся на таких счетах, не выплачивались.

Как видим, власть начала переход на советскую валюту с 21 декабря, но уведомила об этом население западных областей УССР и БССР лишь 17АСИИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Лл. 57–59. В следующем месяце Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило ответы на другие обращения, в которых высказывались претензии в отношении национализации имущества зарубежных компаний (например, 4 апреля 1940 г. – на заявление посольства Франции в СССР). См.: 17АСИИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Лл. 70, 75, 76.

20 декабря 1939 г. Естественно, это вызвало тревогу, непонимание и недовольство людей, однако как-либо повлиять на ситуацию они не могли. Для выполнения полученных указаний Государственному банку было разрешено осуществить эмиссию в 700 млн руб., в том числе в западных областях УССР – 400 млн руб., в западных областях БССР – 300 млн руб. Государственный банк обязан был всячески заботиться об экономии средств и установить жесткий контроль над использованием выделенных средств. Политическое руководство СССР потребовало до 10 декабря 1939 г. завершить организацию областных контор Госбанка, а до 20 декабря того же года – создать уездные и городские отделения банка.

Все банки на территории западных областей УССР перешли под управление Государственного банка СССР. Все ценности, имущество и инвентарь национализированных банков были переданы Государственному банку. Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривая вопрос о переходе на советскую валюту, приняло принципиальное решение: ликвидировать на присоединенных территориях часть банков. Было дано соответствующее поручение республиканскому правительству, в том числе о создании при областных конторах Госбанка ликвидационных комиссий. В них вошли представители Государственного банка, Наркомфина УССР и местных органов власти¹.

Ключевое экономическое и военное значение придавалось развитию транспорта. Осенью 1939 г. по предложению Наркомата путей сообщения СССР железнодорожная сеть Западной Украины была поделена на две дороги: Львовскую и Ковельскую (с управлениями дорог соответственно во Львове и Ковеле). Специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) были определены временные границы названных дорог, утверждены кандидатуры начальников дорог и политотделов: Львовской – Н. Донченко и Я. Доброславского, Ковельской – В. Курочкина и И. Бараненко. Руководство дорогами возлагалось на Наркомат путей сообщения СССР, а назначенные начальники дорог «подчинялись НКПС во всех отношениях».

Тогда же было принято решение о «перешивке» железных дорог Западной Украины и переоборудованию подвижного состава. Как известно, на территории Польши существовала железнодорожная колея шириной 1435 мм, тогда как в Советском Союзе – 1524 мм. Выполнение работ поручалось НКПС СССР, и, в определенной степени, – железнодорожным войскам Наркомата обороны СССР. Первым крупным объектом стала дорога Львов – Перемышль, на реконструкцию которой Наркомат финансов

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Л.л. 64, 65, 105, 106; Оп. 162. Д. 26. Л. 121.

СССР выделил 3 млн руб. В самый короткий срок планировалось переоборудовать 10 тыс. товарных, 200 пассажирских вагонов и 400 паровозов.

Началось строительство двух новых железнодорожных линий: Ромаш – Пархач – Рава-Русская и Мунина – Перемышль (длиной соответственно 90 и 35 км). Наркомат путей сообщения СССР получил задание построить другую дорогу в направлении Проскуров – Красне (217 км). При этом власть стремилась всячески ускорить работы, и потому позволила Промбанку СССР финансировать строительство без утвержденных проектов и смет. Экономический совет при союзном правительстве нашел дополнительные фонды, выделенные НКПС СССР на материалы, оборудование и т.п.¹

Осенью 1939 г. было начато сооружение шоссейной дороги Новоград-Волынский – Львов (длиной 311 км), проходившей через Корец, Ровно, Дубно и Броды. Ширина земляного полотна составляла 11 м, проезжей части – 7 м. На ведение работ сразу было выделено 75 млн руб., а в 1940 г. – 120 млн. Строительство дороги осуществлял НКПС СССР, в качестве рабочей силы использовались военнопленные (по плану – 25 тыс. чел.). На стройке ощущался недостаток инженерно-технических кадров, что заставило власти временно мобилизовать 200 студентов старших курсов Московского и Харьковского автодорожных институтов².

Значительное внимание отводилось подъему нефтяной и угольной промышленности. Уже в конце 1939 г. все предприятия и учреждения этих отраслей перешли в ведение наркоматов нефтяной промышленности СССР и угольной промышленности СССР. На территории региона развернул деятельность комбинат «Украинская нефть» (Львов), который обеспечивал весь комплекс работ. В состав комбината входили трест по разведке и добыче нефти и газа (г. Борислав), трест по переработке нефти и газа (г. Дрогобыч), а также контора по реализации нефтепродуктов (Львов). В угольной отрасли был создан трест «Львовуглеразведка», который объединял четыре конторы, и «Львовшахтострой», который насчитывал четыре шахтоуправления (конторы и управления находились в Раве-Русской, Золочеве, Кременце и Коломые).

В регионе была направлена группа специалистов, которые возглавили указанные ведомства. Начальником комбината «Украинская нефть» был назначен В. Еременко, который до этого работал управляющим трестом «Кагановичнефть» (Баку). Руководителями трестов «Нефтедобыча» и «Нефтепереработка» стали Н. Охрименко и И. Зайцев, а управляющим

¹ Там же. Оп. 3. Д. 1014. Л. 52; Д. 1016. Лл. 6, 19, 20.

² Там же. Оп. 3. Д. 1014. Лл. 46, 99, 100; Оп. 162. Д. 27. Л. 1.

конторой по реализации нефтепродуктов и газа – А. Бойков. Тресты «Львовуглеразведка» и «Львовшахтострой» возглавляли С. Верболоз и П. Ковалев. Правительство СССР выделило из резервного фонда немало средств для приобретения материалов и оборудования, организации производства и т.п.¹

В январе 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б), а через месяц – ЦК КП(б)У и СНК УССР утвердили государственный план развития народного хозяйства западных областей Украины на 1940 г. Этот план предусматривал индустриализацию региона, создание новых отраслей промышленности и реконструкцию действующих предприятий. Намечалось развитие машиностроительной, электротехнической, добывающей, легкой и других отраслей промышленности, применение передовой техники и технологий производства. Особое внимание уделялось индустриальному потенциалу Львова, где планировалось построить сеть заводов – стекольный, электроламповый, электротехнических приборов, несколько машиностроительных, а также трикотажную фабрику и предприятия пищевой промышленности.

Всего на развитие экономики, социальной и культурной сфер региона было выделено свыше 2 млрд руб., из них на нужды промышленности – 700 млн. В 1940 г. началось сооружение теплоэлектростанций и обувной фабрики в Станиславе, завода сельхозмашин, мебельной и бумажной фабрик в Коломые. В феврале 1941 г. было завершено строительство газопровода Дашава – Киев, который поставлял в столицу республики 100 тыс. кубических метров прикарпатского газа. До весны 1941 г. была произведена реконструкция городских электростанций в Дрогобыче, Ковеле, Луцке, Львове, Ровно, Стрые, Тернополе, Чорткове, а также введен в строй ряд районных электростанций².

В этот период были развернуто масштабное преобразование сельского хозяйства. Оно основывалось на принципах декларации Украинского народного собрания, принятой 28 октября 1939 г. В документе провозглашалось: «В полном соответствии с единой волей и стремлением трудящихся Западной Украины, защищая их кровные и жизненные интересы, следуя примеру народов Советского Союза, Украинское народное собрание провозглашает на территории Западной Украины конфискацию земель помещичьих, монастырских и крупных государственных чиновников со всем их живым и мертвым инвентарем и усадьбами постройками».

¹ Там же. Оп. 3. Д. 1016. Лл. 2, 3, 46, 47.

² Там же. Д. 1019. Лл. 1, 2; Оп. 162. Д. 27. Л. 1; *Варецький В. Л.* Указ. соч. С. 188–192; *Возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною.* К., 1989. С. 324.

В декларации подчеркивалось, что «Народное собрание утверждает изъятие помещичьих земель без выкупа, через крестьянские комитеты, под руководством временных управлений, и передачу их в пользование трудовому крестьянству. Вопрос о землях «осадников» решают крестьянские комитеты»¹. В официальных советских документах, в многочисленных статьях в газетах и журналах говорилось о том, что в условиях диктатуры пролетариата национализация земли является «шагом к социализму».

Вся земля, ее недра, воды и леса были национализированы. Землеладение помещиков, буржуазии, церкви и монастырей ликвидировалось. Какие-либо операции по купле-продаже земли запрещались, что свидетельствовало о начале коренного переустройства аграрных отношений. Осенью 1939 г. политическое руководство СССР приняло решение об организации заготовки сельскохозяйственных продуктов в западных областях Украины. Это потребовало создания разветвленной сети заготовительных структур и значительного числа подготовленных кадров. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У и СНК УССР, в регионе стали действовать областные управления Наркомата заготовок СССР, а также соответствующие органы при потребительских союзах: заготуправления в областях и заготконторы – в районах.

Повсюду появились приемные пункты «Заготзерна», «Заготсена», «Заготскота», «Укрзаготкож», «Укрзаготшерсти», «Укрзаготхмеля», «Укрзаготльна», «Укрптицепрома», «Союзтабаксырья» и т.п. По решению правительства УССР, закупку сельскохозяйственной продукции осуществляли: зерна, муки и круп – Укоопсоюз и «Хлеботорг», молока, масла и яиц – Укоопсоюз и «Укрптищепром», скота и птицы – Укоопсоюз и «Заготскот», картофеля и овощей – Укоопсоюз, кожсырья – Укоопсоюз и «Союззаготкож», шерсти – Укоопсоюз и «Укрзаготшерсть», сена и соломы – «Укрзаготсено» и т.д.²

Местные органы власти, опираясь на поддержку крестьянских комитетов, начали отведение земли под совхозы и машинно-тракторные станции. Одновременно проводился раздел земли между трудящимся крестьянством, которое получало ее в бессрочное и бесплатное пользование. В первую очередь землей наделялись безземельные крестьяне, а затем уже те, чьи наделы не достигали определенной нормы. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У и СНК УССР от 24 марта 1941 г. предельные нормы индивидуального землепользования составляли: в Дрогобычской,

¹ Комуніст. 1939. 29 жовтня.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4697. Лл. 244, 309–311.

Львовской, Станиславской и Тернопольской областях – 7 га на один крестьянский двор (в ряде районов – 10 га, в Жабьевском районе Станиславской области – 15 га); в Волынской и Ровенской областях, где было больше земли, пригодной для ведения хозяйства, – 10 га на крестьянский двор (в ряде районов – 15 га).

Процесс конфискации и раздела земель так называемых нетрудовых хозяйств длился до весны 1941 г. Всего в западных областях Украины было «экспроприровано» свыше 2,5 млн га земли, из них передано в пользование крестьянству – свыше 1 млн. Конфискации подлежали также инвентарь и скот, принадлежавшие «нетрудовым элементам»: часть этого инвентаря и довольно много скота перешли в пользование крестьянских хозяйств, в частности 44,9 тыс. коней, 72,9 тыс. коров, 1,9 тыс. волов и т.п. По постановлению СНК СССР от 19 марта 1940 г., крестьянские хозяйства освобождались от уплаты недоимок по государственным и местным налогам, «которые значатся за ними на основе законодательства бывшего польского государства»¹.

В центре внимания власти находились вопросы создания совхозов, машинно-тракторных станций, а также сельскохозяйственных артелей – колхозов. Совхозы и МТС возникали на базе бывших фольварков, получив землю, технику, инвентарь, скот и т.п., которые раньше принадлежали крупным собственникам. ЦК КП(б)У и СНК УССР приняли ряд постановлений, касающихся организации совхозов и МТС. В конце 1940 г. в западных областях Украины действовало уже 59 совхозов и 174 МТС. Однако особые трудности появлялись тогда, когда местные партийные и советские органы брались за создание колхозов. Крестьянство региона твердо держалось за частные хозяйства, всячески избегая вступления в навязываемые товарищества, артели и т.п.

Все же процесс коллективизации на западных землях Украины потихоньку продвигался. Его поддерживала часть сельского населения, которая связывала с социализмом надежды на лучшую жизнь. Бедняки и батраки под руководством партийных чиновников создавали инициативные группы, агитировавшие односельчан вступать в колхоз. Весной 1940 г. во всех западных областях УССР уже появились первые, относительно небольшие, артели. В конце того же года в регионе уже существовали 556 колхозов, которые объединяли 36,5 тыс. крестьянских хозяйств (около 3,5 % от их общей численности).

¹ *Варецкий В. Л.* Указ. соч. С. 188–192; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2970. Лл. 42, 43.

В первой половине 1941 г. процесс коллективизации немного ускорился. По оценке партийного руководства, «в колхозы пошел середняк». На практике сдвиги в осуществлении социалистических преобразований объяснялись, прежде всего, усилением административного нажима на крестьянство, большинство которого продолжало скептически и настороженно относиться к новым формам хозяйствования. Накануне немецкого нападения на СССР в западных областях Украины работали 2589 колхозов, которые объединяли 142,5 тыс. крестьянских хозяйств, т.е. 13 % от их общей численности¹.

В условиях жестокого давления со стороны государства крестьяне выживали благодаря подсобному хозяйству. Однако уже весной 1939 г. его начали существенно ограничивать: майский пленум ЦК ВКП(б) постановил провести обмер приусадебных наделов колхозников и изъять все излишки земли. Обмер проводился специальными комиссиями, созданными райкомами партии и райисполкомами для каждого сельского совета. Комиссии выявили излишки земли чуть ли не у половины колхозных дворов и в более чем в двух третях единоличных хозяйств. В июле того же года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в котором был определен размер приусадебных участков рабочих, служащих, сельских учителей, агрономов и других лиц, которые проживали на селе, но не работали в колхозах. В соответствии с ним, приусадебные наделы указанных категорий составляли на одну семью не более 0,15 га, включая площадь под строениями².

Тяжким грузом на сельское население лег государственный налог на коней. Раньше наличие коня в хозяйстве учитывалось только при определении единого сельскохозяйственного налога. Однако летом 1938 г. Верховный Совет СССР ввел особый налог на коней единоличных хозяйств. В разных группах районов СССР ставка налога устанавливалась на одного коня в сумме 275–350 и 400–500 руб. На каждого следующего коня ставка налога повышалась до 450–550 и 700–800 руб³. Такие финансовые мероприятия наносили ощутимый удар по неколлективизированным хозяйствам, поставив крестьян

¹ *Варецкий В. Л.* Указ. соч. С. 251, 253, 259–261; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2970. Лл. 105, 106.

² Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 годы. М., 1940. С. 44, 45, 48, 49.

³ См.: *Вылцан М. А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М., 1970. С. 54.

перед нелегким выбором: продолжать хозяйствовать самостоятельно, оплачивая государству непомерные налоги, или вступить в колхоз, лишившись части скота, инвентаря и т.д.

Власть прилагала большие усилия, чтобы увеличить поступления от сельского хозяйства. После начала Второй мировой войны потребности государства значительно возросли, что сказалось на аграрной политике советского руководства. В сентябре 1939 г. Верховный Совет СССР утвердил закон о сельскохозяйственном налоге, который значительно ухудшил положение крестьянства. До этого времени налог на личные хозяйства колхозников оплачивался по твердым ставкам, составлявшим от 10 до 50 руб. Теперь ставки налога дифференцировались в зависимости от уровня прибыльности хозяйства, в результате чего выплаты выросли в несколько раз, вызывая пассивное недовольство людей.

Однако система налогообложения, введенная в западных областях Украины, предусматривала известные льготы для населения. Весной 1940 г. СНК СССР постановил:

«а) Освободить от уплаты сельскохозяйственного налога колхозные дворы и единоличные хозяйства, обложенный налогом доход которых не превышает 1000 руб.

б) Освободить от обложения сельскохозяйственным налогом весь мелкий скот, который имеется в личном пользовании членов колхозов и единоличных крестьянских хозяйств.

в) Освободить от обложения налогом залежные и целинные земли в течение двух лет после их распахки, а раскорчеванные и распаханые земли и земли, на которых проведены мелиоративные работы за счет земледельцев, – в течение трех лет после использования их под посевы.

Освободить в 1940 г. все сельские хозяйства Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской и Тернопольской областей УССР от уплаты сбора на потребности жилищного и культурно-бытового строительства, которое проводилось на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 23 января 1934 г.

Освободить в 1940 г. единоличные крестьянские хозяйства западных областей УССР от уплаты государственного налога на коней единоличных хозяйств, которая производится на основе Закона, принятого Верховным Советом СССР от 21 января 1938 г.»¹.

¹ Цит. по: *Варецкий В. Л.* Указ. соч. С. 228.

Как видим, политическое руководство СССР пошло на некоторые уступки местному крестьянству, чтобы жесткими подходами не оттолкнуть людей от социализма, а склонить к советской власти колхозников и единоличников.

В апреле 1940 г. началось очередное наступление на крестьянство. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, которое изменяло порядок заготовок и закупки сельскохозяйственной продукции. Обязательные поставки колхозами зерна, риса, картофеля, овощей (капусты, свеклы, моркови, лука, огурцов, помидоров и т.п.) исчислялись исходя не из плана посева названных культур, а с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами. В размер пашни включались поля, огороды, сады, а также новые земли, которые только подлежали освоению «путем распахивания целины, осушения болот и выкорчевывания кустарников...»

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР повышало нормы обязательных поставок колхозами зерна и риса; вводило обязательные поставки государству сена; изменяло порядок исчисления обязательных поставок молока (теперь исчисление осуществлялось не по поголовью коров, а с каждого гектара земли, закрепленной за колхозами); вводило обязательные поставки колхозами, колхозными дворами и единоличными хозяйствами кожсырья, а с 1941 г. — обязательные поставки яиц; обязывало все без исключения колхозы выращивать коней, а с 1941 г. — поставлять их государству для нужд армии¹. Растущее давление на крестьянство в значительной степени объяснялось подготовкой к войне, в частности необходимостью создания государственных резервов и мобилизационных запасов.

В 1939–1941 гг. особенно остро встала проблема продовольственного обеспечения. Новые органы власти всячески стремились стабилизировать потребительский рынок, дезорганизованный войной. С этой целью они жестко контролировали частных торговцев, продлили время работы магазинов, поощряли создание кооперативных магазинов, в частности, в системе «Народной торговли». Перед служащими разных уровней стояли сложные задачи: преодоление дефицита, ликвидация очередей, сдерживание спекуляции, поддержка цен, определенных союзным центром, поэтому развязать жгучие проблемы оказывалось не просто.

ЦК ВКП(б) поставил требование: передать в распоряжение временных управлений или рабочих кооперативов магазины, которые были оставлены собственниками; силами народных комиссариатов торговли СССР и УССР развернуть сеть государственных магазинов в западных областях Украины.

¹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 годы. С. 365–370.

Высшее политическое руководство установило цены на некоторые продукты и товары первой необходимости в этом регионе: на соль – 20 коп. за килограмм, на керосин – 65 коп. за литр, на спички – 3 коп. за коробку малого формата, на махорку – 50 коп. за пачку весом 50 грамм¹.

Уже осенью 1939 г. временные управления провели изъятие товаров у крупных собственников. Во Львове было конфисковано имущество зажиточных торговцев Вольфа, Чепеля, Городецкого, в Тернополе – Круга, Файнера, Яблонского и др. Наряду с национализацией крупных магазинов была проведена экспроприация многих мелких магазинов, что привело к значительному сокращению торговой сети. Параллельно проводился переучет изъятых товаров, переход на советскую валюту, вводились новые цены на товары и т.п., что ощутимо нарушало ритмичность торговли.

В регионе начали появляться государственные магазины, относившиеся к Наркомату торговли УССР, промышленным наркоматам, заготовительным организациям и др. В декабре 1939 г. многочисленные украинские, польские и еврейские кооперативы вошли в состав Укоопсоюза. Кроме того, торговлей занималась промышленная кооперация и кооперация инвалидов, в т.ч. разные артели, сбыто-снабженческие товарищества и т.п. Важную роль в обеспечении населения играли рынки, где торговцы оплачивали одноразовый сбор: 1 руб. с воза и 20 коп. при торговле с рук за один день.

В докладной записке, поданной секретарю ЦК КП(б)У Н. Хрущову, заместитель наркома внутренних дел УССР М. Горлинский писал: «Открытие новой торговой сети в городах, промышленных и сельских населенных пунктах проходит крайне медленно». Такое состояние дела заместитель наркома объяснил плохой организацией работы, а также «саботажем торговли» со стороны частных собственников. Он указывал, что купцы и торговцы закрывали магазины, прятали дефицитные товары, занимались спекуляцией, тем самым подрывая торговлю².

Состоявшийся в декабре 1939 г. переход на советскую валюту также создал ряд острых проблем. Хотя продажа товаров стала осуществляться только за рубли, надлежащей подготовительной работы проведено не было. В докладной записке Л. Берии нарком внутренних дел УССР И. Серов сообщал, что в день оглашения постановления правительства об отмене злотых «наблюдалось скопление населения около банков». Так, в Луцке собралось около 700 человек, во Львове – 600, Тернополе – 500, в других

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Лл. 60, 61.

²Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее – ГДА СБУ). Ф. 16. Оп. 33. Спр. 1. Арк. 1, 2, 9.

городах – немногим меньше. «Участвовавший в этих собраниях контрреволюционный элемент, – писал И. Серов, – пытался спровоцировать население и вел пропаганду о том, что это постановление будет отменено, так как оно является неправильным».

Такие проявления протеста были не случайными, ведь на некоторых предприятиях зарплату работникам продолжали выплачивать в злотых. Постановление о переходе на советскую валюту поставило многих людей в безвыходное положение, на какое-то время оставив их без средств существования. Особенно тяжелое положение создалось на Львовской железной дороге, где накануне рабочим и служащим выдали зарплату польскими деньгами. В докладной записке И. Серова указывалось, что НКВД УССР проинформировал украинское правительство о выявленных недостатках, а также «дал указание на места выплатить полученную зарплату с 11 декабря в советских рублях»¹. Местные партийные и государственные органы предприняли необходимые меры, чтобы выправить ситуацию и снять социальное напряжение.

И все же главной проблемой оставался недостаток продуктов и товаров первой необходимости. На рубеже 1939–1940 гг. эта проблема приобрела наибольшую остроту, свидетельствуя об общем кризисе снабжения в СССР. Сразу после начала Второй мировой войны нарком торговли СССР А. Любимов обратился к главе союзного правительства В. Молотову с письмом, в котором поставил вопрос о введении карточной системы на продукты питания и предметы широкого потребления. Однако политическое руководство страны категорически отказывалось вести речь о свертывании «свободной торговли» и переходе к нормированному потреблению. С развязыванием советско-финской – «Зимней» – войны товарный дефицит достиг апогея и перерос в подлинный продовольственный кризис.

В связи с сокращением рыночных фондов СНК СССР установил «нормы отпуска товаров в одни руки». В 1936–1939 гг. покупатель мог приобрести сразу не более 2 кг хлеба, крупы, мяса, колбасы, сахара, 3 кг рыбы и 5 кг картофеля, а также 1 кг хозяйственного мыла, 200 штук папирос, 2–4 кг керосина. С апреля 1940 г. нормы продажи товаров стали еще более жесткими и составляли 0,05 кг чая, 0,2 кг сыра, масла, 1 л молока, 1 кг крупы, мяса, рыбы, сахара, овощей, 2 кг хлеба, 2 банки консервов, а также 0,8 кг

¹ Там же. Оп. 32. Спр. 13. Арк. 556.

хозяйственного мыла, 2 кг керосина и т.п. Осенью этого же года союзное правительство еще раз снизило нормы отпуска товаров, в частности хлеба, мяса, сахара, хозяйственного мыла, и ввело ограничение на продажу яиц и сметаны (выросла только норма продажи картофеля – до 5 кг)¹.

В 1939 г., учитывая растущий недостаток товаров, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о повышении цен на ткани, трикотаж, белье, стеклянную посуду. В январе 1940 г. были повышены цены на один из самых дефицитных товаров – сахар, еще через несколько месяцев – на мясо, рыбу, жиры, сыр, картофель, овощи, молочные продукты. Вместе с тем, политическое руководство СССР поддерживало неизменный уровень цен на продукты повышенного спроса – хлеб, муку, крупу, макароны, чтобы обеспечить, по крайней мере, минимальные потребности населения. Понятно, что обострение товарного дефицита неминуемо сопровождалось повышением цен на колхозных рынках, которые играли важную роль в снабжении горожан, особенно мясомолочной продукцией, картофелем и овощами².

Во многих городах Советского Союза началось стихийное введение карточной системы. Политическая верхушка восстановила ведомственные распределители, но категорически запретила повсеместный переход на нормированное снабжение населения. Закрытые столовые и магазины обслуживали работников отдельных отраслей, но не распространялись на местную номенклатуру. Ведомственные буфеты и столы заказов находились непосредственно в организациях и учреждениях, обеспечивая товарами Наркомат внутренних дел, командный состав армии и флота, а также нефтепромыслы, торфоразработки, угольные шахты, медные рудники, меднолитейные заводы и железнодорожный транспорт³.

Такое же напряженное положение создалось в западных областях Украины. В декабре 1939 г. во Львове в очередях за хлебом и сахаром у некоторых магазинов стояли по 500–1500 человек. На протяжении этого месяца в Тернополе в торговой сети не было мыла, соли, спичек, зубного порошка, посуды и других хозяйственных товаров. В ряде сел Станиславской области в продаже не было соли, сахара, спичек и керосина. По данным НКВД УССР, в Сокальском и Турковском уездах Львовской области торговля этими товарами осуществлялась «с большими перебоями». Значительные

¹Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 259.

²Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. М., 1964. С. 358, 359.

³Осокина Е. А. Указ. соч. С. 193, 211, 214, 216.

трудности со снабжением населения были и в других областях региона, что вызывало недовольство людей.

Органы безопасности внимательно отслеживали всяческие проявления «негативной реакции» среди граждан. Крестьянин Кузько, который проживал в селе Згораны Любомльского уезда Волынской области, заявил: «В кооперации ничего нет. Только говорят, что в Советском Союзе все есть, а уже два месяца как нам в село не привозили товаров, а раньше их было сколько угодно». Заведующий одним из кооперативов сказал покупателям: «Надо запастись мануфактурой и одеждой, пока не поздно, так как в Советском Союзе вместо товаров и продуктов вырабатывают машины... В коммунистическую идею могут верить только сумасшедшие, в жизни она никогда проведена не будет»¹. Такие разговоры спецслужбы считали вражескими и провокационными.

Показательно, что продовольственный кризис охватил даже Львов, хотя этому городу власть уделяла особое внимание. В декабре 1939 г. запасы муки и хлеба здесь резко уменьшились, продажа сахара, молока и масла — значительно сократилась. Выявился недостаток даже таких товаров, которых раньше всегда хватало, — соли и спичек. Январь 1940 г. стал самым тяжелым для жителей города: длинные очереди выстраивались даже за хлебом. Из воспоминаний известно, что в январе Львов «в течение одной недели вообще не видел хлеба». В этих условиях львовяне горько шутили: из алфавита можно выкинуть букву «м», потому что нет молока, масла, мяса, муки, моркови, мамалыги, а оставлять эту букву ради махорки — не стоит².

В этот период стали резко дорожать продукты питания. Цена черного хлеба на рынке достигала 3–4 руб. за килограмм (государственная цена составляла 65 коп.). Стоимость яиц выросла в пять раз, картофеля — в семь. Цена пшеничной муки поднялась с 2,5 до 10 руб., крупы — с 2 до 10 руб. за килограмм. Значительно подорожало мясо, особенно говядина — с 4 до 24 руб., свинина — с 10 до 45 руб. за килограмм. Резко подскочили цены на мясо птицы: курица стоила 50–70, индюк — 80–90, гусь — 100–150 руб. Основным дефицитом оставался сахар, стоимость которого на рынке достигала 80 руб. за килограмм³. Отметим, что средняя зарплата рабочих и служащих СССР составила в 1940 г. 339, а в 1941-м — 357 руб.⁴.

¹ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 33. Спр. 1. Арк. 5, 6.

²Hryciuk G. Polacy we Lwowie 1939–1944. Życie codzienne. Warszawa, 2000. S. 70.

³Ibid. S. 74.

⁴Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1489. Л. 259.

Тем не менее, на рынках продавалось немало промышленных товаров, изготовленных польскими и западными фирмами. На многих местных предприятиях выпускалась продукция, которая в социалистическом хозяйстве оставалась крайне дефицитной. Все эти товары имели высокое качество и привлекали многочисленных советских чиновников, которые приезжали в западные области Украины. Повсеместно практиковались служебные командировки с целью закупки вещей, которые потом становились предметом спекуляции. Особый интерес вызывали часы, ковры, пишущие машинки, а также хрусталь, антиквариат и т.п.

В январе 1940 г., обращаясь к главе СНКУССР Л. Корнийцу, заместитель наркома внутренних дел УССР М. Горлинский доложил о чиновничьих злоупотреблениях. Он писал о том, что «за последнее время все более возрастает количество представителей различных хозяйственных организаций, которые выезжают в западные области Украины». По его словам, в ряде ведомств «деловые соображения отодвинуты на задний план...», а поездки «используются в целях спекуляции и личной наживы». В докладной записке говорилось о неоднократных нарушениях, допущенных украинскими конторами «Союзутиль», «Союззаготкож», республиканскими организациями «Укрнефтестрой» и «Укрлегснаб».

Заместитель наркома внутренних дел УССР сообщал: «Так, несмотря на двадцатидневное пребывание в Западной Украине бригады Наркомтекстиля и Наркомлегпрома во главе с зам. наркома РАЙКО, длительные командировки большого количества работников – до сих пор в этих наркоматах нет ясного представления о промышленности, ее нуждах и проч. Выезжающие туда лица большую часть времени посвятили личным закупкам и не привезли данных о промышленности, что было основной задачей их поездки». В документе указывалось: «Преступное использование служебных командировок работниками Наркомлегпрома, в отличие от работников других организаций, усугубляется тем, что они товары не покупают на рынке, а берут... на предприятиях легкой промышленности по твердым ценам»¹.

В январе 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР об организации государственной и кооперативной торговли и цены в западных областях УССР и БССР. Это постановление обязывало Наркомат торговли СССР создать на присоединенных территориях торги и тресты столовых, а Центросоюз – потребительские товарищества

¹ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 33. Спр. 90. Арк. 128–136.

(областные и районные союзы, сельские и городские товарищества, рабочие кооперативы). Наркоматы торговли и пищевой промышленности СССР обязаны были открыть в наиболее крупных городах региона специализированные магазины, в том числе во Львове восемь, Станиславе – три, Дрогобыче – два, а в Луцке, Ровно и Тернополе – по одной¹.

Постановление обязывало развернуть сеть государственных аптек, пунктов для скупки и реализации вещей, открыть антикварный магазин во Львове. Ставилось задание создать систему оптовых баз Наркомторга СССР и Центросоюза, а также баз по сбыту промышленных товаров. Постановлением СНК СССР с 1 февраля 1940 г. на западные области Украины распространялись единые розничные и отпускные цены, торговые скидки и надбавки на промышленные и продовольственные товары, действовавшие в других областях УССР. При этом продажа хлебопродуктов велась по ценам первого пояса, а продажа ряда других товаров – мяса, птицы, молока, сыра, яиц – разрешалась по ценам, более низким по сравнению с едиными розничными².

Однако товарный дефицит в западных областях Украины только углублялся. В городах чувствовался острый недостаток продовольствия, в деревне – промышленных товаров. Это вызывало резкое повышение цен, дальнейшее ухудшение положения населения. Крестьяне не хотели торговать продуктами за деньги, которые быстро обесценивались, отдавая предпочтение товарообмену. Спецслужбы фиксировали «активизацию спекулятивного и контрреволюционного элемента» и докладывали в ЦК КП(б)У: «У продовольственных магазинов с вечера и даже в отдельных случаях за 2–3 дня до начала продажи продуктов собираются многочисленные очереди, доходящие до 500 человек».

Местные органы власти фактически парализовали частную торговлю. Поспешная национализация разрушила налаженную систему снабжения. Между тем, сеть государственных магазинов росла медленными темпами, которые не отвечали запросам населения. На 1 февраля 1940 г. в Луцке действовало только 66 продовольственных магазинов, тогда как ранее – 375, в Ковеле – соответственно 92 из 195, Владимире-Волинском – 22 из 134. В Тернополе насчитывалось 53 магазина из бывших 280, Чорткове – 44 из 68, Дрогобыче – 32 из 232, Самборе – 17 из 300 и т. д. Такой же была ситуация в других областях, что грозило обострением социальных проблем.

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Лл. 97, 98, 102.

²Там же. Лл. 97–99.

В тех государственных магазинах, которые удалось открыть, постоянно не хватало товаров. Уполномоченные Наркомата заготовок УССР запрещали закупку сельскохозяйственных продуктов частными лицами и различными учреждениями, за исключением Укоопсоюза и заготовительных организаций. Однако последние не обладали достаточным аппаратом, чтобы обеспечить надлежащую заготовку продукции. В одной из докладных записок НКВД УССР, адресованных ЦК КП(б)У, сообщалось: «На этой основе даже возникли своего рода заградительные отряды, которые задерживали в предместьях городов крестьян и торговцев, которые везли в город для продажи продукты, производили незаконную конфискацию и сдавали изъятое заготовительным организациям...»

Все товары, отобранные у частных собственников, хранились на специальных базах, но своевременно не учитывались. Часть этих товаров, как свидетельствуют документы спецслужб, «разбазаривали по довоенным ценам в большом количестве...» Например, в Ровенском торговом отделе в наличии имелись конфискованные товары на 2 млн руб., из них было незаконно продано товаров на 250 тыс. руб. Руководство Луцкого городского торговдела продало национализированных товаров на сумму 100 тыс. руб. Некоторые чиновники от торговли занимались так называемым самоснабжением, то есть разворовывали государственное имущество. Так, у директора Ровенского торговдела И. Дегтярева при обыске на квартире нашли товаров на сумму 5,7 тыс. руб. Значительные злоупотребления допустили руководитель Луцкого торговдела Либерман, заведующий одного из районных торговделов Чорный и др.¹

Кризис снабжения в западных областях Украины не только возмущал рядовых граждан, но и вызывал беспокойство правящей верхушки. В начале марта 1940 г. Экономсовет при СНК СССР принял решение, направленное на улучшение торговли на присоединенных территориях. Оно предусматривало увеличение товарных фондов и расширение ассортимента продукции, выделяемой для потребностей этого региона. В конце этого же месяца Политбюро ЦК ВКП(б) создало специальную комиссию, в которую входили А. Микоян, Н. Хрушев, Г. Маленков, П. Пономаренко и А. Любимов. Она изучала вопрос об обеспечении Львова и Белостока всеми необходимыми товарами, в том числе за счет других городов и областей Советского Союза².

¹ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 33. Спр. 1. Арк. 20, 22, 23, 26; Державний архів Волинської області. Ф. р-18. Оп. 1. Спр. 156. Арк. 9, 10.

²РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1021. Л. 37.

Меры, предпринятые властью, оказали позитивное влияние на состояние торговли. Весной 1940 г. обеспечение продуктами жителей Львова ощутимо улучшилось. Выросли продажи муки, рыбы, масла, яиц и многих других товаров. В воспоминаниях львовян той поры говорилось, что в магазинах появилась даже икра, шоколад, крымские и кавказские вина¹. На улицах города появилось множество киосков и других мелких торговых пунктов, в которых продавали пиво, табак, воду, мороженое и т.п.

С февраля 1940 г. было продлено время работы магазинов: продовольственные работали с 8 до 23 часов, промтоварные — с 11 до 19. Кафе и рестораны принимали посетителей с 9 до 24 часов. Эти меры были направлены на то, чтобы в условиях сокращения торговой сети, заметно уступающей довоенной, добиться преодоления громадных очередей. Они стали наиболее примечательной чертой нового советского быта, особенно поражая и удручая местное население.

Весной 1940 г. началось снижение рыночных цен на продукты. Уже в апреле во Львове цена муки уменьшилась до 2 руб., крупы — до 3,8, говядины — до 7, свинины — до 13 руб. за килограмм. Стоимость молока снизилась с 4 до 1,75 руб. за литр, масла — с 60 до 30 руб. за килограмм и т.п. В течение следующих месяцев рыночные цены во Львове стабилизировались, а их колебания — резкий рост или снижение — объяснялись прежде всего сезонными факторами. Весной следующего года рыночные цены на значительное число продуктов приблизились к государственным. По словам одного из львовян, «нервная атмосфера охоты за всем в очередях» прошла².

В апреле 1940 г. заместитель наркома внутренних дел УССР М. Горлинский докладывал в Главное экономическое управление НКВД СССР: «В результате исправления допущенных торгово-заготовительными организациями ошибок и искривлений в организации торговли и заготовок, за последнее время усилился приток в города и промышленные центры сельскохозяйственных продуктов и почти не стало очередей у продуктовых магазинов». В то же время М. Горлинский писал о «некоторых перебоях» в торговле хлебом в Дрогобычской и Львовской областях, особенно в городах Бориславе и Самборе. «Крайне напряженное положение остается с завозом в западные области фондовых товаров. Направленные сюда грузы длительно задерживаются в пути по вине железной дороги»³.

¹ Hryciuk G. Op. cit. S. 71.

² Ibid. S. 75, 91.

³ ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 33. Спр. 27. Арк. 48–50.

В июне 1940 г. нарком внутренних дел УССР И. Серов информировал главу СНК УССР Л. Корнийца: «Снабжение населения промышленными товарами и продуктами повседневного спроса в районах Ровенской и Волынской областей продолжает оставаться в неудовлетворительном состоянии». В сентябре нарком докладывал о «значительном ухудшении» снабжения города Тернополя, где «часто отсутствуют в продаже сахар, керосин или другие товары и продукты повседневного спроса». В октябре И. Серов снова писал о «неудовлетворительном состоянии» торговли в Ровенской области, а в ноябре — о «больших перебоях» в обеспечении хлебом жителей г. Городка Львовской области и др.¹

Все же можно констатировать, что весной 1940 г. в западных областях Украины состояние торговли начало улучшаться. Это в первую очередь касалось Львова, который советская власть стремилась сделать своеобразной «витриной» социалистических преобразований. В других городах кризис снабжения удалось преодолеть, а торговлю продовольственными и промышленными товарами — стабилизировать. Тем не менее, полностью разрешить острые проблемы торговли, устранить очереди, дефицит и т. п. власть не могла, поскольку они оставались неминуемым спутником планового централизованного хозяйства.

Таким образом, в течение 1939–1941 гг. в Западной Украине были проведены радикальные экономические преобразования, которые стали составной частью масштабной советизации общества. Они охватили все участки хозяйственной жизни, привели к установлению жесткого контроля государства над промышленностью, сельским хозяйством и другими отраслями. Вместе с тем был начат процесс индустриализации западных областей Украины, создания современного промышленного потенциала региона. Осуществленные преобразования носили противоречивый характер, существенно сказавшись на судьбе миллионов людей.

¹ Там же. Спр. 1. Арк. 43, 54; Спр. 27. Арк. 106, 110.

Е. Ю. Борисенюк

**Кадровая политика большевиков
в западных областях Украины в 1939–1941 гг.¹**

Процессы советизации западноукраинского региона в 1939–1941 гг. активно обсуждаются в современной исторической науке. Достоверный анализ основных направлений, форм и методов советизации общественной жизни невозможен без детального рассмотрения кадрового обеспечения этих преобразований. Чтобы ответить на вопрос, кто же фактически осуществлял процесс советизации на местах, необходимо разобраться в методах рекрутирования региональной управленческой элиты.

После присоединения к Украинской ССР западноукраинских земель старый административный аппарат был сломан. На регион была распространена советская партийно-хозяйственная структура, требовавшая, в свою очередь, подбора надежных кадров для партийных и комсомольских комитетов, исполкомов, профсоюзных организаций, заводов, фабрик и т.д. Фактически, встал вопрос о формировании слоя партийно-государственных руководителей, которые смогли бы обеспечить жизнеспособность советской системы в этом регионе.

На Западной Украине процесс образования правящего аппарата шел «с нуля» (как когда-то и на Советской Украине) — ни о какой преемственности не могло быть и речи. Новый слой управленцев складывался из двух основных источников: так называемых «восточников», т.е. кадров, командированных из Большой Украины и СССР в целом (обычно в партийных документах говорилось о «присланных из восточных областей»); и «выдвиженцев», т.е. выдвинутых на руководящие должности местных жителей.

Первоначально, осенью 1939 г., активно действовали армейские политработники, следившие за выборами в новые органы власти. Постепенно в работе с местным населением военнотруженики заменили прибывшие с Большой Украины чиновники, которые должны были составить «костяк» западноукраинской советской номенклатуры. Командированные начали приезжать на Западную Украину уже осенью 1939 г., после того, как 1 октября политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании коммунистических организаций в западноукраинских областях. Среди первых из прибывших были М. И. Дриль, назначенный 19 ноября 1939 г. секретарем оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Львовской области,

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-91104а/У)

и Н. К. Куц — заместитель главы оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Станиславской области¹. 27 ноября 1939 г. вышло постановление ЦК КП(б)У об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тернопольской и Ровенской областей, 10 августа 1940 г. — об образовании Черновицкой и Аккерманской областей (через несколько месяцев, 10 декабря, центр Аккерманской области был перенесен в Измаил, а сама область была переименована в Измаильскую)². После утверждения состава бюро соответствующих обкомов КП(б)У назначения на официальные должности на Западную Украину приобрели массовый характер. Так, 20 декабря 1939 г. было принято решение политбюро ЦК КП(б)У «о подборе коммунистов для посланки на партработу в западные области Украины», в котором говорилось: «Обязать обкомы КП(б)У до 1. I. 1940 г. отобрать из числа работников обкомов партии, начальников политотделов совхозов и их заместителей, заведующих отделами горкомов и райкомов КП(б)У и заместителей директоров МТС по политчасти 495 человек для работы секретарями райкомов партии в западных областях Украины»³. Затем было принято решение об отправке 1534-х административных работников, 60-ти коммунистов на работу редакторами в газеты, 265-ти человек для работы в судах и органах прокуратуры. Кроме них, в течение 1940 г. на партийно-пропагандистскую работу было направлено еще 3845 человек⁴.

Чтобы представить себе масштабы кадровой мобилизации для работы на Западной Украине, обратимся к материалам областных партийных организаций. На первой Станиславской областной партконференции, состоявшейся 24–25 апреля 1940 г., первый секретарь обкома М. В. Груленко докладывал, что «партийную работу в области начинали 20–30 коммунистов, командированных ЦК КП(б)У, проводивших свою работу при повседневной и всесторонней помощи армейских комитетов, демобилизованных из рядов РККА и присланных Наркоматами, а также за счет периодически присылаемых ЦК КП(б)У партработников». К 10 декабря 1939 г. в Станиславской области работали уже 942 членов и кандидатов

¹Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 6. Спр. 513. Арк. 197.

²Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 57–64.

³ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 516. Арк. 116.

⁴Кондратюк К. Політичні, соціально-економічні та духовні аспекти «радянизації» західних областей України у 1939–1941 рр. // 1939 рік в історичній долі України і українців. Матеріали міжнародної наукової конференції 23–24 вереня 1999 р. Львів, 2001. С. 23.

ВКП(б), а к 10 апреля 1940 г. парторганизация насчитывала 2486 человек: 1824 членов партии и 662 кандидата¹. При этом большинство командированных были украинцами по национальности. Так, в составе Станиславской парторганизации украинцев-членов ВКП(б) было 1226 чел., кандидатов – 431 чел.; русских-членов ВКП(б) – 451 чел., кандидатов – 164 чел.; белорусов-членов ВКП(б) – 15 чел., кандидатов – 2 чел.; евреев – членов ВКП(б) 103 чел., кандидатов – 54 чел.; поляков – членов ВКП(б) 1 чел., кандидатов – нет; представителей других национальностей – 28 членов ВКП(б), 11 кандидатов².

Столь же быстро, как и станиславской, пополнились ряды других западноукраинских парторганизаций. К апрелю 1940 г., когда были проведены первые областные партконференции, во Львовской области работали 2751 член ВКП(б) и 1025 кандидатов³, в Ровенской области – 1515 членов ВКП(б) и 598 кандидатов⁴, в Тернопольской области – 1858 членов ВКП(б) и 654 кандидатов⁵. К февралю 1941 г. Черновицкая областная парторганизация насчитывала 3145 членов и кандидатов в члены ВКП(б)⁶, а Измаильская – 1971 членов партии и 707 кандидатов⁷.

Образовательный уровень командированных ЦК КП(б)У коммунистов не был высок: большинство могло похвастаться лишь средним или начальным образованием. Например, во Львовскую область прибыло только 350 членов ВКП(б) и 124 кандидата с высшим образованием, а также 44 члена партии и 5 кандидатов с высшим партийным образованием, тогда как со средним общим образованием – 1099 члена партии и 464 кандидата, со средним партийным – 277 членов партии и 52 кандидата, а с начальным образованием – 1302 члена партии и 437 кандидатов⁸. В Тернопольской области с высшим образованием членов и кандидатов в члены ВКП(б) насчитывалось 125 чел., средним – 937 чел., начальным – 1612 чел⁹. В Измаильской области работали 233 коммуниста с высшим образованием, незаконченным высшим и средним – 721, неполным средним – 600,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 18, 23.

² Там же. Д. 3423. Л. 16.

³ Там же. Д. 3271. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 3379. Л. 61.

⁵ Там же. Д. 3470. Л. 54.

⁶ Там же. Д. 3564. Л. 39.

⁷ Там же. Д. 3190. Л. 22.

⁸ Там же. Д. 3271. Л. 34.

⁹ Там же. Д. 3470. Л. 54.

начальным и малограмотных насчитывалось 1122, и 2 коммуниста были вообще неграмотными¹.

Материалы Измаильского обкома дают весьма подробную характеристику кадрового состава областной партийной организации — не только по образованию, которое получили коммунисты, но и по их партийному стажу, национальности, роду занятий, социальному положению. Партийный стаж большинства коммунистов не был велик: 585 человек были приняты в партию в 1930–1935 гг., в 1935–1938 гг. — 157 человек, а 634 члена партии и 621 кандидат — совсем недавно, в 1939–1940 гг. Старых членов партии, стаж которых исчислялся с 1917–1921 гг., числилось 116 человек; в 1921–1925 гг. были приняты в партию 126 человек, в 1925–1930 гг. — 353 человека. По социальному положению измаильские коммунисты подразделялись на следующие группы: рабочие — 758 членов ВКП(б), 166 кандидатов; крестьяне — 739 членов партии, 299 кандидатов; служащие — 479 членов партии, 242 кандидата. По роду занятий: рабочие — 116 членов партии, 48 кандидатов; колхозники — соответственно 104 и 48; служащие — 1663 и 554; учащиеся — 1 и 4. Были к тому же «домохозяйки-иждивенцы» — 876 членов партии, 43 кандидата. Среди измаильских коммунистов украинцев было 1460, русских — 956, евреев — 172, белорусов — 27, молдаван — 24, поляков — 5, болгар — 4, представителей других национальностей — 30².

Схожая ситуация была и в других западноукраинских областях. По материалам Тернопольского обкома партии в области в апреле 1940 г. работали 3 члена партии с 1917 г., с 1917–1920 г. — 49 членов партии; с 1920–1925 гг. — 68 членов партии; с 1925–1930 гг. — 530 членов партии и 6 кандидатов; с 1930–1933 гг. — соответственно 653 и 18; с 1933–1937 гг. — 79 и 24; с 1937–1940 гг. — 573 и 671³.

«Кадровая мобилизация» для западноукраинского региона коснулась не только коммунистов. Так, из направленных на работу в Черновицкую область 5000 специалистов коммунистами и кандидатами в члены партии были 3145 человек, а в Измаильской области из 3404 человек — 1971 член партии и 707 коммунистов⁴. Командированные использовались как на партийной и советской, так и хозяйственной работе. В частности, в той же Измаильской области на партийную работу были направлены 324 чел., на работу в советских учреждениях — 226 чел., на комсомольскую работу — 44 чел., на хозяйственно-кооперативную — 460 чел., в области сельского

¹ Там же. Д. 3190. Л. 22–23.

² Там же.

³ Там же. Д. 3470. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 3564. Л. 39; Д. 3190. Лл. 34, 36.

хозяйства использовались 392 чел., по линии партийного просвещения и культур учреждений – 976 чел., в органах суда, прокуратуры и оборонных учреждений – 691 чел., в медицинских учреждениях – 291 чел.¹.

В Тернопольской области в советской администрации работали 1326 чел., в партийных органах – 493 чел., комсомоле – 131 чел., на транспорте – 202 чел., в промышленности – 39 чел., в сельском хозяйстве – 84 чел., на предприятиях связи – 59 чел., в строительстве – 46 чел., промкооперации – 2 чел., в торговле и общепите – 136 чел., в народном образовании – 86 чел., медицине – 8 чел., в области печати – 43 чел, других областях – еще 19 чел².

Большинство из прибывших на Западную Украину коммунистов до этого трудились на низовой партийной работе. В Дрогобычской области их численность достигала 70 %. Около 35 % сотрудников партийного аппарата этой области вообще впервые пришли на партийную работу³. Секретарь Тернопольского обкома Н. М. Крамар признавал, что в области «большое число товарищей являются выдвиженцами, ...которые до приезда в нашу область занимали меньшие посты. Поэтому на нас возлагается большая обязанность по воспитанию этих кадров. Мы обязаны помогать людям в работе. Так, например, в Велико-Борковском районе все три секретаря являются выдвиженцами. Первый секретарь умеет работать, знает работу, но у него 2-й и 3-й секретари, люди недостаточно опытные, их надо учить, воспитывать. ...Это относится и к другим районам»⁴.

Таким образом, подбор кадров для западноукраинских областей шел путем назначения на вакантные должности более-менее подходящих кандидатов из других регионов. Конечно, к назначению на руководящие посты областного уровня подошли достаточно ответственно. Однако остальные «назначенцы» отнюдь не всегда обладали должной квалификацией, что не вызывает удивления, учитывая многочисленные «чистки» и репрессии 1930-х годов, нанесшие ощутимый урон руководству республики. В результате на Западную Украину приехали коммунисты, в большинстве случаев относительно недавно принятые в партию, имевшие за плечами в основном среднее или начальное образование, не обладавшие достаточным опытом для работы в новой должности. При отборе особое внимание уделялось социальному и национальному статусу кандидата: желательно, чтобы

¹ Там же. Д. 3190. Л. 34

² Там же. Д. 3470. Л. 54.

³ Там же. Д. 3108. Л. 38.

⁴ Там же. Д. 3472. Л. 35. Здесь и далее сохранен стиль документа.

они были рабочими или крестьянами по социальному происхождению и украинцами по национальности.

Следует признать, что нередко на Западную Украину попадали люди не только малоопытные, но и далеко не лучшие по своим деловым качествам. Об этом нередко говорилось на различных партийных форумах, проходивших в западноукраинских областях. Например, на заседании областного партийного актива в Черновцах, состоявшемся 1 марта 1941 г., некто Чумак, рассказывая о проблемах лесной промышленности, сделал следующие выводы: «Относительно кадров. Я согласен с предыдущими товарищами, которые выступали. Это и по линии облпарткома и ведомственных организаций... людей присылали не работоспособных для того, чтобы избавиться от них на прежней работе. Разве это не издевательство»¹.

Попадались также работники, откровенно не подходящие не только по деловым, но и по моральным качествам. Например, секретарь Станиславского горкома партии Лазуренко на заседании областного партийного актива 11 января 1941 г. привел следующие примеры недостаточно тщательного подбора кадров для Западной Украины: «Рыбаков — два раза судился, прибыл из Одессы. Розенберг — здесь его выдвинули зав. отделом снабжения и сбыта, оказался жуликом, сейчас его арестовали за уголовные преступления. Емыкин — судился за хулиганство»². Заместитель заведующего отделом кадров Станиславского обкома Абрамушкин сказал прямо: «...инженер-электрик Чиркин, по всей вероятности своей партийной организации так надоел, и хотели от него избавиться взяли его и прислали»³.

Учитывая особенности прибывшего из восточных областей «пополнения», местные партийные начальники пристальное внимание уделяли случаям нарушения партийной дисциплины и революционной законности. О случаях ненадлежащего поведения и о принятых мерах сообщалось в назидание остальным партийцам. В архивных документах нередко встречаются описания недопустимого для коммуниста поведения. Например, первый секретарь Дрогобычского обкома Я. М. Ткач на конференции в марте 1940 г. раскритиковал работу Жидачевского райкома, отметив, что «отдельные коммунисты, будучи вне партийного влияния, начали заниматься склоками, клеветой, проявлять недисциплинированность, притуплять классовую бдительность и разлагаться в быту»⁴. Самыми типичными были случаи

¹ Там же. Д. 3573. Л. 79.

² Там же. Д. 3440. Л. 46.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Там же. Д. 3108. Л. 25.

незаконного присвоения государственного имущества, незаконные реквизиции и пьянство. Например, в Дрогобычской области «член партии Мищенко, работник бумажной фабрики, бесконтрольно распоряжался государственной собственностью, раздавал ее кому хотел, грубо нарушая революционную законность. Инструктор райпарткома тов. Никитченко при выселении осадников присвоил себе машину, велосипед и вернул их только тогда, когда его предупредили, что он получит партвзыскание»¹. К слову, делом Мищенко занималась прокуратура.

Во Львовской области бывший первый секретарь Дудилковского райкома Мосиевич, уполномоченный наркомзаг Ивлев и заведующий райторготделом Мазур «приехали в г. Львов, напились в ресторане и начали скандалить. При этом Мазур открыл стрельбу и тяжело ранил прохожего гражданина. Мазур арестован, из партии исключен, бывший второй секретарь этого РПК Шевченко дошел до того, что обменялся с ксендзом часами»². Бывший секретарь Винниковского райкома Кравцов также «морально разлагался, часто устраивал пьянки в своем кабинете. Однажды, когда Кравцов делал доклад о дне Парижской коммуны, к присутствующему там прокурору подошел рабочий и сказал — «доклад он делает хорошо, а вот что он ходит к нашим женщинам — это плохо»³.

По всем подобным случаям, попавшим в поле зрения райкома или обкома, принимались решительные меры. В материалах западноукраинских парторганизаций содержится множество примеров. Так, в Ровенской области бывший председатель Деражненского райисполкома Кононов «за бездеятельность и бытовое разложение, за дискредитацию партии и органов советской власти» был снят с работы. Был снят с работы и исключен из партии зав. райторготделом Тучинского района Трофименко⁴.

В Станиславской области были привлечены к судебной ответственности и исключены из партии бывший председатель одного из временных управлений Бендяк, а также товарищи Крюк, Козачинский и Степаненко, производившие «обыски без санкции прокурора на квартире купца Оренштейна»⁵. Был исключен из партии и приговорен к тюремному заключению инструктор Рогатинского райкома Шаламов: «напившись допьяна в селе Даниличи, он обезоружил сторожа детдома, сделал там обыск, поставил местных граждан Вер и Стахур к стенке, угрожал

¹ Там же.

² Там же. Д. 3271. Л. 47

³ Там же. Д. 3271. Л. 47

⁴ Там же. Д. 3379. Л. 67.

⁵ Там же. Д. 3422. Л. 22.

им расстрелом»¹. Был исключен из партии заместитель начальника Коршевского райотдела милиции Молчанов за систематические пьянки и «распущенную половую жизнь»².

В Измайльской области бюро обкома приняло меры в отношении пятерых человек: «Кривченко А. Д. — инспектора Татарбунарского райгосстраха, члена ВКП(б) с 1932 г., исключен из партии за вымогательство денег у местных торговцев путем запугивания их органами НКВД; Синайский Г. С. — инженер Облავтотранспорта, кандидат в члены ВКП(б) с 1940 г., исключен из партии за жульничество, выразившееся в мошеннической покупке у немца мебели и других вещей; Конопко В. А. — инструктор обкома комсомола, кандидат в члены ВКП(б) с 1940 г., исключен из партии за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.; Перевейнос С. А. — начальник дистанции пути станции Аккерман, кандидат в члены ВКП(б) с 1938 г., исключен из партии за бытовое разложение и неискренность перед партией. По Болградскому району исключен из партии Бражников В. за хулиганство и осужден народным судом к 5-ти годам тюремного заключения»³.

Подобное пристальное внимание к поведению коммунистов было санкционировано решением ноябрьского пленума ЦК КП(б)У 1940 г., который обязал обкомы и райкомы КП(б)У западных областей УССР «лиц, виновных в искривлении директив партии и правительства и тех, кто нарушает законы советской власти, а также тех, кто грубо обращается с местным населением и своим непристойным поведением дискредитирует партийные и советские органы привлекать к суровой партийной, а в случае необходимости и к судебной ответственности, а работников, не умеющих или не желающих вести решительную борьбу с нарушителями законов советской власти, своевольных, виновных в грубом обхождении с населением и тех, кто разложился в морально-бытовом отношении, снимать с работы и заменять другими»⁴.

После пленума борьба с порочащими советскую власть явлениями велась весьма активно. Например, в Станиславской области на пленуме обкома 19–20 апреля 1941 г. было отмечено, что в 1940 г. обком КП(б)У «за различные антипартийные действия исключил из партии 25 человек. За три с половиной месяца 1941 г. — также 25 человек, из которых 16 человек привлечены к судебной ответственности и осуждены за такие

¹ Там же. Д. 3440. Л. 24.

² Там же.

³ Там же. Д. 3190. Л. 29, 36.

⁴ Там же. Д. 2962. Л. 61об.

преступления, как нарушение революционной законности, хулиганство, хищение социалистической собственности, нарушение Указов Президиума Верховного Совета СССР и др. Кроме того, за нарушение партийной и государственной дисциплины наложено 104 партийных взыскания и 27 человек сняты с работы»¹.

Обилие свидетельств о «недостойном поведении» ответственных работников, командированных в Западную Украину, свидетельствует о сложной ситуации, сложившейся в среде советской управленческой элиты к концу 1930-х годов. Действительно, на Большой Украине местные власти отнюдь не всегда хотели расставаться с теми, кто успел зарекомендовать себя с лучшей стороны, и поэтому зачастую отбор производился «по остаточному принципу». В то же время сам факт многочисленных упоминаний в партийных документах того времени случаев «антипартийных действий» со стороны чиновников, указывает на попытку украинского партийного руководства вести решительную борьбу с нарушителями правовых и моральных норм. Это было тем более необходимо, что за приехавшими на Западную Украину «восточниками» местные жители наблюдали с особым интересом: по ним судили о Советском Союзе в целом. К тому «восточники» играли важную роль в западноукраинской советской номенклатуре: именно они занимались подбором кандидатов для работы в советских и хозяйственных учреждениях из числа местного населения. Естественно, прибывшие из Большой Украины работники были «расставлены» в аппарате таким образом, чтобы в полной мере осуществлять контроль над деятельностью «выдвиженцев», заниматься их воспитанием в большевистском духе.

Критерием отбора наиболее перспективных местных кадров был отнюдь не уровень образования или квалификации (хотя и тут были исключения²), а социальная и национальная принадлежность. Вообще «выдвиженчество» оказалось далеко не простым делом, поскольку занимавшиеся этой ответственной работой товарищи не были местными уроженцами, недостаточно ориентировались в окружающей обстановке и зачастую, составляя для себя представление о той или иной кандидатуре, не учитывали всех необходимых нюансов. Особые трудности возникали при выдвижении кандидатур в местные советы: население проявляло очевидное желание повлиять на результат выборов в низовые органы

¹ Там же. Д. 3425. Л. 192а.

² Например, в Дрогобычской области директор нефтеперерабатывающего треста Охрименко принял на руководящие должности 170 бывших собственников скважин. См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 40.

власти, в отличие от выборов депутатов от западноукраинских областей в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР.

Чтобы представить трудности, с которым пришлось столкнуться партийным властям, приведем некоторые факты из жизни Дрогобычской партийной организации. Обсуждая на пленуме обкома 13–14 ноября 1940 г. вопрос о политико-массовой работе с населением в связи с выборами в местные советы депутатов, секретарь обкома по кадрам Марсин признал, что вопрос подбора и выдвижения кандидатур оказался весьма сложным. «Здесь, товарищи, мы набили исключительно много горшков»¹, – заявил Марсин. По его словам, немало кандидатур не удалось «провести» или из-за неподготовленности ответственного по выборам партийного работника, или из-за недостаточного знания самого кандидата. Например, «в Лавочнянском районе подобрали кандидатуру, и надо сказать, не плохую, но послали проводить такого человека, который завалил и потом райкому партии пришлось исправлять». В Судово-Вишнянском районе в районный Совет депутатов трудящихся выдвинули кандидатуру тов. Баранова, а на собрании крестьян эта кандидатура была отведена «по мотивам того, что он ездил в Москву и потому, что он активный». В Добромильском районе выдвинули кандидатуру тов. Калита, на собрании же крестьяне отклонили эту кандидатуру, «потому что этот человек раньше работал у помещика и доносил ему о настроениях остальных батраков». Кандидатуру же Арлотова крестьяне на собрании также отвели по той причине, что «он баллотировался в польский сейм». По Меденичскому району «отведена кандидатура потому, что этот человек не принимает участия в общественной работе». По Высоцковскому району «выдвинули человека, который неизвестно куда девался, а потом выяснилось, что он бежал за границу»². «Райкомы не изучают людей, не создают крепкого актива из числа проверенных людей»³, – сделал вывод секретарь обкома.

Несмотря на встретившиеся трудности, масштабы «выдвиженчества» были довольно заметными. Например, в Волынской области к апрелю 1940 г. на руководящую работу из местного населения были выдвинуты 5643 человека (из них 4371 украинцев): на должность председателей сельсовета – 855 чел., заместителей и секретарей – 1556 чел., руководителей колхозов – 26 чел., заместителей председателей райисполкомов – 3 чел., секретарей, заместителей и председателей городских советов – 27 чел.,

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3109. Л. 62.

²Там же.

³Там же.

на руководящую кооперативную и торговую работу – 1589 чел., директоров заводов – 29 чел., зав. больниц и амбулаторий – 23 чел., директоров школ – 330 чел.¹ В Дрогобычской области к марту 1940 г. были подобраны на руководящую работу из местного актива 2660 чел. (из них председателей сельсоветов – 787 чел.)². Во Львовской области из числа местных кадров на руководящую работу к апрелю 1940 г. были выдвинуты 6882 чел. (из них украинцев – 4909 чел.)³. В Ровенской области к апрелю 1940 г. на работу в органы советской власти были привлечены из состава местных активистов на работу заместителями председателей районных исполнительных комитетов 22 чел., заведующими отделами – 94 чел., членами сельсоветов – 8219 чел. Особо подчеркивалось, что «среди членов сельсоветов основной национальности – украинцев 7050 чел. Кроме того русских 51 чел.к, поляков 480 чел., евреев 274 чел., белорусов 44 и других 320 чел.»⁴.

В апреле 1940 г. на областной партконференции руководство Станиславской области доложило о выдвижении кадров на руководящую советскую и хозяйственную работу из местного населения: «всего 5050 чел., из них: председателей горсоветов – 7 чел., заместителей председателя горсоветов и райисполкомов – 45 чел., заведующих отделами горсоветов и райисполкомов – 169 чел., заведующих сектором облисполкома – 57 чел., председателей сельсоветов – 718 чел., заместителей председателей сельсоветов – 643 чел., председателей колхозов – 24 чел., руководителей торговых и кооперативных предприятий – 1630 чел., директоров заводов и предприятий – 131 чел., заместителей директоров заводов и предприятий – 46 чел., директоров и заместителей фабрик – 23 чел., профсоюзных работников – 113 чел., работников прокуратуры и суда 10 чел., других руководящих работников – 1421 чел»⁵. В Тернопольской области к весне 1940 г. было выдвинуто 4125 человек, «из них председателей сельсоветов 845 чел., заместителей председателей сельсоветов 826 чел., секретарями сельсоветов 826 чел., заместителями председателей райисполкомов 14 чел. В торговый аппарат 122 чел., зав. отделами райисполкомов 122 чел., инструкторами райисполкомов 42 чел., директорами предприятий 156 чел., на различную районную руководящую работу 385 чел. Кроме того выдвинуто председателями колхозов 43 чел., председателями сельских

¹ Там же. Д. 3021. Л. 39.

² Там же. Д. 3108. Л. 30.

³ Там же. Д. 3271. Л. 73.

⁴ Там же. Д. 3379. Л. 59.

⁵ Там же. Д. 3422. Л. 25.

потребительских товариществ 607 чел. и в заготовительный аппарат 118 чел.»¹.

В Черновицкой области к февралю 1941 г. рапортовали о выдвижении 13853 чел. («на советскую работу – 2564 чел., торгово-кооперативную и финансовую – 6800 чел., культурно-просветительскую, педагогическую и медицинскую – 2691 чел., промышленные кадры – 969 чел., в органы юстиции – 3153 чел.»). При этом из 2410 председателей, секретарей и членов сельсоветов украинцев было 69,6 %, молдаван – 8 %, русских – 8,5 %². В Измаильской области к февралю 1941 г. на советскую, хозяйственную и кооперативную работу было выдвинуто 2075 чел. (в областные, районные, сельские советские учреждения и организации – 617 чел., на хозяйственно-кооперативную работу – 892 чел., на педагогическую и в органы наркомздрава – 81 чел., на сельскохозяйственную – 402 чел.)³.

Таким образом, местные уроженцы выдвигались на работу в сельских и городских советах, торговых и хозяйственных организациях, а также в райисполкомах, но на уровне заместителя председателя. При этом особое внимание, судя по имеющейся статистике, уделялось выдвижению представителей «коренной национальности»: они, безусловно, преобладают среди «выдвиженцев». По-видимому, это было целенаправленной политикой, рассчитанной на повышение процента украинцев в государственном аппарате. Например, в Магеровском районе Львовской области райком партии, рассматривая вопрос «о расширении работы райсоюза и кооперативной торговли», в одном из пунктов решения записал: «Предложить ускорить укомплектование аппарата райсоюза главным образом за счет украинцев и евреев»⁴. Об этом доложил первый секретарь обкома Л. С. Ткач, рассматривавший на областной партийной конференции в апреле 1940 г. недостатки работы Магеровского райкома. Впрочем, судя по всему, предпочтительное отношение к выдвижению украинцев было делом обычным. Скорее всего, состав руководящих работников этого региона должен был отражать национальную структуру населения региона; а поскольку все восточнославянское население считалось украинским, то украинцы и должны были доминировать среди выдвиженцев.

Полякам же уделялось значительно меньше внимания при выдвижении на вакантные должности в советской и хозяйственной структурах. Любопытно, что в стенограмме Станиславской областной партконференции

¹ Там же. Д. 3470. Л. 61.

² Там же. Д. 3564. Л. 39–40.

³ Там же. Д. 3190. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 3271. Л. 39.

они причислены к «подозрительным элементам». Секретарь обкома Мищенко прямо заявил: «Мы, товарищи, имели такие организации, как Птицепром, Яйцепром и другие заготовительные организации, которые в составе аппарата имеется 75–80 % польского населения. Это в то время когда в нашей области насчитывается 75–80 % украинского населения. Конечно, мы не можем выбросить совсем польское население и не привлекать его к работе, но мы не можем терпеть такого положения, когда в перечисленных мною выше организациях, а это относится и к торгующим организациям, когда там привелирует (так в тексте – Е. Б.) в аппарате польское население. Если уж на работу принимается по национальности поляк, то надо внимательно изучить, ибо то, что вскрыли органы НКВД нам говорит о том, что в этих организациях в основном аппарате укомплектован из польского населения»¹.

Впрочем, следует признать: партийными властями была запланирована пропагандистская работа среди польского населения, хотя ее объем явно нуждался в корректировке. Утвердив 16 марта 1940 г. решение об издании в западноукраинских областях газет, Оргбюро ЦК ВКП(б) предусмотрело, в том числе, издание газеты «Czerwony Sztandar» тиражом в 30 тыс. экз². Однако литературы на польском языке не хватало. Желая усилить пропагандистскую работу среди польского населения, 8 августа 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение издать на польском языке двухтомник В. И. Ленина (50 000 экз.), произведения И. В. Сталина «Вопросы ленинизма» (50 000 экз.) и «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (20 000 экз.), биографию Сталина (50 000 экз.) и политический словарь (50 000 экз.)³. Это партийное решение было должным образом расценено на местах. Руководитель львовских коммунистов Л. С. Гришук уже в конце августа обратил на это внимание областного актива. «Я хочу довести до сведений партийного актива, что по решению ЦК КП(б) У для того, чтобы усилить работу среди местного населения увеличен тираж польской газеты «Червоний штандар» (так в тексте – Е. Б.) до 50 тыс. экз., – заявил Гришук. – Кроме того, газета будет выпускаться на 6-ти страницах. По решению ЦК ВКП(б) до 1 ноября будут выпущены «Вопросы ленинизма» на польском языке, 3-хтомник Ленина, учение Маркса, биография тов. Сталина и другие политические книжки на польском языке. Кроме того по решению ЦК ВКП(б) в г. Львове будет издаваться трижды

¹ Там же. Д. 3422. Л. 118.

² Там же. Оп. 116. Д. 30. Л. 110.

³ Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. І. 1939–1953. Київ, 1995. С. 101.

в месяц журнал на польском языке и дважды в месяц журнал на украинском языке. Каждый товарищ должен помнить, что если есть такое решение ЦК ВКП(б), разумеется, что нам требуется коренным образом изменить свое отношение к польскому населению»¹.

Если пропагандистской литературой польское население было обеспечено, то других ее видов хватало далеко не всегда. Секретарь Бирчанского райкома партии Николаенко на пленуме обкома Дрогобычской области 11–12 января 1941 г. сетовал на трудности, возникшие при проведении коллективизации. «Мы в районе имеем 14 сел, в которых преобладающее количество населения — это польское население. 7 сел имеют 100 % польского населения и 7 сел — преобладающее количество польского населения, — говорил Николаенко. — Большинство с этого населения, правда, украинский язык понимают кое-как, но читают очень слабо, а мы не имеем ни одного экземпляра Устава сельскохозяйственной артели на польском языке и это тормозит нашу работу»².

Политика «выдвижения», т.е., фактически, включение представителей местного населения в региональную управленческую элиту, должна была способствовать сокращению разрыва между управленцами и основной массой населения и пропагандировать украинскую государственность в советской форме: недаром на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1940 г. прозвучал призыв шире выдвигать местное население на руководящие посты. «Партийные организации западных областей обязаны усилить выдвижение на советскую, хозяйственную и кооперативную работу проверенных товарищей из местного населения», — говорилось в резолюции пленума³.

Требование «усилить выдвижение» было не случайным: местные уроженцы зачастую или не умели, или не хотели работать. Так, на пленуме Тернопольского обкома в мае 1941 г. была озвучена весьма неприятная статистика. В области наблюдалась большая текучесть кадров: «если взять председателей сельсоветов из 937 чел. в 1940 г. заменено 512 чел., в 1941 г. заменено уже 28 чел... По потребсистеме из 525 председателей селькооперации снято 243 чел., а в 1941 г. уже заменено 152 чел. ... По облторгу из 1176 чел. уволено 364 чел.»⁴. Неудивительно, что в данной ситуации партийным властям оставалось только призывать более тщательно следить за отбором кадров, смелее выдвигать наиболее надежных из них и,

¹РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3286. Л. 109–110.

²Там же. Д. 3110. Л. 69.

³Там же. Д. 2962. Л. 63.

⁴Там же. Д. 3474. Л. 86–87.

в то же время, оказывать пристальное внимание их воспитанию. Например, в резолюции партактива Волинской области (май 1940 г.), говорилось об «обязанности каждого коммуниста-руководителя следить за работой выдвинутых товарищей, заботиться об их идеологическом росте, помогать им овладевать искусством большевистского руководства»¹.

Таким образом, работа над созданием «крепкого актива из проверенных людей» велась в западноукраинских областях весьма интенсивно, хотя не всегда столь успешно, как того хотели партийные власти. Образцовыми считались случаи активной работы бывших бедняков в новых органах власти, на посту руководителей предприятий и колхозов. В отчетных докладах областных парторганизаций обязательно содержались сведения о бывших батраках и рабочих, успешно работавших теперь на благо советской власти. Например, на первой партконференции Тернопольской области И. Д. Компанец рассказывал о том, что в «Тернополе директором лакокрасочного завода работает бывший рабочий Минчанский, со своей работой справляется. В Ново-Сельском районе председателем сельсовета села Кошняки работает тов. Дидкун Степан – бедняк. Не обращая внимания на анонимные письма с угрозами, он активно работает, принял активное участие в организации колхоза. Хорошо работает председатель Лисичанского сельсовета тов. Рогач, активно борется с врагами, выявляя националистов. В Борщевском районе заведующим заготконторы райпотребсоюза работает тов. Продан, который добился выполнения мясозакупок на 131 %, молокозакупок на 100 %, кожи на 114 %. Во время выборов тов. Продан активно работал агитатором»².

На первой Львовской областной партконференции Л. С. Гришук также отметил работу нескольких выдвиженцев: бывшего развозчика пива Кармазина, который стал заместителем председателя Львовского городского совета и был выбран депутатом Верховного Совета УССР, крестьянина-бедняка Рихву, ставшего председателем сельсовета, депутатом Верховного Совета УССР, а также бывшей батрачки Перепелицы – депутата Верховного Совета СССР³.

Предметом особой гордости для партийных властей было участие населения в борьбе с «контрреволюционными элементами». Например, глава Дрогобычского обкома Я. М. Ткач на областной партконференции не преминул доложить, что в селе Яворы Высоцковского района

¹ Там же. Д. 3037. Л. 36.

² Там же. Д. 3470. Л. 61–62.

³ Там же. Д. 3271. Л. 31.

председатель сельсовета Туркевич «вместе с группой бедняков задержал четырех вооруженных шпионов во главе с польским генералом. В селе Матково этого же района с помощью местных крестьян и инструктора РПК тов. Джаломаги органы НКВД задержали трех польских офицеров»¹. Начальник погранвойск НКВД Петров докладывал на Львовской областной партийной конференции 23–24 апреля 1940 г., что «за период с 15 октября по сегодняшний день при помощи местного населения и самим местным населением задержано 698 чел. нарушителей». Так, «14-летний подросток с хутора Ушки-Стоянский (так в тексте – Е. Б.) задержал 3-х очень важных нарушителей. Он премирован велосипедом и 200 рублями. Трое жителей села Вороново: 55-тилетний мужчина и братья Курило задержали важного человека; житель города, Розенберг, который сейчас работает в кооперативе, помог в задержании 37 человек. Павлинец сам задержал 18 человек. Житель Руппо – сторож – 7 раз задерживал нарушителей границы и два раза уведомлял нас о появлении нарушителей»². Впрочем, подобных примеров в материалах западноукраинских обкомов сохранилось немного.

Одним из важнейших сторон процесса становления на Западной Украине новой управленческой элиты являются взаимоотношения прибывших из восточных областей работников с местным населением. На бытовом уровне эти две стороны «приглядывались» друг к другу. Тесным взаимоотношениям на данном этапе трудно было сложиться, поскольку большая часть «восточников» была занята на ответственной партийной и советской работе и, следовательно, отношения между ними и широкими слоями населения фактически обуславливались рамками дихотомии «элита – массы». Местное население неизбежно проявляло повышенное внимание к поведению приехавших из Большой Украины управленцев, а случаи «морального разложения» коммунистов отрицательно сказывались на общем имидже советской власти. Один из коммунистов в Тернопольской области уже в августе 1940 г. с сожалением констатировал: «Попробуйте проехать по какой-нибудь деревне или селу и у вас что-нибудь случится с машиной. Разве население поможет вам так, как оно помогало с первых дней нашего пребывания здесь. Нет. Раньше бывало, только услышат гудок машины, сейчас же бегут люди со всех сторон села, здороваются, снимают шапки, а сейчас ничего подобного. Что же вы думаете, что крестьянство и рабочий класс не уважают советскую власть. Нет. Ничего подобного,

¹ Там же. Д. 3108. Л. 30.

² Там же. Д. 3271. Л. 147–148.

уважают, а это только потому, что большую антисоветскую работу ведет классовый враг»¹.

Общий язык с местным населением удавалось найти далеко не всегда. Воспитанные советской властью товарищи с удивлением обнаруживали, что внушенные им представления о Западной Украине не всегда соответствовали действительности. Так, командир взвода разведки 274-го тяжелого корпусного артиллерийского полка П. Горелик вспоминал: «Я думал, что еду в какую-то глушь, — Польша представлялась мне страной на обочине Европы, а Западная Украина — захолустьем Польши. Но Львов оказался городом европейским. Мы знали свои провинциальные города, с пустыми полками магазинов и очередями, идеологически поддутым энтузиазмом и серыми однообразными лозунгами, вроде «5» в «4», навевавшими скуку на каждом перекрестке. Львов же, несмотря на военное положение, выглядел веселым и преуспевающим. Изобилие товаров и улыбок, несмолкаемость «шума городского» — все это поразило нас в те дни раннего бабьего лета»². Особенно поражали не только людные улицы («улицы были полны с утра до поздней ночи»), но и магазинные прилавки. Как вспоминал Горелик, «на прилегавших к центру улочках, в маленьких лавчонках, ломившихся от мануфактуры, обуви, парфюмерии и косметики, наши солдаты и командиры сметали все подряд... Полки мгновенно пустели, но вскоре наполнялись снова... На толкучем рынке за оперным театром продавалось все»³.

Таким образом, налаживанию взаимных контактов мешало не отсутствие знания украинского языка прибывших с востока украинских кадров, как об этом пишут в украинские историки⁴, а несоответствие полученных представлений о Западной Украине реальности. Львов заставил П. Горелика усомниться в «нашей пропаганде, твердившей: на Западной Украине коренная нация — украинцы, а поляки их угнетатели. Какие поляки, спрашивал я себя: поляки — крестьяне, поляки — рабочие, поляки — учителя и врачи?»⁵ Украинский язык Горелик, бывший курсант Одесского артиллерийского училища, знал, и как раз «знание украинского

¹ Там же. Д. 3489. Л. 159

² Горелик П. Из книги воспоминаний «Дружба и служба» // Звезда. 2002. № 5. Текст доступен в Интернете. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/5/goreli.html> Время доступа: 30.10.2009

³ Там же.

⁴ См. Гриневич В. А. Суспільно-політичні настрої населення України в роки другої світової війни (1939–1945 рр.). Київ, 2007. С. 202.

⁵ Горелик П. Указ. соч.

языка помогало понять польский»¹. Правда, даже с украинским языком, вернее, с литературой на этом языке, иногда возникали проблемы. Политработники 72-й стрелковой дивизии, расположенной в г. Болехов, с удивлением отмечали, как на одном из собраний «учитель Лимак в своем выступлении сказал, что украинская часть учительства плохо знает украинский язык, он сказал, что когда он (Лимак — Е. Б.) прочел брошюру М. Бажана так увидел, что литературного украинского языка не знает» и даже попросил для учителей «создать сеть кратковременных курсов для изучения украинского языка»².

Взаимопониманию мешали не только стереотипные представления о жизни в капиталистической Польше, не только культурные различия, но и чисто бытовые трудности, с которыми пришлось столкнуться «восточникам», в том числе, и пресловутый «квартирный вопрос». Очень часто на партийных форумах звучали жалобы на отсутствие нормального жилья для приехавших из восточных областей работников. Причем это касалось как партийных функционеров, так и других категорий командированных. В Гусятинском районе Тернопольской области четверо партийных работников написали в ЦК КП(б)У, что они «совершенно не имеют квартир ... райком партии никаких мер не принял, только ответил, что квартир нет...» Такое же положение было и в Катербургском районе, там работники также написали коллективное заявление, что «им не созданы условия для работы, не обеспечили квартирами»³.

В Тернопольской области на заседании областного партактива 23 мая 1940 г. некий товарищ Кисломед обращал внимание на то, что «у нас в г. Тарнополе положение с жилфондом очень тяжелое. ... Мы сейчас, буквально, задыхаемся, не можем предоставить работникам даже комнату, чтобы человек жил в нормальных условиях. Железнодорожный узел, по решению НКПС расширяется, а мы прибывающих железнодорожников с семьями не можем обеспечить жильем. ... Вопрос этот может быть разрешен лишь в том случае, если хоть немного подбросят средств, чтобы имеющиеся в городе полуразрушенные дома восстановить»⁴.

Плохая обеспеченность жильем прибывших на работу на Западную Украину товарищей приводила к появлению претензий к местному населению: конечно, тем его представителям, которые находились в несравнимо лучших условиях. Весьма показательны в данном отношении жалобы

¹ Там же.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 77.

³ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3472. Л. 36.

⁴ Там же. Д. 3489. Л. 43.

военнослужащих Львовской области. На областном партийном активе в августе 1940 г. летчик Ушкарров негодовал: «Многие из нашего командного состава нуждаются в квартирах. ... Надо учесть, что наш командный состав больше двух лет не был в семье. ... У нас ксендзы занимают по 7 комнат. Я уже просил членов правительства, чтобы использовать это. Если нет у нас законов в Советском Союзе, то для наших областей можно его здесь применить. Духовенство, какие-то научные работники занимают по 7 комнат, а наши же летчики, командиры живут по несколько месяцев на сырой земле в лагерях»¹.

В Тернопольской области возмущение одного из представителей партийного актива вызвало решение прокуратуры возратить жилье бывшему собственнику. «Одному нашему командиру был выписан ордер на квартиру, — рассказывал некто Слижевский. — Он эту квартиру занял. Там раньше жил какой-то офицер или жандарм, который удрал. Оказывается, что, набравшись смелости, этот жандарм приезжает обратно, просит командира квартиру освободить, приносит ему бумажку о том, что он должен квартиру освободить, как незаконно занятую. Эта бумажка подписана прокурором. Спрашивается — кто дороже — командир или жандарм. (С места: дороже всего закон.) Не надо так ставить вопрос, чтобы семьи командного состава вывозить в села за 3–4 км. Надо сделать все, чтобы командир, все что может, отдал на воспитание кадров, но для этого надо ему создать условия»².

Оказавшиеся в непривычных условиях, командированные партработники и специалисты далеко не всегда оказались способными наладить тесный повседневный, не касающийся работы, контакт с местным населением. В той же Дрогобычской области в марте 1940 г. на партконференции в одном из выступлений (некоего Попова) с горечью прозвучало: «Несколько слов о взаимоотношениях с местным населением. В этом отношении недостаток выражается в том, что отдельные коммунисты чуждаются местных граждан, образуют искусственную грацию (так в тексте — Е. Б.). Есть факты, которые свидетельствуют о выше сказанном. Ведь где бы Вы ни были — в театре, в клубе вы всегда можете наблюдать, когда наши товарищи стараются разговаривать только с товарищами, приехавшими с восточных областей, с местным же населением вовсе не желают разговаривать»³.

¹ Там же. Д. 3286. Л. 82–83.

² Там же. Д. 3489. Л. 141.

³ Там же. Д. 3108. Л. 61–62.

В сложившейся ситуации важное значение в установлении контактов с местным населением приобретали собрания и митинги, повсеместно проводившиеся на Западной Украине. Конечно, зачастую партийные работники подходили к пропагандистской работе в соответствии с усвоенными в Советском Союзе шаблонами, не учитывая местных особенностей, в частности, религиозности местного населения. Например, в Дрогобычской области «партприкрепленный Перегорода в селе, после того, как закончилась служба в церкви, решил удержать крестьян и провести собрание по организации колхоза. Вынес патефон, поместив его около выхода из церкви, и только закончилась служба, заиграл патефон. Какие, думаете, были последствия? Чуть крестьяне не убили его»¹.

Иногда налаживанию контактов мешала излишняя откровенность. Во Львовской области секретарь райкома комсомола Донченко, который был отпущен домой за своей женой, «зашел до хлебного торговца и купил у него четыре буханки. Когда торговец у него спросил, зачем ему сразу четыре буханки, тот ответил: «Я получил от жены письмо, в котором она пишет, что там хлеба нет, а если и дают, то не больше 300 граммов на семью — вот я и везу ей хлеба»².

Впрочем, были случаи откровенности и иного рода. В Дрогобычской области в Судово-Вишнянском районе в селе Дмитривичах проводилось собрание крестьян, на котором райкомовское начальство докладывало о результатах работы областного совещания передовиков сельского хозяйства. Анатолию Голикову, пропагандисту райкома партии, на этом собрании задали вопрос: «А что будут кулаков принимать в колхозы?» На это Голиков ответил, что «в соответствии с Уставом, их в колхоз принимать не будут». Последовал новый вопрос: «А что с кулаками будут делать?» Голиков ответил: «У нас в восточных областях, для тех, кто не хотели идти в колхоз, мы нашли место. Вот тов. Злидник был в Москве и видел канал Москва—Волга, а кто его выкопал? Кулаки. Мы еще найдем и другой канал копать для тех, кто будет идти против колхоза. У нас в СССР в Сибири лесов много, и их рубить будут те, кто активно будут выступать против колхозов, третья же часть получила по 25 грамм, а знаете, что такое 25 грамм? Это пуля»³.

Довольно точная оценка пропагандистской работе была дана на Дрогобычской областной партийной конференции 27–28 марта 1940 г.: «...очень

¹ Там же. Д. 3111. Л. 58.

² Там же. Д. 3271. Л. 39.

³ Там же. Д. 3120. Л. 11.

часто наши работники подходят к разъяснению вопроса с меркой восточных областей, не учитывая того, что эти товарищи – рабочие, крестьяне, интеллигенция многого не знают того, что нам известно. ...Ослабление нашей политической работы среди населения может использовать всякого рода националистические элементы против советской власти. Нужно учесть, что среди рабочих, крестьян, интеллигенции немало врагов, которые, используя это, могут агитировать против установленных законов советской власти (последняя фраза в документе подчеркнута и на полях поставлен знак вопроса – Е. Б.). ...Мы допускаем в своей работе ряд ошибок, а потому и получается, что какой-то ксендз имеет большое влияние на народ, нежели мы»¹.

Конечно, не все пропагандисты допускали такого рода ошибки, но подобных случаев было не мало. Чтобы избежать их повторения, просчеты в пропагандистской работе подробно разбирались на партийных форумах. В целях повышения эффективности пропаганды, на Западной Украине в ряды пропагандистов и агитаторов привлекались местные активисты. Например, докладывая о достижениях Львовской парторганизации на ее первой партконференции, Л. С. Гришук привел следующие цифры: «Уже в октябре 1939 г. было 14 847 агитаторов, подобранных из числа лучших рабочих, крестьян и интеллигенции. А в марте этого года (в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР, которые состоялись 24 марта 1940 г. – Е. Б.) в области работало 25 330 агитаторов, объединенных в 1041 агитколлектив»². В Станиславской области во время подготовки к выборам 20 100 агитаторов были из местного населения³. В Волынской области в период подготовки к выборам работали 13 747 агитаторов⁴, а в Дрогобычской области в активную работу по подготовке и проведению выборов было вовлечено 32 676 человек (агитаторы, доверенные лица, члены выборных комиссии и т.д.)⁵.

Итак, одним из направлений советизации Западной Украины было создание управленческой элиты, составной частью которой должны были стать местные «выдвиженцы». Политика «выдвижения» призвана была создать среди местного населения, прежде всего украинцев, слой новых «служилых людей», лояльных верховной власти и безупречных исполнителей, что было особенно важно в условиях функционирования

¹ Там же. Д. 3108. Л. 46–47.

² Там же. Д. 3271. Л. 59.

³ Там же. Д. 3422. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 3025. л. 31.

⁵ Там же. Д. 3108. Л. 29.

советской властной структуры, когда выработка наиболее важных решений оставалась прерогативой верховной власти, а полномочия местного начальства ограничивались экономико-хозяйственными функциями. Видимо, в то же время подобная политика должна была сократить разрыв между элитой и массой, обеспечивая видимость открытости механизма рекрутирования местных уроженцев в советскую номенклатуру. При этом следует учитывать, что население в своем общении с властью сталкивалось, прежде всего, с местным, а не с высшим начальством. Строгие принципы отбора кандидатов, своеобразное распределение позиций во вновь образующейся на Западной Украине структуре власти между «пришлыми» и «местными», должно было обеспечить управляемость местной управленческой средой, не допуская появления каких-либо групп в рамках единой номенклатурной элиты.

Определенную часть населения удавалось привлечь на свою сторону. Находились среди местного населения даже сторонники поимки шпионов и нарушителей границы. Однако бывали и явные просчеты в пропагандистской работе, связанные как с незнанием местных особенностей, так и недостаточной подготовленностью присланных из восточных областей работников, что сказывалось на имидже советской власти. Несмотря на все допущенные ошибки, начало политике рекрутирования местного населения в советскую номенклатуру было положено, хотя говорить о завершенности процесса, конечно, не приходится.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В 1939–1941 ГОДАХ

Участие Красной армии в событиях, происходивших в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг., в историографии традиционно сводится к освободительному походу и решению военно-стратегических задач¹. Проблемы взаимодействия ее с местным населением чаще ограничиваются встречами, первыми взаимными впечатлениями и выборами в Народное собрание 22 октября 1939 г.² Вместе с тем в 1939 г. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины армия использовалась как инструмент не столько военной, сколько политической борьбы. Влияние ее на организацию жизни и быт местного населения не стало кратковременным, а приобрело постоянный характер. По мере увеличения численности армейских подразделений и расширения оборонных задач

¹ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941: документы, факты, суждения. М., 2000; Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009; Ладысей У. Ваенная падзеі верасня 1939 года ў лёсе беларускага народа // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 3. С. 3–11; Невежин В. А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х гг. М., 2007; Осьмачко С. Г. Красная Армия в военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999; Репко С. И. Организация пропагандистской деятельности Красной армией в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. М. 1993. – С. 47–59; Agresja sowiecka na Polskę w świetle dokumentów 17 września 1939: działania wojsk Frontu Białoruskiego. Warszawa, 1994; Grzelak Cz. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998.

² Wierzbicki M. Ludność białoruska i polska wobec Armii Czerwonej po 17 września 1939 r. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 11. S. 148–164; Wierzbicki M. Polacy i Białorusini w Zaborze Sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 2000; Grzelak Cz. Rola Armii Czerwonej w wyborach na zajętych terytorium Polski północno-wschodniej w 1939 r. // Polska i jej wschodni sąsiedzi w XX wieku : studia i materiały. Białystok, 2004. S. 247–261; Bereza T. Obraz czerwonoarmisty na okupowanych ziemiach polskich (1939–1941) w dokumentach, wspomnieniach, relacjach // Okupacja sowiecka ziem polskich. Rzeszów-Warszawa, 2005. S. 13–16. Бригадина О. В. События сентября 1939 г. в восприятии жителей Западной Белоруссии // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2000. С. 169–175;

появлялись новые плоскости взаимодействия военных и жителей Западной Белоруссии.

В настоящей работе из всего комплекса проблем, объединяющих взаимоотношения армии и населения в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг., в качестве объекта исследования выбраны два блока: 1) агитационно-пропагандистская деятельность военнослужащих, влияние армии на формирование новых характеристик социальной, трудовой активности и быта местных жителей; 2) взаимодействие армии и населения в ходе выполнения организационно-управленческих функций Рабоче-крестьянской красной армии (РККА), связанных с установлением органов новой власти и поддержанием порядка на присоединенных территориях.

Особенности агитационно-пропагандистской деятельности Красной армии определялись идеологической подоплекой похода, предпринятого осенью 1939 г., армейскими ресурсами, а также этническими, социальными и интеллектуальными параметрами населения Западной Белоруссии.

В исторической литературе утвердилось мнение, что пропагандистская кампания готовилась заранее¹. Основными аргументами, выдвигаемыми в поддержку этого тезиса, являются создание за 12 дней до похода в Политуправлении (ПУ) Белорусского фронта (БФ) отделов по работе среди населения, увеличение на 60 % тиража газеты Белорусского особого военного округа (с 80 тысяч до 130 тысяч экземпляров), организация новых газет, рассчитанных на местное население.

Однако столь краткую подготовку едва ли можно причислить к факторам успеха пропагандистской кампании. Тем более, что адекватных представлений как о гражданском населении, так и о противнике у политорганов РККА не было. Во время похода выяснилось, что военнослужащие польской армии, для которых были доступны советские военные газеты и журналы, оказались осведомлены о Красной армии значительно лучше. Если каждый капитан Войска Польского читал «Красную звезду», то в СССР даже Политуправление округа не имело изданий польского генштаба². Не было в Красной армии и достаточных материалов о Польше, жизни и обычаях ее населения. Задача изучения системы пропаганды противника впервые была поставлена перед военными советами и политуправлениями фронтов главой ПУ РККА З. Л. Мехлисом именно во время польской кампании³. Механизм практического

¹ Невежин В. «Если завтра в поход...». С. 164; Рубцов Ю. В. Мехлис. Тень Вождя. М., 2007. С. 206; Репко С. И. Указ.соч. С. 47.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.9. Оп. 29.Д. 505.Л.695.

³ Рубцов Ю. В. Указ. соч. С. 207.

осуществления пропагандистских акций складывался уже во время похода. Запоздалое начало подготовки к пропагандистским действиям привело к тому, что в первое время политорганы испытывали острый недостаток в литературе об СССР, которую можно было бы раздать населению. Не было плакатов, лозунгов, не хватало даже портретов вождей¹.

Тем не менее, в сентябре 1939 г. на население Западной Белоруссии была обрушена вся мощь армейской пропаганды, центральное место в которой занимала печать. Организация новых газет, специально рассчитанных на местное население, началась на Больших учебных сборах (БУС). Приказом наркома обороны от 9 сентября ПУ БФ «обязывалось организовать в поезде-типографии» издание фронтовых газет «Красноармейская, правда» на русском языке (тираж 100 тыс. экз.), «Белорусская звезда» на белорусском языке (30 тыс.), «Голос солдата» на польском языке (15 тыс.). Новые газеты как на русском, так и белорусском языках должны были создать в походных типографиях и армейские группы². О значении, которое придавало политическое руководство Страны Советов печати для населения в иерархии армейских задач, свидетельствует Приказ № 01 Военного Совета (ВС) Белорусского фронта (БФ) от 16 сентября 1939 г., где создание типографий с целью «поставить газету» было обозначено как «второе дело» политорганов после организации Временных управлений на занятой территории³. Выполнение указаний реализовывалось по мере развертывания фронта и формирования новых соединений. В частности, 16 сентября 1939 г. вышел первый номер «Красноармейской правды», 17 сентября – газеты 11-й армии «Знамя советов» (редактор Мельянцева), а 19 сентября – газеты 10-й армии «За советскую родину» (редактор Ревунов). Способы и эффективность организации печати Белорусского фронта варьировались в зависимости от армейских групп. Например, редакция газеты «Знамя советов» 11-й армии сумела в течение четырех дней оборудовать походную типографию на 10 автомашинах, а все номера газеты 4-й армии «Часовой родины» (редактор Фадеев) печатались в походе исключительно в местных стационарных типографиях⁴.

В целом в действующих частях Белорусского фронта выпускалось 48 дивизионных и бригадных газет, 8 армейских, 3 фронтовых, не считая

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 715.

² «Беларуская нацыя: узяджанне. Вераснь 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дакументаў і матэрыялаў. Мінск, 2004. С. 48.

³ Там же. С. 50.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 658, 676, 678, 682.

тысяч боевых листовок, миллионов экземпляров листовок. В частности, типографии БФ в ходе кампании выпустили 13 листовок и брошюр тиражом 6 млн 610 тыс. экземпляров исключительно для местного населения¹.

В итоге именно с помощью армейской печати удавалось восполнить пробелы в агитационных материалах. Несмотря на то, что ежедневно из Минска отправлялось свыше 100 тысяч экземпляров московских и белорусских газет, в условиях информационного вакуума и радикальных общественных изменений жители Западной Белоруссии испытывали недостаток печатной продукции². К тому же армейские газеты оказались более оперативным информатором, печатая обширные сводки ТАСС, поскольку центральные газеты запаздывали на 4–5 дней³.

Освободительно-объединительная парадигма похода детерминировала ведение печатной пропаганды на языке местного населения. Таким языком, по мнению партийного руководства, однозначно был признан белорусский язык. По сценарию, «человек с ружьем» должен был дать белорусскому крестьянину газету с речами И. В. Сталина, стихами Я. Купалы и Я. Коласа на его родном языке.

Листовка «Браты Беларусы» за подписью командующего БФ М. П. Ковалева, выпущенная тиражом 1 млн экземпляров и сброшенная в день перехода границы Красной армией, апеллировала к тому, что поляки «не признают Вашего языка, насильственно ополячивают белорусов, закрыли все белорусские школы, этим самым лишили Ваших детей права учиться на своем родном языке»⁴. По национальному признаку (солдаты-белорусы и офицеры-поляки) советская пропаганда стремилась разложить и польскую армию. Белорусы, по сути, оказались единственной этнической группой, на которую ориентировалась советская агитация. Не случайно, например, крестьяне деревни Бородин говорили полякам: «Освобождение должно быть только для белорусов»⁵.

В соответствии с таким подходом на белорусском языке было сформировано 6 новых дивизионных, 4 армейских и 1 фронтовая газета («Беларуская звязда»). Первой, из армейских газет 18 сентября стала выходить «Звязда» 11-й армии, а последней, 2 октября — «Вольная праца»

¹ Там же. Л. 655, 685, 694.

² Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Мінск, 1999. С. 180; «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. — 1941 г. Мінск, 2009. С. 17.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 672.

⁴ Назаўсёды разам... С. 13.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 57.

10-й армии¹. Тираж армейских газет на белорусском языке был определен в 15 тыс. экземпляров².

Белорусскоязычные газеты были полностью ориентированы на местное население и издавались исключительно в пропагандистских целях. Они публиковали материалы о Восточной Белоруссии, Красной армии, советских вождях, национальной политике в СССР, истории борьбы белорусского народа с польскими панами и т.д. Распространялись брошюры художественного и исторического содержания: «Шлях да першанства», «Анастасія Міцкевіч», «Ільноцарабільшкі», «Афанасій Хомчанка», «Майстры сацыялістычнага земляробства», «Заходняя Беларусь» «У цісках польскіх панюў», «Совецкая Беларусь». На белорусском языке печатались и агитационные лозунги³.

От издания этих листовок, брошюр и газет ожидался большой политический эффект. Однако, как выяснилось, многие белорусы, особенно молодежь, читать на белорусском языке не умели⁴, поскольку более 70 % населения, идентифицируемого как белорусы, были неграмотными. В среде местного населения газеты и книги на белорусском языке и во время похода, и позже популярностью не пользовались. Например, из-за незнания населением белорусского языка за 20 дней ноября 1939 г. по Кобринскому уезду осталось нереализованными 76 тыс. из 102 тыс. присланных газет, а по Брестскому – 55 тыс. из 212 тыс.⁵ Из Домачевского РК КП(б) в октябре 1940 г. шли жалобы на то, что облпотребсоюз засылает «неходовые товары, как-то белорусскую литературу...»⁶. А в отчете ПУ БФ даже было заявлено, что «белорусы впервые услышали и заговорили на своем языке». Данную ситуацию политработники объясняли насильственной полонизацией и преодолевали путем громкого чтения газет населению. Для этой цели среди бойцов специально подбирались чтецы, которые вслух зачитывали доклады, газеты, рассказы⁷.

Пропаганда на польском языке, на фоне системы белорусскоязычной агитации, выглядела невыразительно. Правда, была сформирована фронтальная газета «Głos Żołnierza» («Голос солдата», ред. Казимирский).

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 654, 679, 680.

² Беларуская нацыя: уз'яднанне... С. 48

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 681, 693; Оп. 36. Д. 3572. Л. 97.

⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 680.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 250. Л. 4.

⁶ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1п. Оп. 16. Д. 17. Л. 4.

⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 650, 680, 685.

Причем в ночь с 16 на 17 сентября она уже имела готовый выпуск, который был разбросан самолетами над территорией, занятой польскими войсками. Однако до 21 октября было выпущено всего 11 номеров газеты, сравнительно небольшим тиражом: 165 тыс. экземпляров¹. Такие количественные параметры соответствовали скорее уровню не фронтовой, а бригадной газеты. К тому же в газете «Głos Żołnierza» было много ошибок, над которыми смеялись поляки. Причины слабости печатной пропаганды на польском языке заключались, прежде всего, в дефиците кадров. Политорганы, убежденные в том, что «польские народы отравлены национализмом» сразу же ощутили острый дефицит людей, владеющих польским языком². В частях Красной армии их практически не было. Все военнослужащие-члены ВКП(б), имеющие национальности зарубежных государств, были взяты на учет еще в 1938 г.³ Присутствие многих из них в армии в условиях надвигающейся войны было нежелательным. Кроме того, советское руководство не искало поддержки польского населения. Поляки были отнесены к разряду врагов. Так, Приказ № 01 ВС БФ еще ставил задачу помощи освобождения трудящихся от эксплуататоров в целом. Но уже Приказ № 05, датированный тем же 16 сентября, конкретизировал национальную принадлежность поработителей – польские помещики и капиталисты⁴. Проведенный С. И. Репко контент-анализ текстов 11 листовок, изданных в период наступления (17–24 сентября 1939 г.) показал, что среди 50 призывов наиболее часто использовались темы, призванные дискредитировать правительство Польши (22 %). На втором месте находились материалы, целью которых являлось возбуждение антипольских настроений и чувства уязвленного национального достоинства (10 %), обвинявшие поляков в национальном притеснении белорусов и в том, что «поляки эксплуатируют вас»⁵.

Первые 6 номеров газеты «Głos Żołnierza» распространялись в большей степени среди пленных, в значительно меньшей – среди местного населения. На польском языке были опубликованы речь Молотова от 17 сентября, приказ командующего войсками Белорусского фронта от 19 сентября, три листовки, передовая «Правды» за 30 сентября и договоры с Германией и Эстонией⁶. Эта пропагандистская продукция

¹ Там же. Л. 683–684.

² Там же. Оп. 36. Д. 3574. Л. 421; Д. 3575. Л. 83, 239.

³ Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 714; Д. 541. Л. 239

⁴ Беларуская нацыя: узяджанне... С. 50, 52.

⁵ Репко С. И. Указ.соч. С. 51

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 683, 694.

также в основном была нацелена на солдат польской армии и достаточно успешно выполняла свою задачу. В частности, советские пограничники доносили: «Отмечается большой интерес со стороны военнопленных к нашей печати»¹. Следовательно, несмотря на лозунги национального равноправия, польскоязычная пресса была нацелена лишь на дезорганизацию и разоружение польской армии. В целом польские струны в советской пропаганде до лета 1940 г. затрагивались крайне редко.

Поскольку поход и последовавшие избирательные кампании проходили под лозунгами освобождения братьев-белорусов, национальные особенности районов не принимались во внимание. Наличие польского населения на территории Западной Белоруссии не вписывалось в сценарий освобождения, утверждалось, что все этнические польские территории остались за пределами СССР. 21 октября 1939 г. выпуск газеты «Głos Żołnierza» был прекращен, но военные участвовали в формировании базы советской печати на занятых территориях. В Белостоке были поставлены под контроль 14 типографий, изъята бумага и 26 сентября 1939 г. вышел первый номер газеты «Wyzwoleny Białystok». Так как переводчиков, которым можно было бы доверять, не нашли, все статьи, за исключением одной, опубликовали на белорусском языке². Как сообщалось в докладной записке председателя правления союза советских писателей Лынькова 15 декабря 1939 г., «Польская газета «Вывольнены Бялысток» — это только дублировка русской газеты и самостоятельного материала не помещает, польского сектора в Белгизе нет»³. Несмотря на то, что тираж этой областной газеты составлял 25 тыс. экземпляров, из-за недостатка мощностей типографий выпускалось только 10–12 тыс. экземпляров⁴. В отношении органов печатной информации последовательно проводился курс на белорусизацию. С 1 декабря 1939 г. газетой Белостокской области был утвержден «Свободный труд» на белорусском языке⁵.

Однако в польскоязычных районах возникли особенные трудности с белорусским языком. Впоследствии из-за отсутствия кадров со знанием польского и белорусского языков, а также абсолютного неприятия польским населением белорусского языка Ломжинскому, Граевскому,

¹ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: сборник документов и материалов. М.: Наука, 1970. С. 266.

² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 232; Д. 3575. Л. 80.

³ Назаўсёды разам... С. 203.

⁴ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 222. Л. 124.

⁵ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 63.

Лепскому, Августовскому райкомам было разрешено издание местных гражданских газет на русском языке¹. Истинная потребность в прессе на польском языке выяснилась позже, когда с середины 1940 г. изменилась политика в отношении поляков в СССР. Весной 1940 г. Белостокскому обкому ВКП(б) было разрешено из общего тиража 20 тыс. экземпляров газеты «Свободный труд» 5 тыс. печатать на польском языке. Возникла необходимость увеличения на 10 000 экземпляров тиража созданной осенью 1940 г. республиканской газеты «Sztandar Wolności» («Знамя свободы»), так как он не удовлетворял запросы подписчиков². При этом из 37 000 подписчиков только 1 200 проживали в Восточной Белоруссии, остальные – в западных областях: Белостокской (15 807), Барановической (6 743), Брестской (5 000), Вилейской (6 749), Пинской (1 640)³. В итоге ЦК КП(б) с 20 сентября 1940 г. вынужден был утвердить тираж этой газеты в 60 тыс. экземпляров при выпуске 312 экземпляров в год⁴.

Нельзя согласиться с мнением польского исследователя М. Гнатовского в том, что советская власть специально искала поддержки еврейского населения⁵. Практика РККА свидетельствует об обратном. Ни на языке евреев, ни на языке литовцев пропаганда силами армии не велась. Хотя до прихода РККА только в Белостоке выходили две смешанных газеты на еврейском и польском языках, до 1941 г. в Западной Белоруссии не было ни еврейской ежедневной газеты (только еженедельная), ни своего литературного журнала, а республиканская газета «Октябрь» из-за недостаточного тиража рассылалась лишь в учреждения, хотя значительная часть еврейского населения не знала русского и белорусского языков⁶.

Вместе с тем видимость национального равноправия в ходе освободительного похода поддерживалась: в соответствии с предписаниями на митингах пели интернационал на четырех языках: русском, белорусском, польском и идиш. И выступающих подбирали по такому же языковому принципу. Ежедневно из Минска в Западную Белоруссию отправлялось свыше 100 тыс. экземпляров московских и минских газет

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 222. Л. 125; Д. 201. Л. 100.

²«Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 152, 183.

³Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 411. Оп. 1. Д. 16870. Л. 11.

⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 207. Л. 2.

⁵Gnatowski M. «Śasiedzi» w sowieckim raju. Rejon edwabiński pod radziecką władzą. Łomża, [b.g.]. S. 275.

⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 222. Л. 123; «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 222–223

на четырех языках¹. Подобный подход должен был олицетворять дружбу народов и решение в СССР национального вопроса.

Ориентацию армейской пропаганды на белорусское крестьянство доказывает и другая ее особенность: агитаторами выступали не только политработники, но и масса военнослужащих, не имевших ни опыта, ни специальной подготовки. При этом основным звеном пропагандистской деятельности был признан «красноармеец-колхозник», который, по словам первого секретаря ЦК КПБ(Б) П. К. Пономаренко не лез в «высокую политику, не понятную для местного населения»² и, следовательно, был более близок к той группе населения, которая должна была составить социальную базу нового режима.

Пропагандистские задачи «освободительного похода» соответствовали уровню образования, мировоззрению и настроению значительной части красноармейцев. Еще на этапе БУС было произведено «изъятие» лиц, открыто выражавших антисоветские и антиколхозные настроения, религиозные убеждения, сомнения в правильности советской внешней политики.

С мест доносили: «Агитаторами выступают все бойцы и командиры. Своими знаниями поражают и военнопленных и буржуазию». Действительно, уровень грамотности красноармейцев позволял превратить РККА в массовый агитационный коллектив. Призывники 1918–1919 гг. рождения по Полесской области имели 100 %-ную грамотность, по Смоленской – 98 %-ную. Если в 1938 г. в войсках БОВО лица с высшим образованием составляли 6 %, то в 1939 г. – уже 39,9 %, а со средним и неполным средним – 50 %³. Полковые школы младших командиров БОВО в 1940 г. укомплектовали лицами со средним или незаконченным средним образованием, что явилось предметом особой гордости, так как в царской армии даже офицеры были в основном с незаконченным средним образованием.

Примитивная, не рассчитанная на дискуссию, однообразная, оптимистическая агитация, построенная на двух тезисах (тяжелая и мрачная жизнь в Польше и светлое будущее в СССР), вполне отвечала духу момента и чрезвычайно высоким темпам смены событий в сентябре 1939 г. П. К. Пономаренко вспоминал: «Был такой период начальный, когда мы пришли туда, в Западную Белоруссию, и каждый красноармеец казался

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 94; Назаўсёды разам... С. 180.

²Gnatowski M. W radzieckich okowach: Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża, 1997. S. 211.

³РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 131; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 88, 125.

профессором, его жадно слушали и рабочие, и крестьяне, и интеллигенция, потому что на первоначальном этапе неважно было, как он рассказывает, что он рассказывает – важно, что это советский человек, и он говорит новое. Он рассказывал, там прислушивались». На первых порах народ ходил на митинги тысячами, сколько бы митингов не проводили¹. Повышенное внимание жителей Западной Белоруссии к свидетельствам военнослужащих поднимало их самооценку и укрепляло присущий им «комплекс социалистического превосходства»².

Поскольку лейтмотивом похода стала идея воссоединения белорусов, представительство этой этнической группы с целью облегчения процесса объединения и ведения пропаганды на белорусском языке в частях Белорусского фронта расширялось. Однако агитация приезжих в Западную Белоруссию велась в большей степени на русском языке, который был определен в качестве языка дружбы, добрососедства³, а также общения в армии. В связи с этим, на территории с польским населением существовал языковой барьер, хотя во всех городах, как свидетельствовали участники похода, население хорошо говорило по-русски.

Агитационные лозунги попадали на благоприятную почву в лице голодных и неграмотных крестьян, готовых идти за каждым, кто обещал им хлеба и земли⁴, и еврейской бедноты. Они отвечали настроениям и других групп населения, уже ощутившего порох войны. Следует учитывать и то, что устная пропаганда подкреплялась материальными аргументами: технической мощью советских вооруженных сил, земель, которая с подачи Красной армии переходила в руки крестьян, и реальными перспективами перераспределения других видов собственности.

Белорусские крестьяне, не верившие в правдивость деклараций о конфискации помещичьей земли, по многу раз переспрашивали у проходивших мимо солдат. Но красноармейцы имели директиву и толковали ее одинаково «без всяких подходов и выкрутас». П. К. Пономаренко позже на партконференции БОВО, делаясь впечатлениями о походе, рассказывал как красноармеец, отставший от части, вел беседу с крестьянами, вышедшими на дорогу:

«—Вы чего тут стоите? — Крестьяне прижались. — А земля у кого?

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 296, 298.

²Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб, 2000. 278.

³Климов И. Ф. Далекое и близкое. Минск, 1987. С. 31

⁴Gomółka K. Ruch białoruski w przededniu II wojny światowej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2000. № 13. S. 191.

— У пана

— Вам что не нужно земли?

— Как не нужно? Очень нужна.

— А это дело ваше, хотите берите, если нужно, не нужно — так и скажите. Мы в 1919 году (сам 1920 г. рождения) разбили белогвардейцев, мы на дороге не стояли, мы сразу стали землю делить, с тех пор и пошло. Мы землю забрали, панов разбили, разгромили, остатки их выкорчевали»¹.

Применявшаяся РККА технология политических манипуляций была проста. Проинструктированные бойцы Красной армии давали четкие ответы на вечные мучительные вопросы — «что делать?» и «кто виноват?». Пропаганда умалчивала правду. Красноармейцы, как убеждал П. К. Пономаренко, не должны были призывать к созданию колхозов, отталкивать мелкобуржуазный элемент, говорить, об уничтожении частных торговцев и т.д.². Агитаторы и пропагандисты демонстрировали не факты, а свои убеждения. Большинству солдат эта роль была по душе. Они говорили много, но не всегда то, что требовалось. В связи с этим ПУ БФ ближе к концу военных действий выпустило листовку, призывающую бойцов к бдительности, сохранению военной тайны и пресечению болтливости³. Формировалась атмосфера подозрительности. Не приветствовались прямые индивидуальные контакты с местными жителями. Основной формой устной агитации в Западной Белоруссии стали митинги, на которых дружно принимались письма и приветствия товарищу Сталину, выражалось единодушное желание установить советскую власть на территории Западной Белоруссии.

Кроме того, по целому ряду вопросов красноармейцы дать ответов не могли. При массовом желании самопожертвования, мистической вере в мудрость Сталина и правительства частая смена парадигм и предшествующие идеологические установки о задачах социалистических миролюбивых армий, не обеспечивали нужного понимания освободительной миссии бойцами Красной армии, которые жаловались: «Нутром понимаем, что поступаем справедливо, но объяснить теоретически не можем»⁴. Задача разъяснения необходимости целей вторжения на польскую территорию в условиях отставания тылов и запоздалого поступления свежей информации легла на политруков, которые проводили мобилизующие митинги и многочисленные беседы. Несмотря на то, что политработников

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 296–297.

²Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 211.

³РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 686.

⁴Там же. 634, 715.

хватало не везде, как, например, в 27-й стрелковой дивизии, с точки зрения количественного насыщения советской армии кадрами данного рода вопрос в основном был решен. Если в 1938 г. БОВО не имел 50 % положенного по штату политсостава, то в 1939 г. через окружные курсы подготовили 2 000 политруков и преодолели дефицит. В сентябре, когда потребовалось очень большое количество политработников, пополнение стали готовить на 10-дневных курсах¹. Однако в условиях недостатка кадров в политработники часто попадали случайные люди. Иногда присланные политработники отказывались работать и служить в армии. На месте выяснялось, что пропагандисты никогда ранее пропагандой не занимались и не могут работать не только с командирами, но с бойцами. Низкий теоретический уровень комиссаров подчеркивался на партконференции БОВО в мае 1940 г. Командование жаловалось, что политруки, призванные из запаса, не хотят учиться военному делу и присутствовать на строевых занятиях, многие не справляются с работой. Военкоматы записывали политруками призывников, исходя только из их принадлежности к коммунистической партии. В итоге политруки отказывались проводить политинформации: «Я никогда в жизни на собраниях не выступал, боюсь, ничего не получится»².

Встречались и противоположные случаи, когда люди с высоким общественным статусом и большим опытом работы испытывали разочарование, оказавшись на должностях политработников в Западной Белоруссии: «Приехали, ни квартир, ни большой работы»; «Я был секретарем президиума облисполкома, приехал — ничего нет»; или «Я пять лет работал редактором — мог бы и дальше работать»³.

В итоге к квалификации армейских политработников было много претензий. На вопросы красноармейцев после окончания военных действий о том, когда их отпустят домой, политруки отвечали: «Я за правительство решать не буду». А по поводу передачи Вильно Литве: «Так надо. Наше правительство знает, что делать»⁴. Старший политрук Мартынов в 574-м полку 121-й стрелковой дивизии четыре дня проводил беседы исключительно по борьбе с крысами («ни корки не оставлять»)». Красноармеец Егоров зимой 1940 г. писал из г. Видзе, что политруки стараются «отделаться двумя-тремя нестоящими фразами». По его мнению, это объяснялось

¹ Там же. Оп. 36. Д. 3779. Л. 45, 253; Д. 3973. Л. 12.

² Там же. Д. 3979. Л. 146–147, 153, 187, 234, 246.

³ Там же. Д. 3973. Л. 12.

⁴ Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 653.

⁵ Там же. Оп. 36. Д. 3779. Л. 72.

их слабым политическим и общеобразовательным уровнем: «Надо бы им проходить не менее, чем двухгодичные курсы... Сейчас армия уже не та, как пять лет назад... прибыло новое пополнение. Много не только со средним образованием, но и высшим. Политруки могут превратиться просто в посмешище»¹.

11 апреля 1940 г. призванные из запаса 7 сентября 1939 г. красноармейцы Николаев и Михайлов в письме в ЦК ВКП(б) среди «ненормальностей» их военной службы называли малограмотность комиссара Слесарева, позволявшего себе такие выражения как «наши отношения с Германией не только ухудшаются, но и улучшаются», «Финляндия находится северо-западнее Минска», «тов. Молотов получил образование в политехническом музее». Их удивляла подобная кадровая политика, так как в части было много грамотных инженеров, техников, руководящих работников². В силу очевидной необходимости специальной подготовки политработников в армии в феврале 1940 г. было принято решение о постоянно действующих курсах усовершенствования для политсостава запаса. БОВО получил разнарядку направить на курсы с 1 марта 1940 г. 400 человек³.

Вместе с тем, населению Западной Белоруссии недостатки политической подготовки личного состава РККА станут заметны позднее – в пропагандистских кампаниях 1940 г. Дело в том, что опыт агитационной деятельности во время марша способствовал активному использованию военнослужащих во всех довоенных предвыборных кампаниях на территории Западной Белоруссии: в Народное собрание Западной Белоруссии (22 октября 1939 г.), в Верховные Советы СССР и БССР (24 марта 1940 г.), в местные советы (15 декабря 1940 г.).

В известном постановлении бюро ЦК ВКП(б) от 1 октября 1939 г., утвердившем сценарий выборов в Народное собрание Западной Белоруссии, ответственность за их проведение возлагалась на Временные управления областей, городов, уездов (п. 6)⁴. Но не меньшую роль в организации избирательной кампании играли партийные органы, представители НКВД и офицеры Красной армии. Армия включилась в эту предвыборную кампанию сразу после получения директивы ПУ РККА № 0273 за подписью Л. З. Мехлиса от 5 октября 1939 г. с инструкциями действий в частях и среди населения. Так, откомандированная

¹ Там же. Оп. 29. Д. 546. Л. 393.

² Там же. Л. 120

³ Там же. Д. 542. Л. 193.

⁴ Назауєды разам... С. 176.

из 10-й армии в г. Васильково бригада, уже 5 октября провела митинг для рабочих и интеллигенции из 950 человек, 7 октября – для трудящихся из 1 000 человек, 8 октября – для крестьян из 4 000 человек¹.

Сами военнотруженики активного избирательного права на территории Западной Белоруссии не получили, но из 208 депутатов, выдвинутых в Верховные Советы СССР и БССР, 17 были представителями РККА². Основной задачей военных являлась работа среди населения в районах сосредоточения армейских частей. В обязанности политорганов РККА вменялось «бросить все партийные и комсомольские силы на обслуживание избирательной кампании в отведенных и закрепленных политорганами за каждой частью зонах»³. 10-я армия, например, в период предвыборной кампании в Народное собрание обслуживала Гравевский, Ломжинский, Белостокский, Бельский уезды Белостокской области. 4-я армия только в помощь ВУ Брест-Литовска выделила 250 человек⁴.

По официальным данным политуправления БФ в помощь временным управлениям для организации выборов было направлено около 10 000 политработников, бойцов и командиров. В частности, 10-я армия выделила для предвыборной кампании в Народное собрание 2 210 человек, 4-я армия – 1 469, 3-я армия – 3 044, 11-я армия – более 1 600⁵. В работе с населением были задействованы все армейские подразделения и категории военнотружеников. Так, в каждой части 10-й армии вели работу с населением по 20–30 человек. Среди активистов этой армии 304 принадлежали к политсоставу, 632 – к среднему и начальствующему составу, 560 – к младшему командному составу, а большинство – 714 человек – являлись простыми красноармейцами. Аналогичным был состав организаторов выборов из 4-й стрелковой дивизии (конно-механизированной группы), выделившей для работы с населением 565 человек: 71 политработник, 121 средний командир, 113 младших командиров, 260 красноармейцев⁶.

Кандидаты для агитационной кампании подбирались не по служебному положению, а по идеологической лояльности. В 10-й армии основную их массу составляли коммунисты – 1 403 человека – и комсомольцы – 643. Беспартийных же среди участников предвыборной кампании было

¹РГВА. Ф. 35086. Оп.1. Д. 264. Л. 165; Ф. 9. Оп. 29. Д. 3575. Л.180.

²Назаўсёды разам... С. 211

³Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 216.

⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 118; Д. 3574. Л. 90.

⁵Там же. Оп. 29. Д. 505. Л.737; Оп. 36. Д. 3316. Л. 428–429.

⁶Там же. Оп. 36. Д. 3575. Л.173–174; Д. 3316. Л. 428–429.

всего 155 человек¹. По сути, в предвыборной кампании участвовал весь партийный и комсомольский актив РККА в Западной Белоруссии. Удельный вес военных среди обслуживающих предвыборную кампанию был велик. Например, из 400 агитаторов, работавших в Молодеченском уезде, числилось 250 коммунистов и комсомольцев, выделенных РККА². Помимо официально назначенных в агитации участвовали тысячи бойцов с рассказами и беседами о зажиточной и культурной жизни народов СССР. В результате на практике от одной 10-й армии было задействовано в организации выборов не менее 5 тысяч человек³.

Большая часть военнослужащих выступала в качестве агитаторов. Так, в 11-й армии 938 человек работали агитаторами, а 672 военнослужащих – председателями и членами избирательных комиссий. В 10-й армии лишь 60 человек работали председателями окружных комиссий и около 200 человек в руководстве участковых комиссий. Только по 4-й армии 60 % всех обслуживающих избирательную кампанию принадлежали к руководству избирательными комиссиями. В одном Пружанском уезде на 100 избирательных участках председателями были военнослужащие. Всего в Западной Белоруссии осенью 1939 г. действовало 929 избирательных округов и 6 109 избирательных участков⁴.

Агитация была интенсивной и повсеместной: на работе, в местах отдыха, в магазинах, поле, дома и т.д. Основной формой работы военнослужащих с населением являлись митинги, на которых выступления бойцов и командиров РККА, освободивших Западную Белоруссию, встречали овациями. Кроме того, П. К. Пономаренко нацеливал агитаторов, чтобы они по несколько раз побывали на квартирах избирателей «с таким расчетом, чтобы охватить всех избирателей голосованием»⁵. Представители 4-й стрелковой дивизии, например, провели 329 митингов, 426 докладов, 1 698 бесед, 13 собраний женщин, 62 собрания молодежи, 5 698 индивидуальных обходов домов и квартир⁶. Поскольку довоенные списки населения из-за перемещения людей, притока беженцев потеряли актуальность, солдаты Красной армии занимались анкетированием и составлением перечней избирателей.

¹ Там же. Д. 3774. Л. 117.

² Назаўсёды разам... С. 184

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 430; Оп. 29. Д. 505. Л. 737.

⁴ Там же. Оп. 36. Д. 3316. Л. 428–429; Оп. 29. Д. 505. Л. 738.

⁵ Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 211.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 737.

Армейские агитаторы проходили предварительную подготовку на трехдневных семинарах, где получали разъяснения о Конституции СССР, национальной политике советской власти, международному положению СССР, политическому и экономическому положению Польши, сущности выборов в Народное собрание¹. Для них силами фронтовой печати были выпущены две памятки, одна из которых вышла 17 октября тиражом 10 тысяч экземпляров. Армейская печать публиковала образцы работы лучших агитаторов².

Зачаточное состояние новой, социалистической печати в Западной Белоруссии повышало значение ориентированной на местное население армейской прессы, в том числе на белорусском языке, в предвыборной кампании. Как указывал 12 октября 1939 г. П. К. Пономаренко, «армейская печать и вновь созданные газеты сейчас главное внимание должны посвятить вопросам избирательной кампании, агитации за кандидатов»³. В газетах публиковались сведения о кандидатах в Народное собрание, призывы крестьянских комитетов, пропагандировались лозунги избирательной кампании. Выборам в Народное собрание были посвящены и последние 6 номеров фронтовой газеты «Głos Żołnierza». Активной популяризацией лозунгов предвыборной кампании занимались газеты 10-й армии «За советскую родину» и «Вольная праца». Обеспечивая информационный предвыборный штурм, с самолетов разбрасывали листовки. Одна только 22-я танковая бригада раздала жителям Западной Белоруссии 600 экземпляров Конституции СССР и 300 брошюр с докладом Сталина на XVIII съезде ВКП(б)⁴.

В агитацию включились армейские клубы, обеспеченные бумагой, карандашами, плакатами, портретами, библиотеками⁵.

Печатным формам пропаганды отводилась ведущая роль и в дальнейшем. Для поддержки кампании по выборам депутатов в Верховные Советы СССР и БССР от западных областей ЦК КП(б)Б запросил у ЦК ВКП(б) 30 января 1940 г. 110 тонн печатной, 80 тонн газетной, 33 тонны литографической, 15 тонн альбомной, 15 тонн писчей бумаги⁶.

Функции РККА по обеспечению предвыборных кампаний не ограничивались агитационной деятельностью. Армейскими силами обеспечивался

¹ Там же. Оп. 36. Д. 3774. Л. 117;

² Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 632, 674, 694.

³ Gnатовski M. W radzieckich okowach... S. 216.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 119; Оп. 29. Д. 505. Л. 681, 684.

⁵ Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 782–785, 787.

⁶ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 197. Л. 117.

порядок во время выборов, когда части приводились в полную боевую готовность, организовывалось повсеместное патрулирование. Военные занимались и организацией торговли в местных лавках и формированием крестьянских «красных обозов» с продуктами, привлекая избирателей к участию в голосовании труднодоступными продуктами¹.

Формы организации населения западной Белоруссии под воздействием РККА приобретали мобилизационный характер. Политруки учили работать местных активистов «по-военному». Агитаторы добивались, чтобы выборы проходили организовано. Во многих городах избиратели шли голосовать колоннами по 700–800 человек, с песнями, лозунгами, портретами, с духовым оркестром². Армия давала населению алгоритм правильного поведения. Позитивно настроенное население легко принимало новые паттерны: «Надо встретить Красную армию хорошим порядком. У них в стране любят порядок»³. Лояльными гражданами считались все те, кто без сомнений надлежаще выполнял указы новой власти. Быстро стало понятно, что инициатива не приветствуется.

Поскольку явка избирателей на выборы считалась индикатором отношения населения к режиму, огромное количество сил и средств тратилось на достижение 100 % результата выборов, который ничего не решал, а был скорее пропагандистским элементом. Нежелание участвовать в выборах открыто выражали лишь приграничные районы с польским населением. В частности, на выборах депутатов в Верховные Советы СССР и БССР в Сопоткинском районе на Новиковском избирательном участке было зафиксировано 50 % избирателей, на Старобогатырском – 47 %; в Годутишковском районе – 37,3 % на Тверицком и 28,3 % – на Пивоварском участках⁴.

Другим доказательством лояльности к новому режиму было раннее завершение голосования. К открытию избирательных участков с одобрения властей собирались очереди по 100–150 человек. По сообщению начальника Политуправления Белорусского фронта Иванова, в день выборов депутатов в Народное собрание по Полесской области к 12 часам дня проголосовало 40 % избирателей, по Брестской – 41 %, по Бресту – 60 %, по Белостоку – 43 %, по Гродно – 43,8 %. В то же

¹ РГВА. Ф. 35078. Оп. 1. Д. 2. Л. 29; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 431.

² Будько М. Усенароднае лікаванне // Селянская газета. 1940. 25.03; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 32 об.

³ Котенко И. На освобожденной земле: Путевые записки на Белорусском фронте. Ростов на Дону, 1939. С. 35.

⁴ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 203. Л. 144.

время низкий процент явки избирателей был отмечен в Ломжинском и Граевском уездах с польским населением: только 25 % к 14 часам¹. По мнению Ч. Гжеляка к 14 часам выборы, по сути, были завершены².

По оценкам партийного и военного руководства каждые последующие выборы оказывались для них труднее предыдущих. Об этом свидетельствует и перенос сроков выборов в Верховные Советы СССР и БССР с 25 февраля на 24 марта, а в местные советы – с 26 мая на 15 декабря 1940 г.

Со временем усложнялись задачи пропаганды. Многие жители Западной Белоруссии были разочарованы социально-экономической ситуацией, напуганы выселениями и арестами: «Собрания и митинги с одними и теми же звучными словами, возвышенными обещаниями стали докучать»³. Прибывшие с востока руководители отмечали, что крестьяне перестали интересоваться нашими беседами, так как знали уже не меньше⁴. В Белостоке в марте 1940 г. «некоторые митинги проходили вяло, без подъема, при малочисленном количестве избирателей», 10 марта 1940 г. сорвалось собрание встречи избирателей с кандидатом на 67-м избирательном участке. В деревнях Ляховичи и Люцины Годутишковского района жители покинули собрание как только кандидат в депутаты Верховного Совета начал свое выступление, а в день выборов не участвовали в голосовании⁵. С мест сообщали, что крестьяне слушать речей не хотят, а требуют мануфактуры, сахару и других продуктов⁶. Местное население быстро подметило особенности советской пропаганды, говорили: «В «Правде» нет известий, а в «Известиях» нет правды»⁷. Рассказы о том, как хорошо жить в СССР, неизбежно вызвали вопрос: «А когда же все это будет у нас?» В связи с этим появился новый тезис о том, что счастливую жизнь надо заработать: разгромить врагов, подтянуть живот, терпеть лишения, строить социализм. Активность военнослужащих в избирательной кампании местные жители объясняли по-своему. Так, в деревне Вансош говорили, что Красная армия ездит и собирает голоса, так как Англия и Франция предложили ей немедленно уйти с польской

¹ Рассчитано по: РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 35, 37–37об., 39.

² Grzelak Cz. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998. S. 503.

³ Гарт. З Успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў. (Глыбокае, Наставы. 1945–1947 г.). Менск, 1997. С. 219.

⁴ Климов И. Ф. Указ. соч. С. 64.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 203. Л. 144–144об.

⁶ ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 159. Л. 9.

⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 421.

территории. Если не наберет голосов, то и уйдет, а тех, кто голосовал за советскую власть, будут вешать¹.

Очевидно, что РККА не выступала единственной агитационно-пропагандистской силой в Западной Белоруссии, но ее роль повышалась постоянным дефицитом кадров партработников соответствующих направлений. Так, в период выборов в Верховные Советы в Западной Белоруссии было еще только 2,5 тысячи коммунистов². ЦК КП(б)Б в апреле 1940 г. констатировал, что отделы кадров и пропаганды ЦК проявили медлительность и не приняли «всех необходимых мер по подбору кадров для Западной Белоруссии». В итоге оказались не направлены на работу в западные области 25 заведующих отделами пропаганды и агитации, 25 заведующих парткабинетами, 273 пропагандиста. В июле 1940 г. ЦК КП(б)Б принял постановление отправить из восточных областей для работы в пограничных районах еще 250 человек, в числе которых 75 пропагандистов и 75 инструкторов обкомов³.

Агитаторы из местного населения, хотя и отличались стремлением работать, но не пользовались доверием. Агитационная деятельность для многих белорусов и евреев, обучавшихся на 7–10-дневных курсах, могла стать трамплином в карьере, поэтому только по Белостокской области в период выборов в Верховные Советы было привлечено 17 тысяч агитаторов из местного населения⁴. Однако многие агитаторы только числились на бумаге. Уровень грамотности жителей Западной Белоруссии был низким. В одной из докладных записок по Барановической области говорилось, что большая часть кадров политпросветработников имеют образование 3–4 класса, слишком молодые (17–18 лет) и «по культурно-политическому уровню не отличаются от уборщиков, работающих в тех же учреждениях»⁵. Считалось, что среди местных агитаторов появилось много «чуждых элементов»: бывшие старосты, офицеры, помещики, кулаки и т.д. Например, в Дуниловическом районе Вилейской области из 300 агитаторов райкомом было утверждено только 39 человек⁶.

¹ Там же. Д. 3979. Л. 298; Д. 3774. Л. 123.

² Там же. Д. 3979. Л. 309.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 201. Л. 17; Д. 205. Л. 172, 175.

⁴ *Токць С.* Арганізацыя савецкай уладай агітацыйна-прапагандыскай работы ў Беларускай вобласці ў 1939–1941 гг. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2000. № 13. С. 133.

⁵ ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 161. Л. 2.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 203. Л. 144; Д. 268. Л. 2.

В силу такого положения спрос на военные кадры оставался высоким. Например, при выборах в местные советы в декабре 1940 г. по Жировецкому участку работало 25 активистов из местных и 25 — из военных¹. Агитаторов, которые ходили по хуторам, продолжали называть по-военному «политруками» не только потому, что военнослужащие расквартированных частей были активно задействованы во всех значимых пропагандистских кампаниях, но и из-за тогдашней моды на военную форму: гимнастерку, ремень, галифе².

Однако повсеместно начал подниматься вопрос о неподготовленности и приезжих агитаторов, не знающих местной ситуации. Агитация в целом носила однобокий характер: характеристика Конституции, внешней политики, социалистического строительства. Партийное руководство отмечало ее поверхностность и неконкретность³. «Никто с характером польских партий не знакомится. Историю, экономику, законы Польши не изучает», — сетовал П. К. Пономаренко, который критиковал агитаторов, убежденных в том, что имеющихся у них знаний за глаза хватит для народа, отставшего на 20 лет. По мнению первого секретаря ЦК КП(б)Б, глубокой агитации не было ни у военных, ни у райкомовцев⁴. Политрук Апреликов, например, во время занятий с избирателями, проживающими в Белостоке, задал вопрос: «Какую бы вы хотели власть — немецкую или советскую?». А собравшиеся стали активно его обсуждать⁵. Вопрос о некомпетентности агитаторов в феврале 1940 г. поднимала даже «Правда». А вслед за ней и местная пресса⁶.

Тем не менее, несмотря на подобные трудности, по оценке военного руководства, выборы проходили успешно⁷. Во многом благодаря и другим формам пропаганды, которые использовались в Западной Белоруссии.

Для более эффективного воздействия на население личный состав Красной армии, в соответствии со специальными предписаниями, использовал показ кинофильмов, радио, патефоны, концерты армейской художественной самодеятельности, разучивание советских песен, и т.д. БФ имел два оборудованных динамиками автобуса, которые усиливали

¹ ГАБО. Ф. 75801. Оп. 1. Д. 139. Л. 72.

² Гарт. *З Успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў...* С. 277.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 203. Л. 145.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 300.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 203. Л. 144об.

⁶ *Матыль І.* Бестурботныя кіраўнікі // Селянская газета. 1940. 11.03.

⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 70.

звук речи выступавших на митингах¹. Во всех частях были радиоприемники и кинопередвижки, использовавшиеся для работы с населением в предвыборной кампании. Так, офицеры соединений 11-й армии в пунктах постоянной дислокации до 17 октября организовали около 200 киносеансов, которые посетили около 3 500 крестьян. 5-я стрелковая дивизия 3-й армии с 17 сентября по 8 октября 1939 г. дала 18 сеансов кинокартин для 12 300 человек населения, а 24-я кавалерийская дивизия — 71 сеанс для 24 106 жителей. Очевидно, что кинопередвижки и патефоны для усиления настроения праздника вывозились и в дни выборов².

Интерес населения к советским фильмам не угасал. В кинотеатрах были аншлаги. В условиях острого жилищного кризиса из-за нехватки помещений для армейских домов культуры кинофильмы показывали прямо на улице, под открытым небом, в поле, в лесу, на площадях. Демонстрировались фильмы «Ленин в Октябре», «Возвращение Максима», «Великое Зарево», «Шел солдат с фронта», «Щорс», «Трактористы», «Друзья из табора», «На границе», «Балтийцы», «Волочаевские дни» и др.³

Эти доступные формы армейской агитации вели к политизации населения, повышали его социальную активность. Житель Вильно, портной Литунский, говорил танкистам в октябре 1939 г.: «Без вас мы жили как в тюрьме, ни газет не читали, ни кино не видели. А вы все рассказываете правду, читаете нам газеты, и даже мы имеем возможность посмотреть кино»⁴.

Правда, кинобазы не справлялись со своевременным снабжением кинофильмами частей. Фильмов было мало, а технических неисправностей оборудования очень много. В этом часто винили не внушающих доверия местных киномехаников⁵. Жалобы на кинообслуживание были и в самих армейских частях, поскольку кино было излюбленным видом отдыха и развлечений советских солдат.

На территории Западной Белоруссии широко практиковались воспроизведение граммофонных записей массовых советских песен, к которым местное население проявляло очень большой интерес. В Белостоке, например, 4 000 человек, слушая такой концерт, пять раз подряд просили завести

¹ Репко С. И. Указ.соч. С. 49.

² РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 190; Д. 284. Л. 1, 9; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 282—283; Д. 3316. Л. 433.

³ Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 106; Д. 256. Л. 190; Д. 257. Л. 319; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 430; Д. 3575. Л. 181.

⁴ Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 17.

⁵ ГАБО. Ф. 758011. Оп. 1. Д. 161. Л. 21.

песню «Если завтра война» и каждый раз аплодировали. В Жирмунах бойцов, певших за ужином «Катюшу», слушало все местечко. В Вороново в разучивании песен с красноармейцами 20-й моторизированной бригады участвовало 500 человек. 5-я стрелковая дивизия 3-й армии с 17 сентября по 8 октября дала для местного населения 63 концерта граммофонной записи, которые прослушали 8 000 человек. Тексты песен записывали, а политорганы сожалели, что у них не было заготовлено распечаток слов и нот для того, чтобы удовлетворить спрос населения¹.

Характер советских песен вызывал доверие к новому строю, утверждал веру в светлое будущее. Не случайно, согласно директивам, бойцы обязаны были петь песни во всех возможных местах: в пути в столовую, на конюшню, на прогулке². Настоятель церкви М. Зноско свидетельствует: «С первых же дней вступления в Брест Красной армии бодро зазвучали на улицах города песни «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов», «Выходила на берег Катюша», «Страна моя, Москва моя...»³. Еврейский беженец с немецкой территории вспоминает свой первый день в Белостоке 1 января 1940 г. так: «На всех столбах развевались красные флаги и висели портреты улыбающегося Сталина. Из громкоговорителей без перерыва раздавались радостные и оптимистичные советские песни. Ободренный увиденным, я пришел к выводу, что лучше голодать и спать на полу здесь, чем жить там, в напряжении, страхе и опасности»⁴.

Зрелищные виды агитации применялись в дополнение к основным: кинофильмы, концерты, песни, танцы, как правило, завершали политические митинги, собрания, беседы. Такой механизм оказался очень действенным для организации населения. Перед любым концертом политрук обязательно произносил речь. Ведущая роль и в этих видах агитации была закреплена за простым солдатом. П. К. Пономаренко указывал: «Необходимо обслуживать ежедневно избирателей концертами, кино и театром. Наш лучший агитатор — здесь является красноармеец-колхозник»⁵.

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 716–718; Ф. 35086. Оп. 1. д. 264. Л. 158; Д. 284. Л. 2.

²Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 60.

³Сарычев В. В. В поисках утраченного времени. В 3-х кн. Кн. 2. Брест, 2007. С. 118–119.

⁴Гальперин И. Свет не без добрых людей. В Польше и Западной Белоруссии в годы Второй мировой войны. Тель-Авив, 2004. С. 18.

⁵Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 211.

Помимо ансамбля красноармейской песни и пляски БОВО действовала и армейская художественная самодеятельность. Некоторые коллективы были подготовлены заранее в мирной обстановке, другие – сформировались уже в походе. В отличие от географических карт, музыкальные инструменты были во всех подразделениях. Каждая рота, по крайней мере, была обеспечена гармошкой. Дом культуры 25-й танковой бригады имел неаполитанский оркестр, танцевальный коллектив и драмкружок. В 708-м полку 115-й стрелковой дивизии функционировал ансамбль красноармейской песни и пляски, включающий хор из 45 человек под руководством младшего лейтенанта Коптелова и группа плясунов под руководством младшего командира Нацкого, до призыва являвшегося артистом большого театра. Отдельный саперный батальон этой дивизии обслуживал своим хором и струнным оркестром 10 окружающих селений. Причем струнные инструменты были взяты у местного населения¹.

В Брест-Литовске армейскую художественную самодеятельность увидели более 15 тысяч человек на 35 избирательных участках. Одна только 22-я танковая бригада своими силами в период избирательной кампании дала 4 концерта².

Выступления красноармейцев имели ошеломляющий успех и носили интерактивный характер. В художественную самодеятельность втягивалось и местное население. В местечке Граево, например, силами местных жителей был проведен концерт гармонистов, певцов, плясунов. Совместные песни и пляски были особенно популярными у молодежи³.

Обилие песен и танцев стало убедительным доказательством того, что жить действительно стало веселее. Эту новую окраску быта связывали с Красной армией: «Немцы несли с собой бомбы, пожары, смерть, а большевики принесли радость, веселье, счастье». Песенно-танцевальное выражение эмоций расценивалось как наглядное проявление удовлетворенностью жизнью. «Я увидела счастье большевистское!» – говорила старушка Сара Шмурлевич. Вторил ей 65-летний крестьянин Страхов: «Нас сделали темными, лишили всякой культуры, работай на пана – вот и вся твоя жизнь. Спасибо красным командирам и красноармейцам за счастье». Глядя на задорные песни и танцы красноармейцев, крестьяне заявляли: «Нам хочется жить также счастливо, как и вы». Утверждался тезис о том, что так петь и танцевать может только человек свободного творческого

¹РГВА. Ф. 35086. Оп.1. Д. 257. Л. 117; 284, Л. 33, 35; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 782.

²Там же. Ф.9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 431.

³Там же. Д. 3316. Л. 430; Д. 3774. Л. 120.

труда. Успехи армейского самодеятельного искусства расценивались как позитивная черта советской системы: «Вот это народ, вот это сила, вот это армия!»¹. Они были также доказательством пропагандируемой высокой культуры советского общества.

Вместе с тем член Военного совета фронта Смокачев сетовал: «Мало затейников в частях. А затейник в условиях особенно походной жизни, очень важное дело». По сообщению ПУ БФ многие части самодеятельности не имели и не могли ничего показать. Осознание политического значения армейской самодеятельности являлось стимулом для ее дальнейшего развития в подразделениях Красной армии. Весной 1940 г. в 43-х соединениях БОВО участниками художественной самодеятельности были уже 17 000 комсомольцев². Художественная самодеятельность стала и механизмом социальной активизации масс, средством формирования советской культуры в Западной Белоруссии. В частности, в Олимпиаде художественной самодеятельности в Белостокской области, проходившем весной 1940 г., участвовало 3 000 человек. В репертуаре этого областного смотра было 117 советских и 87 народных песен³. Участников местной художественной самодеятельности вместе с красноармейцами отправляли на избирательные участки формировать оптимистичный образ советского будущего⁴.

Миссия Красной армии была сопряжена и с утверждением на территории Западной Белоруссии новых социалистических праздников. В спускаемых сверху достаточно однообразных сценариях вовлечения народа в массовые гуляния большое значение придавалось демонстрации силы РККА. С воодушевлением армия и народ встречали главный советский праздник 7 ноября 1939 г., когда на военных парадах Красная армия продемонстрировала всю свою мощь. Были организованы митинги с массовым участием местного населения: в Поставах в них участвовало 10 000 человек, в Молодечно – 7 000, Куренце – 10 000, Вилейке – 25 000, Браславе – 8 000, Видзе – 8 000. На площадях устанавливалось радио, демонстрировались фильмы, выступала армейская самодеятельность⁵. Но были и районы, например, Августовский уезд, где праздник прошел

¹ Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 716–718, 794.

² Там же. Оп. 36. Д. 3979. Л. 58–59; Оп. 29. Д. 505. Л. 785–786.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 222. Л. 147.

⁴ *Туравецкі Б.* Закрылася першая гарадская алімпіяда мастацкай самадзейнасці // Чырвоная звызда. 1940. 16 февраля.

⁵ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 319.

как «обыкновенный рабочий день»¹. Кроме того, военнослужащие продемонстрировали жителям Западной Белоруссии и новые негативные элементы советского быта: склонность к застольям и обильным возлияниям. Первый советский праздник отмечали с особым разгулом, пьянками и стрельбой. Например, в ночь с 6 на 7 ноября 1939 г. три комсомольца из 52-й стрелковой дивизии наняли извозчика и велели ему отвезти их в притон, где забрали у проститутки 100 рублей. В 164-й стрелковой дивизии с 7 сентября по 20 ноября 1939 г. было зафиксировано 80 случаев пьянок, 4 – хулиганства и 166 – самовольных отлучек².

С особым вниманием проводились кампании, приуроченные 22-й и 23-й годовщинам РККА и ВМФ, праздновавшихся 23 февраля. Основной целью празднования было провозглашено укрепление связи армии с широкими массами трудящихся и мобилизация их на оборонный труд³. Западнобелорусские газеты превозносили преимущества Красной армии в военном искусстве и организации, славил «железного маршала» Ворошилова, бойцов и командиров за освобождение Западной Белоруссии из под гнета польских панов, публиковали воспоминания о радостной встрече красноармейцев в сентябре 1939 г.⁴ Согласно разработанному в ЦК компартии Белоруссии сценарию празднование XXII годовщины РККА предполагало многочисленные фотовыставки, доклады политработников и командиров, проведение встреч с участниками освободительного похода⁵. Военнослужащие, широко ангажированные на митингах и собраниях, подходили к мероприятиям очень ответственно. Например, лекция о советской армии для молодежи в школе длилась с 11 до 18 часов, дети измучились, а родители испугались, решив, что это акция по высылке⁶.

¹ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 80.

² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3730. Л. 138; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 271, 302.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 251. Л. 111.

⁴ Чырвоная Армія – дзецішча Леніна-Сталіна // Селянская газета. 1940. 20 февраля; Выдатная гадавіна // Селянская газета. 1940. 23 февраля; Няхай живе Чырвоная Армія вызваліўшая Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну з пад гнета польскіх панюў // Чырвоная звезда. 1940. 23 февраля; Купала Я., Колас Я., Брыўка П., Глебка П. Мы помнім змаганне... // Зара. 1941. 23 февраля.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 198. Л. 50–51.

⁶ Kaźmierska K. Doświadczenia wojenne Polaków a kształtowanie tożsamości etnicznej: Analiza narracji kresowych. Warszawa, 1999. S. 66.

Формировались новые традиции: 11 июля 1940 г. отметили освобождение Белоруссии от белопольской оккупации¹. Борьба с белополяками в 1920 г. («В пущах Полесья» Я. Коласа) стала и темой нового советского театрального искусства, сменившего «кафе-шантаны, клоунов, жонглеров». В эпицентре внимания армия оказалась и во время еще одного нового праздника – воссоединения белорусского народа – 17 сентября 1940 г.

Помимо пропагандистских задач РККА выполняла на занятых территориях организационные и управленческие функции. Поскольку польское государство еще до похода было признано несуществующим, стояла задача полностью изменить административную и правовую систему на занимаемых Красной армией территориях. Приказ № 01 ВС БФ гласил, что все мероприятия «должны проводиться от имени армии, так как до создания новой власти единственной властью в западных областях должны быть армия и ее органы, действующие совместно с органами Наркомвнудела»². На деле до официального включения Западной Белоруссии в состав СССР законодательная, исполнительная и судебная власть на занятой территории имела военный характер. Органы НКВД пока оставались в тени. Вместе с тем, оккупационных структур власти формально создано не было. Для того чтобы подтвердить характер освобождения сразу же стали формироваться органы самоуправления. До проведения в январе 1940 г. районирования и установления структур постоянных органов власти на занятой Красной армией территории Западной Белоруссии действовали Временные управления (ВУ), объединявшие, в соответствии с приказом М. П. Ковалева от 19 сентября 1939 г. административную, политическую и военную власть³. Обязанность их формирования и включения своих представителей в их состав была возложена на командование частями и политорганы. Временные управления в городах появлялись через несколько часов после их занятия частями РККА. При оставлении городов в них обязательно сохранялся гарнизон. На военных была возложена обязанность патрулирования городов и охраны зданий⁴.

3 октября 1939 г. Военный совет БФ утвердил состав областных (воеводских) ВУ. Они состояли из 4-х человек (два представителя армии,

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 267. Л. 71. (11 июля 1920 г. Минск был занят Красной армией)

²Беларуская нацыя: уз'яднанне... С. 51.

³Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 198.

⁴Sleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941: propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001. S. 70.

один от НКВД, один от временного управления областного города) под председательством представителя политорганов¹. Следует учитывать, что в составе воинских частей находились прикомандированные в спешном порядке специально для организации управления группы партийных и советских работников². Не случайно польский историк А. Судол назвал такую систему власти партийно-военным аппаратом³.

Помимо этого процесс формирования структур исполнительной власти и правопорядка сопровождался выдвижением местного населения, выражавшего желание сотрудничать с новой властью. В сельской местности, проходя через деревню, политруки собирали собрание, на котором под контролем военнослужащих избирался крестьянский комитет. Последний получал от жителей задание: разделить помещичью землю и скот (с предупреждением «не резать»), создать деревенскую милицию, позаботиться о бедных, наладить работу школ и медицинских пунктов и т.д.⁴ По сути, Красная армия инициировала сельскохозяйственную реформу. Несмотря на то, что формально решение о национализации в западных областях БССР было утверждено Народным собранием, реально она началась сразу с приходом Красной армии. Крестьянские комитеты, согласно приказу № 01 ВС БФ, создавались в первую очередь «для захвата помещичьих и монастырских земель, крупных государственных чиновников и передачи захваченных земель бедноте и середнякам»⁵.

Контроль над деятельностью новых органов исполнительной власти, подбор и корректировка их состава были возложены на работников политуправления армий и фронта. Они же организовывали совещания Крестьянских комитетов. В Волковыске, например, такое совещание проводил сам командующий Белорусским фронтом М. П. Ковалев⁶.

Поскольку польских полицейских арестовывали независимо от их отношения к новой военной власти, «для борьбы с бандитскими шайками» и помощи в охране железнодорожных станций, мостов, городов население призвали в вооруженные отряды Рабочей гвардии и крестьянской милиции.

¹ Назаўсёды разам... С. 176.

² Климов И. Ф. Указ. соч. С. 23.

³ Sudol A. Początki sowieżyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku): Wybrane problemy polityczne i organizacyjne. Bydgoszcz-Toruń, 1997. S. 48.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 719.

⁵ Беларуская нацыя: уз'яднанне. С. 50–51.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 167, 178; Оп. 29. Д. 505. Л. 724.

Отсутствие у военных опыта, быстрые темпы продвижения передовых частей, незнание местной обстановки обусловили замедленность действий по формированию органов власти, неспособность решить многие проблемы. П. К. Пономаренко писал И. В. Сталину 25 сентября: «Так как первые эшелоны войск действовали рейдовым порядком и нигде не задерживались, а старые эшелоны также движутся не широким фронтом, а по магистралям, поэтому есть громадное количество сел и деревень, где красноармейцы и политработники еще не побывали»¹. Командарм 1-го ранга Г. И. Кулик, координировавший в сентябре 1939 г. действия Украинского и Белорусского фронтов, сообщал, что «наши люди, выделенные для организаций власти на местах, сильно отстают от темпов продвижения, и часто в больших городах власть организовывалась через 1–2 суток после прихода войск»². Были местности, куда Красная армия в первый месяц так и не дошла. Процесс создания временных органов власти в Западной Белоруссии закончился только к декабрю.

Военные не всегда были компетентны в тех вопросах, которые выходили за рамки инструкции. Во многих случаях в затруднении оказывалось и командование. Например, политуправление пребывало в растерянности после того, как ВУ Белостока обязало капиталистов неработающих предприятий платить рабочим 100 % заработную плату³. Не было единодушия в решениях и действиях между членами Военного совета, например, Пономаренко и Сусайковым⁴. В неразберихе и хаосе, при плохом учете людей, появлялись и самозванцы. Так, некий Савушкин В., 1917 г. рождения, 16 сентября 1939 г. отстал от части, стал заведующим коммунальным отделом, потом председателем горсовета, оказался жуликом и нагребил много вещей⁵.

Однако более всего осложняла процесс формирования новых органов власти реакция местного населения. В одних случаях оно проявляло чрезмерную активность. В частности, было много примеров, когда отряды Рабочей гвардии и Крестьянские комитеты создавались еще до прихода Красной армии. В местечках Городок и Олехновичи подобное самопровозглашенное правление называли ревкомом⁶. Бесконтрольно

¹ Назаўсёды разам... С. 172

² Цит. по: *Осьмачко С. Г.* Указ. соч. С. 109.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 103.

⁴ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 104–107.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 81.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 100; Д. 3358. Л. 84–85; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 140.

возникшие крестьянские комитеты политрукам приходилось распускать и переформировывать после разъяснения.

В других случаях, вновь созданные органы власти плохо понимали задачи своей деятельности. В одном из политдонесений говорилось, что слабым местом являются деревни и села, «крестьянские комитеты делают все на свой страх и риск с оглядкой, медленно, боязливо и зачастую неправильно». Из частей 10-й армии сообщалось, что «Временные управления с работой не справляются, во многих районах, кроме людей из политуправления, никого нет»¹. В донесении НКВД от 24 сентября 1939 г. подчеркивалось, что «в местечках и селах Западной Белоруссии крайне медленно идет работа по созданию органов власти». Не установлена советская власть в местечках Раково и Радошковици: «Крестьяне ничего не делают... Население просит быстрее помочь им создать советскую власть». Молодежь местечка Ленино писала в приветствии пограничникам: «Приходите к нам, научите нас, как устраивать жизнь»². Формирование полноценных органов власти тормозил дефицит местных кадров, при подборе которых основными критериями было отсутствие собственности, тюремное заключение в прошлом (использовались материалы польской дефензивы), принадлежность к белорусской национальности и т.д.

В целом документы доказывают стремление к взаимодействию с Красной армией местного населения, которое проявлялось в ремонте разрушенных мостов и дорог, вылавливании «белопольских бандитов», наведении общественного порядка, разделе земли и охране помещичьих имений, предоставлении транспорта для перевозки военных грузов, уходе за ранеными и т.д. Пользовалась поддержкой населения и Рабочая гвардия. Например, в Белостоке, в первый день, в нее вступили 397 человек, в Кобрине за несколько дней – 120 человек. 400 человек насчитывалось на 1 октября 1939 г. в Рабочей гвардии Пинска³. В Бресте в ее состав входило 120 человек, а в каждом из волостных центров – по 30–40 человек⁴.

Однако на сотрудничество часто шли не те этнические и социальные группы, на которые рассчитывало армейское руководство. Так, в Рабочую гвардию Белостока записывались одни евреи, поэтому пришлось искусственно регулировать ее национальный состав. Стремление

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 49, 234.

²Пограничные войска СССР... С. 261, 271.

³Ладысей У. Падзеі верасня-кастрычніка 1939 года ў лесе беларускага народа // Назаўсёды разам... С. 91.

⁴РГАСНИ. 17. Оп. 22. Д. 247. Л. 95–97.

евреев в органы власти и правопорядка были заметны и в других местах. В местечке Ивенец 29 ноября 1939 г. во время драки на базаре народа с Рабочей гвардией, пытавшейся запретить продажу самогонки, имели место «выкрики против еврейской национальности». Член Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), житель деревни Чемеры Слонимского района писал в Томск своему брату в июле 1940 г.: «Представь, что в городе, в учреждениях, ни одного не увидишь белоруса. Нет не думай, что я антисемит, но это сущая правда». Крестьянин деревни Васильевичи Пореченского сельского совета удивлялся: «Почему вы крестьяне выдвигаете жидов... жида везде у власти»¹.

Социальная активность евреев не соответствовала задачам советской национальной политики, которая с политических и пропагандистских позиций однозначно фаворизировала белорусов. Для партийных функционеров было характерно традиционное пренебрежительное отношение к евреям. Настроения бытового антисемитизма не были чужды и РККА. Товарищеские суды нередко разбирали дела по таким оскорблениям как «еврейская шкура», «жид», которые считались проявлением «старого национального презрения», характерного для царской армии, когда Россия была «тюрьмой народов»². В рапортах обязательно указывалась национальность, если лицо, совершившее неблагоприятный поступок, было евреем (или поляком). Например, в политдонесении 3-й армии накануне похода говорилось, что на фоне общего здорового настроения солдат, скучный и пассивный красноармеец Фрыдландер, еврей, жалуется на головную боль и просит перевести его в штаб части из строевой роты из-за трусости³. Приходилось учитывать особенности межнациональных отношений в Западной Белоруссии, для которых были характерны проявления открытого антисемитизма. Польская антисемитская пропаганда преподносила еврея противоречиво: с одной стороны, как богатея, пиявку и паразита на теле польского крестьянина-труженика и рабочего, с другой — как союзника коммунистов и приверженца марксистской идеологии. 25 сентября 1939 г. в Белостоке поляками были убиты 2 еврея с криками «Бей жидов, не допускай их к власти»⁴. На митингах политруки столкнулись с высказываниями: «Если евреи будут говорить на своем языке, мы все уйдем с собрания»⁵ и т.д.

¹ ГАБО. Ф. 75801П. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–11; Д. 35. Л. 198; Д. 141. Л. 87.

² РГВА. Ф. 32433. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–24.

³ Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 4–5.

⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 423–437; Д. 3358. Л. 239.

⁵ ГАБО. Ф. 75801П. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

Энтузиазм, с которым приветствовали евреи Красную армию, активность в подготовке и проведении выборов в Народное собрание, отталкивали от советской власти представителей других этнических групп. Во время выборов в Народное собрание в ультимативной форме требовали, чтобы евреев у власти не было. В местечке Цехановец при выступлении местного еврея присутствовавшие 1 500 поляков покинули митинг. На избирательном участке в Белостоке во время выступления еврея все засвистели и стали расходиться. Жители деревни Медники возмущались: «Кто это выдвинул в депутаты Народного собрания еврея Левина — мы за него голосовать не будем». Председатель второго избирательного участка Гродно говорил: «Я не антисемит, но только неудобно избирать еврейку в Народное собрание». На бюллетенях многие писали: «Голосую за присоединение к СССР, но без евреев»¹. Подобные призывы звучали и на выборах в местные советы: «Рабочие паровозники и вагонники не будем голосовать за евреев!»². Антисемитизм местного населения усиливался по мере возрастания недовольства внутренней политикой советской власти³.

Вместе с тем евреи оказались лучше, чем белорусы подготовлены к тому, чтобы заменить поляков в органах управления и правопорядка⁴. Знание нескольких языков позволяло их использовать в газетах, в агитационной работе, в здравоохранении и, конечно, в торговле. Не случайно народный песенный фольклор тех лет отразил национальную политику таким образом: «Гоп мои гречаники, все евреи — начальники, белорусов — в колхоз, а поляков — на вывоз»⁵. Однако все же число представителей еврейского населения в эшелонах власти не соответствовало их политической активности и численности, оно, как правило, не превышало их довоенного удельного веса в общей численности населения⁶. Так,

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 437, 439—440; Д. 3358. Л. 156.

² ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 141. Л. 49.

³ Розенблат Е. С. Антисиметизм и политика советской власти в западных областях Беларуси в 1939—1941 годах (на примере Пинской области) // Вестник еврейского университета в Москве. М.-Иерусалим, 1997. № 3(16). С. 61.

⁴ Розенблат Е., Струнец С. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939—1941 гг.) // Диаспоры. 2003. № 1. С. 213

⁵ Данилов И. Записки западного белоруса. М., 2006. С. 121.

⁶ Следует учитывать, что к недовольствию советской стороны от 60 до 84 % беженцев с немецкой стороны составляли евреи (см.: Розенблат Е. С. «Чуждый элемент»: еврейские беженцы в Западной Белоруссии (1939—1941) // История и культура восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 335). По некоторым оценкам, осенью 1939 г. на территории

например, по Барановичской области среди 56 кандидатов, избранных в Верховные советы БССР и СССР, евреев было лишь 4 человека, а белорусов 43. В местных органах власти в этой области, по итогам выборов 15 декабря 1940 г., оказалось 76,7 % белорусов, 7,8 % евреев, 9,8 % русских, 2,8 % поляков¹. Среди кандидатов в депутаты в местные советы по белостокской области евреи составляли 11,6 %². Эти данные еще раз подтверждают курс на фаворизацию белорусского населения за счет других этнических групп.

Ни на какие контакты не шла Красная армия с духовенством, хотя со стороны последнего было много попыток наладить отношения, выказать благожелательность к советской власти. Священнослужители предлагали свои услуги по агитации и молились за советскую власть, сокращали из-за митингов богослужение³. В Дворце поп накануне выборов в местные советы написал воззвание к верующим: «Граждане параферяне призываю Вас отдать голос за блок коммунистов и беспартийных, тот, кто будет голосовать против выставленных кандидатов, будет голосовать против советской власти, против бога». В деревне Рожайчицы Каменецкого района на собрании крестьян по выдвижению кандидатов в депутаты поп Васильев произносил лозунги «Да здравствует советская власть», «Да здравствуют исторические выборы» «Да взвосьется красное знамя над всей землей». В местечке Ивенец священник выразил желание стать депутатом Народного собрания и вывесил над церковью красный флаг, заявив: «Свобода так свобода, она должна быть и над церковью»⁴. В Радошковичах жена ксендза спрашивала разрешение повесить красный флаг на польский костел, а в деревне Страдичи поп хотел провести торжественную мессу в честь годовщины Октябрьской революции⁵. северо-восточных воеводств Речи Посполитой находилось около 1,5 миллиона евреев. В крупных городах, таких как Белосток, их численность увеличилась в два раза (См.: Gross J. T. Upiorna dekada. Kraków, 1998. S. 66–67).

¹ Рассчитано по: ГАБО. Ф. 758011. Оп. 1. Д. 159. Л. 18; Д. 141. Л. 81.

² *Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Wybór źródeł pod redakcją T. Strzembosza. Warszawa, 1996. S. 205.*

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 441; К. Borysow. Kościół prawosławny w pańskiej Polsce i jego reakcyjna rola // *Wolna praca. 1941.10.01.*

⁴ ГАБО. Ф. 758011. Оп. 1. Д. 141. Л. 69; Д. 35. Л. 8; «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 232.

⁵ *Горничные войска СССР. С. 271; Borysow K. Kościół prawosławny w pańskiej Polsce i jego reakcyjna rola // Wolna praca. 1941.10 января.*

В Барановичах священник читал «Правду» крестьянам на базарной площади и радовался освобождению «словян словянами»¹. В деревне Орехово Жабчицкого района Пинской области местный священник просил молодежь петь в церкви «Катюшу». С установлением новой власти отказались от сана священнослужители в Бресте и Кобрине, поп Дончик деревни Язвинки Лунинецкого района, поп Триденский, псаломщик Наумов и раввин Бурштейн Телеханского района, поп Горсутович Гайновского района, мулла Багоникской магометанской мечети Муха и его помощник Олейкович Соколовского района².

Однако служителей церкви однозначно причислили к скрытым, маскирующимся врагам. Их обвиняли в распускании антисоветских слухов, подстрекательстве кулаков к террористическим актам, обработке населения против выдвинутых кандидатов в депутаты. Контрреволюционной деятельностью духовенства объясняли все действия населения, направленные на сохранение религиозных обрядов и церквей. При этом никакой разницы в отношении к католическим, православным, иудейским священниками не было. Подчеркивалось их единство. И костелы, и церкви, и синагоги объявлялись «рассадниками самой беспардонной, грязной клеветы о Советском Союзе»³.

Компартии не нужен был идеологический конкурент, но, признавая, что «религиозный фанатизм чрезвычайно крепко еще действует на трудящихся Западной Белоруссии» и стараясь привлечь население на свою сторону ВКП(б) в 1939–1940 гг. провозгласила на присоединенных территориях мягкую антирелигиозную политику. Косновным ее методам были отнесены антирелигиозные кружки, просвещение, элиминация религии в школах и т.д. Религиозные чувства верующих оскорблять не рекомендовалось.

Тем не менее, в лице Красной армии на территорию Западной Белоруссии пришло поколение с твердыми атеистическими убеждениями, что вызвало много трений с местным населением: «Разве можно было бы поверить нам, советским гражданам, воспитывающимся 20 лет нашей партией, советской властью, в тех случаях, когда в дни Пасхи польские крестьяне, да и трудящиеся Белостока, и не трудящиеся, вынуждены были стоять по полтора часа на коленях, когда ксендз пел молитву!»⁴.

¹ Котенко И. Указ. соч. С. 66.

² «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 232–233; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 441.

³ Borysow K. Kościół prawosławny w pańskiej Polsce...; Котенко И. Указ. соч. С. 67.

⁴ РГАСНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 229. Л. 159.

В итоге антирелигиозная агитация сразу же приобрела агрессивный характер. О том, что Бога нет, сообщалось в речах любого докладчика. Красноармейцы были впереди и в утверждении новых обрядов – «красных свадеб» (гражданских браков)¹.

Большое недоверие у красноармейцев было к костелам, которые использовали для обороны польские офицеры. Так, в Вильно из костела 19 сентября стреляли по демонстрации, в Пинском костеле 21 и 22 сентября вели огонь по вступившим частям РККА и выбрасывали листовки². Пинский школьник сохранил следующие воспоминания об этих событиях: «Как только русские вошли в город, прежде чем передохнули, прежде чем осмотрелись, где какая улица, прежде чем поели и прежде чем затаились махоркой, быстро установили на площади пушку, привезли боеприпасы и начали стрелять по костелу. Стреляли из нее беспорядочно. Если попадали, из башни поднимались клубы темной пыли, временами вспыхивал язык пламени. Вокруг площади в глубоких воротах укрывались люди, которые смотрели на эту бомбардировку мрачно, но с интересом. По пустой площади ходил пьяный артиллерист и кричал: Видите, мы стреляем по вашему Богу! А он ничего, тихо сидит! Бойтся или как?»³.

С приходом РККА батюшек стали называть попами⁴. Было зафиксировано много насмешек красноармейцев над иконами, которые в СССР «уж давно сожгли в печке». Вызывало раздражение жителей и пожелание красноармейцев как можно скорее превратить костелы в клубы или гаражи. Подобную агитацию, признанную позже политическим руководством «несоответствующей задачам дня», вели в 139-й стрелковой дивизии 3-й армии: «У нас давно церковей нет, и у вас не будет, вместо церкви будет клуб». В листовке 4-й стрелковой дивизии содержался призыв к захвату церковных земель⁵. 28 ноября 1940 г. красноармейцы воинской части № 9604 сожгли придорожный крест. Ксендз В. Крассовский с верующими вытащили остатки, отнесли в костел и написали коллективную жалобу в прокуратуру⁶. В целом религия была одной из наиболее болезненных проблем в отношении населения с новой властью. Ксендзы относились

¹ *K. Borysow. Kościół prawosławny w pańskiej Polsce...*

² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 107.

³ *Kapuściński R. Imperium. Warszawa, 1993. S. 14–15.*

⁴ *Сарычев В. В. В поисках утраченного времени... С. 122.*

⁵ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 156; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 653, 715.

⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18375. Л. 3; «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 234–235.

к группе наиболее уважаемых людей в Западной Белоруссии, их стремились избрать в органы власти, правление колхозов. В день выборов в Народное собрание жители требовали сохранения религии в школе¹.

Вместе с тем имели место и обратные, хотя и менее многочисленные, примеры проявлений религиозности советских людей. Еще в период БУС брали на заметку красноармейцев с нательными крестиками, были случаи отказа от присяги по религиозным убеждениям. В Западной Белоруссии встречались военнослужащие, которые надевали крест на шею и шли в костел². Даже инструктор Поставского РК КП(б)Б Вилейской области ходил в церковь и принимал «активное участие в религиозной свадьбе»³.

При осмыслении деятельности РККА в Западной Белоруссии один из наиболее сложных вопросов — роль армии в побуждении населения к насилию. Бесспорно, что после пересечения РККА границы с Польшей началась волна убийств, грабежей, нападений на офицеров, представителей польской администрации, помещиков, осадников, духовенства, беженцев.

Польские исследователи В. Слежиньский и М. Вержбицкий, полагают, что командиры Красной армии целенаправленно провоцировали классовые и национальные конфликты, побуждая белорусов и евреев к восстановлению справедливости собственными силами. По их мнению, советская власть закрывала глаза на грабежи убийства, создавая образ стихийной революции. Насилие же рассматривалось как ее неотъемлемый элемент. Кроме того, подобная политика провокации социальных конфликтов позволяла выявить настроения масс, облегчала процесс установление власти⁴.

Вряд ли можно согласиться с таким суждением, поскольку прямых установок у военнослужащих на побуждение к насилию не было, более того, декларировалась охрана порядка. Местное население, получившее в межвоенный период богатый опыт вооруженной борьбы, весьма активно занялось сведением счетов, не дожидаясь прихода Красной армии. Активисты из местных жителей, одержимые чувством мести,

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 235; Д. 3316. Л. 437.

²Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 255. Л.63; Д. 257, Л. 16; Ф.9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 35.

³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 204. Л. 52.

⁴Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie... S. 69; Śleszyński W. Polacy wobec władzy sowieckiej i Białorusinów w latach 1939–1941 // Stosunki polsko-białoruskie w województwie Białostockim w latach 1939–1956. Warszawa, 2005. S. 37–38; Wierzbicki M. Białorusini wobec władz sowieckich i Polaków w latach 1939–1941 // Stosunki polsko-białoruskie... S. 26.

включились в физическое уничтожение помещиков¹. Причем белорусы оказались более агрессивными, чем украинцы. В частности, число убитых землевладельцев на северо-восточных кресах Второй Речи Посполитой было почти в три раза больше, чем на юго-восточных: украинцы убили 23 человека, а белорусы – 62². В местечке Щерсы, например, местный комитет расстрелял 6 человек шпионов и буржуазии³.

Физическую расправу крестьяне рассматривали как личное дело, а Красную армию – только как вспомогательную силу. Так, крестьяне пограничной деревни Ляхи говорили: «Теперь расправимся с помещиками. Спасибо за помощь». В ряде боевых дружин были отмечены и уголовные элементы⁴. Специально исследовавший вопрос о судьбе землевладельцев в 1939–1941 гг. К. Ясевич пришел к выводу, что польский «помещик» или «пан» существовал только как пропагандистское понятие. Никакой специальной политики советской власти в отношении землевладельцев не было. Судьба помещика зависела от разных, часто случайных, факторов с типичным для советской системы беспорядком⁵. Согласно воспоминаниям поляков, приход Красной армии встречали с облегчением, потому что она спасала от анархии и произвола⁶.

Стремление к насилию жителей Западной Белоруссии даже пугало новую власть. П. К. Пономаренко сообщал Сталину о чрезмерной активности вышедших из подполья членов КПЗБ, заявлявших, что «представители Красной армии либеральничают с хозяйчиками»⁷, требуют больше репрессий. Политуправление 3-й армии сообщало, что «большинство помещичьих имений Едской волости было разгромлено крестьянами»⁸. Последние выкапывали фруктовые деревья, спускали плотины для ловли рыбы. В политдонесениях 10-й армии отмечалось, что идет массовая стихийная вырубка леса, разграбление помещичьего имущества, «осадчих (осадников. – О. П.) пачками расстреливают», а на «разъяснения не трогать кулаков-крестьян бедняки и середняки

¹ Sudol A. Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich ... S. 54.

² Wierzbicki M. Białorusini wobec władz sowieckich... S. 24.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 49, 225.

⁵ Jasiewicz K. Zagłada Polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 1998. S. 258.

⁶ Gross J. T. Upiorna dekada. Kraków, 1998. S. 69.

⁷ Назаўсёды разам... С. 173.

⁸ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 141.

не обращают внимания». До прихода Красной армии местными жителями из 30 деревень было разобрано многочисленное имущество в крепости Осовец. По приходу политорганы тщетно пытались изъять у них хотя бы оружие и боеприпасы¹.

Однако следует учитывать и то, что в армейской пропаганде преобладали лозунги борьбы, политорганы при выдвижении местных кадров, отдавали предпочтение решительным личностям. Так, в Поставах вместо предложенного населением врача выдвинули крестьянина, который в документах польской полиции числился как «местный Чапаев, способный поднять крестьян на восстание против помещиков»². В Глубоком на танк подняли 76-летнюю женщину, которая заявила: «Теперь вместе с вами будем уничтожать поработителей»³. Как отмечалось в материалах Первой брестской областной партконференции, созданная из «передовых рабочих и крестьян» рабочая гвардия была брошена на «вылавливание скрывающихся в лесах и других местах белопольских бандитов: офицеров, помещиков, жандармов и крупных чиновников польского государства. Было выявлено несколько сот этих белопольских бандитов. Значительную часть рабочегвардейцы убивали на месте»⁴. Именно помощь Красной армии в «освободительных действиях», в «борьбе с враждебными элементами», в «установлении революционного порядка» стала позже главным критерием при приеме жителей западной Белоруссии в коммунистическую партию и комсомол, при выдвижении депутатов в органы власти, оформлении на курсы агитаторов⁵.

Под влиянием классовой антипольской пропаганды самосуд учиняли и военнослужащие. Руководствуясь обычаями военного времени, люди действовали в полной убежденности в своей правоте. Расстрелы производились в присутствии членов военного трибунала, прокуроров без установления личностей и протоколов допросов. Начальник политуправления БФ в директиве от 24 сентября 1939 г. признал, что «наблюдались случаи саморасправ, не разбираясь тщательно, что это за люди». Причем «ненависть к врагам народа, к польским панам и их прислужникам нарастала <...> по мере того, как банды озверелой шляхты... пытались совершать террористические акты». После занятия Гродно,

¹ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 49, 68, 235.

² Климов И. Ф. Указ. соч. С. 33.

³ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 40.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 247. Л. 95–97.

⁵ Назасуды разам... С. 176, 211; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 250. Л. 18–19.

сопровождаясь тяжелыми боями, военнослужащие 4-й стрелковой дивизии, конвоировавшие группу военнопленных, устроили допрос с целью выявления офицеров. Не найдя таковых, стали отводить по 3–4 человека за бугор и расстреляли 26 человек¹. Получило известность дело убийства помещика Болеславского красноармейцем Семченко около местечка Видзь. В другом случае были замешаны комиссар Рыжик и помощник начальника штаба Минин, которые после безуспешных поисков оружия в поместье предложили рабочим имения расстрелять хозяина. Но те только ранили помещика, а красноармейцы добились². Действия военных часто были обусловлены обстановкой угрозы нападения со стороны лесных отрядов и непредсказуемостью ситуации. Так, отставшие младший командир взвода и красноармеец пристрелили арендатора сада за то, что он отказался обменять им лошадей. Политрук 19-го кавалерийского полка задержал несколько беженцев, безосновательно принял их за бандитов и шестерых расстрелял. Секретарь бюро ВЛКСМ лично застрелил двух человек: надзирателя тюрьмы и помещика³.

Как выяснилось позже, такой подход теоретически противоречил советской революционной законности. В ноябре началась волна расследований и привлечения виновных к ответственности. По официальной версии советское право начало действовать на территории Западной Белоруссии только с 2 ноября 1939 г., то есть с момента формального включения в состав БССР. Действия органов прокуратуры следует признать существенным аргументом против тезиса Б. Кьяри о том, что «советские власти не вмешивались в стихийные акты насилия и убийств, которые начались после ликвидации польской государственной власти в этнически разделенном обществе»⁴. Было возбуждено много уголовных дел по случаям саморасправ⁵. Обвиняемыми являлись как военнослужащие, так и жители Западной Белоруссии. Например, согласно воспоминаниям жительницы деревни Тышковичи, по иску престарелого отца сурово осудили молодых людей, замучивших его сына («пана») во время установления советской власти⁶.

¹РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 147. Л. 16; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 93.

²Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 154, 205.

³Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 114, 123; Д. 3358. Л. 92; Оп. 29. Д. 433. Л. 416.

⁴Кьяри Б. Гісторыя як паслядоўнасць катастроф: Беларускі рэгіён як акупаванае грамадства 1939–1944/47 // Беларускі гістарычны агляд. 1996. № 3. Т. 2. С. 204.

⁵Данилов И. Указ. соч. С. 117.

⁶Воспоминания крестьянки Коверец из деревни Тышковичи в Западной Белоруссии о событиях семейной истории 1921–1945 гг. // Сельский мир. Вып. 1.

Причем военная прокуратура и Военный совет фронта трактовали насилие военнослужащих гораздо менее либерально, чем гражданские суды. Особенно жестко обходилось советское правосудие с мародерами. Их приговаривали к разным срокам лишения свободы и высшей мере наказания. Так, был расстрелян молдаванин, красноармеец Фролук из 6-го кавалерийского корпуса, который выдал себя за представителя НКВД, организовал расстрел 15 человек (в большинстве беженцев), забрал деньги (1400 злотых) с вещами и скрылся¹.

Однако, во-первых, число подтвержденных документально обвинений относительно невелико², во-вторых, тяжесть наказания зависела от морального облика и классовой принадлежности жертвы. Например, работник штаба 4-й армии Бродовский изнасиловал во время военных действий девушку. Когда встал вопрос о его наказании, секретарь парторганизации встал на его защиту, так как девушка оказалась «из чуждой среды»³. Прокурор Малоритского района Брестской области Зуб требовал применения к крестьянину Коверда С. В., убившему коменданта польской полиции, высшей меры наказания, что крайне «изумило присутствующих на процессе крестьян», но областной суд вынес оправдательный приговор и указал на отсутствие в деле данных о социальном положении обвиняемых и потерпевших, которое затрудняет ориентацию. Более того, обком партии своим решением снял с работы райпрокурора, отметив, что такая практика «может вызвать неправильное толкование советских законов и правосудия»⁴.

Иначе говоря, теория революционной законности в понимании советских юристов вступила в противоречие с мнением высшего партийного руководства. Показательным является пример о действиях членов Военного совета 6-й армии Киевского особого военного округа Голикова и Захарова, которые 20 сентября 1939 г. в течение 24-х часов приняли постановление о расстреле главарей захваченной банды. В их число вошли 9 человек, личности которых не были установлены, поскольку документов при них не было. Прокурор 6-й армии и начальник политуправления М., 1994. С. 66.

¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 419; Д. 3574. Л. 346; Д. 433. Л. 379.

²Jasiewicz K. Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej (1939–1953) // Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953. Warszawa-Londyn, 2002. S. 79

³РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 195.

⁴РГАСИИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 251. Л. 202–203; Д. 247. Л. 129.

РККА Л. З. Мехлис настаивали на снятии с должности и привлечении к ответственности этих членов Военного совета. Однако И. В. Сталин на письме Л. З. Мехлиса написал: «Предлагаю ограничиться выговором в приказе, где разъяснить *ошибки* виновных (в поступках обвиняемых не вижу злой воли, а есть лишь ошибки, непонимание)»¹. В итоге было много случаев, когда наказания оказывались символическими.

Несмотря на отдельные примеры неблагоприятного поведения военнослужащих, в целом РККА на территории Западной Белоруссии успешно выполняла функции поддержания порядка. Красная армия обеспечивала населению определенную безопасность, поскольку в условиях военных действий, массовых перемещений, беженства, отсутствия стабильной власти и органов правопорядка резко возрос бандитизм. Каждый день приходили сообщения о грабежах, налетах, погромах. Вооруженные «польские банды» не только нападали на подразделения Красной армии, но и грабили местное население.

Непосредственную угрозу социальной безопасности составляло всеобщее вооружение населения, явившееся одним из следствий похода. В руки местных жителей попадало как польское вооружение, так и боеприпасы, брошенные в походе красноармейцами. На Первой белостокской партконференции жаловались: «Нет такого кулака, богатого поляка, человека религиозного культа, у которого нет спрятанного оружия»². Заместитель начальника НКВД по Белостокской области Бельченко доносил, что у населения Белостокской области сохранилось большое количество оружия, оставленного польской армией (не только винтовки, но даже орудия) и «враждебно настроенная часть населения оружие упорно скрывает»³. «Вылазок контрреволюционных элементов» ждали не только к выборам, но и к каждому новому советскому празднику⁴. РККА в этих условиях была залогом стабильности и необратимости процессов смены власти. Так, женщины Радуни в день выборов в Народное собрание пришли на избирательный участок и потребовали, чтобы Красная армия не уходила из местечка⁵.

Потребность в защите Красной армией возросла у населения в 1940 г., когда усилилось противодействие советской власти, связанное с ростом налогообложения и повинностей. Бедняки оказались между двух огней.

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 541. Л. 282–284.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 229. Л. 231.

³ Gnатовski M. W radzieckich okowach. S. 223.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 229. Л. 237.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 437.

С одной стороны – опасность расправы со стороны польского подполья, угрожавшего убийством активистам в случае подозрения в помощи органам НКВД. С другой – репрессии со стороны советской власти. Так, по словам жителя Высоко-Мазовецка поляк находился «между двух огней, которые в любую минуту могут человека обречь на смерть. Если я буду помогать органам НКВД и об этом узнают поляки, то они меня убьют, а если я пойду за поляками, которые ведут работу против советской власти, то советская власть меня арестует и накажет, как преступника». 17 сентября 1940 г. житель Белостокской области заявлял: «Сейчас в Чижевский район пришли части Красной армии, теперь я не боюсь, что меня могут убить, теперь я могу жить и работать спокойно, приход частей Красной армии оживил меня в моральном отношении, я боялся повстанцев, которые производят террористическую деятельность над активистами советской власти, и всеми теми, кто помогает советской власти»¹.

Вооруженное подполье активизировалось в 1941 г., с нарастанием среди населения предчувствия войны. С одной стороны, стекались слухи о приготовлениях немцев из соседнего Генерал-губернаторства, с другой – расширялись действия советского руководства по организации обороны. Как вспоминает житель Пинщины И. П. Данилов, в 1941 г. даже по второстепенной железной дороге Гомель–Брест двигались бесконечные эшелоны с солдатами и боевой техникой на запад. Особенно много их скапливалось на станции Жабинка, где сходились дороги Гомель–Брест и Москва–Брест и это укрепляло мысль, что война вот-вот начнется². В этих условиях активизировалась и деятельность военных. В частности, 3-й отдел 6-го кавалерийского корпуса Западного особого военного округа (ЗаПОВО)³ раскрыл и арестовал шестерых членов польской повстанческой организации, работавших на Ломжинском лесозаводе, которые ставили цель поднять с началом войны восстание и восстановить польское государство⁴.

Подразделения Красной армии вместе с органами НКВД участвовали в акциях «изъятия» врагов советской власти и их депортации, которые отличались нетипичной для советского порядка степенью организованности.

¹ Gnatowski M. W radzieckich okowach... S. 223, 236.

² Данилов И. Указ. соч. С. 69.

³ Приказом НКО СССР № 0141 от 11.07.1940 Белорусский особый военный округ был переименован в Западный особый военный округ.

⁴ Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): документы и материалы. Минск, 2007. С. 370.

Влияние армии в организации управления западными областями БССР прослеживается и после установления постоянных органов советской власти. Еще в партийной директиве от 1 октября 1939 г. предписывалось специально «демобилизовать из рядов Красной армии, действующей на украинском и белорусском фронтах, <...> в распоряжение Белорусской партийной организации 800 коммунистов и 400 комсомольцев для использования на партийной, комсомольской и другой работе»¹. Многие оставались в Западной Белоруссии после увольнения в запас по собственному желанию, как, например, отслуживший в комендантском отряде Бреста М. Н. Павловский, возглавивший позже отдел снабжения топливом брестского горисполкома². Из демобилизованных формировались и местные кадры НКВД. Жен командного и политического состава, имеющих педагогическое образование, активно привлекали к работе в школах³.

О причастности военнослужащих к структурам власти, установленной в Западной Белоруссии, говорит их численность на областных партконференциях. Так, в работе Белостокской облпартконференции принимали участие 135 военнослужащих (38 % всех депутатов), Пинской – 80 (29,2 %), Вилейской – 61 (24,2 %) ⁴. В Барановичский горсовет в декабре 1940 г. среди 98 депутатов было избрано 5 военных⁵.

Причем армия в глазах населения оставалась наиболее влиятельной и уважаемой группой лиц, прибывших с востока. Красноармейцы и командиры в глазах крестьян, во-первых, выглядели освободителями, во-вторых, инициаторами перераспределения собственности, в-третьих, они представляли реальную вооруженную силу, способную защитить мирных жителей. Сказывались также культ и героизация Красной армии в советской пропаганде. «Вітайце байцоў і любімых герояў, / Адважных пілотаў і смелых танкістаў!» – призывали ведущие белорусские поэты⁶. В числе новых белорусских улиц городов и поселков Западной Белоруссии, сменивших польские названия, обязательно появлялась «Красноармейская».

¹Назаўсёды разам... С. 176.

²Сарычев В. В. В поисках утраченного времени... С. 106–108.

³РГАСП. Ф. 17. Оп. 22. Д. 251. Л. 13.

⁴Рассчитано по: РГАСП. Ф. 17. Оп. 22. Д. 229. Л. 338–339, Д. 341. Л. 111–112; Д. 262. Л. 363–366.

⁵ГАБО. Ф. 75801. Оп. 1. Д. 141. Л. 41.

⁶Купала Я., Колас Я., Броўка П., Глебка П. Мы помнім змаганне... // Зара. 1941. 23.02.

В то же время многих партруководителей по ряду причин местные жители не жаловали. Так, в Волковысском районе начальник исполкома отнимал у крестьян трофейных лошадей, которых им дали части Красной армии и Временное управление¹. Против кандидатуры И. П. Тура — первого секретаря Барановического обкома — в ходе выборов в Верховные советы только в Ивенецком районе области проголосовало 2 463 человека². Но больше всего боялись и ненавидели в Западной Белоруссии представителей НКВД. Широкие полномочия этой организации, а также аресты, которые начались через месяц после прихода Красной армии и продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, позволяли жителям говорить о диктатуре НКВД³.

Широкое воздействие армии на местное население было обусловлено как ростом вооруженных сил в Западной Белоруссии, так и реорганизацией местного быта, который стал носить мобилизационный характер. В частях БФ в сентябре 1939 г. по разным данным насчитывалось от 200 802 до 378 610 солдат и командиров⁴. До конца 1939 г. их число в Западной Белоруссии увеличивалось. В начале 1940 г. ряд подразделений был отправлен на финский фронт, но с середины 1940 г. в связи с приготовлением к войне, численность войск, которая многократно превысила количество бывших польских вооруженных сил, вновь стала расти. Летом 1940 г. в Западной Белоруссии размещались две армии: 10-я с дислокацией в Белостоке и 4-я — в Кобрине⁵. Позже в Гродно переместился штаб 3-й армии. В их составе в ноябре 1940 г. насчитывалось четыре стрелковых корпуса, восемь стрелковых и моторизированных дивизий, 3 смешанных авиадивизии, многочисленные подразделения кавалерийских, танковых артиллерийских, железнодорожных и пр. войск. Расширявшееся присутствие военных было заметно по обострявшемуся в городах жилищному вопросу, необходимости строительства новых казарм для солдат. Частым явлением стал самовольный захват военными помещений госучреждений и жилых домов, конфликты из-за квартир с представителями НКВД (в которых чаще побеждали военные)⁶. Широкое расквартирование войск повышало

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 229. Л. 198.

²ГАБО. Ф. 758011. Оп. 1. Д. 159. Л. 68.

³Данилов И. Указ. соч. С. 58.

⁴Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина... С. 118; Ладысеў У. Падзеі верасня—кастрычніка 1939 года ў лёсе беларускага народа // Назаўсёды разам... С. 87.

⁵Накануне... С. 104.

⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 268. Л. 117; Накануне... С. 395—397.

спрос на продукцию сельского хозяйства и, следовательно, улучшало материальное благополучие белорусских крестьян¹.

В сложной международной обстановке на протяжении 1940–1941 гг. военным вместе с жителями Западной Белоруссии предстояло решить целый комплекс проблем, связанных с обороноспособностью края, республики и страны. Уже на предвыборных собраниях была поставлена задача превратить край в «непрístupную крепость»². На IV Пленуме ЦК КПБ(б)Б (26 марта 1941 г.) П. К. Пономаренко призывал: «Мы должны быть готовы к войне во всем многообразии ее форм, техники и во всей силе оружия». Он отчетливо понимал, что Белоруссия будет районом «примыкающим, а может быть принимающим первые удары». Следовательно, необходимо было подготовить территорию к военным действиям, создать ресурсы для армии³.

В оборонительные работы включился не только личный состав Красной армии, но и местное население. Контакты военнослужащих с жителями Западной Белоруссии активизировались с февраля 1940 г., когда к трудовой повинности по вывозке леса добавилась повинность по подвозу грузов и строительству военных объектов: железных дорог и воинских площадок при них, аэродромных полей, ветеринарных лечебниц особого назначения, жилья для военнослужащих, подземных убежищ, стрельбищ, танкодромов, складов и т.д.⁴ С 15 октября по 1 декабря 1940 г. Брестская область дополнительно обязана была выделить в распоряжение Западного особого военного округа для выполнения оборонительных работ 5 000 рабочих и 500 подвод, а Белостокская – 12 400 рабочих и 1 300 подвод. С 10 марта по 30 апреля и с 25 мая по 20 июня 1941 г. по Белостокской области было мобилизовано 9 600 рабочих и 9 480 подвод с возчиками, по Брестской – 990 и 760 соответственно⁵.

Очевидно, что крестьяне не особенно радушно встретили новую трудовую повинность, которую к тому же надо было выполнять со своим транспортом. Поэтому руководители военных подразделений прибегали к испытанным методам воздействия. Так, командир саперного стройбата

¹ *Mironowicz E.* Dekada oczekiwania na zmiany. Białorusini wobec zmieniających się systemów politycznych w latach 1939–1949 // *Wyzwolenie czy okupacja? Stosunek społeczności zamieszkujących pogranicze polsko-litewsko-białoruskie do zmieniających się w XX wieku systemów państwowych.* Białystok, 2006. S. 120.

² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 167.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 195. Л. 234–235.

⁴ Накануне... С. 351, 356, 360, 364–365, 368.

⁵ Там же. С. 232, 342; «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 239.

Либкин, угрожая арестом за невыполнение приказа, потребовал собрать подводы и выехать к назначенному часу целому району¹. На строительстве аэродромов белорусские крестьяне встретились с советскими заключенными, привезенными на стройку из восточных областей СССР и узнали о масштабах советских концлагерей². Условия работы на строительстве оборонных объектов были крайне тяжелыми. Присланные комсомольцы жаловались, что командование ЗапОВО не обеспечивает их обувью, спецодеждой, питанием, жильем, плохо организует работу, задерживает заработную плату и т.д.³.

Несмотря на массовую мобилизацию населения Западной Белоруссии П. К. Пономаренко писал И. В. Сталину, что оборонные работы идут медленно⁴.

Особое внимание уделялось оборудованию и охране новой границы. Было предписано к 1 мая 1940 г. выселить жителей с 800-метровой приграничной полосы⁵. Весной 1940 г. на границе начались интенсивные строительные работы, на которые были отпущены большие средства. К октябрю 1940 г., как доносил начальник пограничных войск БССР, «на участке протяжением более 1 000 км полностью закончено инженерно-техническое оборудование государственной границы». Однако П. К. Пономаренко, недовольный установлением простых сооружений вдоль границы, добивался разработки генерального плана системы укрепления погранполосы, создания искусственных препятствий и вспомогательных сооружений по глубине и фронту⁶.

Армия была значимым фактором милитаризации Западной Белоруссии, которая включала не только собственно военные приготовления, но и трансформацию политической системы, а также общественного сознания с учетом военных интересов⁷. От населения требовали «усиления большевистской бдительности»⁸, бригады содействия из местного населения использовались в охране государственной границы. Так, «21 августа 1940 г. на участке 10-й заставы Августовского пограничного

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 83

² Данилов И. Указ. соч. С. 61.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 208. Л. 73.

⁴ Накануне... С. 370.

⁵ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 150–151.

⁶ Пограничные войска СССР... С. 306; Накануне... С. 64.

⁷ Никонова О. Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война: война как явление культуры. М., 2001. С. 377.

⁸ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 171.

отряда в 4 км от линии границы пионервожатый местного пионерского дома Спирович К. К., заметив в лесу неизвестного, с помощью пионеров Севастьянова, Сидоренко и Никифорова задержали его». 7 октября 1940 г. житель дер. Грусели Лядик Иосиф обнаружил нарушителя в своем огороде, запер его в сарае и сообщил на заставу. Колхозник деревни Чисти Мильчанские передал пограничникам 150 нарушителей, а жители деревни Клиники Брестской области Якобчук Т. Л. и Сорока А. И. имели в 1940 г. 45 задержаний контрабанды на сумму 55 тыс. рублей»¹.

Угроза безопасности СССР требовала формирования человека нового типа, физически здорового, ангажированного в потребности обороны Родины. В конце января 1940 г. ЦК Компартии Белоруссии постановил организовать в западных областях областные и районные комитеты по делам физкультуры, спортзалы в школах, спортивные клубы². Главной задачей физкультурных организаций считалась подготовка бойцов Красной армии. Очевидно, что главное внимание уделялось молодежи. В зимние каникулы 1941 г. среди школьников, несмотря на мороз, доходивший до минус 17-ти градусов, военные провели военно-тактическую игру «На штурм»³.

Вместе с тем, основной задачей была массовость участия населения в военно-спортивных организациях и мероприятиях, которая демонстрировала поддержку государства и его силу. Как и по всей стране, в Западной Белоруссии стали появляться военизированные общественные организации: Осоавиахим, общества Красного креста и Красного полумесяца, организации местной ПВО и т.д. Потребность расширения их рядов за счет местного населения объяснялась потребностями Красной армии и предстоящей войны. К членству в организациях, спортивным маршам, кроссам, забегам, сдаче разнообразных нормативов на получение значков привлекалась не только молодежь, но все остальные группы городского и сельского населения, вплоть до домохозяек⁴. Всего в лыжных гонках и маршах, посвященных годовщине Красной армии в феврале 1940 г. приняли участие более 120 тыс. человек⁵. Но своего

¹ Пограничные войска СССР... С. 355–356.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 197. Л. 50.

³ *Фіялкін Г.* Фізкультурні баявы рэзерв Чырвонай Арміі // *Зара*. 1941. 23 февраля; *Скараход В.* Ваенная гульня школьнікаў // *Сялянская газета*. 1941. 3 января.

⁴ *Шобін А. М.* Маладыя патрыёты // *Зара*. 1941. 23 февраля.

⁵ *Romanek J.* Prasowa kampania propagandowa na rzecz podniesienia sprawności fizycznej wśród obywateli zachodnich obwodów BSSR w latach 1939–1941 // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2007. № 27. S. 135.

пики военно-спортивные мероприятия достигли зимой 1941 г. Только в Брестской области до конца февраля 1941 г. в пеших и лыжных походах участвовало 34 тыс. человек¹. 16 февраля 1941 г. из Бреста в Минск двинулась колонна мотоциклистов с лыжниками на буксире, которые посвятили свой военизированный пробег 23-й годовщине РККА и XVIII партконференции ВКП(Б)².

Важной задачей военных с весны 1940 г. стала организация призыва в Красную армию местного населения, проходившая по отработанной схеме пробуждения патриотизма: с беседами, митингами, собраниями, концертами, кинофильмами, буфетами и т.д. Провозглашалось единство армии и советского народа. Белорусам была предоставлена почетная возможность включиться в ряды Красной армии и непосредственно участвовать в обороне страны. Однако военкоматы действовали с осторожностью. В духе времени подготовка к призыву проводилась в обстановке строгой секретности, предписывалось «приказов на призыв не издавать и не опубликовывать, никого об этом кроме РВК и ГВК в известность не ставить, а также не издавать никаких объявлений впредь до получения особой директивы на призыв Военного совета округа»³. С целью «недопущения в Красную армию политически неблагонадежных лиц» специально выделялись комсомольцы и коммунисты⁴. Этническая принадлежность и морально-политические качества при отборе играли не меньшую роль, чем состояние здоровья и уровень грамотности. Еще весной 1940 г. со всей бдительностью, дабы «не попала сволочь», была произведена приписка к РККА солдат бывшей польской армии. С 1 августа по 5 сентября на учет были взяты жители Западной Белоруссии 1917–1921 гг. рождения⁵. Но в кадровый состав РККА предполагалось зачислить лишь лиц родившихся в 1920 и 1921 гг., знающих русский язык и годных к службе. Остальных призывников намечалось оставить в резерве⁶. Призыв проходил в сентябре–октябре 1940 г. Большая часть молодежи откликнулась на него с энтузиазмом. Из Лидского района Барановичской области доносили: «Имеется большой патриотический подъем». Многие отказывались от предоставленных льгот. На призывные пункты шли

¹Фіялкін Г. Фізкультурнікі баявы рэзерв Чырвонай Арміі...

²Пачаўся мота-лыжны прабег // Зара. 1941. 18 февраля.

³Накануне... С. 177.

⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 268. Л. 147.

⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 83; Оп. 29. Д. 541. Л. 276.

⁶Накануне... С. 177.

организованно с лозунгами, песнями, с музыкой¹. Патриотические чувства отражало и народное творчество: «А як грымне гром / З новай сілай / Пойдзем дружна ў бой з Варашылавым»². Отбор был жестким. Более 70 % призванных в ряды РККА, например, по Барановичской области, составляли крестьяне-белорусы. Соответственно, грамотность их была низкой (47 % малограмотных и неграмотных среди призванных), несмотря на усиленную работу по обучению молодежи³. В то же время отказывались от службы в армии баптисты и представители других конфессий, антисоветски настроенные поляки. Польский историк А. Главацкий, который расценивает призыв в армию как форму репрессий (с чем согласиться нельзя), справедливо полагает, что он все же значительно ослабил движение сопротивления поляков⁴.

Таким образом, РККА явилась действенной силой советизации Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Ее важнейшая, успешно реализованная функция заключалась в агитационно-пропагандистской деятельности, носившей всеобъемлющий характер. В ходе самого похода и последовавших кампаний по выборам в Народное собрание, а также органы власти разных уровней, в которых военнотружущие принимали самое активное участие, шел поиск содержательных ключей, апробировались формы и методы пропаганды, направленной на обоснование правомерности действий Советского Союза в отношении Польши и инкорпорации занятых территорий.

Ведущую роль в пропаганде среди населения Западной Белоруссии во время освободительного похода играла армейская печать. Несмотря на кризис с бумажной продукцией в стране, Белорусский фронт не ощутил ее недостатка. В дальнейшем акцент армейской пропаганды переместился на устные, звуковые и зрелищные формы агитации. Военные агитаторы, помимо избирательных кампаний, были ангажированы в целом ряде мероприятий, направленных на утверждение новой идеологии, привлечение населения к военно-спортивным обществам, помощи военным и службе в рядах РККА.

При поддержке представителей армии на территории Западной Белоруссии формировались органы советской власти и правопорядка, происходила мобилизация населения на решение хозяйственных, оборонных,

¹ «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 115–116.

² Траевецкая Р. Наша родная армія // Чырвоная звезда. 1940. 23 февраля.

³ Рассчитано по: «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». С. 113–114.

⁴ Glowacki A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Łódź, 1997. S.405.

политических задач, осуществлялась охрана порядка и обеспечивалась безопасность населения. Части Красной армии успешно использовались для борьбы с вооруженным подпольем.

Агитационная и организационная деятельность, повседневные контакты с военнослужащими в условиях военной угрозы и расширения оборонных задач, способствовали преобразованию быта населения Западной Белоруссии, который приобретал мобилизационный, военный характер. Военнослужащие являли новые ценности и паттерны поведения, на которые ориентировались местные жители, стремившиеся приспособиться к происходящим изменениям.

Влияние РККА на жизнедеятельность населения Западной Белоруссии оставалось существенным вплоть до лета 1941 г. Данному обстоятельству способствовали кадровая и организационная слабость советского и партийного аппарата управления, задачи оборонного строительства, вытекающие из надвигающейся войны, превращение Западной Белоруссии в пограничную с Германией территорию.

С. А. Пивоварчик

**СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
РАБОЧЕЙ СИЛОЙ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР (1939–1941)**

В результате политических и военных действий советских властей в 1939–1940 гг. государственная граница СССР была отодвинута на запад. Согласно секретному протоколу сферы влияния между Германией и СССР проходили приблизительно по рекам Нарев, Висла, Сан. На практике это вылилось в то, что большая часть северо-восточных территорий II Речи Посполитой вошла в состав СССР как новая административная единица Белоруссии – Белостокская область. В стратегическом плане это обстоятельство имело позитивное значение для Советского Союза, так как позволяло снизить угрозу ряду важнейших промышленных и административных центров страны, выиграть пространство и время для отражения агрессии и ответного удара. Но вместе с тем перенос границы вызвал немало осложнений, связанных с необходимостью перестройки всей группировки войск первого стратегического эшелона, прочного укрепления новых границ, тактико-технического оборудования приобретенных территорий, переработки всех оперативных планов.

Одной из главных проблем для республиканских и местных органов управления было обеспечение оборонного строительства на новой границе СССР рабочей силой. Специальное строительство осуществлялось по двум ведомствам – Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата обороны. НКВД занималось строительством аэродромов, укрепленные районы (УРы) возводились по линии НКО. Анализ архивных материалов и воспоминаний очевидцев показывает, что обеспечение массовой рабочей силой объектов оборонного строительства проходило за счет: 1) комсомольских батальонов, специально сформированных из молодежи преимущественно восточных областей БССР; 2) строительных батальонов – полувоенных подразделений, сформированных из призванных из запаса военнообязанных; 3) местного населения, отбывающего трудовую и гужевую повинности; 4) регулярных воинских частей; 5) заключенных тюрем и лагерей. Особенностью строительства фортификационных сооружений было отсутствие использования труда заключенных, имевшее место на аэродромном строительстве. Для выполнения гигантских планов оборонного строительства на западной границе СССР партийные, советские и военные органы широко применяли

командно-административные методы формирования, управления и использования больших людских ресурсов.

Комсомольские батальоны приступили к оборонному строительству одними из первых. Уже в конце весны 1940 г. первые комсомольские батальоны прибыли для работ по возведению новых укрепленных районов в «Белостокском выступе». Формирование батальонов проходило с большими трудностями. В записке младшего техника 64-го Замбровского УРа Фурмана, прибывшего в Барановичскую область для организации набора рабочей силы, указывалось, что при плане формирования батальона в 1000 человек удалось завербовать 272. Причины невыполнения задания были следующие (тут и далее стиль документов сохранен. — С. П.): «1) наличие в области большого количества выходцев из партий фашиствующего направления, которым НКВД не выдает пропуска; 2) большое количество объектов работы непосредственно в области (строительство аэродромов, шоссежных дорог, торфоразработки); 3) ранее проведенные большие вербовочные работы в восточные области СССР и проведение этих работ в настоящее время; 4) совпадение вербовочных работ с сельскохозяйственными»¹.

Несмотря на название, состав комсомольских батальонов был разнообразным. В батальоне, который прибыл на строительство 62-го Брестского укрепленного района из Гомельской области, числились 805 человек, из которых 344 комсомольца, остальные беспартийные. Среди рабочих 150 человек были несовершеннолетними (16–17-летние) и несколько стариков 60–63 лет. Кроме этого, имелся ряд людей «совершенно неблагонадежных, судимых и имеющих репрессированных родителей и родственников», а также двое немых и один глухой².

По прибытии на места работы батальоны столкнулись с плохой организацией труда, быта, оплаты, отсутствием внимания со стороны руководства. Для того чтобы выполнить план поставки рабочей силы, советские органы шли на различные ухищрения. Самым распространенным было обещание отличных условий работы и быта. Группа комсомольцев из г. Снядово отмечала в своей жалобе в Центральный комитет Ленинского

¹ Докладная записка мл. воентехника в/ч 9384 Фурмана А. В. «О результатах вербовки рабочих в Барановичской области на оборонные работы» от 5 августа 1940 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 37. Д. 28. Л. 96–97.

² Докладная записка секретаря Брестского обкома КП(б)Б Дружинина «О состоянии политмассовой работы среди комсомольцев батальона на военно-строительном участке в/ч 9344 (21 стройучасток) и создание условия к работе». 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1965. Л. 25–26.

коммунистического союза молодежи Белоруссии: «Перед отправкой в райкомах комсомола говорили об условиях, где было сказано: 1) комсомольцам, приехавшим на работу, предоставят жилые помещения; 2) выдача спецодежды; 3) обеспечение полностью харчами; 4) культобслуживание и баня»¹. Аналогичное явление отмечалось и в гомельском батальоне. В Гомельском обкоме ЛКСМБ при вербовке рабочей силы обещали, что все рабочие будут зачислены на красноармейский паек и обмундирование. Вследствие этого большое количество рабочих приехало полуголыми и босыми с установкой, что их бесплатно обеспечат всем необходимым². В реальности они столкнулись с другими условиями.

В конце июня 1940 г. заведующий военным отделом Сопотчинского райкома Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии Зусманович проверил состояние бытовых условий и культурно-массовой работы комсомольского батальона военной части 9604, расположенного в д. Тартак Сопотчинского района. В докладной записке в военный отдел Белостокского обкома КП(б)Б он сообщал: «При проверке установлено, что вопросом улучшения бытовых условий комсомольского батальона командир занимается недостаточно. Так, постельное белье в течение месяца не менялось и не стиралось, мотивируя тем, что не было смены постельного белья. Дезинфекции и полной санобработки в течение месяца не проводилось. В результате имеет место вшивость.

Плохо обстоит дело с учетом работы и выплатой зарплаты. Комсомольцы работают с 25 мая и расчет получили только по 1 июня 1940 г., а за первую половину июня расчет еще не получили, и никто не знает, сколько он заработал. Плохой учет работы и задержка с выплатой зарплаты вызывает недовольство со стороны комсомольцев»³. На документе имеется приписка, что по договоренности с секретарем райкома на бюро будет заслушан доклад о состоянии комсомольских батальонов и будут приняты меры.

¹ Заявление в ЦК ЛКСМБ группы комсомольцев, поехавших на работу на укрепление западной границы БССР. 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 24. Л. 102–103.

² Докладная записка секретаря Брестского обкома КП(б)Б Дружинина «О состоянии политмассовой работы среди комсомольцев батальона на военно-строительном участке в/ч 9344 (21 стройучасток) и создание условия к работе». 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1965. Л. 26.

³ Докладная записка зав. Военным отделом Сопотчинского РК КП(б)Б Зусмановича о состоянии комсомольского батальона в/ч 9604. 29 июня 1940 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). Ф. 6195. Оп. 1. Д. 435. Л. 4–4об.

По всей видимости, принятые меры остались на бумаге, поскольку в октябре 1940 г. аналогичная ситуация сложилась и на участке № 31 в имении Свяцк-Гурских того же района, где комсомольский батальон насчитывал 230 человек. Тут рабочие жили в грязном бараке, «по вечерам света не бывает, культурно-массовая работа поставлена плохо, в баню комсомольцев водят редко, в результате чего имеется много вшивости, воровство, игра в карты. На участке спецстроительства был один случай, когда рабочий Лычигин Иван Екимович попал в машину камнедробилку и погиб насмерть, этим самым настроение у комсомольцев было не здоровое, они заявляют, что мы здесь гибнем»¹.

Комиссия, проверявшая работу комсомольских отрядов на спецстроительстве в Сопоткинском и Снядовском районах, пришла к выводу, что материально-бытовые условия в комсомольских батальонах являются ненормальными. Чтобы навести элементарный порядок на участке, по мнению проверяющих, необходимо было «довести до сведения Обкома партии и Обкома ЛКСМБ, администрации участков и командование батальонов об имеющихся недостатках, в особенности наладить вопрос бытовых условий и особо обратить внимание на улучшение постановки политико-массовой и культурной работы среди рабочих и комсомольцев»².

Нельзя сказать, что республиканскими и областными органами не принимались решения, направленные на улучшение работы и быта людей, работающих на военном строительстве³. Однако многие решения оставались на бумаге. Советская промышленность не справлялась с производством необходимых товаров в достаточном объеме. Так, например, секретарь Брестского обкома КП(б)Б Дружинин отмечал: «Областной здравотдел не в состоянии обеспечить участки необходимыми медикаментами из-за отсутствия таковых»⁴.

¹ Докладная записка Военного отдела Белостокского обкома КП(б)Б о проверке состояния комсомольских батальонов на спец. строительстве воинских частей 9384, 9868, 9604. 21 октября 1940 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 431. Л. 147–148.

² Там же.

³ Постановление Бюро Белостокского обкома КП(б)Б от 25 августа 1940 г. «О состоянии строительства и комсомольских батальонов в воинских частях 9384 и 9604» // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 31. Л. 4–8.

⁴ Докладная записка секретаря Брестского обкома КП(б)Б Дружинина «О состоянии политмассовой работы среди комсомольцев батальона на военно-строительном участке в/ч 9344 (21-й стройучасток) и создание условия к работе». 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1965. Л. 25–30.

Несмотря на тяжелые условия работы, молодые рабочие комсомольских батальонов показывали примеры высокой производительности и организации работы. На стройучастке № 21 в Бресте ряд бригад ежедневно превышали нормы на 153–155 %, несколько долговременных сооружений были признаны отличного качества¹.

Весной 1941 г. активизировались работы на строительстве УРов и аэродромов, что привело к усилению командных форм привлечения рабочей силы к оборонительным работам. 22 февраля 1941 г. Совет народных комиссаров БССР и Центральный комитет КП(б)Б приняли совместное постановление «Об обеспечении оборонительного строительства Западного особого военного округа». Оно обязывало исполкомы и обкомы Брестской, Белостокской, Барановичской, Пинской и Вилейской областей обеспечить организованный набор рабочей силы и гужевого транспорта и направить её в распоряжение начальников строительства № 71, 72, 73, 74. По Брестской области количество рабочих должно было составить 9 000 человек, Белостокской и Барановичской – по 4 000, Пинской и Вилейской – 2 000. Вместе с этим Белостокская область должна была для управлений начальников строительства (УНС) № 71, 72, 73 на период с 1 мая по 1 декабря 1941 г. направлять по 900 подвод ежедневно. Руководителям Белкоопсоюза и Наркомздрава Белоруссии поручалось организовать сеть торгового и медицинского обслуживания рабочих в местах, указанных инженерным управлением Западного особого военного округа, а за организацию политмассового и культурного обслуживания ответственность возлагалась на облисполкомы и обкомы².

В свою очередь обкомы и облисполкомы принимали соответствующие нормативные акты, которыми конкретизировали принудительное привлечение населения на оборонительные работы. Белостокские исполком Совета депутатов трудящихся и комитет КП(б)Б 28 февраля 1941 г. приняли совместное постановление, в котором обязывали председателей исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся и секретарей районных комитетов партии под их личную ответственность провести организованный набор рабочей силы и гужевого транспорта и направить в распоряжение начальников

¹ Докладная записка о состоянии комсомольского батальона 21-го строительного участка. 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1965. Л. 47–49.

² Постановление СНК и ЦК КП(б)Б от 22 февраля 1941 г. «Об обеспечении оборонительного строительства ЗапОВО». // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2321. Л. 30–31.

управлений строительства в количестве и сроки, указанные в прилагаемом расчете¹.

Чтобы материально заинтересовать население пограничных районов, СНК СССР и ЦК ВКП (б) издали 4 марта 1941 г. постановление о введении платной трудовой и гужевой повинности на оборонном строительстве². Соответственно, для реализации данного документа с целью усиления притока рабочей силы на оборонительное строительство, СНК БССР и ЦК КП(б)Б 8 марта 1941 г. приняли свое постановление «О проведении платной трудовой и гужевой повинности по Белостокской и Брестской областям БССР для выполнения работ по оборонительному строительству»³.

Следующим этапом стали постановления белостокских и брестских властей, которые были приняты 10–11 марта. Эти документы были похожи на февральские, только более конкретные в сроках и степени ответственности. В них, в частности, говорилось, что привлекаемые в порядке труд- и гужевых повинностей должны отработать в период указанного времени: каждый рабочий не свыше 10 дней, каждая подвода с возчиком не свыше 8 дней, а за уклонение от повинностей и за невыполнение обязательных заданий по оборонительному строительству виновные привлекаются к ответственности. Далее указывалось на необходимость создания культурно-бытовых условий и медицинского обслуживания строительных рабочих. В документах утверждался план-задание привлечения населения на оборонное строительство в «разрезе районов». Персональная ответственность за выполнение мероприятий возлагалась непосредственно на первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Они должны были ежедневно получать от начальников управлений начальников строительства сводки о количестве людей, вышедших на строительство, и информировать облисполком и обком⁴.

¹ Постановление Белостокского исполкома областного Совета депутатов трудящихся и Обкома КП(б)Б от 28 февраля 1941 «Об обеспечении оборонительного строительства ЗапОВО» // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–3.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О платной трудовой и гужевой повинности по оборонительному строительству в Белостокской и Брестской областях». 1941 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2311. Л. 64–65.

³ Постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О проведении платной трудовой и гужевой повинности по Белостокской и Брестской областям БССР для выполнения работ по оборонительному строительству» // Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): док. и материалы. Минск, 2007. С. 342–343.

⁴ Постановление Белостокского исполкома областного Совета депутатов трудящихся и Обкома КП(б)Б от 11 марта 1941 «Об обеспечении оборонительного строительства ЗапОВО» // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 166. Л. 7–9; Постановление

О том, как выполнялись данные постановления, свидетельствует справка «О ходе выполнения обязательств по трудгужповинностям на УНС № 71-Гродно», составленная инструктором военного отдела обкома партии Заболотинным 25 марта 1941 г., т.е. через две недели после принятия документа. Инструктор сообщал, что обязательства по всем проверенным им районам доводились с опозданием, выход подвод и пеших не был в достаточной мере организован.

В ходе проверки были выявлены различные недостатки: не выделены ларьки для обслуживания крестьян; нерационально использовались подводы; имелись жалобы со стороны крестьян, что у них не принимают камень, который они сами собирают и возят за 12–15 км; на участках недостаточно точно ведется учет рабочей силы и подвод; недостаточно четко организован прием материалов, в результате чего получаются очереди и простои подвод¹.

Организованный набор рабочей силы и транспорта в размерах, определенных постановлением, произвести не удалось. Необходимо отметить, что с трудностями мобилизации рабочей силы на оборонительное строительство столкнулись и другие приграничные республики. Проблема решалась союзными органами типичными командно-административными методами. 24 марта 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О введении платной трудовой и гужевой повинности на закрытом строительстве»².

Этот документ наделял советские и партийные органы союзных республик и областей правом определять размеры платной трудовой и гужевой повинности населения и фактически оформил и закрепил то, что на местах уже было сделано. Постановление от 24 марта 1941 г. стало основой работы республиканских и областных органов власти по обеспечению военных объектов рабочей силой перед войной. Сводки о количестве посланных людей и подвод регулярно поступали командованию УНС, а также в обкомы и облисполкомы. Эта информация свидетельствовала о том, что практически каждый день на спецстроительство выходило рабочей силы меньше, чем Исполкома Брестского областного Совета депутатов трудящихся «О введении платной трудовой гужевой повинности на оборонительном строительстве. 10 марта 1941 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 53. Л. 1–2.

¹Справка о ходе выполнения обязательств по трудгужповинности на УНС № 71 – Гродно // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457. Л. 122–124.

²Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О введении платной трудовой и гужевой повинности на закрытом строительстве». 24 марта 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 139. Л. 139.

требовалось (таблица). Как показали дальнейшие события, из-за огромного объема работ промышленность не успевала в намеченные сроки обеспечить всем необходимым строительство УРов. Создание новых укрепленных районов в округах было в «полном провале из-за отсутствия материалов, транспорта и механизмов»¹. Несмотря на ужесточение мер по привлечению населения и направление воинских частей на спецстроительство планы хронически не выполнялись, и к началу войны строительство даже первой полосы УРов не было закончено.

Во время работ на спецстроительстве местное население сталкивалось с явлениями, которые были типичными для советской командно-административной системы: грубое администрирование, самовольство и нарушения законности, плохая организация работы и быта, задержки выплаты денег, бесхозяйственность, идеологическая обработка. В донесениях и докладных записках в местные партийные и советские органы факты такого рода приводятся практически по всем 23 районам Белостокской области. Так, в Граевском районе военным командованием были наняты граждане с 900 подводами для перевозки лесоматериалов. По окончании работ оплата была произведена за 500 подвод. Широкий резонанс приобрел факт самовольного насильственного изъятия у жителя Ломжинского района Хрустовского 180 кубометров камня, причем беззаконие осуществлялось представителем 72-го УНС с применением физического насилия. В Хорошанах советские офицеры самовольно занимали помещения, отведенные под общественные нужды. Споры между представителями сельсовета и командирами в присутствии местных обывателей способствовали нездоровым разговорам среди населения².

В Сопоткинском районе группа красноармейцев, работающих на участке 71-го УНС, совершила, по словам секретаря райкома партии, «безобразный, политически вредный и вопиющий поступок, заслуживающий серьезного внимания. Работая в Голынковском сельсовете они сожгли кресты, чем затронули укоренившиеся религиозные чувства населения, а классово враждебные элементы и духовенство использовали этот случай для

¹ Хорьков А. Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С. 51.

² Докладная записка секретаря Белостокского райкома КП(б)Б. 1941 г. // ГА-ООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457. Л. 164; Докладная записка секретаря Граевского райкома КП(б)Б. 1941 г. // Государственный архив общественных организаций Гродненской области (ГАООГО). Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457. Л. 107; Докладная записка секретаря Едвабновского райкома КП(б)Б. 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457. Л. 154.

озлобления крестьян против Советской власти. Об этом свидетельствует коллективное заявление, присланное на имя прокурора и подписанное гражданами в количестве 200 человек¹. Граждане еврейской национальности сталкивались с проявлениями антисемитизма со стороны руководящих кадров стройучастков².

Прокуратуры районов постоянно проводили проверки с целью выявления нарушений в исполнении вышеназванных постановлений и наказания виновных³. Нарушения были самые разнообразные. В спецдонесениях прокуроров сообщалось о том, что сельсоветы не имели точного учета лиц, выполняющих свои обязательства, на стройучастках не делалось отметок, имелись факты, когда военнослужащие участков задерживали подводы и пеших, использовали их не на тех участках, на которые были выписаны обязательства, и не делали отметок об исполнении. Начальники управлений жаловались на то, что присылают «неподходящую рабочую силу». Имелись ввиду католические и иудейские священники, которые «вели контрреволюционную пропаганду» и к которым необходимо было принимать соответствующие меры, а также 14–16-летние девочки, которых использовали на тяжелых земляных работах на глубине 5–6 метров⁴.

Нельзя сказать, что указанные негативные факты оставались без внимания властей. По факту в д. Голынке дело было передано в прокуратуру, выплата денег крестьянам воинскими частями была на контроле у члена Военного совета, применялись и другие формы реагирования. Но, как свидетельствуют архивные материалы и воспоминания участников тех событий, методы, применяемые советскими властями на строительстве объектов оборонного строительства, вызывали у местного населения недовольство, протестные настроения и действия, что в свою очередь вело к усилению репрессивных мер. Особое внимание уделялось наказанию за уклонение от выполнения трудовой и гужевой повинностей и нанесение

¹Протокол заседания Сопотчинского райкома КП(б)Б «О коллективном заявлении граждан Сопотчинского сельсовета» от 13 декабря 1940 г. // ГАООГО. Ф. 8. Оп. 22. Д. 11. Л. 162–163.

²Заявление С. И. Гинзбурга в Белостокский обком КП(б)Б от 16 июня 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 460. Л. 169.

³Спецдонесение прокурора Белостокской области Дубинина от 12 июня 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 191. Л. 139–140.

⁴Стенограмма закрытого совещания секретарей РК КП(б)Б, председателей райисполкомов, зав. военными отделами и начальников строительства специальных объектов НКВД и НКО от 17 июня 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 451. Л. 31.

побоев должностным лицам, которые вручали повестки¹. Эти нарушения были распространены во всех районах области. В Сопоткинском районе выдавались ложные медицинские справки об освобождении от работ по состоянию здоровья. Не менее распространенным был уход за границу. За эти нарушения наступала ответственность в соответствии со статьей 94 Уголовного кодекса БССР. К 1 мая 1941 г. по Белостокской области за невыполнение заданий по спецстроительству было осуждено 138 человек, из них клишению свободы до года – 9 человек, от 1 до 2 лет – 52, от 2 до 3 лет – 37 человек. К исправительно-трудовым работам на общих основаниях приговорили 26 человек, условно осудили 14 и оправдали 25 человек².

Аэродромное строительство было не менее важным элементом подготовки к боевым действиям. В начале 1941 г. советское правительство приняло решение о постройке в Западной Белоруссии аэродромов с бетонными полосами 1200 на 80 м. На территории Белостокской области планировалось построить 11 аэродромов: объект № 101 – Гонендз, № 117 – Заблудов, № 169 – Бельск, № 202 – Лапы, № 227 – Гродно, № 253 – Белосток, № 270 – Свислочь, № 294 – Кватеры, № 337 – Скидель, № 360 – Рось, № 400 – Соколка (Красняны). На строительство каждого из аэродромов планировалось затратить по 16 млн руб. и закончить к 1 сентября 1941 г. Комплектование рабочей силой этих объектов осуществлялось за счет военнотрудовых строительных батальонов, призванных из запаса, осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях, заключенных белорусских тюрем, специально направленных на спецстроительство, а также местного населения, отбывающего трудовую и гужевую повинность по разнарядке райисполкомов. Объекты в Гонендзе, Бельске, Лапах, Кватерах и Скиделе строились красноармейцами стройбатов, остальные – заключенными колоний и тюрем. В Роси был организован лагерь из заключенных, прибывших из тюрем Полоцка, Гродно, Баранович, Бронной горы в количестве 513 человек. Всего по спискам на 20 мая 1941 г. на строительстве аэродромов в Белостокской области находилось 9560 красноармейцев стройбатов, 5020 заключенных, 491 вольнонаемных и 3010 человек в порядке трудовой повинности. Однако это было меньше необходимого количества рабочих, чтобы закончить работы в определенный

¹ Спецдонесение и.о. прокурора Белостокской области Бобкова от 29 апреля 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 187. Л. 97–99.

² Спецдонесение прокурора Белостокской области Дубинина от 12 июня 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 191. Л. 140.

срок. По расчетам специалистов, на аэродромное строительство должно было выходить ежедневно до 42 тысяч человек¹.

Положение и в строительных батальонах, специально сформированных для работ по оборонному строительству на западной границе СССР, было не менее тяжелым. Они в основном использовались на аэродромном строительстве и инженерной подготовке приграничной полосы (предполья). Фактически это были полувойсковые подразделения, которые комплектовались призванными из запаса военнообязанными старшего возраста, непригодными по различным причинам к строевой службе. В качестве примера приведем ситуацию, которая сложилась в 446-м стройбате².

Командно-политический и рядовой состав в количестве 940 человек был призван из военнообязанных Вилейской и Витебской областей. В рядовом составе преобладали крестьяне и единоличники — 580 человек, плотников было 60 человек, остальные солдаты имели различные специальности, а требовавшиеся рабочие строительных специальностей (каменщики, бетонщики и т.п.) отсутствовали совсем.

Батальон после произвольной разбивки по ротам был размещен в трех деревнях по крестьянским дворам. Питание и обмундирование солдат было организовано только на второй месяц, причем более половины полученного обмундирования оказалось негодным для носки. Батальон, призванный для работ на спецстроительстве, выполнял только мелкие работы и занимался постройкой небольших временных сооружений. Нормы, предусмотренные для работ различных категорий, регулярно не выполнялись из-за отсутствия опыта и навыков у стройбатовцев. Руководство строительства не обеспечивало батальон нарядами на работу и часто переводило людей из одного места работы в другое. «Политмассовая работа» практически не проводилась. Все это послужило причиной недовольства среди солдат, и в батальоне произошли два случая группового дезертирства.

Органами НКВД повсеместно фиксировались негативные высказывания в стройбатовской среде, которые отражали действительное положение вещей: «Не имеют права нас здесь держать, мы свое отвоевали, пусть повоюют теперь те, которые еще не служили, а то тех, которых ни разу

¹ Докладная записка о недочетах комплектования Лагпункта объекта № 360 по состоянию на 13-е мая 1941 г. // ГАООГО. Фонд 6195. Оп. 1. Д. 191. Л. 17–21; Справка о рабочей силе на объектах НКВД Белостокской области на 20 мая 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 191. Л. 68–70.

² Рапорт «О состоянии с укомплектованием 446-го стройбатальона». 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 457. Л. 19–22.

не брали – не призывают, а мы через каждые три месяца призываемся. В дисциплинарном батальоне и то лучше, чем здесь, по крайней мере, будешь работать по специальности, а тут заставляют копать только землю»; «Тяжело служить в армии, много заставляют работать, плохо кормят, лучше быть на каторге, чем служить в Красной армии»; «Теперь как в крепостное право, которое когда-то было, работать заставляют днем и ночью, не только 8 часов, а все 24. Армия наемная не должна быть, а раз перевели на хозяйственный расчет, то зачем нам винтовки, и работать день и ночь мы не должны. Если заставляют работать, то и платить должны»¹.

В связи с тем, что в военкоматах при призыве обещали двухмесячные сборы, военнослужащие плохо работали и ждали скорейшей отправки домой. Любые слухи о задержке на сборах вызвали отрицательную реакцию, а обычная практика властей любого уровня замалчивать или обманывать людей способствовала открытому проявлению недовольства. Так, военнослужащие 348-го стройбата в июне 1941 г. оставили работу на объекте и, вызвав командование, заявили: «Тут голодаешь, и там дома, наверное, тоже голодают. Пусть нам зачтут приказ, что Нарком задержал нас на 6 месяцев в армии». Усугубляли ситуацию открытые разговоры о скором начале войны: «Я сегодня был в Липске, где беседовал с поляками, которые говорят, что, в крайнем случае, через месяц, а война будет. Ведь мы это все видим сами, так что придется скоро воевать, и больше родных не увидим»².

К лету 1941 г. стало очевидно, что планы по военному спецстроительству на западной границе срываются. Чтобы ускорить работу по подготовке пограничной полосы к боевым действиям, командование Западного особого военного округа весной 1941 г. приказало направлять на оборонные работы регулярные воинские части – по одному батальону от стрелкового полка и по дивизиону от артиллерийского. Эти подразделения были выдвинуты к границе, размещены в палатках и в основном занимались полевым усилением передполья – копали противотанковые рвы, стрелковые траншеи, строили полевые инженерные укрепления³. Как вспоминают участники

¹ Спецсообщения об отрицательных настроениях и пьянках отдельных красноармейцев 142-го, 348-го стройбатов и 5-го саперного батальона 71-го УНС. 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 2322. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–8.

² Там же.

³ Воспоминания генерал-майора А. В. Бондовского о боевых действиях 85-й Челябинской ордена Ленина стрелковой дивизии в первые дни Великой Отечественной войны // Гродненский государственный историко-археологический музей.

тех событий, боеприпасов было взято лишь для несения караульной службы¹. Неудивительно, что эти части с началом нападения немецких войск не смогли организовать должного отпора противнику, понесли огромные потери и фактически были уничтожены в первые часы войны.

Несмотря на принимаемые меры, негативные явления — неразбериха, нерасторопность, плохое взаимодействие военных и гражданских властей, нарушение планов выхода рабочей силы, поставок оборудования и вооружения, слабая техническая оснащенность участков, нехватка инженерно-технических кадров, низкое качество работ, саботаж и предательство — имели место на объектах военного спецстроительства до самого начала войны. 14 мая 1941 г. на заседании ЦК КП(б)Б с докладом «Об обстановке на границе и состоянии войск округа» выступил командующий округом генерал армии Д. Г. Павлов. Было принято решение об ускоренном строительстве укрепрайонов и аэродромов. ЦК потребовал от обкомов и райкомов партии усиления бдительности, оперативного решения всех вопросов, приведения в состояние мобилизационной готовности предприятий, учреждений, колхозов и населения, оказание немедленной практической помощи войскам при любом их обращении.

Не оставляли без внимания строительство укреплений в пограничных районах и союзные органы. В середине мая 1941 г. приграничные округа получили указания о форсировании строительства укрепрайонов на новой границе, а спустя месяц, 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли специальное постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». В нем констатировалось, что снабжение вооружением строящихся УРов проходит неудовлетворительно, и предлагались меры по ускоренному производству вооружения².

Возможно, принятию этого постановления способствовала и докладная записка П. К. Пономаренко от 9 июня 1941 г. о состоянии строительства укрепленных районов и необходимых мерах помощи на имя НВ 27211/2; Доклад о работах по полевому строительству, намеченных к производству в первой полосе Гродненского УРа. 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 153. Л. 33—35; *Зашибалов М. А.* По зову партии Ленина, по велению сердца. Повесть воспоминаний. 1974 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 239. Оп. 9. Д. 2.

¹ В июне 1941 г. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине / Редактор и ответ. за выпуск Р. И. Карачун. Гродно, 1997. С. 90, 100.

² Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов» // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. С. 376.

И. В. Сталина¹. В записке указывалось, что за апрель–май 1941 г. в Белоруссии забетонировано 217 сооружений, что составляет 127,7 % от заданного Генштабом плана, а всего по границе имеется 550 забетонированных сооружений и 909 сооружений полевого доукомплектирования (в одной из копий этого документа есть зачеркнутая фраза «имеются 193 танка МС-1»). Однако в записке отмечается, что «свою задачу на сегодняшний день укрепрайоны – как укрепрайоны – выполнить не смогут, а могут лишь служить средством усиления войск прикрытия. Причина этому та, что из 550 забетонированных сооружений вооружены только 193. Военное ведомство не снабдило пулеметными, орудийными установками, амбразурными коробками и другими средствами вооружения и оборудования. Недостает коробов на 200 сооружений, да и то не может быть окончено и сдано в эксплуатацию из-за отсутствия элементов оборудования (электромоторов, бензорезервуаров, распределительных ящиков, вентиляторов, водогрейных котлов и т.д.). План снабжения, составленный Управлением оборонительного строительства Красной армии, предопределяет растягивание сроков строительства. Сооружения бетонируются без коробов с последующей их постановкой, что приводит к снижению качества сооружения и к его удорожанию».

Для проведения успешных работ предлагались следующие меры: привести снабжение оборудованием и вооружением ДОТов в соответствие с темпами строительства, принять меры для доснабжения невооруженных ДОТов, пересоставить план снабжения стройматериалами с расчетом окончания бетонирования к 15-му сентября, подорвать все ДОТы Барановичского укрепленного района, направленного на восток и поэтому опасного, а бронеколпаки использовать для наблюдательных пунктов. П. К. Пономаренко считал целесообразным, чтобы «на основе обсуждения наших предложений Главным военным советом было принято правительственное решение по вопросам строительства укрепленных районов в ЗапОВО».

17 июня, на следующий день после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов», в Белостоке состоялся пленум обкома партии и закрытое совещание секретарей райкомов, председателей райисполкомов, заведующих военными отделами и начальников строительства объектов НКВД и НКО. На нем обсуждались мероприятия форсированного строительства

¹ Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Пономаренко П. К. секретарю ЦК ВКП(б) Сталину И. В. «О состоянии строительства укрепленных районов и необходимых мерах помощи». 9 июня 1941 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2333. Л. 71–73.

военных объектов¹. Но времени уже не хватило. Через несколько дней началась война.

Таким образом, подготовка будущего театра боевых действий против Германии легла тяжелым материальным и моральным бременем на плечи местного населения. Можно с уверенностью сказать, что спецстроительство вместе с депортацией населения, кадровой политикой, мерами предпринимаемыми в сфере экономики, образования и культуры явилось важным элементом общей политики «советизации», которую проводили партийные власти на территории западных областей СССР в предвоенный период.

Таблица

**Ведомость выхода гражданского населения на строительство
Уров по УНС ЗапОВО за 14 дней мая-июня 1941 г.²**

УНС		По плану/ Ежедневно	Итого за 14 дней	Требуется по плану	% выполне- ния
71 Гродно	Рабочих подвод	3600 4200	14286 17165	50400 58800	26,3 30,0
72 Ломжа	Рабочих подвод	3100 3000	24907 14595	43400 42000	49,7 34,7
73 Замбров	Рабочих подвод	2900 2286	21851 26423	40600 31920	53,8 79,0
74 Брест	Рабочих подвод	990 760	6907 4152	13860 10640	49,0 39,0
Всего	Рабочих подвод	10590 10240	67953 62335	148260 143360	44,4 43,7

¹Стенограмма закрытого совещания секретарей РК КП(б)Б, председателей райисполкомов, зав. военными отделами и начальников строительства специальных объектов НКВД и НКО от 17 июня 1941 г. // ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 451. Л. 24–46.

²Справка о выходе местного населения в порядке трудгужповинности за период 26 мая – 8 июля 1941 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2372. Л. 104.

В. В. Трофимович

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
в Восточной Галиции и Волыни (1939–1941)**

Разгром вермахтом Войска Польского, польская кампания Красной армии привели к тому, что все национальные группы Восточной Галиции и Волыни понесли существенные потери, вызванные гибелью или попаданием в советский плен мобилизованных в польскую армию местных жителей. Со временем значительное количество украинцев было освобождено из советских лагерей, а в рамках обмена пленными возвратилось также определенное количество солдат-украинцев, взятых в плен немцами. Как известно, 3 октября 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ № 4441/Б, в котором обязал всех начальников областных управлений НКВД, лагерей для военнопленных, наркомов внутренних дел УССР и БССР, начальников приемных пунктов распустить по домам военнопленных солдат (украинцев, белорусов и лиц других национальностей) – жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, задержать 25 тыс. из них к декабрю для строительства дороги Новоград-Волынский – Корец – Львов. Солдаты – уроженцы «немецкой части Польши» должны были содержаться в специальных лагерях к окончанию переговоров с Германией об их отправлении на родину. Офицеров, полицейских, других служащих силовых органов приказывалось разместить в специальных лагерях. Так, большинство среди 60–70 тыс. мобилизованных в польскую армию волынян возвратились домой. Что касается потерь, понесенных военнослужащими-волынянами, то, по некоторым данным, они составляли 4,5 тыс. погибших, а также несколько тысяч пленных, в том числе 631 человек в Козельске, Старобельске и Осташкове¹.

По мнению польского исследователя Г. Грицюка, сложно установить число жертв гражданского населения, вызванных военными действиями и вооруженными выступлениями украинских групп в сентябре 1939 г., а также пацификационными акциями польской полиции и подразделений регулярных войск. Как заметил другой польский историк Ч. Гжеляк, возможно, никогда не удастся подсчитать эти потери, тем не менее, необходимо осознать, что они были и с украинской, и с польской сторон.

¹Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1999. С. 121–122; *Hryciuk H. Zmiany ludnościowe i narodowościowe w Halicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1939–1948 // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948. Toruń, 2003. S. 149, 163.*

Так, оборона Львова во время немецких бомбардировок вызвала жертвы с обеих сторон. Или украинское восстание, вспыхнувшее в предместье Стрыя 12–13 сентября 1939 г., также повлекло потери и среди повстанцев, и среди полицейских, которые его подавляли¹.

В общем объеме потерь следует также учитывать эвакуацию военнослужащих или бегство населения в Румынию и Венгрию. По приблизительным данным одних исследователей, в сентябре – октябре 1939 г. из Восточной Галиции выбыло 60 тыс. человек, в том числе 40 тыс. поляков². Другие историки отмечают, что лишь в Румынию с приближением Красной армии выехало приблизительно 50 тыс. поляков (военных и гражданских), из которых значительную часть представляли жители Западной Украины, еще 70 тыс. сумели перебраться в Венгрию. Согласно военным сведениям Красной армии, которые публиковались во время «освободительного похода», в первые три дня кампании было взято в плен около 60 тыс. польских солдат и офицеров. Согласно другим, тоже неполным, данным, до 21 сентября в руках Красной армии и НКВД оказалось около 120 тыс. солдат и офицеров Войска Польского. Больше всего военнослужащих попали в плен в районе Бреста, а также под Владимиром-Волынским, Дубно, Ровно, Сарнами, Тернополем. Во Львове командование Красной армии, нарушив подписанные с польским генералом В. Лянгнером условия сдачи города, разоружило и направило в лагеря НКВД для военнопленных его защитников. Из германо-советского кольца пробилось в Литву около 18 тыс. польских военнослужащих, а в Румынию и Венгрию – свыше 70 тыс.

В целом в советский плен было взято 240–250 тыс. лиц, в том числе 10 тыс. офицеров. Так, в обзоре, подводившим итоги похода в Западную Украину с 17 по 30 сентября, указывалось, что 5-я армия под командованием И. Советникова захватила в плен 190 594 человека, в том числе 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 других офицеров, 4 096 унтер-офицеров и 181 223 рядовых. Войска Белорусского фронта с 17 по 28 сентября захватили в плен 57 892 человека, в том числе 2 193 офицера³.

¹ Гжеляк Ч. Дискусія // Україна – Польща: важкі питання. Варшава, 1999. Т. 5. С. 164.

² Dalecki R. Armia «Karpaty» 1939. Warszawa. 1979. S. 278; Hryciuk H. Op. cit. S. 150.

³ Szcześniak A. Katyń. Tło historyczne, fakty, dokumenty. Warszawa, 1989. S. 37; Луцький О. Політична еліта Західної України в період утвердження сталінського тоталітарного режиму (1939–1941) // Національна еліта та інтелектуальний потенціал України. Львів, 1996. С. 206; Кондратюк К. Втрати населення Західної України у 1939–1941 рр. // Україна – Польща: важкі питання... Т. 5. С. 151;

Вместе с тем, осенью на территорию Восточной Галиции и Волыни прибыло большое количество беженцев, прежде всего евреев, а также поляков из западных воеводств, которые попали сюда вследствие военных действий. Определить их количество, учитывая неоднородность, подвижность, неустойчивость, также весьма сложно. Например, только во Львов, по некоторым данным, прибыло от 300 до 600 тыс. лиц¹. От этой статистики существенным образом отличаются данные НКВД УССР от 21 января 1940 г. о количестве беженцев по областям Западной Украины. Из них вытекает, что к тому времени в Волынской области находилось 18 797 лиц, Ровенской – 9 868, Тернопольской – 5 821, Львовской – 28 266, Дрогобычской – 31 000, Станиславской – 7 585. Всего 101 337 беженцев².

В свою очередь, с приходом Красной армии на Западную Украину, согласно данным В. Косика, от 20 до 30 тыс. украинцев решили искать приют западнее германо-советской демаркационной линии во избежание преследований большевистского режима. По другим данным, в 1939–1940 гг. около 40 тыс. украинцев перебрались в Генерал-Губернаторство³.

16 ноября 1939 г. была проведена акция переселения в рейх лиц германского происхождения из территорий, которые были присоединены к Советскому Союзу. До 26 января 1940 г. Восточную Галицию оставили 55 297 лиц, в том числе из Львова – 26 435, Станислава – 10 583, Стрыя – 18 279. Из Волыни выехало 66 297 лиц немецкой национальности⁴.

Следует заметить, что среди вышеупомянутых переселенцев было определенное количество не немцев. Среди лиц немецкого происхождения, переселенных в декабре 1939 – январе 1940 гг. из Восточной Галиции и Волыни, было около 10 тыс. украинцев⁵.

Ноябрьское 1939 г. германо-советское соглашение предусматривало выезд на восток и лиц украинского происхождения. К концу февраля Катынь... С. 15; Wybór dokumentów do agresji 17. 9.1939 r. Cz. 1 // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1993. № 1. S. 196.

¹ *Madajczyk Cz.* Niemieckie dokumenty o sytuacji polaków pod okupacją radziecką w roku 1940 // *Dzieje Najnowsze*. 1991. № 3. S. 358; *Hryciuk H.* Op. cit. S. 150, 163.

² Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава; Москва, 2001. Т. 1. С. 254.

³ *Косик В.* Україна і Німеччина в Другій світовій війні. Львів, 1993. С. 80; *Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A.* Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim. Toruń, 2004. S. 264.

⁴ *Sobczak J.* Hitlerowskie przesiedlenia ludności niemieckiej w dobie II wojny światowej. Poznań, 1966. S. 176–177; *Hryciuk H.* Op. cit. S. 164.

⁵ *Hryciuk H.* Op. cit. S. 153.

1940 г. им воспользовались, прибыв на Западную Украину, 5 тыс. лемков и 6 тыс. украинцев из Холмщины, большей частью мало- и безземельных крестьян. 2300 семей (6900 лиц) должна была принять Волинь. Однако нет достаточных данных для установления действительного количества прибывших¹.

В конце декабря 1939 г. Москва и Берлин подписали соглашение, согласно которому часть польских беженцев могла возвратиться к своим местам проживания. Вследствие этого к концу июня следующего года в Генерал-Губернаторство и на земли, включенные в состав Рейха, возвратилось 66 тыс. человек, в том числе 3 200 лиц германского происхождения (беженцев и лиц, которые не успели выехать в период переселения немецких жителей в декабре 1939 – январе 1940 гг.), а также, несмотря на тщательную селекцию, 1600 евреев. Среди оставшихся была также часть украинского населения².

На рубеже 1939–1940 гг. десятки тысяч беженцев, прежде всего евреев и поляков, а также местных безработных, преимущественно украинцев, выехали в Донбасс и другие промышленные центры СССР в поисках работы. На протяжении четвертого квартала в 11 областей Украины прибыло 32 755 беженцев и около 15 тыс. безработных из западноукраинских территорий. По национальному составу это была далеко не однородная масса. В Черниговской области среди расселенных насчитывалось: украинцев – 3 418, евреев – 208, поляков – 153, русских – 171, белорусов – 10. В Николаевской, соответственно, среди 1239 лиц евреев – 978, украинцев – 138, поляков – 109. В Станиславской среди 4586 лиц евреев – 2 793, украинцев – 1 072, поляков – 647. Похожей была структура расселения беженцев и безработных и в других областях УССР. Значительная часть их из-за тяжелых условий работы возвратилась назад в Восточную Галицию. Известны случаи возвращения и тех беженцев, которые были направлены на работу на Урал³.

Секретный протокол к «Советско-германскому договору о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. предусматривал депортацию населения

¹Ibid. S. 153, 165.

²Weliczko M. Migracje przez «linia demarkacyjna» w latach 1939–1940 // *Położenie ludności polskiej na terytorium ZSRR i wschodnich ziemiach II Rzeczypospolitej w czasie II wojny światowej*. Toruń, 1990. S. 137; Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A. Op. cit. S. 229–230.

³Депортації. Західні землі України кінця 30-х – на початку 50-х рр.: Документи, матеріали, спогади: у трьох томах. Львів, 1996. Т. I. С. 9, 86, 87; Hryciuk H. Op. cit. S. 154–155.

из пограничной полосы. 2 марта 1940 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР» была определена 800-метровая полоса вдоль западного и юго-западного участка государственной границы СССР, а постановление Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У «Об отселении и переселении с 800-метровой пограничной полосы в западных областях УССР и очищение этой полосы от строений» от 3 апреля этого же года обязывало областные партийные и исполнительные комитеты Волынской, Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областей на протяжении апреля–мая выселить из 229 населенных пунктов 22 212 семей общей численностью 102 800 лиц¹. Характерно, что в постановлении было указано: отселение с 800-метровой пограничной полосы жителей городов Друя, Друсkenики, Новогруд, Устилуг, Сокаль, Угнув, Перемышль, Лиско, Куты и Залешики осуществить по материалам НКВД УССР², т.е. как ненадежных лиц или государственных преступников.

13 февраля 1940 г. СНК УССР принял постановление о выселении сел, отведенных под Львовский арtpолигон, сооружение которого началось уже в конце 1939 г. Выселялись села Михалейки, Верещица, Березаки, Заязд Яновского района, Пашица, Шкурханка, Щабельня, Юрки (Южки), Провала, Пасека, Голубцы, Горбовцы, Гутиско, Хитрейки Жовковського района, Басюки, Тишики, Полине, Рики, Тистечки, Геры, Курники, хутора Мельники, Шипки, Юнины, Худецкий, Хуки, Клепаров, Порцийев, Вербляны Немировского района. Отсюда в разные времена, в том числе и после войны, было выселено свыше 150 тыс. жителей из 128 сел и хуторов. Из них 13–16 тыс. лиц, в том числе от одной пятой до одной третьей поляков и от двух третьих до четырех пятых украинцев в 1940–1941 гг. принудительно было переселено даже в Бессарабию³.

Осуществляя «социалистические преобразования» в Западной Украине, большевистский режим использовал опыт, приобретенный в Восточной Украине и в других республиках СССР. Вместе с тем, как справедливо заметил Ю. Сливка, этот процесс имел свои особенности, обусловленные в первую очередь тем, что гигантский репрессивный аппарат осуществлял

¹ Депортації... Т. I. С. 7–8, 71, 94–96; Катинь... С. 375.

² Депортації... Т. I. С. 95.

³ Макаруч С. Втрати населення Галичини в роки Другої світової війни (1939–1945) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2000. Вип. 35–36. С. 324; Dubicki T. Oсадnicy – byli obywateli Polscy na terenie Moldawji w okresie II wojny światowej // Polacy w Moldawji. Lublin, 1995. S. 138–139; Hryciuk H. Op. cit. S. 155–156.

в крае весь ужасающий комплекс мероприятий по ликвидации демократических основ общества не за десятилетие, как это было во всем государстве, а, фактически, за один год. Кроме того, рассматривая этот регион как прифронтовую зону и будущий тыл в следующей экспансии в страны Центральной и Западной Европы, советские органы наряду с массовыми арестами и расстрелами в особенно широких масштабах применяли метод принудительной депортации, тотального очищения территории Западной Украины, из которой уже продолжительное время создавался образ форпоста украинского буржуазного национализма, от неблагонадежного социально-политического элемента как украинского, так и польского, и еврейского¹. В историографии встречаются различные данные относительно количества депортированных из Западной Украины в 1939–1941 гг. Часть авторов придерживается мнения, согласно которому тогда из Западной Украины и Западной Белоруссии было выселено приблизительно 10 % их населения².

Исследователи указывают на четыре этапа депортаций населения из этих регионов. На первом этапе, с 10 февраля 1940 г., вывозили осадников и государственных функционеров; на втором, с 13 апреля 1940 г. – зажиточных крестьян и семьи военнослужащих; на третьем, с июня 1940 г. – преимущественно беженцев; на четвертом, с июня 1941 г., – главным образом интеллигенцию, квалифицированных рабочих, железнодорожников. Следует учитывать, что этапы репрессивно-карательных акций являются условными, поскольку этот процесс с начала установления большевистского режима в Западной Украине был фактически перманентным³.

Следует указать также, что готовился и новый, очередной, этап депортации, осуществление которого частично прервало начало германо-советской войны. На это в определенной степени проливает свет директива Наркомата госбезопасности СССР Наркомату госбезопасности УССР от 21 июня 1941 г. о мероприятиях по прекращению террористической деятельности в западных областях Украины. В ней, в частности, предлагалось: «Срочно

¹ Сливка Ю. Витоки і наслідки національної трагедії // Депортації... Т. 1. С. 8.

² Парсаданова В. Депортация населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 135; Бугай М. Депортація населення з України (30–50-ті роки) // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 35; Сливка Ю. Указ. соч. С. 8.

³ W czterdziestym nas matko na Sibir zesłali. Polska a Rosja 1939–1942. Warszawa, 1990. S. 8–40; Ślusarczyk L. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 77–78; Szczesniak A. Katyń. Tło historyczne, fakty, dokumenty. Warszawa, 1989. S. 37; Сливка Ю. Указ. соч. С. 8.

подобрать и подготовить материалы для проведения новой массовой операции по аресту и выселению контрреволюционного и социально чуждого элемента в западных областях УССР... Немедленно телеграфируйте, к какому сроку указанная операция может быть подготовлена, а также ориентировочно о количестве лиц, которые могут быть изъятыми, с разбивкой их на категории»¹.

4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выселении всех проживающих в Западной Украине и Западной Белоруссии осадников вместе с их семьями и использование их на лесоразработках в районах Крайнего Севера. Выселение должно было состояться до 15 февраля 1940 г. 21 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б)У об использовании имущества осадников.

29 декабря 1939 г. было принято постановление СНК СССР о депортации населения западных областей Украины и Белоруссии и утверждено «Положение о спецпереселенцах и трудовое устройство осадников, выселенных из западных областей УССР и БССР». Постановление предусматривало их принудительное выселение в Кировскую, Пермскую, Вологодскую, Архангельскую, Ивановскую, Ярославскую, Новосибирскую, Свердловскую, Омскую области и Коми АССР и обязывало Наркомторг выделить Наркомлесу продовольственные и промтоварные фонды на 21 тыс. семей спецпереселенцев-осадников². Предполагалось депортировать, по меньшей мере, 100 тыс. лиц. В частности, в составе 4 029 семей, которые подлежали депортации из Львовской области, насчитывалось 20 966 лиц; в 2 057 семьях колонистов из Дрогобычской области — 11 355 лиц. По 5–6 лиц приходилось также на каждое хозяйство польских лесничих, подлежащих выселению³.

Для осуществления депортационных акций в областях были созданы специальные «тройки» НКВД, а сами области делились на «оперативные участки» во главе со своими «тройками». Как подметил С. Макаруч, характерной особенностью «троек» было то, что большинство их членов составляли лица с русскими или «интернациональными» фамилиями. Например, в бибрскую «тройку» входили Черпаков, Малышев, Леонов, в бродовскую — Евграфов, Саркисов, Нусимович, в городокскую — Матвеев, Уфлянд, Чунихин, в любачевскую — Кононов, Петров, Пышкин, во львовскую

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 2. С. 297.

² Літопис Нескороної України: Документи, матеріали, спогади. Львів, 1993. Кн. 1. С. 26–27; Депортації... Т. 1. С. 55–56.

³ Літопис Нескороної України... Кн. 2. С. 56–57; Макаруч С. Указ. соч. С. 323.

№9 – Хомутов, Алафердов, Хохляков. Встречались и украинские фамилии, но преобладающую массу реализаторов сталинской национальной политики составляли явно не украинцы¹.

Депортационная акция, согласно вышеупомянутому постановлению, осуществлялась 10–13 февраля 1940 г. В этом месяце из Западной Украины было депортировано 17 206 семей (89 062 лица), в том числе из Тернопольской области – 6 158 семей (31 640 лиц), из Станиславской – 1 810 семей (9 083 лица), из Львовской – 4 043 семьи (20 966 лиц), из Волынской – 1 613 семей (18 858 лиц), из Дрогобычской – 1 990 семей (10 593 лица), из Ровенской – 1 601 семья (7 922 лица). Характерно, что тех осадников и лесничих, которые по ряду причин избежали депортации до 14 февраля, позднее вывезли к местам ссылки².

В целом в первой депортации из территорий, оккупированных СССР, на восток было вывезено 26 790 семей (139 590 лиц), которых расселили в 21 автономной республике, крае, области приблизительно в 115 спецпоселениях. Среди них было 28 % мужчин свыше 16 лет, 29 % женщин, 8,5 % детей (14–16 лет) и 35 % детей до 14 лет. Очевидно, несколько тысяч людей погибло в дороге и в первые дни обустройства на голом месте, в условиях страшных морозов, отсутствия жилья, питания. В следующих отчетах уже фигурирует цифра 135 524 спецпоселенца, из них лишь 33 665 мужчин, старше 18 лет. Остальные – женщины и дети³.

Вопреки названию «польские осадники», национальный состав депортированных был неоднородным. Как следует из справки начальника отдела спецпоселений ГУЛАГа СССР о национальном составе осадников и беженцев, выселенных из западных областей Украины и Белоруссии, составленной в августе 1941 г., там тогда находились 210 270 осадников и беженцев, в том числе 117 800 поляков (109 233 осадника), 64 533 еврея, 13 448 украинцев (11 720 осадника и лесничих), 11 240 белорусов (11 088 осадников) и представителей других национальностей⁴.

2 марта 1940 г. Совнарком СССР принял постановление о выселении всех помещенных в лагерях и тюрьмах военнопленных и бывших офицеров

¹ *Макарчук С.* Указ. соч. С. 323–324.

² *Депортації... Т. 1. С. 88–91; Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні 191–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. К., 1994. Т. 1. С. 138–139, 153–154; *Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A.* Op. cit. S. 219; *Hryciuk H.* Op. cit. S. 165.

³ *Парсаданова В.* Указ. соч. С. 32; *Карпюс З.* Втрати населення в Західній Україні у 1939–1941 рр. // *Україна – Польща: важкі питання...* Т. 5. С. 143.

⁴ *Депортації... Т. 1. С. 154.*

польской армии, а также тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников государственного аппарата, участников антисоветских организаций, беженцев из районов Польши, отошедших к Германии, которые изъявили желание выехать из Советского Союза на занятую гитлеровцами территорию, но не были ими приняты. На эту категорию лиц начало распространяться постановление Правительства СССР от 5 декабря 1939 г. о спецпоселении и трудовом использовании осадников и лесничих, которых выселили из западных областей Украины и Белоруссии. Кроме того, 4 апреля Л. Берия прислал в Украину дополнительную инструкцию по этому поводу, а 10 апреля Совнарком СССР утвердил специальную инструкцию, которая определяла способы и методы реализации мартовского постановления. Согласно этой инструкции, принудительное выселение было начато 29 июня без какого-либо предупреждения населения, с применением массового террора и вопиющего своеволия, которые сопровождались случаями самоубийств, расстрелов беглецов и другими трагическими происшествиями¹. «До каких пор советская власть будет издеваться над людьми, — негодовала свидетель этих событий полька Судницкая из Тернополя. — Вот сейчас выселяют беженцев, вывозят их как бандитов неизвестно куда. Этим выселением их окончательно разорили, поскольку у них все отобрали и обрекли на верную гибель»².

Относительно количества депортированных 29 июня 1940 г., существуют расхождения в материалах НКВД. Так, согласно сведенным данным НКВД УССР от 2 июля 1940 г., из шести западных областей было депортировано 37 532 семьи, или 83 207 лиц, в том числе 19 476 лиц неженатых. А в справке НКВД СССР об итогах операции относительно выселения беженцев из западных областей Украины и Белоруссии, подготовленной не раньше августа 1940 г. на имя Л. Берии, приведено общее количество из двух республик, даже меньшее чем вышеприведенное, которое составило в одном случае 24 772 семьи (77 710 лиц), а во втором — 25 682 семьи (76 382 лица). Здесь же указано, что все они были расселены в 14-ти республиках, краях и областях (251 поселение, 188 комендатур)³.

Относительно национального состава этого контингента выселенных: согласно данным НКВД по второму кварталу 1941 г., среди 76 113 беженцев было 8 357 поляков (10,95 %), 1 728 украинцев (2,26 %), 64 533 еврея

¹ Там же. С. 110; Макаручук С. Указ. соч. С. 325.

² Депортації... Т. 1. С. 111.

³ Там же. С. 108, 111–112.

(84,56 %), 186 белорусов, (0,24 %), 119 немцев (0,161 %), 1 396 лиц, национальность которых почему-то не зафиксирована¹.

Особенность этих беженцев состояла в том, что здесь значительный процент составляли семьи малолетние и раскомплектованные; выше, чем у других осадников, был процент взрослых; количество высланных в июне 1940 г. детей было сравнительно небольшое и составляло, согласно данным за апрель 1941 г., 20 172 лица. Подавляющее большинство беженцев происходило из городов, значительную часть представляла интеллигенция, в том числе 8 261 врач, агроном, учитель, среди которых, по оценкам НКВД, был 561 высококвалифицированный специалист и научный работник².

В соответствии с вышеупомянутым постановлением Совнаркома СССР от 2 марта 1940 г., 20 марта НКВД отдал распоряжение наркому внутренних дел Казахской ССР о проведении мероприятий по расселению в северных областях республики 25 тыс. семей репрессированных польских офицеров (ориентировочно 76–100 тыс. лиц), которые подлежали выселению из западных областей УССР и БССР, как административно сосланные сроком на 10 лет. Кроме того, оттуда в районы Казахской и Узбекской ССР были выселены 2–3 тыс. проституток. Устанавливался и срок выполнения распоряжения – 5 апреля 1940 г. Депортацию планировали осуществить одновременно с уничтожением почти 22 тыс. заключенных лагерей военнопленных и тюрем.

Депортационная акция заключенных (интернированных лиц, которые находились в лагерях в Козельске, Старобельске, Осташкове) началась в ночь с 12 на 13 апреля. В Кустанайскую, Акмолинскую, Актюбинскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Семипалатинскую области было переселено 60 676 лиц (по другим данным – 61 092 лица)³. Следует отметить, что в 51 эшелоне в казахстанские степи были вывезены преимущественно женщины с детьми, а также лица преклонного возраста, которые к тому же проживали в городах, а, поэтому были не приспособлены к тяжелому труду в сельском хозяйстве, жизни в примитивных условиях, суровому климату. Наряду с поляками, которые преобладали и, по данным польских историков, насчитывали до 80 % были депортированы также

¹Парсаданова В. Указ. соч. С. 32; Білас І. Указ. соч. Т. 2. С. 195; Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A. Op. cit. S. 233.

²Білас І. Указ. соч. Т. 2. С. 195; Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. Op. cit. S. 241–242.

³Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 165–166.

украинцы, белорусы, евреи, хотя точные данные о национальном составе этого контингента неизвестны¹.

После февральской, апрельской и июньской депортаций 1940 г. настал некоторый перерыв в вывозах из западноукраинских земель. Однако, 14 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о ликвидации контрреволюционных организаций в западных областях УССР, а 21 мая начался четвертый этап депортаций, который длился до начала германо-советской войны. Важно указать, что данная депортация распространилась, прежде всего, на украинское население и была в значительной мере направлена против украинского националистического подполья. Об этом свидетельствует и докладная записка наркома госбезопасности УССР П. Мешика на имя секретаря ЦК КП(б)У Н. Хрущева с предложениями по ликвидации базы ОУН в западных областях, подготовленная еще в середине апреля 1941 г. Считая, что ОУН будет выполнять роль «пятой колонны» во время будущей германо-советской войны, и что «она может представлять собой серьезную силу, поскольку хорошо вооруженная и пополняет свои силы путем перебрасывания оружия из Германии», нарком предлагал Хрущеву возбудить ходатайство перед ЦК и СНК об осуществлении следующих санкций:

1. распространить закон об изменниках Родины на участников антисоветских организаций, находящихся на нелегальном положении в западных областях УССР;
2. семьи нелегалов согласно указанному закону репрессировать, имущество конфисковать;
3. семьи арестованных оуновцев выселить в отдаленные места СССР;
4. учитывая, что основной базой ОУН является кулачество, осуществить выселение кулаков в отдаленные области СССР, а их имущество передать колхозам².

Не исключено, что реакцией на этот и подобные рапорты органов НКВД–НКГБ и было постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. о ликвидации контрреволюционных организаций в западных областях УССР³. В нем, в частности, речь шла об арестах и выселении в отдаленные районы СССР на 20 лет с конфискацией имущества членов

¹ Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A. Op. cit. S. 241–242.

² Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 99–100.

³ Польские исследователи С. Цесельский, Г. Грицюк, А. Сребраковский обратили внимание на то, что, вставляя это постановление в сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», составители последнего существенно его сократили, даже не указав этого. См.: Органы

семей участников украинских и польских контрреволюционных националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение, или которым вынесены смертные приговоры. А еще через три дня НКГБ СССР дал указание начальникам УНКГБ–УНКВД западных областей о проведении операции по выявлению и аресту оуновского подполья, где, в частности, отмечалось: «Считая необходимым проведение операции на протяжении светлого времени одного дня, нужно из отдаленных районов вашей области вывезти семьи известного контингента на автотранспорте... В случаях, когда будет установлено, что нелегалы-оуновцы скрываются у двух-трех родственников или знакомых попеременно, необходимо: родственника, в семье которого проживал нелегал и находился на его иждивении, выселять; глав семей, где скрывался нелегал, привлекать по определенным статьям УК как пособников и укрывателей политбандитов... ориентировать оперативный состав и иметь в виду, что борьба с политбандитизмом и украинскими националистами будет продолжена и после проведения операции по выселению, поэтому нужно повседневно проводить мероприятия по выявлению и ликвидации оуновского подполья, арестовывать руководителей и актив»¹.

Как следует из докладной записки НКГБ СССР № 1832/М в ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23 мая 1941 г. о выселении из западных областей Украины семей репрессированных или находящихся на нелегальном положении участников контрреволюционных организаций, операция была полностью завершена к 22 часам 22 мая. Всего по западным областям УССР было намечено депортировать 3 110 семей (11 476 лиц). В действительности загружено в вагоны 3 073 семьи (11 329 лиц), в том числе во Львовской области – 2 216 лиц, Тернопольской – 2 725, Станиславской – 1 533, Дрогобычской – 1 562, Ровенской – 984, Волынской – 2 079, Черновицкой – 229 лиц. Во время операции в некоторых местностях оперативным группам НКГБ – НКВД было оказано вооруженное сопротивление, вследствие чего было захвачено 66 нелегалов, из которых 7 убито, 5 ранено, 6 убежало².

В докладной записке обращалось внимание на то, что на станциях загрузки часто собираются родственники и знакомые выселенцев, которым последние с негодованием передавали, чтобы возвращались государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 139–140; *Ciesielski S., Hryciuk H., Srebrakowski A.* Op. cit. S. 264–265.

¹Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 139–140, 149–150; *Гурьянов А.* Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае – июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 143–144.

²Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. 2. С. 154.

нелегалы, из-за которых они, дескать, страдают. «В Збаражском районе Тернопольской области был выслан и вывезен на станцию погрузки старик Ястребовский, сын которого находился на нелегальном положении. Нелегал Ястребовский, узнав, что отец выслан, явился на станцию и, рассказав о том, что перешел на нелегальное положение, в присутствии родственников и знакомых начал просить об оставлении отца, а сам обещал искупить свою вину. Семья Ястребовских освобождена. Когда старик Ястребовский выходил из вагона, выселяемые кричали ему вслед: «Передайте и нашим подлецам, чтобы немедленно явились, пока нас еще не вывезли». Аналогичные случаи имели место и в других областях»¹.

Своеобразной формой репрессий, по мнению Г. Грицюка, стали призывы в ряды Вооруженных Сил СССР. Так, осенью 1940 г. был призыв мужчин 1918, 1919 гг. рождения. Предполагалось призвать около 50 тыс. человек, преимущественно украинцев. Сюда следует отнести группу резервистов, включенных в состав Красной армии еще в мае, а также в июне 1941 г., уже после нападения Германии на СССР².

Трагическую страницу в истории советских репрессий 1939–1941 гг. составляют аресты, истязания и расстрелы заключенных тюрем Волыни и Галиции. В 1939 г. органы госбезопасности арестовали здесь: в 1939 г. – 10 566 лиц, в том числе 5 406 поляков, 2 779 украинцев, 439 евреев; в 1940 г. – 47 403 лица, в том числе 15 518 поляков, 15 024 украинца, 10 924 еврея, задержанных, как правило, за нелегальный переход германо-советской демаркационной линии; в январе–мае 1941 г. – 8 594 лица, в том числе 5 418 украинцев, 1 121 поляк, 801 еврей. В целом среди 66,5 тыс. лиц арестованных с сентября 1939 г. до мая 1941 г. в Западной Украине, 45 тыс. были лишены свободы, в том числе 15 тыс. поляков, 15 тыс. украинцев, свыше 8 тыс. евреев³.

Известно также, что еще 3 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О порядке утверждения приговоров военных трибуналов в Западной Украине и в Западной Белоруссии», которое касалось и военнослужащих польской армии: оно предоставляло право Военным советам Украинского и Белорусского фронтов утверждать приговоры трибуналов к высшей степени наказания «по контрреволюционным

¹ Там же. С. 155.

² Hryciuk G. Op. cit. S. 156.

³ Горланов О., Рочинский А. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 77, 78, 88, 89; Hryciuk H. Op. cit. S. 156.

преступлениям гражданских лиц в Западной Украине и в Западной Белоруссии и военнослужащих бывшей польской армии»¹.

В начальный период германо-советской войны карательные органы СССР уничтожили в тюрьмах Западной Украины тысячи арестованных и депортировали десятки тысяч лиц, из которых большая часть также была ликвидирована во время эвакуации, а остальные оказались в концлагерях. По распоряжению из Кремля все политические заключенные в тюрьмах пограничной полосы подлежали расстрелу. В Западной Украине было расстреляно от 40 до 50 тыс. лиц². Так, 5 июля 1941 г. начальник тюремного управления НКВД УССР капитан госбезопасности Филиппов подготовил наркому внутренних дел республики В. Сергиенко докладную записку «О эвакуации тюрем западных областей УССР». Здесь, в частности, сообщалось: «В соответствии с приказом работников НКГБ в тюрьмах Львовской области было расстреляно 2 464 заключенных; освобождено 808 заключенных, преимущественно обвиненных в бытовых преступлениях. Все расстрелянные были закопаны в ямы, вырытые в подвалах тюрем, в г. Золочеве – в саду... в двух тюрьмах Дрогобычской области; в городах Самбор и Стрый расстрелян 1 101 заключенный; в тюрьмах Станиславской области расстреляно 1 000 заключенных, города Луцка – 2 000, в Ковеле – 194, в Дубно – 260; из Чорткова эвакуировано 954 заключенные, по дороге расстреляно при попытке бегства 123 заключенных – членов ОУН»³. В июне–июле 1941 г. в тюрьмах западных областей было расстреляно свыше 8 тыс. человек, среди которых большинство составляли политические заключенные. Многолетний узник советских концлагерей Г. Дидык писала: «Я до сих пор не могу спокойно вспоминать страшные картины, которые пришлось увидеть в первые дни войны. Тогда, после отступления советских войск, разыскивая близких мне людей, я была в тюрьмах Львова, Тернополя, Бережан, Нараева. Я видела вытащенные из застенков и скрытых ям и выставленные для опознания родными и друзьями тысячи трупов расстрелянных, замученных, иногда со следами варварских издевательств:

¹Катынь... С. 129

²Кульчицкий С. Демографічні втрати України в ХХ ст. // Дзеркало тижня. 2004. 2 жовтня; Popiński K., Kokurin A., Hurjanow A. Droga śmierci. Ewakuacja więźniów sowieckich z Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu i lipcu 1941. Warszawa, 1995. S. 74, 98–100; Сливка Ю. Указ. соч. С. 11.

³Білас І. Указ. соч. Т. 2. С. 262–263; Кондратьюк К. Указ. соч. С. 160–161.

вырезанными на теле трезубцами, выколотыми глазами, вырезанными носами, ушами, грудью»¹.

5 марта 1940 г. Л. Берия в объемной записке предложил И. Сталину расстрелять польских офицеров, жандармов, полицейских, осадников и других из трех спецлагерей для военнопленных и заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии. Он мотивировал это тем, что 14 736 лиц, которые находились в лагерях для военнопленных, и 18 632 узника тюрем Западной Украины и Белоруссии (из них 10 685 поляков) были «закоренелыми неисправимыми врагами советской власти»².

Не исключено, что этому предшествовала беседа наркома внутренних дел со Сталиным, в ходе которой, возможно, «вождь всех народов» и подсказал иное, чем предполагалось ранее, решение — поголовный расстрел всего контингента на основе решения «тройки». В пользу этой гипотезы говорит то, что предложения Берии были приняты Политбюро в тот же день практически без поправок. Как указали составители документального сборника «Катынь», с помощью оперативников и внедренной агентуры советское руководство выяснило, что большинство польских солдат и офицеров, пробыв более полугода в чрезвычайно сложных условиях плена, не сломлены психологически и морально. Они не отказались ни от своей родины, ни от религии, ни от своих политических взглядов и моральных ценностей. Надежды кремлевской верхушки «перевоспитать» хотя бы часть из них — представителей рабочих и крестьян, интеллигенции, одетых в мундиры, — оказались напрасными. Узники Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей по-прежнему были полны решимости вести борьбу за восстановление независимости родины. Следует также помнить и о той ненависти, которую И. Сталин чувствовал к польскому офицерству, заставившему его ощутить в 1920 г. горечь сокрушительного поражения.

Вследствие этого и с учетом 7 305 расстрелянных в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии, всего в апреле–мае погибли 21 857 человек³. Среди них были 3 750 лиц, семьи которых проживали на оккупированной Советским Союзом с сентября 1939 г. территории. Сложно определить, сколько их происходило именно из Западной Украины⁴.

¹ В боротьбі за Українську Державу: Есеї, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни. Львів, 1992. С. 16.

² Катынь... С. 384–392, 521.

³ Там же. С. 36–37, 521.

⁴ Карпущ З. Указ. соч. С. 146.

Итак, советизация Западной Украины в 1939–1941 гг. сопровождалась массовыми депортациями, арестами, расстрелами, принудительным призывом в Красную армию и т.п. По подсчетам Г. Грицюка, в этот период выселено на восток свыше 140 тыс. с территории Восточной Галиции, в том числе, по меньшей мере, 95 тыс. местных жителей, а также свыше 43 тыс. прибывших беженцев из центральной и западной Польши. Среди депортированного местного населения около 80 % составляли поляки, определенный процент украинцы, остальные евреи и лица других национальностей.

Что касается Волыни, то с ее территорий было вывезено свыше 41 тыс. лиц, в том числе свыше 28,6 тыс., которые проживали здесь до сентября 1939 г., в подавляющем большинстве поляки¹.

В свою очередь С. Кульчицкий считает, что всего под депортацию, которой сопровождалась советизация западных областей Украины, попало около 230 тыс. лиц, считавшихся «нежелательным элементом»².

Общее количество арестованных, замученных в тюрьмах или вывезенных вглубь СССР из Восточной Галиции может составлять около 50 тыс. человек. Сюда следует прибавить приблизительно 50–65 тыс. мобилизованных в Красную армию. Следовательно, безвозвратные потери населения Восточной Галиции могли составить 200 тыс. человек. Среди них поляки составляли приблизительно 120 тыс. (60 %), украинцы свыше 60 тыс. (30 %), евреи – 15 тыс. (10 %) и иные, а, учитывая выселенных немцев, свыше 255 тыс. лиц.

В тюрьмах Волыни накануне германо-советской войны находилось приблизительно 5 470 лиц, подавляющее большинство из которых было уничтожено. Около 25 тыс. волыняков дополнили ряды Красной армии³.

Как видим, агрессия Германии и СССР против Польши в 1939 году привела к тому, что все национальные группы Восточной Галиции и Волыни понесли существенные потери. Советизация Западной Украины в 1939–1941 гг., сопровождалась массовыми депортациями и иными репрессиями, в которых наибольшие потери понесло польское население.

¹ *Hryciuk G. Op. cit. S. 163–167.*

² *Кульчицкий С. Указ. соч.*

³ *Hryciuk G. Op. cit. S. 166–167.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

Е. Е. Левкиевская

Западная Украина 1939 года: культурный и языковой конфликт

В качестве своеобразного эпиграфа к данному докладу можно было бы привести один фрагмент из фильма «Аляска, сэр!», действие которого разворачивается во Львове в сентябре 1939 г., сразу после вступления советских войск на территорию Западной Украины. Молодая польская певица в одном из львовских кафе поет свои изысканные романтические «*piosenki*». В кафе вместо прежней львовской публики, восторженно встречавшей эти «*piosenki*», сидят только что вошедшие в город советские солдаты, реакция которых на первый взгляд кажется совершенно неожиданной и неадекватной. Вместо ожидаемых аплодисментов в зале слышен нарастающий недовольный шум и раздаются выкрики: «Кончай свое буржуазное вытье! Давай «Катюшу»!». Данный эпизод весьма точно иллюстрирует ту сложную и противоречивую смену культурных парадигм, которая происходила в этот период в Галиции и которая, в отличие от исторических и политических аспектов этого события, изучена довольно плохо.

В настоящей работе возможно лишь очень пунктирно обозначить наиболее важные и болезненные аспекты культурной коммуникации, которая выстраивалась в Галиции со сменой политических режимов. Очень коротко можно сказать, что приход советской власти на территорию Западной Украины и Белоруссии означал не только принципиальное изменение государственного статуса этой территории и экономических форм хозяйствования, ее политического режима и стоящих за ним политических элит, но не в самую последнюю очередь именно смену культурных моделей и аксиологических, то есть ценностных систем, которые стояли за этими элитами. В любой подобной ситуации (и это касается не только Западной Украины и Белоруссии 1939 года) в смысле практической коммуникации смена аксиологических систем означает смену корпуса прецедентных текстов, через которые та или иная аксиологическая система транслирует свои этические, эстетические, философские и иные принципы, принятые

в данном сообществе. При этом под прецедентными текстами понимаются как вербальные тексты, несущие в себе набор важных идеологем (например, образцы художественной, философской, религиозной литературы, фольклора), так и самые разные формы культурных практик, распространенных в обществе (начиная от исполнения религиозных и государственных ритуалов, кончая нормами повседневного этикета). Очень огрублено можно сказать, что культура — это совокупность прецедентных текстов, которым владеет данное сообщество, которые оно считает для себя ценными и посягательство на которые со стороны других сообществ она воспринимает как агрессию. Приведенный выше эпизод во львовском кафе с наглядностью это показывает. Очевидно, что коммуникативные неудачи между вновь установленной советской формой правления и разными этническими и социальными группами Галиции лежали именно в разнице корпусов прецедентных текстов, которыми владела каждая из сторон.

Советское руководство прекрасно понимало важность замещения ранее существовавших в Галиции различных культурных моделей на новую — единую, несущую в себе иерархию советских ценностей. Это очевидно по тому, насколько тщательно подготавливался основной прецедентный текст, который должен был объяснить новым и старым гражданам страны, а также остальному миру обоснованность претензий Советского Союза на данные территории¹. Такой текст не мог быть построен без символического образа врага, который угрожает базовым ценностям «своего» общества и самому его физическому существованию. Об идеологеме «врага» как принципе политической организации мобилизационного общества подробно писал Лев Гудков², который обозначил те генерализованные характеристики, которые должен получить оппонент, чтобы стать «врагом», среди них: неопределенность и непредсказуемость, асоциальная сила, не знающая каких-либо нормативных или конвенциональных ограничений. Если в двадцатых годах советская политическая риторика в рамках лозунга о мировой революции делала акцент на классовом враге, под которым подразумевались все «эксплуататорские» классы в других странах, безотносительно к их

¹ Невежин В. А. Обоснование активизации внешней политики СССР // Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. М., 1997. С. 67–113.

² Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 7–79.

национальной принадлежности (в противовес «дружественному» пролетариату этих стран), то в тридцатых годах, с началом выстраивания новой, советской имперскости формируется гибридный вариант названия «врага», сочетающий в себе классовую и этническую семантику. Именно в этот период появляются новообразования в обозначении «врагов» типа: «белочехи», «белополяки», «белофинны», построенные по аналогии с «бело-гвардейцами», что должно было, с одной стороны, воскресить в массовом сознании классовые аллюзии времен Гражданской войны, а с другой, — обозначить национальную принадлежность врага. Гибридное название «врага» давало возможность отделить «агнцев» от «козлищ», обозначив «хороших» и «плохих» представителей нации. Тот же гибридный принцип прослеживается в конструкциях типа: «польские паны», «немецкие фашисты», «украинские националисты», в более поздних сочетаниях: «американские империалисты», «израильские сионисты» и под. В частности, можно полагать, что выражение «польские паны», как устойчивое обозначение «врага», окончательно утверждается в корпусе актуальной политической лексики с середины тридцатых годов (ср. в стихотворении А. Суркова «Конармейская песня» 1935 г.: «Помнят псы атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки»). Подобные гибридные названия позволяли выстраивать основной прецедентный текст, объясняющий те или иные военные действия со стороны Советского Союза с точки зрения «освободительного» дискурса: борьба с «плохими» представителями той или иной нации рассматривалась как оказание помощи ее «хорошим», «дружественным» представителям. «Перенос на население или, по крайней мере, на войска и силы сопротивления этих стран значений «белой армии» должен был представить оккупацию Красной армией как «освободительный поход», как своего рода экспорт или революционную помощь пролетариату и крестьянству этих стран со стороны трудящихся первого социалистического государства»¹. Именно эти особенности в формировании образа «врага» конца 30-х годов отражены в упомянутом выше фильме — польские песенки осмысляются советскими солдатами не просто как эстетически чужие, а именно как «буржуазные», враждебные советской культуре.

О том, что для советского руководства второй половины 30-х годов разделение нации на «враждебных» и «дружественных» ее представителей не было пустой риторикой, говорит хотя бы тот факт, что даже

¹ Там же. С. 62–63.

в первые месяцы Великой Отечественной войны советская пропаганда еще делала неуклюжие попытки разделить «хороших» немцев (немецких рабочих) и гитлеровцев (нацистов) в наивном ожидании, что немецкий пролетариат окажет Гитлеру сопротивление и остановит нашествие на Советский Союз. Впрочем, отрезвление пришло достаточно быстро, и острейшая пропаганда было перенаправлено на этническую составляющую образа врага (ср., например, статью И. Эренбурга «Убей немца» или стихотворение К. Симонова «Убей его!»).

Выработка и распространение основного прецедентного текста об «освобождении» новых советских территорий касались не только сфер взрослой жизни. Эти тексты были призваны сформировать у подрастающего поколения единое отношение к свершившемуся событию, интерпретирующее его в нужном ключе. Это касалось не только детей на присоединенных территориях, но и детей в метрополии. Создание «детских» прецедентных текстов происходило как через каналы дошкольного и школьного образования, так и через неофициальный дискурс, который также находился под пристальным идеологическим контролем. Речь, в частности, идет о такой новой для конца 30-х годов форме детской ритуальной жизни, как новогодние елки (напомним, что советская новогодняя елка взамен «буржуазной» рождественской была разрешена накануне 1937 г. после двадцати лет запрета). Новогодние сценарии встречи 1940 года (утверждавшиеся Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром) были призваны объяснить детям в доступной для них форме цели продвижения советских войск на территорию Западной Украины и Белоруссии. В частности, новогоднее представление «Под елкой» (сценарий В. Пановой) содержало следующий эпизод: «Ребята водят хоровод вокруг наряженной елки. Игрушки оживают и веселятся вместе с ребятами. Дед Мороз рассказывает, как тяжело жилось раньше маленьким украинцам и белорусам под гнетом польских панов»¹. Гибридная форма обозначения врага («польские паны») позволяет одновременно актуализировать и классовый аспект (под гнетом панов), и национальный: украинцы и белорусы, безусловно, входящие в число «своих» (особенно в рамках выстраиваемого в это время советского варианта «большой русской нации»), представлены как жертвы угнетения «чужих» поляков. Эта

¹Репертуарный бюллетень: театр, музыка, эстрада (Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Союза ССР). М., 1940. № 1–2. С. 16.

идея активно реализовывалась в разных видах текстов, в частности, в агитационных плакатах того времени: «У русских и украинцев закон один — не будет пан над рабочим господин» и др. Подобные примеры позволяют проследить, как в течение 30-х годов на смену идее «классового врага» постепенно приходила модель «национального врага» и как эти модели сосуществовали в различных гибридных формах.

Показательно, что моделирование необходимой идеологической интерпретации исследуемого события в случае с новогодней елкой помещалось в рамки обрядовой ситуации, а роль «политинформатора» отводилась главному сакральному лицу новогоднему праздника — Деду Морозу. Уже в силу этого полученная информация воспринималась как безусловная и не нуждалась в дополнительных доказательствах, потому что включалась в центральный лейтмотив новогоднего сценария: Дед Мороз, как представитель добра, борется с кознями злых сил, в числе которых наряду со сказочными героями (Баба Яга, Кощей, разбойники) могли быть и вполне реальные политические враги (например, во время войны была популярна новогодняя открытка, на которой Дед Мороз изгоняет фашистов).

Все сказанное позволяет думать, что при продвижении советских войск на западные территории Украины и Белоруссии основной мотив «освобождения» этих земель уже полностью сложился и реализовывался в самых разных сферах от официальных политических заявлений и агитационных плакатов до сферы детского воспитания. Кроме концепта «освобождения» угнетенных польскими панами украинских и белорусских крестьян, этот текст содержал еще ряд концептуальных понятий, часть из которых уже была обозначена в процитированном сценарии новогоднего праздника. Прежде всего, это концепт объединения братских восточнославянских народов в рамках нового варианта «большой русской нации» ради строительства новой, счастливой жизни. Кроме того, важным для галицийских земель был концепт собственно украинского культурного строительства, свободного от польского давления, в том числе, — свободного функционирования украинского языка во всех сферах общественной жизни. Наконец, еще одной важной концептуальной чертой этого текста было представление об «отсталости», «нецивилизованности» жителей этого региона и необходимости их образования и распространения среди них прогрессивных форм советской

общественной и экономической жизни (ср. традиционные формулировки «темнота и средневековье» в отношении к «панской Польше» в советских средствах массовой информации).

Важно, что формирование основного прецедентного текста об «освобождении» братских народов носило двусторонний характер – в освоении его главных концептов участвовали не только советские идеологи, но и определенная часть украинской интеллигенции Галиции¹. Насколько со стороны последней это было добровольным и искренним убеждением, сказать трудно, но риторика «освобождения» успешно усваивается и используется разными слоями львовской интеллигенции для общения с новой властью «на ее языке» уже в 1939 г. В частности, в письме к Н. С. Хрущеву от 13 октября 1939 г., подписанном группой ученых, художников, писателей, композиторов Львова, дается обещание «отдавать все свое знание и навыки *освобожденному* (курсив наш. – Е. Л.) народу, строительству новой советской жизни...»². Концепт славянского единства также был вполне знаком галицкой элите, хотя, безусловно, подразумевал иные, не имперские смыслы, а воспринимался скорее в свете борьбы с общим, немецким врагом. В частности, командующий обороной Львова 1939 г. генерал Лянгнер на переговорах с советскими генералами об условиях сдачи Львова, указывая, что его войска одновременно ведут бои с немцами, обосновывал сдачу Львова Красной армии именно традициями славянского единства³.

Присоединение западноукраинских территорий к Советскому Союзу помимо их экономической и общественной перестройки по советскому образцу влекло за собой и резкую перестройку всех культурных моделей от образовательной системы до внедрения новых, непривычных форм членения времени. Традиционная неделя заменялась существовавшей тогда в Советском Союзе шестидневкой, при которой пять дней были рабочими, а шестой выходным независимо от дня недели, на который он выпадал. Это не могло не провоцировать острые культурные конфликты (например, еврейское население Галиции не выходило на работу в субботу, если на нее выпадал рабочий день,

¹См. *Луцький О.* Інтелігенція Львова (версень 1939 – червень 1941 рр.) // Львів: місто, суспільство, культура. Спеціальний випуск Вісника Львівського університету. Серія історична. Т. 3. Львів, 1999.

²Цит. по: *Луцький О.* Указ. соч. С. 582

³Там же. С. 575.

а христианское саботировало работу в воскресные дни). Часть этих конфликтов была вызвана к жизни именно приходом советской власти на данные территории, но другие конфликты были сформированы задолго до 1939 г. и лишь обострились или трансформировались с установлением советской системы.

Какие же этно-социо-культурные группы участвовали в конфликте аксиологических систем в этот период в Галиции? Здесь существуют разные точки зрения. Например, Яцек Хробачиньский¹ говорит о конфликте лишь двух культурных парадигм: «Голодной советской и в меру сытой польской»². В действительности, сторон, участвовавших в конфликте, было гораздо больше. Во-первых, и здесь абсолютно прав Хробачиньский, конфликт касался смены основных политических и культурных игроков на галицийском пространстве — с польского на советский. Реально это выражалось, прежде всего, в смене атрибутов властвующих элит — католические кресты, польские гербы, портреты польских государственных деятелей сменялись соответствующей советской эмблематикой и портретами советских вождей. Одной из важнейших сфер, где смена прецедентных текстов носила наиболее явный характер, были театр, кино, средства массовой информации, а также среднее образование — оно переводилось на стандартную советскую образовательную систему, в которой религиозные дисциплины, латинский язык, предметы по польской истории и географии заменялись историей и географией СССР, изучением Конституции СССР и истории КПСС.

Но нужно помнить, что советский дискурс, хотела того или нет советская элита, невольно нес в себе еще и русский культурный компонент (русские прецедентные тексты, в частности несли в себе уроки русского языка и литературы, сразу же включенные в программу средней школы на территории Западной Украины и Белоруссии). Таким образом, второй, латентный конфликт, как в матрешку спрятанный в первый, можно назвать русско-польским. Идеологические тексты, порождаемые каждой из сторон по поводу злободневной политической ситуации 1939 г., во многом несли в себе отголоски старых русско-польских споров имперской эпохи. Проиллюстрируем это отдельными примерами.

Можно сказать, что идеологическая борьба между польской и советской элитами за умы граждан выглядела как процесс взаимной стереотипизации

¹ *Chrobaczynski J. Kraków i Lwów 1939–1945. Funkcje miast w systemie okupacyjnym i w konspiracji* // Львів: місто, суспільство, культура. С. 607–623.

² Там же. С. 609.

и с некоторыми смысловыми изменениями и дополнениями продолжала те тенденции, которые сложились в русско-польских культурных стереотипах в предыдущие эпохи. Процесс взаимной стереотипизации означал создание в каждой из культурных сред симметричных форм образа врага¹. Это хорошо видно на примере пресловутого стереотипа «варварства, дикости, отсталости», который каждая из сторон приписывала идейному противнику. Начнем с мотива «темноты и средневековья панской Польши», декларировавшей советской стороной. В системе советских идеологов 30-х годов представление о советской стране как носителе передового цивилизаторского прорыва и обновления входило в число основных постулатов и выражалось в огромном числе идеологических текстов (ср., например, песню: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»). В оппозиции к советскому «цивилизаторству» формировалось представление о западноукраинских и западнобелорусских землях, находившихся в составе «белопанской», «буржуазной» Польши как об «отсталом» крае. Этот мотив был настолько устойчив, что получил свое развитие в художественной литературе гораздо более позднего времени. Например, в «Моменте истины» Ивана Богомолова советский лейтенант Андрей Блинов в письме к матери с территории западной Брестчины пишет: «Народ здесь забитый, темный, отсталый, не сознательный, не в пример нашему». Эта мифологема «темного народа», входившего в состав «белопанской» Польши, который нужно «цивилизовать» до уровня передового советского человека, была впервые сформирована отнюдь не советской пропагандой, — она имеет более глубокие корни в истории русско-польского конфликта в XIX веке. Семиотизация Польши как средневекового, дремучего края, политической деградации, экономической и культурной отсталости стала формироваться в 60-е годы XIX в. под влиянием польского восстания 1861 г. Здесь можно вспомнить стихи, сочиненные подпоручиком Квашниным-Самариным весной 1863 г.:

О вы, тщеславные поляки!
Надменный, глупый, панский сброд,
Охотники до смут, до драки!
Заглохший, отсталой народ!
О! призраки веков протекших,
Фантомы рыцарей. Ягелл,

¹ Долбилев М. Д. Потонофобия и политика русификации в северо-западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С. 127–174.

Зачем восстали для насмешки
Из ваших дедовских могил?
В век просвещения и прогресса,
Дорог железных и машин
Турниры вздумали среди леса
Давать без всяких нам причин!"

Эти стихи имеют весьма сомнительную художественную ценность, но они очень точно отражают представление о поляках как об «отсталом» народе, препятствующем просвещению и прогрессу, которые понимается, прежде всего, как прогресс технический. Удивительно, но Квашнин-Самарин в своих виршах сконцентрировал весь набор идеологем, которым позже будет пользоваться советская идеология в 30-х годах по отношению к Польше и ее восточным окраинам.

Симметричный этнический стереотип «русского варвара» сложился в польском сознании достаточно рано, о чем написано достаточно много, поэтому в рамках данной статьи нет нужды говорить об этом подробно. Поэтому укажем лишь на некоторые обновленные в 30-е годы его аспекты в связи с советизацией образа русских. После революции в польском узусе и пропагандистской литературе русский воспринимается не с этнической, а с политической точки зрения — как «большевик» (вспомним симметричный ему образ «польского пана» в советской пропаганде). Стереотип «большевика», помимо его очевидной агрессивности и стремлении завоевать весь мир, включал такие компоненты, как «звероподобность», «варварство», «полудикий быт», незнание благ цивилизации (ср. образ «дикого большевика» в польском и западноукраинском агитационном плакате этой поры²). Этот популярный в 20–30-е годы в польском фольклоре мотив «варвара-большевика» реализовывался, в частности, в анекдотах о женах советских офицеров, которые во Львове на праздничные мероприятия вместо платьев надевали ночные сорочки или комбинации польского производства. Этот же мотив был в послевоенную эпоху перенесен на жен советской военной элиты, привозивших из Германии нижнее белье, которое они принимали за вечерние платья. Также были популярны рассказы о детском удивлении советских людей, впервые во Львове увидевших многие предметы быта, которыми они не знали, как пользоваться.

¹ Цит. по: Долбилов М. Д. Указ. соч. С. 165.

² Там же. Илл. 7, 9, 10, 11, 14.

В качестве третьего конфликта, активизация которого пришлось на 1939 г., можно назвать очень старый украинско/белорусско-польский культурный конфликт, касающийся как религиозного, так и языкового положения восточнославянских народов на польских "kresach". О явном доминировании в Галиции в межвоенный период польской элиты, формировавшей культурные нормы, иерархию символических ценностей и языковую стратегию при откровенном подавлении всех форм украинского самосознания, прежде всего украинского языка говорилось немало. Установление советской власти привело к смене не только властных и политических, но и культурных элит и началу процесса «украинизации» общественной жизни. Препоны для функционирования украинского языка во всех сферах были устранены, и он начал доминировать в государственных органах, культурных и образовательных областях жизни при достаточно резком уходе польского из общественного и официального узуса. Эйфория от внезапно обретенной языковой свободы охватила некоторые слои львовской интеллигенции. Академик М. Возняк вспоминал: «Я не забыл и не забуду, как в те дни я ходил словно объятый приятным сном по улицам Львова, наслаждаясь украинской песней, передаваемой по радио и радуясь тому, что в университете, политехникуме, медицинском институте, институте советской торговли, консерватории учеба будет вестись на украинском языке»¹. Обретение украинским языком лидирующего положения стало реальностью после сентября 1939 г. На нем не только велось обучение в школах, но и ставились пьесы украинских драматургов. Именно в советский период во Львове началось формирование настоящего украинского театра – на сцене появились постановки пьес Леси Украинки, Г. Квитки-Основьяненко, М. Старицкого, М. Кропивницкого, а также (что было неизбежно в рамках советского дискурса) пьесы советских авторов, писавших в стиле соцреализма.

Четвертым культурным конфликтом, который эксплицитировался в этот период, был имеющий очень давние корни еще со времен «москвофильства»/«украинофильства» русско-украинский конфликт, касающийся культурного статуса украинского народа в составе Российского государства и в наиболее концентрированной форме выраженный в программах работ М. Хвильового против «москвофилов», например в статье 1926 г. «Московські задрипанки»: «Сьогодні, коли українська поезія сходить на цілком самостійний шлях, її в Москву ви не заманите ніякими калачиками. Ми

¹ Луцкий О. Указ. соч. С. 583.

до нашої літератури прикладаємо теорію комуністичної самостійності. Росія ж самостійна держава? Самостіна! Ну, так і ми самостійна! Перед нами стоїть таке питання: на яку із світових літератур наша література мусить узяти курс? Усякому разі не на Москву! ... Від російської літератури, від її стилів українська поезія мусить якомога швидше тікати!»¹. Этот старый конфликт осложнялся сознанием того, что именно «под Советами» для украинцев разных земель наконец, после многих веков разделения осуществилась возможность объединения в рамках единой (хотя и советской государственности): «Всех их (не эмигрировавших с приходом советских войск. — Е. Л.) утешала мысль: придут украинцы с Восточной Украины, все ж таки свои люди. Живут как-то, так и нам придется жить. Будем вместе, а это уже — великая вещь»².

И, наконец, в данной этнокультурной ситуации существовал пятый конфликт — это был конфликт внутри самой украинской культуры, касающийся взаимоотношений на территории Галиции двух вариантов украинского литературного языка — а именно: галицийского литературного языка и его среднеподнепровского варианта. В силу оторванности различных украинских земель друг от друга в предыдущие эпохи на их территориях параллельно формировались самостоятельные литературные языки³. Галицийский литературный язык, первые тексты на котором появились в 30-е годы XIX в. знаменитом сборнике «Русалка Днѣстрова», формировался на основе местных диалектов под значительным влиянием церковнославянского, польского и русского языков. Значение галицийского литературного языка для формирования общенационального украинского языка трудно переоценить, поскольку именно он первым среди других вариантов украинских литературных языков начал развивать новые функциональные стили — помимо художественной речи, в нем уже к началу XX в. были вполне развиты научный и публицистический стили. По своему уровню развития на этом этапе галицийский вариант по многим позициям обгонял поднепровский вариант литературного языка, формирование функциональных стилей в котором шло очень медленно (во многом из-за искусственного ограничения сфер его использования «Валуевским» и «Энским» указами). Примерно с рубежа XX в. происходил

¹ Цит. по: *Огієнко І.* Історія української літературної мови. Київ, 1995. С. 204.

² Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Київ, 1996. С. 126.

³ См.: *Гриценко Н. Е.* Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Philologia Slavica*. М., 1993; *Дуличенко А. Д.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

медленный, но плодотворный процесс взаимовлияния и постепенного сближения галицийского и поднепровского вариантов, который (если бы ему было дано завершиться естественным образом), мог бы привести к интеграции двух литературных вариантов в единый общенациональный украинский язык, обладавший мощным потенциалом обеих языковых систем. Однако вместо этого с конца 30-х годов естественный процесс интеграции был прерван насильственной и жесткой «дегаличинизацией», итогом которой стало фактическое уничтожение галицийского литературного варианта, доминирование поднепровского варианта, как единственно «правильного» литературного языка, и пуристическое очищение его от «галицинизмов». Подобная языковая политика, очевидной целью которой было скорейшее уничтожение местного галицийского самосознания, заложила языковые конфликты, проявившиеся в более позднее время. «Реализация пуристических установок подталкивала процесс дивергенции, способствовала сохранению галицийского литературного языка — с устоявшимися нормами, правописанием, функционально-стилевой поливалентностью — в украинском зарубежье; эта же жесткость норм современного украинского литературного языка, его закрытость для диалектных явлений питает культивирование литературных диалектов (в особенности лемковского в Польше и Словакии), а также идею воссоздания русинского закарпатского литературного языка»¹.

Из всего сказанного очевидно, что в культурном конфликте 1939 г., участвовало много сторон, каждая из которых выдвигала свой набор прецедентных текстов. Однако сложившуюся в Галиции в предвоенные годы культурную ситуацию трудно назвать полифонией, — скорее она была ближе к какофонии. Растерянное и потерявшее ориентиры население часто просто не понимало, какая аксиологическая модель какой политической стороне соответствует. Подтверждением этому может служить почти анекдотический случай, описанный очевидцем первых дней вхождения советской армии на территорию Львовщины. Очевидец, поляк по национальности описывает встречу советских войск православными жителями города Клецка, которые вышли с церковными хоругвями: «Собравшиеся в толпу, они встречали гостей выкриками и пели коммунистические песни вперемешку с церковными песнопениями»². Автор этих строк, к сожалению, не объясняет, было ли такое поведение формой приветствия, в которой местные жители

¹ Гриценко Н. Е. Указ. соч. С. 289.

² Chrobaczyński J. Op. cit. S. 609.

по незнанию использовали взаимоисключающие культурные тексты, или неким более сложным ритуальным действием охранительного характера. О том, что именно в этот период на данных территориях актуализировались чрезвычайно архаичные охранительные практики с целью защитить себя от непредсказуемых социальных катаклизмов, свидетельствуют, в частности, материалы Полесской экспедиции. В предвоенные годы на соседней Брестчине крестьяне использовали древний ритуал опахивания (который обычно совершается, чтобы охранить село от моровой язвы, града и других стихийных бедствий) для того, чтобы защитить свои села от организуемых тогда колхозов.

В заключение можно сказать, что с приходом на западноукраинские территории советская власть предприняла целенаправленные усилия для внедрения советской аксиологической модели, подразумевавшей формирование в Галиции типа «советского украинца», и выдавливание из культурного пространства ранее существовавшие элиты (прежде всего польскую и националистическую украинскую). Для этого были использованы все возможные культурные механизмы – внедрение советского календаря, исключавшее традиционное членение годового времени; систему советских доминантных праздников, к участию в которых в добровольно-принудительном порядке привлекались разные социальные слои; реформы дошкольного, школьного и высшего образования, которые вместо польской школы несли стандарты советского образования. Для внедрения советских прецедентных текстов широко использовались такие культурные сферы, как театр, кино, эстрада, а также средства массовой информации (радио, газеты, плакаты) – все это было призвано «втянуть» новые территории в единое культурное и информационное советское пространство.

В. Я. Тихомирова

**СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА «КРЕСАХ» В 1939–1941 ГОДАХ:
СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ**

Слово «kresy» и обозначаемое им понятие живет в польском языковом, культурном и историческом сознании более ста пятидесяти лет. Уже изначально (т.е. с момента введения в общелитературный язык неологизма «kresy» в поэме Винцентия Поля «Мохо́рт» в 1855 г.) оно обрело два взаимодействующих значения, близкие современному толкованию: пространства и далекого пограничья с особым, только ему присущим ритмом жизни. Оба этих значения – географическое и оценочное – прошли сложную эволюцию¹. В сегодняшнем понимании «Кресы» (как эквивалент географического названия – с прописной буквы) отождествляются со всеми принадлежавшими довоенной Польше землями, отошедшими в 1939 г. к СССР. До сих пор мысль о «кресах» вызывает у поляков сильный эмоциональный отклик, поскольку она соединяется в их сознании с болью утраты: родных мест и тех знаков польской истории и культуры, которые остались на востоке.

В нашей исследовательской литературе обычно используется полонизм в пространственном значении и в произвольной интерпретации: «земли польско-украинско-белорусско-литовского пограничья (так называемые kresy)»², «писатели, уроженцы «кресов» (так по-польски именовались восточные рубежи бывшей Речи Посполитой)»³ и т.д.

В ПНР действовал цензурный запрет не только на публичные высказывания о «кресах», но даже на само слово⁴. Узнать в подробностях о происходившем на этих землях в 1939–1941 гг. можно было из эмигрантских источников, в том числе письменных свидетельств очевидцев, а также большого корпуса документальных и художественных текстов. Эта литература, изданная в Польше только после 1989 г., дает богатый материал для изучения проблематики «кресов» в самых разных аспектах, в том числе имагологическом. Нас интересует, как складывались (на основании

¹Подробнее см.: *Kolbuszewski J.* Kresy. Wrocław, 1998. S. 6 et al.

²*Медведева О. Р.* Человек в пространстве: русские и Россия в прозе Тадеуша Мичиньского // «Путь романтический совершил...» Сб. статей памяти Б. Ф. Стахеева. М., 1996. С. 282.

³*Ананьева Н. Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 13.

⁴*Kolbuszewski J.* Op. cit. S. 207.

личного опыта) и в чем проявлялись представления поляков о Советском Союзе и его гражданах.

Со вступлением Красной армии в восточные районы Польши начался процесс их присоединения к СССР. Ставились цели изменения национальной структуры аннексированных территорий и их советизации. Неотъемлемой частью этих планов была массовая депортация польского населения вглубь СССР.

В состав Белорусской и Украинской республик были включены восемь воеводств, занимавших 51,6 % территории Польши в ее довоенных границах с населением около 13 млн человек. Из них 43 % говорило на польском языке, в четырех воеводствах поляки составляли абсолютное большинство¹. Всем жителям было присвоено советское гражданство и аннулировано польское. Литве был передан город Вильно и прилегающие к Ковно (Каунасу) области. В июне 1940 г. Литва была присоединена к СССР.

На занятую Красной армией территорию вслед за ее регулярными частями вступали оперативные отряды НКВД. Они составляли списки «социально опасных» и неблагонадежных лиц, куда попадала, в первую очередь, интеллигенция. Начались повальные аресты поляков, отправка в лагеря тысяч интернированных солдат и офицеров – участников сентябрьской кампании (позднее они были расстреляны), затем массовое принудительное выселение польских граждан в отдаленные районы Советского Союза и их борьба за выживание. В период с 1940 по 1941 гг. было проведено четыре крупных депортационных высылки. Точное число депортированных, считавшихся «антисоветским элементом», неизвестно. В эмигрантских источниках фигурируют цифры от полутора до двух миллионов человек², по мнению российских исследователей их было значительно меньше, но и в таком случае счет идет на сотни тысяч³.

Эти события оставили в историческом сознании поляков тяжелый отпечаток, превратившись в крайне болезненные воспоминания. Каким же сложился в их памяти образ советского человека, оказавшегося на польской земле в сентябре тридцать девятого года?

¹Подробнее см.: *Жаронь И.* Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 376–377.

²Например: *Siedlecki J.* Losy Polaków w ZSRR w latach 1939–1986. Wyd. 3. Londyn, 1990. S. 46.

³См., например: *Гурьянов А.* Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941) // Сибирь в истории и культуре польского народа. С. 368–369.

Безусловно, лучшим исследовательским материалом является документальная литература, прежде всего мемуаристика. Особую роль в реконструкции процесса, связанного с формированием представлений о другом народе, наука отводит подлинным свидетельствам очевидцев, поскольку в них содержатся прямые высказывания, позволяющие судить не только об отношении к проявлениям другого национального «я», но также об изменениях в собственном национальном сознании¹. Наиболее ценными с этой точки зрения являются сообщения, записанные по горячим следам.

Исходным материалом для попытки реконструкции представлений поляков о советских людях, сложившихся в результате их близкого контакта, послужила книга Яна Томаша Гросса «В сороковом нас сослали в Сибирь. Польша и Россия 1939–1942» (Лондон, 1983)². В нее вошла часть архивных документов из фондов американского Гуверовского института: 130 из 2300 описаний, составленных польскими детьми и подростками, эвакуированными из СССР в 1942 г., а также 36 из более 10 000 письменных свидетельств солдат армии генерала Андерса и членов их семей. Детские записи представляют большой интерес, так как изобилуют деталями и подробностями, отсутствующими в сообщениях взрослых поляков. Поэтому они являются уникальным историческим, социологическим и литературным документом, который мы рассматриваем в ряду других источников, содержащих достоверную информацию.

Кроме того, к анализу была привлечена парабеллетристика и художественная проза известных писателей-эмигрантов, чьи произведения содержат богатый фактографический материал: фрагменты воспоминаний Беаты Обертыньской «В доме неволи» (Рим, 1946)³, цикла рассказов Тадеуша Витлина «Дьявол в раю» (Лондон, 1951)⁴, а также романа Юзефа Мацкевича «Дорога в никуда» (Лондон, 1955)⁵. При необходимости использовались отдельные страницы других произведений.

¹ См.: *Bokszański Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław, 1997. S. 111; *Niewiara A.* Moskwin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006. S. 7.

² «W czterdziestym nas Matko na Sibir zesłali». Polska a Rosja 1939–1942 / Wyb. i oprac. J. T. Gross, I. Grudzińska-Gross. Wstęp J. T. Gross. Londyn, Wyd. Aneks, 1983. Использовано издание: Warszawa, Wyd. Res Publica i Libra, 1990.

³ *Obertyńska B.* (псевдоним M. Rudzka). W domu niewoli. Rzym, Bibl. „Orla Białego”, 1946. Использовано издание: Warszawa, Czytelnik, 2005.

⁴ *Wittlin T.* Diabeł w raju. Londyn, Wyd. Gryf, 1951. Использовано издание: Warszawa, Wyd. Polonia, 1990.

⁵ *Mackiewicz J.* Droga donikąd. Londyn, Wyd. Orbis, 1955. Использовано издание: Londyn, Kontra, 1989.

Трудность в воссоздании представлений поляков о гражданах СССР состоит в том, что в основе личных наблюдений лежали не только объективные обстоятельства, но и целый ряд субъективных факторов. О пережитом свидетельствовали люди разного возраста, мировоззрения, социального статуса, особенностей характера, опыта общения с советскими людьми, которые вели себя по-разному. Тем не менее, мозаика разрозненных оценок и описаний складывается в некое единство, в котором можно уловить повторяющиеся элементы. Они формируют общий взгляд на СССР и советского человека.

Первые впечатления связаны с красноармейцем, прибывшим из нищей, голодной страны: «Трудно было поверить, что большевистские солдаты так оборваны. Винтовки висели на веревочках, а вместо ремней солдаты были подпоясаны тряпками. Лошади выглядели как скелеты [...]. Солдаты ели картофельные очистки, а офицеры картошку». («Trudno było uwierzyć, że bolszewicy żołnierze są tak obdarci. Karabiny były na sznurkach a zamiast pasów byli podpasani szmatami. Konie wyglądały jak kościotrupy [...]. Żołnierze jedli lupki od kartofli, a oficerowie kartofle»¹).

Вступившие в Гродно в сентябре 1939 г. «красноармейцы не знали, как есть масло. Они мазали его на пирожные с кремом. [...] На колбасу и другие вкусные вещи бросались, как дикари». («Żołnierze bolszewicy niewiedzieli jak się obchodzić z masłem. Smarowali masło na ciastka z kremem. [...] Na kielbasy i inne smaczne rzeczy żułą się jak dzicy ludzie»²).

В занятии Красной армией Львова «советские солдаты и офицеры десятками покупали циркули, пуговицы, пачки тетрадей и мыло килограммами. Магазины с тканями за несколько дней были опустошены». («sowieccy żołnierze i oficerowie, dziesiątkami kupowali cyrkle, guziki, stosy zeszytów i na kila mydło. Sklepy z materiałami zostały do kilku dni opróżnione»³).

В другом польском городе «солдаты [...] бежали от магазина к магазину, покупали, что только могли, в основном часы, булки, колбасы, ткани и велосипеды. Вошли двое советских в магазин [...] и один говорит другому: „Знаешь, Коля, возьмем все ручные часы“. Забрали двадцать часов, заплатили и пошли в следующий. Там снова набрали тканей целыми рулонами, едва несли, но увидели колбасу: „Коля, идем еще колбасы купим, а, наверно, там колбасы нет, она только на витрине сделана из дерева, как у нас в Москве“». («Żołnierze [...] biegali od sklepu do sklepu kupowali co

¹ „W czterdziestym nas...”. S. 82. Автор книги сохранил орфографию и пунктуацию оригинала.

² Ibid.

³ Ibid. S. 103.

tylko mogli a przwężni zegarki, bulki, kilbasy, materiały wukieniczne, i rowery. Weszło dwóch sowietów do sklepu [...] mówi do tego drugiego „znojsz Kola wezmioł wsijeruczne czasy”. Zabrali dwadzieścia zegarków zapłacili i posli do następnego tam znowuż nabrali materiału wukiennego całymi wałkami, ledwie nieśli, ale zobaczyli kielbasę. Kola idzem jeszcze kelbasy kupim, a napewno tam kielbasy nie ma tylko na wystawie jest zrobiona z drzewa jak unas w Moskwie»¹).

Об особом пристрастии советских солдат и офицеров к наручным часам неоднократно упоминается не только в письменных свидетельствах («покупали по пять, по десять часов», «покупали часы, велосипеды, разные ткани и другие дорогие вещи»²), но также в парабеллетристике и даже художественной литературе. «Часы на руке в советском обществе не только редкий экземпляр, но также доказательство культуры, а, следовательно, и предмет гордости, — пишет Т. Виттлин. — [...] Такие часы, как правило, носят сверху, на рукаве рубашки, а военные, которые носят суконные гимнастерки, надевают их на манжет кителя. Чтобы уже каждый изда- лека мог заметить и с должным уважением обращаться с таким высоко цивилизованным гражданином». («Zegarek na rękę jest w sowieckim państwie nie tylko rzadkim okazem, lecz również dowodem kultury, a więc i przedmiotem dumy. [...] Zegarek taki, noszony jest z zasady na wierzchu, na rękawie koszuli, a wojskowi, umundurowani w sukienne bluzy, zakładają go na mankiet munduru. Żeby każdy już z dala mógł dostrzec i z należytym szacunkiem odnieść się do tak wysoce cywilizowanego obywatela»³).

«Я смеялась над их любовью к часам, — отмечает в своих воспоминаниях Барбара Скарга, которая провела в советских лагерях десять послевоенных лет. — Спрашивала, носят ли они тоже под рукавами кителей целые их коллекции, как это делали солдаты». («Śmiałam się z ich miłości do zegarków, pytałam czy pod rękawami mundurów też noszą ich całe kolekcje, jak to czynili żołnierze»⁴).

С бoльшим участием относилась к людям, ощущавшим в своей стране нехватку продовольствия и необходимых товаров, польская молодежь. При этом в свидетельствах подростков оставалось место для искреннего недоумения и легкой иронии по поводу комичных ситуаций или даже

¹Ibid. S. 136.

²Ibid. S. 151, 154.

³Wittlin T. Op. cit. S. 36 – 37.

⁴Skarga B. (псевдоним W. Kraśniewska). Po wyzwoleniu... (1944–1956). Paryż, Instytut Literacki, 1985. Использовано издание: Poznań, Wyd. “W drodze”, 1990. S. 71.

попытки сопоставить (на бытовом уровне) разные проявления национального менталитета. Вот один из красноречивых примеров.

«Приходят в магазин, спрашивают, можно ли купить хотя бы 100 граммов колбасы. Можно, почему бы и нет? А полкило можно? Можно и пять килограммов. Ну, тогда дайте нам по 10 килограммов. Колбасу повесили на шею, потому что все было забито булками, даже шапки. На улицах валялись булки, их покупали сотнями, а когда уставали нести, то просто выбрасывали». («Przychodzą do sklepu pytają się czy można dostać chociaż 100 gram kielbasy można, czemu nie, a pół kilograma można, można nawet i pięć kilogramów. O to dajcie nam po 10 kg., kielbasę tą pozakładali na syję bo już wszystko mieli pozapakowywane bułkami nawet i czapke. Ulice były po zazucane bułkami bo kupowali setkami bułek a potem jak się zmęczyl ciężko mu było nieść to wysypywał»¹).

Осознаваемое поляками культурное различие наиболее ярко выступает в художественных текстах, авторами которых были известные писатели с уже сложившимися до войны представлениями о Советской России. В их описаниях новой реальности присутствует явное стремление к самоидентификации, переживание своей польскости. К примеру, у Т. Витлина читаем: «два майора с интересом осматривали термос. Один из них честно признался, что был уверен, что это часовая мина [...] Кто-то притащил продавать диван с постелью в автоматически открывающемся ящике. Капитан авиации [...] засомневался в том, что во время сна в ящике на этой постели защелки на пружинах ночью не захлопнутся и человек не задохнется. Продавец объяснял, что [...] спят наверху, на матрасе. Летчик не верил, и говорил, что если бы это была правда, то матрас не был бы обтянут таким красивым материалом». («dwaj majorowie z zaciekawieniem oglądali termos. Jeden z nich szczerze wyznał, iż był przekonany, że to zegarowa bomba [...]. Ktoś przytaskał na sprzedaż tapczan z pościelą, wewnątrz otwieranego automatycznie pudła. Kapitan-lotnik [...] wyraził wątpliwość, czy w czasie snu w pudle na pościeli, sprężynowe zawiasy w nocy nie zatrzasną się i człowiek się nie udusi. Sprzedawca wyjaśniał, że [...] sypia się na wierzchu, na materacu. Lotnik nie wierzył, odpierając, że gdyby to była prawda, to materac nie byłby pokryty taką ładną materią»²).

Соподчинялись целому и мнения поляков о безвкусице «москалей», в особенности, представителей советской аристократии, отсутствии у них чувства меры и стиля, их невосприимчивости к эстетике повседневной

¹ „W czterdziestym nas...”. S. 136.

² Wittlin T. Op. cit. S. 37.

жизни. Это ощущение полного недостатка вкуса в чужой среде накладывало печать бедности даже на то, что по тогдашним меркам считалось в России роскошью, соответствующей стандартам советской культуры: «В конце рынка остановился современный шикарный лимузин, из которого вышли три женщины, вероятно, жены начальников, владельцев машин. [...] Выехали на рынок с шумом, с которым в западноевропейских столицах жены министров подъезжают к магазинам мод. [...] Одна из них купила шляпку – зеленый колпак с красным крылом [...] Свою покупку она держала в руке, не решаясь [...] надеть на голову. [...] Не потому, что эта шляпка была ужасна, ведь понравилась, если купила, просто наверняка это была ее первая в жизни шляпка». («Na skraju rynku zatrzymała się nowoczesna, luksusowa limuzyna, z której wysiadły trzy kobiety, prawdopodobnie małżonki dygnitarzy, dysponujących tym wozem. [...] Zajechały na rynek z szumem, z jakim w zachodnioeuropejskich stolicach żony ministrów zajeżdżają przed magazyny mód. [...] jedna kupiła kapelusz – zielony kolpak z czerwonym skrzydłem [...] Sprawunek swój trzymała w ręku, nie mając odwagi [...] włożyć na głowę. [...] Nie dlatego że był okropny, podobał się jej przecież, skoro go kupiła, lecz że niechybnie był to jej pierwszy kapelusz w życiu»¹).

Множество примеров показывает, что осознание себя цивилизованной нацией усиливало в польской среде положительную самооценку. В свою очередь, это порождало чувство культурного и интеллектуального превосходства и вместе с тем активизировало стереотипный образ мышления, отделявший поляков от их окружения:

«В театре появлялись русские женщины в „наших“ ночных рубашках, а офицеры мылись в унитазах, удивляясь, почему так быстро стекает вода». («W teatrze spotykano kobiety rosyjskie w „naszych“ koszulach nocnych, zaś oficerowie myli się w ubikacjach, dziwiąc się dlaczego, ta woda tak szybko ucieka»²).

Любопытно, что факты, о которых сообщают обычные польские граждане, почти дословно описаны в художественно-документальной литературе, что лишний раз подтверждает их достоверность. Так, Б. Обертыньская записывает увиденное во Львове: «Все часы сразу раскупили. Я видела одного, который шествовал [...] с большим кухонным будильником у пояса. Другой, кажется, жаловался хозяйке квартиры, что ему никогда не удастся хорошо вымыть руки, потому что вода из [клозетной] раковины слишком быстро стекает, когда он тынет за цепочку. В театре появилась однажды

¹Ibid.

²„W czterdziestym nas...”. S. 103–104.

какая-то командирша в нарядной шелковой ночной сорочке. Она купила ее уже здесь, приняв за платье. Самое красивое платье в своей жизни». («Zegarki wykupili wszystkie od razu. Widziałam jednego, jak paradował [...] z dużym, kuchennym budzikiem u pasa. Inny znów miał się skarżyć właściciele mieszkania, że nigdy nie może dobrze umyć rąk, bo woda z muszli za prędko ucieka, kiedy pociągnie za łańcuszek. W teatrze pojawia się raz jakaś komandirsza w strojnej, jedwabnej nocnej koszuli. Kupiła ją już tu jako suknię. Najpiękniejszą suknię, jaką w życiu miała»¹).

Особым пластом культуры является язык, в особенности тот его слой, который отражает речевое поведение коллектива. Поляки традиционно используют разветвленную систему подчеркнуто вежливых форм языкового этикета, которые создают атмосферу изысканности, утонченности и изящества. В русском культурном пространстве советского времени словесное воздействие на личность приобрело иные, более резкие формы. В нашем материале отчетливо видна эта несостыковка в работе обеих культурных систем, что отгораживало поляков от иной этнической, социальной и культурной среды:

«— Пан! — воскликнула какая-то женщина. — Сжальтесь, меня дети ждут дома...

— Нет здесь никаких панов, — буркнул [билетер. — В. Т.]

Женщина отступила, беспомощно оглядываясь по сторонам.

— Как к нему, черт возьми, обращаться? — задала шепотом вопрос.

— Известно, как, — подсказала другая. — Надо говорить «товарищ».

— Товарищ... вновь начала первая умоляющим тоном [...]».

(«— Panie! — zawołała jakaś kobieta. — Niech pan zlitui się, mnie dzieci czekają w domu...

— Nie ma tu żadnych panów — odburknął.

Kobieta cofnęła się rozglądając się bezradnie.

— Jak do niego, cholera, mówić? — rzuciła szeptem zapytanie.

— Wiadomo, jak — odpowiedziała inna. — „Towarzyszu” trzeba mówić.

— Towarzyszu ... zaczęła znów pierwsza tonem biadającym [...]»²).

Негативный аспект коммуникации усиливали абсолютно неприемлемые, оскорбительные формы обращения на «ты» по отношению к незнакомым полякам со стороны советских официальных лиц. Тяжелым грузом ложился на их сознание разнообразный набор стилистически сниженных словоформ и лексики, в том числе грубые слова, инвективы, а также

¹ *Obertyńska B.* Op. cit. S. 17.

² *Mackiewicz J.* Op. cit. S. 25.

эпитеты, указывающие на национальную принадлежность и унижающие человеческое достоинство (*polska banda*, *Polskie sobaki*¹ и др.). Об этом говорят высказывания очевидцев и примеры из литературы:

«[...] за столом сидел сержант. [...] – Откуда приехал? [...]»

– Из Белостока.

– К кому?

– К жене. [...]

– Убежала от тебя? – Он ожидал утвердительного ответа, чтобы рассмеяться.

– Нет, наоборот. Она убежала от немцев и, вероятно, здесь задержалась. [...]

– Жены ему захотелось! Может, я тебе должен жену искать? Вон, мерзавец!

Он сорвался со стула, сунул мне в руку документы и, схватив меня за воротник, потащил к дверям [...].

– Вон, каналья! – бился в приступе бешенства».

(«[...] za stołem siedział podoficer. [...] – skąd przyjechałeś? [...]

– Z Białegostoku.

– Do kogo?

– Do żony. [...]

– Uciekła od ciebie? – oczekiwał potwierdzającej odpowiedzi, by wybuchnąć śmiechem.

– Nie. Przeciwnie. Uciekła od Niemców i podobno tu się zatrzymała. [...]

– Żony mu się zachciało! Może ja mam ci żony szukać? Won, łajdaku!

Zerwał się z krzesła, wcisnął mi dokumenty w rękę i schwyciwszy mnie za kołnierz, siłą poprowadził ku drzwiom [...].

– Won, kanalio! – trząsł się w napadzie wściekłości»²).

Мрачных красок в общее мнение о советских людях добавляло грубое, а со стороны работников НКВД, в особенности низшего надзорного персонала, жестокое обращение с поляками. Иногда в свидетельствах очевидцев описания таких фактов занимают специальные рубрики, например: «Отношение властей НКВД к полякам (методы допроса, пытки, наказания, коммунистическая пропаганда, информация о Польше и т.п.)»³. Вот что вспоминает подросток, которому в 1940 г. исполнилось 12 лет: «дети по дороге в Россию замерзли и поскольку не было другого выхода, их выбросили в окно. Видя это, НКВД с презрительным смехом говорили:

¹ „W czterdziestym nas...”. S. 77, 177.

² Wittlin T. Op. cit. S. 42–44.

³ „W czterdziestym nas...”. S. 357–361.

«мерзнут польские собаки»». («dzieci w drodze do Rosji zamarzły, a ponieważ nie było innej rady wyrzucono je przez okno. Widząc to N. K. W. D. z pogardliwym śmiechem mówili: „mierzną Polskie sobaki”»¹). Или такая запись: «Когда я хотела дать детям недоваренный обед, он вырвал у меня из рук кастрюлю и бросил на землю со словами: „не подохнете, проклятые поляки”». («Gdy chciałam dać dzieciom obiad jeszcze nawet dobrze nieugotowany to wyrzucił mnie z ręki garnek na ziemię mówiąc „nie padochniecie przeklęte polaki”»²).

Впрочем, бывало и по-другому. О том, насколько затрагивало поляков поведение представителей советской власти, можно судить хотя бы по тому, что каждый случай проявления с их стороны обычных человеческих реакций или сочувствия с особой тщательностью переносился на бумагу — независимо от политической ориентации и мировоззрения авторов анализируемых текстов. Яркий антикоммунист Ю. Мацкевич, характеризуя одного из героев своего романа, подчеркивает: «Зайцев не относился к классическому типу людей НКВД»³. Антисоветски настроенная Б. Обертыньская считает своим долгом упомянуть о мелком, но важном с ее точки зрения, факте: «Наконец, начальник соглашается, чтобы они [мать и дочь. — В. Т.] ехали вместе. Это был единственный из известных мне случаев, когда просьба была исполнена. Поэтому я его записываю»⁴. Арестованный в 1940 г. во Львове известный драматург Вацлав Грубиньский в своих воспоминаниях также стремится к объективности:

— Ваши документы? — очень вежливо обратился ко мне сержант НКВД (а может быть, офицер?).

Я подал ему паспорт.

— Вы здесь не прописаны — сказал энкаведешник с теплотой в голосе, мило мне улыбаясь».

(«Pańskie dokumenty? — zwrócił się do mnie bardzo uprzejmie podołce NKWD (a może oficer?).

Podalem mu paszport.

— Pan tutaj nie jest zameldowany — rzekł enkawudzista głosem ciepłym i serdecznie do mnie uśmiechnięty»⁵).

¹Ibid. S. 176.

²Ibid. S. 261.

³Mackiewicz J. Op. cit. S. 75.

⁴Obertyńska B. Op. cit. S. 75.

⁵Grubiński W. Między młotem a sierpem. Wspomnienia. Londyn, Stow. Pisarzy Pol., 1948. Фрагменты в: *My deportowani. Wspomnienia Polaków z więzień, łagrów i zsyłek w ZSRR / Wyb. i oprac. B. Klukowski. Warszawa, 1990. S. 37.*

Но такие ситуации были единичными и не могли повлиять на собирательный образ советского человека. В польском понимании он являлся антиподом «культурному европейцу» и изображался «дикарем», «варваром», в котором подчеркивались азиатские черты: «раскосый мужик» 'skośnooki chłop'¹ [милиционер. — В. Т.], «одутловатый монгол» 'obrzękły Mongol' [о начальнике отдела НКВД. — В. Т.], «косые глаза стрелка» 'kose oczy strielka'² и др. Такая трактовка русских уже имела место в истории. Как показывает В. А. Хорев, она сформировалась в XIX веке и проявлялась в стойком убеждении о культурном превосходстве и высшем цивилизационном уровне «европейской» Польши над априорно чуждой Европе Россией с ее «дикостью» и «азиатщиной»³. Поэтому в нашем случае можно говорить о повторяющейся закономерности.

Личностное пространство советского человека (мимика, жесты, тон голоса, манера поведения, внешний вид) вызывало в поляках антипатию и чувство своей обособленности: «мрачно смотрел на меня прищуренными глазами», «буркнул со злостью», «плоское квадратное лицо»... с выражением удивления, недоверия, «молодая, даже симпатичная, только ужасная хамка», «у следователя [...] нет такого хамоватого вида, как у всех остальных», «Встреченные на улице советские солдаты [...]. Сгорбленные, расхристанные, измятые». И вывод: «Их людей видно сразу, особенно женщин». („patrząc na mnie złowrogo zmrużonymi oczami”, „burknął ze złością”⁴, „płaska, kwadratowa twarz [...], na kwadratowej twarzy wyraz zdumienia, niedowierzania”, „młoda, nawet niebrzydka, tylko strasznie chamska”, „śledczy [...] nie ma takiego chamowatego wyglądu jak oni wszyscy”, „Spotykani na ulicy sowieccy żołnierze [...]. Zgarbieni, rozcheltani, zmięci”, „Ich ludzi poznać od razu. Zwłaszcza kobiety”⁵).

Что касается советского человека как носителя образа СССР — его морали, мировоззрения, культуры, скроенной по стандартному идеологическому лекалу, — то все это безоговорочно отвергалось как антагонистическое. Острую негативную реакцию тех, для кого католицизм был абсолютным мерилом национального духа, вызывал преобладавший в советском обществе воинствующий атеизм. Жителям Гродно «говорили о ксендзах, что это наихудшее отребье и воры» (wyrzutki i złodzieje); «в школах

¹ Wittlin T. Op. cit. S. 41.

² Obertyńska B. Op. cit. S. 37, 41.

³ Хорев В. А. Русский европеизм и Польша // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 23–54, особенно С. 46 – 47.

⁴ Wittlin T. Op. cit. S. 38.

⁵ Obertyńska B. Op. cit. S. 25–26, 38, 35, 17.

запретили изучать религию и историю»¹. В Луцке детям «запрещали ходить в костел»². В Тернополе «били из пушек по нашим костелам [...], сожгли доминиканский костел — памятник старины. Не подпускали людей, которые хотели спасти этот костел»³. Примеры можно множить и дальше.

За прибывшими с востока советскими людьми закреплялись представления о нечистоплотности и тотальной загрязненности их среды обитания: «Грязь, неряшливость и беспорядок — вот синонимы их хозяйствования в городе. Улицы завалены грудями снега и мусора, который никогда не убирается», — записывает житель Тернополя⁴. Еще одно свидетельство, на этот раз о Луцке: «Город, который до войны выглядел красиво и опрятно, теперь приобрел ужасный вид. Улицы не чищены, полны грязи, газоны растоптаны и забрызганы грязью, возле газонов поломанная оградка и молодые деревца, которыми были обсажены улицы. Витрины магазинов с портретами советских руководителей потемнели, покрылись пылью и паутиной. Большинство магазинных вывесок содрано и вместо них остались пустые места»⁵. Все это вписывалось в уже существовавшую дихотомию «цивилизация — варварство»⁶.

Самую большую неприязнь, перерастающую в гнев, вызывала у поляков политика советизации восточных земель, отвергавшаяся ими как враждебная национальным интересам. Этот вопрос требует самостоятельного исследования, поэтому я ограничусь здесь отдельными замечаниями.

В письменных свидетельствах даются развернутые характеристики и обобщения, касающиеся методов, форм и содержания действий советских властей, включая использование многообразной атрибутики (листовки, плакаты, транспаранты, флаги, лозунги, символика и т.п.), а также описывающие советские ритуалы (митинги, праздники) с указанием отдельных «ритуальных формул»: «za „pobiedu komunizmu” i „szczęście trudziaszczyszja”»; «wsie kak odin»; «„sowieckij sojuz” [...] daje ludziom „miluju żyźń i szczastliwyje buduszcze”»; «„lubimym rebiatam — lubimyj Stalin”»⁷.

¹ „W czterdziestym nas...”. S. 260–261.

² Ibid. S. 275.

³ Ibid. S. 242.

⁴ Ibid. S. 244.

⁵ Ibid. S. 274.

⁶ См. Горизонтов Л. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. С. 62–75.

⁷ „W czterdziestym nas...”. S. 249, 253.

Встречаются и целые фразы без перевода на польский язык, передающие атмосферу и характер событий: «„Towarzysze! po prikazu polityczasti wy abjazani bierecz gosudarstwiennoj tajni i dziełać wsie w polzu naszego Sojuza. Wybory dolżni dać 100 proc. głosów uprawlenych izbiratelej. Liczno ob was Sowieckij Sojuz nie zabył. Towarysz Wojciechowskaja ostajties inspektorom po wospitanii, Olędzkij budziecie zawiadywać obszeczym znabżeniem. Wy tow. Wiśniewskij – ja w was lożu bolszuju nadzieđu, wy bystryj czelowiek – naznaczonyj dyrektorem dziesiatiletki. Z ostatnym zawtra pogoworju”»¹.

В польском понимании установление советской власти проявлялось в следующем: 1. Допущении к власти преступных и маргинальных элементов, а также людей с мстительным характером. 2. Заигрывании с евреями и частично с украинцами, обещаниях выделить им земельные наделы (что иногда имело место), а также привлечении их к разведывательной деятельности в деревнях и городах. 3. Неустанной пропаганде коммунистического счастья, отрывающей людей от работы в поле и дома (например, их заставляли угрозами участвовать в митингах и чтении конституции). 4. Использовании методов устрашения путем постоянных ревизий оружия и предметов спекуляции, непрерывной слежки за поведением и реакцией польского населения, а также натравливания украинцев на поляков. 5. Экспроприации торговцев и ремесленников с целью создания кооперативов. 6. Разграблении помещичьих усадеб и домов польской и украинской интеллигенции. 7. Введении ограничений на товары первой необходимости².

Распоряжения, издаваемые непосредственно после занятия конкретных территорий, включали: 1. Регистрацию кадровых офицеров и резервистов, в том числе вышедших в отставку, а также всех, кто проходил службу в польской армии. 2. Регистрацию движимого и недвижимого личного имущества. 3. Регистрацию беженцев. 4. Призывы вернуть все банковские кредиты и задолженности, а также оплатить государственные налоги и коммунальные платежи. 5. Отказ от выплаты пенсий и сберегательных вкладов или их ограничение в пределах определенной суммы (приводится цифра в 300 злотых). 6. Фальсификацию истории польского народа с помощью карикатур и искажения фактов. 7. Реорганизацию школьного образования, самоуправления, судопроизводства, финансовой системы, железнодорожного транспорта и др. 8. Устранение церкви из общественной

¹Ibid. S. 252.

²Ibid. S. 291.

жизни. 9. Исключение польского языка (а позднее и украинского) из всех сфер социальной жизни и замещение их русским языком¹.

Фиксировалось все до малейших деталей: перекрашенный в красный цвет памятник Юзефу Пилсудскому², рисунки и подписи вывешенных на стенах домов карикатур (например, знаменитый пианист и композитор Игнацы Падеревский, играющий на рояле, на котором сидит Белый орел – главный элемент государственного герба – в виде курицы), уничтожение школьных библиотек, принуждение детей участвовать в митингах под угрозой высылки в Россию всей семьи, аресты подростков и их допросы в НКВД, переименование улиц, конфискация радиоприемников, предвыборная агитация и выборы в новые органы государственной власти и многое другое³. Указывалась разная позиция, которую занимали в вопросе действий властей поляки и представители других национальностей⁴.

Личный опыт тех, кто столкнулся с советской властью в 1939–1941 гг., формировал однозначно отрицательный образ, который опирался на давно бытующий стереотип восточного соседа – негативный или, в лучшем случае, амбивалентный. Помимо конкретных фактов свидетельства очевидцев содержали мощный эмоциональный заряд, который удерживался не в последнюю очередь благодаря потоку метафор. В воспоминаниях обычных людей это могла быть накрывшая страну «черная туча» („czarna chmura”⁵), у тех, кто профессионально владел пером, – целые метафорические образы, которые нередко становились заглавиями книг: внезапно разразившееся «грязное наводнение» („Sowiety [...] leją się jak brudna, znieczyszczająca narastająca powódź”, Обертыньская⁶), советский «рай» („diabeł w raju”, Виттлин), «дорога в никуда» („droga donikąd”, Мацкевич).

«Русское» не отделялось здесь от «советского», даже если речь шла об этнической принадлежности. Лексема «русский» и ее производные с нейтральным значением („Rosjanin”, „Rosjanka”, „Rosjanie”), а также традиционное прозвище «кацап» („касар”), хотя встречаются в текстах, однако уступают напору других названий, обладающих яркой оценочностью характеристик, которые выражают неприязнь в отношении СССР

¹ Ibid. S. 292.

² Ibid. S. 77.

³ Ibid. S. 243–244, 274–275, 292–297.

⁴ Ibid. S. 267, 286.

⁵ Ibid. S. 274.

⁶ *Obertyńska B.* Op. cit. S. 10.

и его граждан: «москали» (*Moskale*¹), «красные преступники» (*czerwoni zbrodniarze*²), «восточные оккупанты» (*wschodni okupanci*³).

Чаще всего использовались слова *bolszewik*⁴ и *sowieci* (пренебрежительное определение всех жителей СССР от *Sowiety* (Советы). Лексема *Sowiety* в языке межвоенного двадцатилетия возникла как обобщенное название Советского Союза (Страна Советов) и с самого начала заключала в себе оценочный элемент. После вступления Красной армии в восточные районы Польши это слово стало ассоциироваться в обыденном сознании со страной-захватчиком. Образованные от него производные, называющие жителей СССР (*sowieci*, а также формы мужского и женского рода – *sowieć*, *sowiećka*⁵), не являясь, по мнению польского исследователя Александры Невяры, в строгом смысле этнонимами, содержат резко негативную оценку не только потому, что пришли «из языка врага», но главным образом в силу своей семантики, поскольку относились к названию недружественного Польше государства⁶. Еще больше усилилась отрицательная коннотация существительного *bolszewik* и его производных, функционировавших в польской речи с 1920-х годов. В отдельных случаях оно становится синонимом слова «враг»: «На углу каждой улицы стояли два бандита большевика и не разрешали останавливаться, нанося удары дулами автоматов». (*Na każdej ulicy, na rogu stało dwóch bandytów bolszewików i nie dawali zatrzymać się bijąc kolbami od karabinów*⁷).

Следует особо подчеркнуть, что в контексте всей литературы, получившей в 90-е годы XX в. собственный термин «лагерная» (от русизма *łagier*), анализируемый образ выглядит не столь односторонним. Было сделано много записей, разграничивших понятия «русское» и «советское» и тем самым раздвинувших общее представление о России и русских. В своей совокупности литература лагерной темы несла идеи терпимости, преодоления разделяющей народы неприязни. Но это произошло позднее, на основе личного и семейного опыта пребывания поляков в СССР.

¹ „W czterdziestym nas...”. S. 254–255, 425.

² Ibid. S. 85.

³ *Obertyńska B.* Op. cit. S. 12.

⁴ „W czterdziestym nas...”. S. 195, 227, 255, 259.

⁵ Ibid. S. 77, 79, 99, 136, 173, 191, 250, 255, 290 et al.

⁶ *Niewiara A.* Moskwin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006. S. 161.

⁷ „W czterdziestym nas...”. S. 299.

Е. П. Максименко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ПРОПАГАНДИСТСКОЙ КАМПАНИИ СССР ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Политический кризис в Европе весной – летом 1939 года сопровождался не только конкретными военными приготовлениями сторон, но и активным применением различных методов информационно-пропагандистского воздействия. Советское руководство внимательно следило за развитием событий на континенте, рассчитывая использовать их в своих интересах, которые в Восточной Европе были обеспечены достигнутой договоренностью с Германией. Основной текст пакта о ненападении, хотя и означал крутой поворот в идеологии СССР, прежде резко осуждавшей фашизм, не выходил за рамки принятой перед Второй мировой войной практики международных отношений. Однако последующие действия, которые предполагались секретными протоколами по разграничению сфер интересов между СССР и Германией, должны были получить крепкое идеологическое обоснование. В контексте обстановки так называемого «угрожающего» (предвоенного) периода советским органам пропаганды необходимо было решить ряд трудных задач: оправдать резкий поворот внешнеполитического курса СССР на союз с фашистской Германией; в кратчайшие сроки провести работу по подготовке общественного сознания к прямому вооруженному вмешательству в дела Польши; консолидировать армию и население страны вокруг нового курса советского руководства.

В предвоенный период правительство любой страны через средства массовой информации стремится сформировать у своего народа (особенно среди военнотружеников) патриотические взгляды и убеждения, обеспечить в массовом сознании приоритет целей государственной политики. Программные идеи советской пропагандистской кампании грядущего похода были изложены в опубликованной 14 сентября 1939 г. передовой статье газеты «Правда» «О внутренних причинах военного поражения Польши», подготовленной А. А. Ждановым и отредактированной И. В. Сталиным. Осторожно минуя какие-либо морально-этические оценки действиям Германии, развязавшей войну, передовая «Правды» начиналась с констатации факта «военного разгрома» Польши. Ее быстрое поражение («польское государство оказалось... немощным и недееспособным»), в первую очередь, объяснялось «внутренними слабостями и противоречиями польского государства», нежеланием его правительства решать проблемы национальных

меньшинств, составлявших около 40 % населения. Акцентировалась ситуация «национального унижения и бесправия», а также «грубой, беззащитной» эксплуатации восточнославянского сельского населения со стороны польских помещиков. Населяющие территорию Восточной Польши украинцы и белорусы не имели административной автономии, национальных школ, культурных учреждений и т.д. Сравнивая Западную Украину и Западную Белоруссию с бесправной колонией, отданной на разграбление «польским панам», статья указывала на схожесть политики польского правительства с «угнетательской политикой русского царизма». В заключении делался вывод, что по этим причинам «национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»¹.

Основные положения передовой «Правды» затем были повторены в радиовыступлении В. М. Молотова, сделанном 17 сентября 1939 г. в связи с переходом советскими войсками польской границы. Речь Председателя СНК СССР вновь начинал факт констатации военного поражения Польши. В. М. Молотов повторял тезис статьи А. А. Жданова о недееспособности и несостоятельности правящих кругов Польши, чья политика привела к фактическому прекращению существования польского государства. Никаких оценок действиям германского руководства опять не давалось; о польском же руководстве было сказано несколько презрительных слов: «Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы»². Далее шло разъяснение собственных военных планов и действий. Советский нарком иностранных дел заявлял, что СССР не считает больше действующими заключенные ранее советско-польские договора и вводит войска на территорию Польши с тем, чтобы, во-первых, обеспечить безопасность своего государства и, во-вторых, оказать помощь «единокровным» украинцам и белорусам, взяв «под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Все содержание выступления В. М. Молотова должно было заставить слушателя сравнивать два многонациональных государства, Польшу и Советский Союз, которые по-разному подходили к проблеме национальных

¹ Правда, 1939. 14 сентября.

² Цит. по: Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 19. С. 1.

меньшинств. Польские «неразумные руководители» довели страну до «быстрого развала». Напротив, «народы Советского Союза, все граждане и гражданки нашей страны, бойцы Красной армии и военно-морского флота сплочены, как никогда, вокруг Советского правительства, вокруг нашей большевистской партии, вокруг своего великого вождя, вокруг мудрого тов. Сталина, для новых и еще невиданных успехов труда в промышленности и колхозах, для новых побед Красной армии на боевых фронтах»¹.

Таким образом, небольшую по объему передовую «Правды» и краткое радиовыступление В. М. Молотова можно считать эталонными примерами решения задач пропагандистской кампании «угрожающего периода». Во-первых, в них приводились факты, направленные на дискредитацию военно-политического руководства Польши, авторитет которого в СССР, учитывая ситуацию, сложившуюся в межвоенный период, и так был невысок. Во-вторых, выдвигались идеи, призванные мобилизовать советских граждан на безоговорочную поддержку предстоящих действий РККА, главной из которых была идея солидарности с угнетенными национальными меньшинствами восточных регионов Польши. В-третьих, в общественное сознание активно внедрялась мысль о том, что поход является не захватом чужих территорий, а миссией Советского государства по освобождению братских народов и возвращению своих исконных земель («чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»).

Следует подчеркнуть, что в оправдание действий СССР органами советской пропаганды весьма эффективно была использована одна из самых архаичных оппозиций любой народной культуры — оппозиция «свой — чужой» (она с легкостью могла быть заменена на оппозицию «хороший — плохой»). В данном случае это противопоставление приобрело отчетливый социально-этнический характер. Население Западной Украины и Западной Белоруссии — это «свои» и по крови, и по классовой принадлежности. Однозначно трактовать всех поляков как «чужих» было невозможно, поэтому дефиниция «польский народ» употреблялась в отношении неимущих классов, которые нуждаются в освобождении от капиталистического ига, как и единокровные братья. «Чужой» же определялся как «пан». «Пан» — это «эксплуататор», «кровавый разбойник», «пес» — в выражениях не стеснялись. «Панская Польша» представлялась как «фашистская Польша».

Советское руководство умело применило комплексный подход к пропагандистскому обоснованию территориальных приращений за счет

¹ Там же.

Польши. Во-первых, для начала военных действий выдвигался благоприятный идеологический предлог — освободить единокровных братьев от национального гнета и капиталистического ига («освободительный поход»), взять под защиту их жизнь и имущество. Во-вторых, на практике легко было осуществить веками проверенный внешнеполитический принцип «разделяй и властвуй»: в пропагандистских материалах разного рода постоянно подчеркивалась этническая и классовая неоднородность польского населения, неравноправие нацменьшинств, отсутствие общих интересов у «панской» Польши, с одной стороны, и западных украинцев и западных белорусов, с другой. Следовательно, в-третьих, многомиллионное украинское и белорусское население Восточной Польши рассматривалось как потенциальный союзник СССР на территории «фашистской» Польши, угнетающей другие национальности.

Органы пропаганды должны были широко популяризовать и разъяснять политику правительства в духе статьи в «Правде» и выступления В. М. Молотова. Можно утверждать, что задачу облегчала реальная обстановка, сложившаяся в той части Восточной Европы, которая по советско-германским соглашениям была признана сферой интересов СССР. Политорганы РККА развернули активную работу по популяризации и разъяснению политики советского правительства. По утверждению М. И. Мельтюхова, «в результате проведенной политработы в сосредоточенных у границы с Польшей войсках возник мощный патриотический подъем личного состава, готового «выполнить приказ об освобождении братьев украинцев и белорусов»¹. Рядовой и командный состав РККА был единокровен в своем порыве освободить единокровные народы от капиталистического ига и национального гнета.

В сферу политико-пропагандистского воздействия, кроме гражданского населения СССР и личного состава РККА, было включено украинское и белорусское население Восточной Польши. Применялся «мягкий» вариант психологического воздействия с целью вызвать положительное отношение к своей стране и своим войскам. Демонстрация максимальной доброжелательности к объекту психологического воздействия — весьма широко применяемое средство пропаганды. На руку советской пропагандистской кампании сыграло наличие этнических и социальных противоречий в Польше: жители Западной Украины и Западной Белоруссии

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 293.

встречали цветами советские войска, чему существуют многочисленные свидетельства.

Кроме того, национальный фактор снижал и так невысокую боеспособность польской армии. Мобилизованные украинцы и белорусы отнюдь не горели желанием умирать за «независимую Польшу», в которой не соблюдался принцип равноправия этнических групп. Об их отношении к начавшейся войне можно судить по тогдашней частушке:

*Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акапах
І гарэлку будзем піць¹.*

* * *

По замечанию В. А. Невежина, «свою лепту в освещение «польской» тематики на этапе подготовки и проведения «освободительного похода» Красной армии внесли представители советской интеллектуальной элиты: писатели, журналисты, кинематографисты. На штатные должности в редколлегии периодических изданий действующей армии были назначены С. Вашенцев, В. И. Лебедев-Кумач, А. Т. Твардовский, Е. А. Долматовский»².

На широкую известность в народных массах было обречено творчество поэтов-песенников. Приведем два характерных примера. Для 52-ой стрелковой дивизии, воевавшей в составе созданного на время похода Белорусского фронта, поэтами Евгением Долматовским и Владимиром Луговским была специально написана песня «Мы прошли с боями все Полесье...»:

Принесли мы Родине присягу,
Эту клятву свято бережем.
Мы сумели доблесть и отвагу
Показать за нашим рубежом!
Мы прошли с боями все Полесье,
Покорив болота и пески.
Всюду братья пели наши песни –
Панский гнет смели большевики!³

Известнейший советский поэт-песенник Михаил Исаковский отозвался на события сентября 1939 г. в характерной для него задушевной манере,

¹ Кунгуров А. А. Секретные протоколы, или кто подделал пакт Молотова – Риббентропа. М., 2009. С. 14.

² Невежин В. А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007. С. 161.

³ Режим доступа: www.vilavi.ru/prot/100508/100508-2.shtml

написав песню о двух братьях. С гениальной простотой Исаковский в стихотворном произведении изложил практически все аргументы советской пропаганды, переведя их с сухого официального языка на язык, доступный широким народным массам:

На восходе солнца,
В зеленой дуброве,
Встретились два брата,
Два родных по крови.
Их одна краина
На свет породила,
Да не равным счастьем
Братьев наделила.
Первый жил на воле,
Вырос на просторе,
А второй – у пана,
В нищете да в горе.
Повстречались братья,
Кровные, родные,
Подали друг другу
Руки трудовые.
И промолвил первый:
– Я прошел границу,
Я пришел с тобою
Счастьем поделиться.
Я леса раздвинул,
Переплыл я реки,
Чтоб не разлучаться
Нам с тобой вовеки.
А второй ответил,
Распрямляя спину:
– Ты вошел, как солнце
В темную долину;
Ты раскрыл темницы,
Ты принес свободу,
И с тобой готов я
И в огонь и в воду.
И пошли два брата
Под зарей широкой

Славною, широкой
Сталинской дорогой¹.

* * *

Не оставались в стороне и советские художники. На примере советского сатирического журнала «Крокодил» В. А. Невежин рассматривает тот существенный вклад, который внесли в «общее дело» художники-карикатуристы. «В советской карикатуре осени 1939 г. тема военного поражения Речи Посполитой и падения ее государственности являлась одной из ведущих. «Обыгрывалась» она, главным образом, путем изображения панического бегства с поля боя польского военного руководства. Сформировался своеобразный стереотип польского офицера и генерала времен кампании сентября 1939 г. Это — военнослужащий в конфедератке, с саблей, наградными знаками на груди, в сапогах со шпорами, но, как правило, не идущий в атаку, а стремительно убегающий от противника, под которым подразумевалась Красная армия»².

Отметим, что период между первой и второй мировыми войнами можно считать «золотым веком» жанра политической карикатуры. Тема отношений между двумя странами была одной из центральных и в польской графике. СССР предстал традиционно в образе русского медведя, то кровожадного, то жалкого, либо в образе заросшего большевика-лапотника, чуждого всякой польско-европейской цивилизованности, за что его пинками за двери этой Европы и выставляли³.

Изобразительные, наглядные средства, в первую очередь, плакаты, а также транспаранты, иллюстрированные журналы, стенные газеты, почтовые марки, использовавшиеся в пропагандистской работе, имели ряд преимуществ перед другими формами политической пропаганды и агитации. В первую очередь, они несли сильный эмоциональный заряд. Кроме того, легче воспринимаясь, нежели текст, изображение на плакате или фотографии передавало достаточно полное описание событий. Многократное повторение в плакатах одних и тех же сюжетов, деталей и пр. способствовало возникновению и укреплению вполне определенных установок, главная из которых формулировалась примерно так: пришли «свои» и освободили от «чужих». Другими словами, изобразительная

¹ Исаковский М. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. Стихи, поэмы, песни. 1924–1940. М., 1951. С. 231–232.

² Невежин В. А. Указ. соч. С. 177.

³ См. подробнее: Лазари А де, Рябов О. В. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007. С. 34–48.

пропаганда очень доступно излагала факты, формулировала оценки и обозначала призывы, то есть позволяла использовать три основных средства пропагандистского воздействия.

Одним из главных мотивов ввода советских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии провозглашалось стремление взять под защиту проживавшее в Польше белорусское и украинское население. Очевидным образом подразумевалось, что основная угроза мирным жителям исходила со стороны нацистской Германии, но, связанное союзническими обязательствами, советское руководство в официальных заявлениях избегало упоминаний о государстве, развязавшем войну. Кроме того, отступавшие польские части зачастую срывали свою злость на мирном украинском и белорусском населении, обостряя давно существовавшие антипольские настроения. Оппозиционные настроения к полякам были настолько сильны, что вступление РККА прошло спокойно. Более того, во многих населенных пунктах восточнославянское население восторженно, с энтузиазмом и надеждой приветствовало наступающие части РККА, сформированные, по большей части, опять-таки, из «своих» — этнических украинцев и белорусов. «В городах, местечках и селах Западной Украины и Западной Белоруссии, которые занимает Рабоче-крестьянская красная армия, население встречает наши части с огромной радостью и ликованием», — писал в газете «Правда» «официальный» историк Емельян Ярославский в разъяснительной статье «Кому мы идем на помощь»¹. Приведем несколько свидетельств этих событий. Первое опубликовал в октябрьском номере журнала «Пропагандист и агитатор РККА» батальонный комиссар Ф. Гончаров: «В одном из сел бойцов и командиров Красной армии обступили крестьяне. Они просили дать им газеты. Один из товарищей вынул из полевой сумки номер газеты «Красноармейская правда» за 16 сентября. На первой странице был напечатан большой портрет товарища Сталина. Старик-крестьянин схватил газету, прижав ее к губам, облил слезами радости дорогие черты лица вождя всех угнетенных. Бойцы, не дрогнувшие в недавней схватке с польскими частями, не могли спокойно наблюдать эту потрясающую сцену. Многие из них украдкой утирали повлажневшие глаза»². Другое свидетельство, опубликованное в декабрьском номере того же журнала, принадлежит старшему политруку Г. Галанину: «Вокруг работников

¹ *Ярославский Е.* Кому мы идем на помощь // *Правда*. 1939. 19 сентября.

² *Гончаров Ф.* На защиту трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии // *Пропагандист и агитатор РККА*. 1939. № 19. С. 14.

редакции (газеты «Красноармейская звезда», прикомандированной к танковой части – Е. М.) собирались группы крестьян, освобожденных от панского гнета. Завязывались задушевные беседы. Люди впитывали в себя каждое наше слово, задавали сотни вопросов о СССР и радовались, как дети, когда один из красноармейцев на десятирублевке показал портрет Ленина»¹. Безусловно, журнальные статьи написаны политработниками, что априори означает их идеологическую направленность, но вместе с тем обращает на себя внимание непосредственная эмоциональная реакция людей на визуальные образы – фотографию Сталина и рисованный портрет Ленина на денежной купюре.

С точки зрения такого открытого выражения эмоций примечателен плакат известного советского художника-плакатиста В. Б. Корецкого «Наша армия есть армия освобождения трудящихся» (рис. 1), (в книге В. Корецкого «Товарищ плакат», изданной в 1978 г., использовано другое название – «Боец, Белоруссия ждет этого дня!»²). Именно эта работа принесла первую широкую известность своему автору. 22 сентября 1939 г. плакат был помещен на 1-й странице «Правды»³. Затем «он воспроизводился в журналах и газетах, в школьном учебнике истории СССР, печатался в календарях и т.д.»⁴. Сопроводительный текст – «Наша армия есть армия освобождения трудящихся». И. Сталин» – приводился на русском, белорусском или украинском языках.

Рис. 1. В. Б. Корецкий
«Наша армия есть армия
освобождения трудящихся»

¹ Галанин Г. В боях за освобождение Западной Украины // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. №24. С. 36.

² Корецкий В. Б. Товарищ плакат. М., 1978. С. 62–63.

³ Халаминский Ю. В. Б. Корецкий. М., 1951. С. 12.

⁴ Федоров-Давыдов А. А. Виктор Борисович Корецкий: Мастер советского плаката. М.-Л., 1949. С. 9.

Замечу, что практически любой из рассматриваемых плакатов, рисунков или почтовых марок можно расценивать как иллюстрацию к статьям и заметкам в советских СМИ того периода. В данном случае уместна выдержка из цитируемой выше статьи Емельяна Ярославского: «Везде, где появляются наши части... западные белорусы с исключительным восторгом встречают доблестную Красную армию. Они со слезами радости бросаются в объятия к командирам и красноармейцам, предлагают яблоки, молоко...»¹. На плакате Виктора Корецкого изображены два центральных персонажа — молодой мужественно-красивый красноармеец и хрестоматийный некрасовский «высокорослый худой белорус». Художником запечатлено братское объятие людей, долгожданная встреча которых наконец-то состоялась (подобная картина хорошо знакома нам по кадрам хроники конца Великой Отечественной войны). Это момент одновременно личный и торжественный. Ради этой встречи крестьянин надел свою лучшую рубашу, на ней несколько аккуратно пришитых заплат, но она чисто выстирана и выглажена. Красноармеец изображен в полной боевой амуниции, в руках он сжимает винтовку. Ею он как будто прикрывает белорусского крестьянина от возможной опасности.

На заднем плане наступает победоносная Красная армия: стройными рядами идет пехота («прошли как на учениях»), безупречен строй летящих самолетов, неудержимо движение танков. «Трудно описать ту огромную радость, с какой трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии встретили части Красной армии... Обращаясь к красноармейцам, они говорили: «Мы двадцать лет вас ждали. Вы пришли оттуда, откуда восходит солнце, где жить хорошо... Бойцы Красной армии пришли не как завоеватели, а как освободители...»².

В. Корецкий предпочитал работать «в жанре реалистического фотоплаката»³, используя в качестве основы своих произведений черно-белую фотографию. Фотоплакат легко может убедить зрителей в неопровержимости событий, свидетелями которых они становятся с его помощью. И эти события не могут оставить людей равнодушными наблюдателями. «Политический плакат — это призыв к действию. Он предназначен вызывать радость или гнев тысяч зрителей»⁴. Недаром сам В. Корецкий сверял свое творчество

¹ *Ярославский Е.* Указ. соч. // Правда. 1939. 19 сентября.

² *Леонтьев Ф., Крутовский Н.* Красная армия с честью и славой выполнила свой долг // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 20. С. 36.

³ *Халаминский Ю.* Указ. соч. С. 10.

⁴ *Корецкий В. Б.* Указ. соч. С. 52.

с теоретическими положениями другого известнейшего советского художника-плакатиста Д. С. Моора: «Реалистичность плаката – в силе его воздействия», «Если наш образ в плакате не эмоционален – грош ему цена...»¹. С другой стороны, от частного факта, изображенного на фотографии, художник должен перейти к обобщению. В данном случае, для придания изображению символичности расставлено несколько четких красных акцентов: красно-белый пограничный столб, который находится уже за спиной красноармейца, красные петлицы на воротнике его гимнастерки, красное знамя впереди наступающей армии и красный шрифт надписи, цитирующей И. В. Сталина.

Как и в карикатуре, одной из ведущих тем советского плаката осени 1939 г. была тема военного поражения II Речи Посполитой и падения ее государственности. «Обыгрывалась» она, как отмечалось выше, путем негативного изображения польского военного руководства, а также надругательства над польской государственной символикой.

На черно-белом плакате «Польский орел и советский солдат» (рис. 2) изображено четыре персонажа. «Панскую Польшу» символизирует белый орел, являвшийся гербом польского государства с XIII века. Примкнувшим к винтовке штыком красноармеец пронзил шею орла. Издыхающая птица выглядит совсем не гордо: язык вывалился, с головы слетела конфедератка. Тем не менее, орел продолжает когтистой лапой цепляться за плечо крестьянина. Крестьян двое, выглядят они практически одинаково: одежда в заплатках, на запястьях болтаются обрывки веревок, в руках зажаты крупные булжники, брови сурово сведены. Они изображены так, будто спешно уходят от орла, чтобы встать позади красноармейца, но в любой момент готовы метнуть булжник в цель, то есть в Польшу, которую орел и олицетворяет. Молодой красноармеец походит на Гулливера в стране лилипутов – крестьяне не достают ему и до пояса (явный мотив «старшего» брата).

Цветной плакат «Царство канчуков» (рис. 3) в композиционном плане является зеркальным отражением предыдущего, только место белого орла занял польский офицер, изображенный в весьма позорной ситуации. Офицер слетает со спин украинских крестьян после того, как красноармеец нанес ему удар прикладом ружья. Автор опять акцентировал внимание зрителей на факте поражения польской армии: как и у орла на предыдущем плакате, конфедератка слетела с головы, сломанная сабля выпала

¹ Там же. С. 53.

Рис. 2. «Польский орел
и советский солдат»

Рис. 3. «Царство канчуков»

из рук. Тем не менее, никакого сочувствия к поверженной армии, защищавшей, кстати, свое государство, у зрителя не может и не должно быть, ведь с выбитой из рук сабли капает свежая кровь, а в рукоять плети (канчука) пальцы офицера вцепились намертво.

Назвать персонаж в генеральском мундире человеком довольно сложно. Желтая кожа, острые клыки, когти и т.д. более подходят упырю. Изобразительными средствами было легко обобщить отличительные признаки «чужого» и «своего». «Чужие» часто наделялись зооморфными чертами, что характерно для рассматриваемого плаката.

Плакат «Царство канчуков» будто иллюстрирует строки из статьи члена редколлегии журнала «Пропагандист и агитатор РККА» полкового комиссара Н. Осипова «Войны справедливые и несправедливые»: «При известных условиях Красная армия может предупредить нападение агрессоров на отечество социализма. Железной рукой она возьмет разбойника за горло прежде, чем он успеет вынуть свой кровавый нож»¹.

Использование цвета в плакате привлекает внимание зрителя. Богатырь-красноармеец монохромно красный, а основной фон плаката — черный,

¹ Осипов Н. Войны справедливые и несправедливые // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 17. С. 27.

то есть используется прием яркого цветового пятна и контрастного сочетания цветов, что должно непроизвольно привлекать внимание. На тот же эффект рассчитан специальный шрифт стихотворной надписи на украинском языке. Для удержания внимания в дополнение к изображению использован лаконичный текст: «Братьям мы руку протянули, чтобы их спины разогнулись, и сбросили во тьму веков презренное царство канчуков».

Известно, что психологическое воздействие изобразительными средствами тем действенней, чем актуальнее для адресата доносимые идеи. Художники стремились решить эту проблему, пытаясь заложить в свои произведения идеи, понятные и близкие большинству западноукраинского и западнобелорусского населения. Главной темой художественных пропагандистских произведений становилась жизнь крестьянства Западной Украины и Западной Белоруссии — прошлая, настоящая и будущая. При этом художниками учитывалось два обязательных правила: во-первых, в центре контекста пропаганды всегда находится противник; во-вторых, пропаганда всегда направлена на понятие «образа жизни».

«Польские паны владели лучшими землями, лугами, лесами, угодьями. Они обрекали крестьян Западной Украины и Западной Белоруссии на голод и разорение. Непосильные налоги, деспотизм помещиков и военных колонистов, бесправие, побои, отработки — вот картина беспросветной жизни крестьян.

Об этой тяжелой жизни со слезами на глазах рассказала крестьянка Акулич из села Кривичане: «Мы, — говорила она, — отработывали пану даже за питьевую воду из колодца. Хлеб и вода — вот наша пища. Соль, керосин, спички у нас считаются большой роскошью...

— Мой трехлетний ребенок, — рассказывал пленный польский солдат Иосиф Иванчик, — ни разу не ел сахара и не знает его вкуса...»¹. Иллюстрацией к этим строкам легко представить плакат В. С. Иванова «Подать руку помощи братским народам Западной Украины и Западной Белоруссии — наша священная обязанность!» (рис. 4).

«Братские народы» на этот раз представлены семьей: отец и мать с ребенком на руках. Судя по возрасту ребенка, родители выглядят гораздо старше своих лет. Худые лица взрослых измождены непосильным трудом. «Священную обязанность» опять осуществляет рядовой красноармеец. Плакат запечатлел крепкое рукопожатие больших мозолистых рук, при этом крестьянин левую руку прижимает к сердцу, подчеркивая всю глубину своей

¹ Леонтьев Ф., Крутовский Н. Указ. соч. С. 36–37.

**Подать руку помощи братским народам
Западной Украины и Западной Белоруссии –
наша священная обязанность!**

*Рис. 4. В. С. Иванов. «Подать
руку помощи братским
народам Западной Украины
и Западной Белоруссии – наша
священная обязанность!»*

благодарности, а красноармеец левой рукой опять-таки крепко сжимает винтовку со штыком. На заднем плане во всей мощи наступает Красная армия: танки, пехота, авиация. С точки зрения цветовой подачи плакат довольно лаконичен, однако акценты красного цвета расставлены очень четко: окантовка красной звезды на каске, красное знамя наступающих советских частей, красная вышивка на национальных крестьянских костюмах и красные буквы надписи о помощи братским народам.

22 октября 1939 г. состоялись выборы в Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу. Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины

27–29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав Советского Союза. 1–2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу. Таким образом, завершилось решение польского вопроса в 1939 году.

Этим событиям посвящен предвыборный плакат художника Л. Сечишина, изданного газетой Политуправления Украинского фронта «Червона Украина» (рис. 5). Под плакатом расположена надпись: «Избранники трудового народа! Голосуйте за вхождение Западной Украины в состав Советской Украины, за единую, вольную и процветающую Украинскую Советскую Социалистическую Республику! Навсегда уничтожены границы между Западной и Советской Украиной! Да здравствует Украинская Советская Социалистическая Республика!»

Сюжет плаката прост: украинский крестьянин и красноармеец вырывают из земли пограничный столб. Пограничный столб с его тревожной окраской несет и символическую, и композиционную нагрузку. С точки зрения композиции он делит плакат на две половины, одну из которых можно назвать «панско-польской», а другую — «советской». На польской стороне изображен маленький убогий хуторок с покосившимися, почти выросшими в землю постройками, над которыми нависает необъятная черная купина. На советской стороне пейзаж совершенно противоположный: линию горизонта занимают громадные здания работающих заводов и комбинатов, по необъятным полям идет новая сельскохозяйственная техника. И над всем этим величием достижений социализма восходит красное солнце.

Художник использует три цвета: черный, белый и красный. Именно восходящее солнце вносит красный цвет во всю композицию. На фоне его красных лучей дымят трубы огромных заводов. Его красные отсветы лежат на пашне, на одежде красноармейца. Красно-белые полосы польского пограничного столба со стороны украинского крестьянина стали почти черно-белыми из-за падающей тени. Но отсветы красного солнца уже озарили белую одежду крестьянина, который пока еще находится на другой стороне.

Крестьянин буквально выкорчевывает ненавистный столб, отделявший Западную Украину от светлого настоящего Украины Советской. Красноармеец лишь помогает ему, сильно упираясь в падающий столб правой рукой, левой он сжимает все ту же винтовку с примкнутым штыком. В качестве сопроводительного текста к плакату вполне подошла бы сцена, описанная батальонным комиссаром Ф. Гончаровым: «Водном из населенных пунктов пожилой крестьянин Марчук заявил бойцам Красной армии:

— Мы знали, — говорит он, — как радостно живет крестьянство по ту сторону границы, в советской стране.

Рис. 5. Л. Сечишин.
Предвыборный плакат

Рис. 6. «Так было! Так е! Так буде!»

Рис. 7. «Освобождение братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г.»

Когда на рассвете мы шли работать к помещику, мы смотрели на восток, откуда всходило яркое солнце, которое восходит с той стороны, где жить хорошо. Мы слышали гул тракторов на необозримых колхозных полях, мы видели зарево от множества электрических ламп, освещающих советские села. Настали, наконец, радостные дни и в нашей жизни, сбылись наши мечты»¹.

Таким образом, плакат становился одним из первых проводников идеи исключительности первого в мире социалистического государства, государства, которое теперь добровольно возлагало на себя «великую миссию» построения «светлого будущего» и уничтожения «проклятого панского прошлого» Западной Украины и Белоруссии.

Обобщением рассмотренной выше художественной пропагандистской продукции можно считать плакат с характерным названием на украинском языке: «Так було! Так е! Так буде!» (рис.6). Он состоит из трех частей. Деление здесь уже не пространственное, а временное. На верхней части изображено недавнее прошлое Западной Украины: в ярмо (деревянный хомут для рабочего рогатого скота) вместо вола запряжен украинский крестьянин. Он явно физически крепкий человек, но очень изможденный. На спине украинца

¹ Гончаров Ф. Указ. соч. С. 14.

вильготно разместились польский «пан» и польский генерал. Чтобы не ударяться при езде о костлявый хребет крестьянина, оба «эксплоататора» сидят на набитых зерном мешках. На рисунке присутствуют положенные стереотипные признаки персонажей: генерал крутит нафабранный ус, блестит лаком сапог, на голове у него неременная конфедератка, в руке – сабля; у богатого пана (то ли помещика, то ли буржуа) – неременные пенсне, котелок, пикейный жилет, штиблеты, круглое брюшко. Лица у обоих не звероподобные, но крайне неприятные, их даже нельзя отнести к славянскому типу, они «чужие».

На второй части рисунка появляется еще один персонаж – солдат Красной армии в каске с красной звездой. После удара прикладом винтовки с примкнутым штыком от бывшего благоденствия пары «эксплоататоров» не осталось и следа: в воздухе стремительно мелькнули только тощие ноги генерала в начищенных сапогах и белые штиблеты пана. Сабля летит независимо от своего хозяина. Обливающийся потом крестьянин даже с некоторым удивлением смотрит на этот феерический полет. Тяжелое ярмо сломано. Выясняется, что и руки украинца были закованы в кандалы, обрывки цепей теперь свисают с широких запястий (тем самым подчеркивается факт, что все происходит в «бесправной колонии»). Художник подчеркивает физическое совершенство солдата-освободителя. Смотрит тот довольно сурово, вполне сознавая свою «великую освободительную задачу». Лица красноармейца и крестьянина по-славянски привлекательные, это лица «своих».

На третьей части изображен только один крестьянин, управляющий трактором. Теперь он хозяин на земле, которую обрабатывает. Вместо рваного рубища – пиджак и аккуратно застегнутая рубаша в национальном стиле. Крестьянин с плаката очень похож на героя советских фильмов второй половины 1930-х годов. В журнале «Пропагандист и агитатор РККА» можно найти подходящие строки и к этому плакату: «Жадные польские псы-паны... не сумев справиться со своей землей, зарились на чужую. Неумные польские паны плохо рассчитали свои силы и способности...

В селе Каменка красноармейцев окружили все жители села. Над толпой неожиданно поднялся старик-крестьянин, который взволнованно обратился к толпе:

– Смотрите все! С такими красноармейцами мы никогда больше не будем под ярмом панов»¹.

¹ Там же.

* * *

Почтой СССР была выпущена серия марок, посвященных событиям осени 1939 г. под общим названием «Освобождение братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г.». На одной из них (рис. 7) представлена характерная для сентября 1939 г. картина: улыбающийся советский офицер в пилотке (скорее всего, военкор), стоя на грузовике, раздает экземпляры своей газеты местным жителям. Люди, окружившие машину, буквально выхватывают свежий номер у него из рук. В правой руке корреспондент сжимает пачку газет и одновременно винтовку с примкнутым штыком. Известно, что некоторые номера красноармейских газет распространялись среди западных украинцев и белорусов. Издание многочисленных фронтовых газет было поставлено на поток: наступающие части сопровождали типографии, которые везли заранее нарезанную бумагу, приготовленные колодки для клише, краску и т.д. Продукция этих типографий без труда находила своего адресата. Кроме газет, типографии издавали тысячи экземпляров листовок.

Печатная продукция, как и изобразительная, использовала эффективный принцип многократного повторения. В монографии «Секреты психологической войны» исследователь В. Г. Крысько приводит следующий пример. На польской территории полторганы РККА издали 11 листовок. «Наиболее часто в них повторялись темы, призванные дискредитировать правительство Польши (11 тем), из них 5 тем были о бегстве польского правительства в Румынию (что, кстати, являлось ложью — польское правительство находилось на своей территории неподалеку от румынской границы), 2 темы о похищении польским правительством золотого запаса страны (тоже ложь) и 1 тема о роскошной жизни членов правительства. Тезис о преступности действий польского правительства повторялся во всех 11 темах»¹.

В отличие от карикатуры, где, как заметил В. А. Невежин, фактически не фигурировали командиры и бойцы РККА, на советских плакатах осени 1939 г. образ рядового красноармейца является обязательным. Примечательно другое — и в карикатуре, и на плакате советские художники не изображали солдат польской армии. Причина, вероятнее всего, в этническом составе Войска Польского, так как западные украинцы и белорусы, являвшиеся также объектом советской пропаганды, как раз и служили в нем рядовыми. Одним из пропагандистских методов

¹ Крысько В. Г. Секреты психологической войны: Цели, задачи, методы, формы, опыт. Минск, 1999. С. 263.

являлась практика обратного отпуска военнопленных – всех сдавшихся в плен солдат, проживавших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, освобождали и отпускали по домам; такая мера действительно агитировала за сдачу в плен и многих других рядовых польской армии.

* * *

Таким образом, с помощью изобразительных средств в общественное сознание в СССР осенью 1939 г. внедрялся не один, как в карикатуре, а три стереотипных образа. Это – негативный образ поляка из социальных верхов («псы-паны»), освобожденный крестьянин Западной Украины или Западной Белоруссии, неизменно благодарный своему освободителю – красноармейцу страны Советов, «непобедимому красному воину», олицетворяющему «боевую мощь, сознательность и дисциплину» Рабоче-крестьянской Красной армии. Образ командного состава Войска Польского, неспособного организовать сопротивление врагу, отличался необъективностью и предвзятостью. Изображение польского офицера было рассчитано на эффект отрицательного восприятия: во-первых, его неизменно рисовали в момент позорного поражения, которое подчеркивалось нелепой позой, слетевшей с головы конфедераткой, выпавшей из рук сломанной саблей и пр.; во-вторых, он изображался крайне непривлекательно с эстетической точки зрения, временами даже звероподобным (зооморфное изображение «чужого»).

В противоположность поляку красноармейца всегда изображали в полной боевой готовности, застегнутым на все пуговицы и постоянно сжимающим рукой винтовку с примкнутым штыком. Он будто являлся воплощением миссии «защитить – освободить – помочь», возлагаемой на РККА и трактуемой как ее «священная обязанность». Кроме того, красноармеец красив обязательной «плакатной» красотой.

И, наконец, крестьянина изображали человеком крайне изможденным, в заплатанной пропотевшей одежде, запряженным в тяжелое ярмо или закованным в кандалы, что символизировало угнетение и одновременно насущную необходимость прийти ему на помощь. В образах крестьянина и красноармейца прослеживался явный мотив «старшего брата», что подчеркивалось несоответствием реальных размеров персонажей – часто красноармеец выглядел настоящим великаном не только рядом с пигмеем-поляком, но и рядом с бедняком-крестьянином.

Советское плакатное искусство собственными средствами отразило практически всю аргументацию официальной пропаганды, оправдывающей вмешательство СССР в события в Польше. Сталинский «Краткий курс

истории ВКП(б)», неоднократно цитируемый на страницах советской прессы в этот период, подобные действия характеризовал как «войну справедливую, захватническую, освободительную, имеющую целью... освобождение народа от рабства капитализма». На плакатах постоянно повторяются темы падения польской государственности, преимуществ советского строя, классовой и национальной солидарности с нацменьшинствами, боевой мощи Красной армии и пр.

* * *

Характерно, что в советском плакате осени 1939 г. практически не отражена тема германской агрессии против Польши¹, которая, согласно «Краткому курсу истории ВКП(б)», должна была бы квалифицироваться как война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов. Антифашистские мотивы появляются в советской внешнеполитической пропаганде с середины 1930-х годов,

Рис. 8. П. Я. Караченцев «Фашизм — это голод. Фашизм — это террор. Фашизм — это война!»

первоначально возникнув как реакция на антисоветскую кампанию, развернутую в Германии после прихода Гитлера к власти. Интенсивность контрkamпаний против германского фашизма и фашистов то усиливалась, то ослабевала в зависимости от ситуации. Например, в плакате 1937 г. художника П. Я. Караченцева фашизм ассоциируется с голодом, террором, войной (рис. 8); на агрессивные действия Германии в 1938 г. советский политический плакат отозвался тотчас, отражая «волчий аппетит» фашизма и его «кровавую сущность» (рис. 9, 10). Молчание в 1939 г., с одной стороны, можно объяснить выполнением обязательств перед новым союзником после заключения пакта между СССР и Германией. С другой — аналогичностью действий двух государств. Процесс

¹ Некоторые польские плакаты и листовки начала Второй мировой войны можно посмотреть на сайте www.weu1918-1939.pl.

Рис. 9. Плакат, осуждающий
«Мюнхенский сговор»

Рис. 10. Советский
антивоенный плакат

«собираания немецких земель» Германия осуществляла под лаконичным и емким лозунгом «Один народ, один рейх, один вождь». Советская пропаганда не породила подобного лозунга, однако в ее идеологических клише — «единокровные братья», «советская страна», «великий вождь» и т.п. — можно найти аналог практически всем его составляющим.

Немецкая пропагандистская машина в 1939 г. также обходила тему советского вмешательства в дела Польши. Однако в ходе войны с СССР этот «пробел» был восполнен. «Для населения оккупированных советских территорий немецкие органы специальной пропаганды выпускали различные газеты, брошюры, листовки, организовывали показ своей кинохроники, документальных и художественных кинофильмов. А вот выдержки из немецкой листовки, отпечатанной для жителей Белоруссии в августе 1943 г. за подписью гауляйтера В. Кубе:

«Белорусы и белоруски!

Уже два года Ваша страна втянута в гигантское пожарище войны. Эта война была навязана Вам Сталиным и его еврейской кликой из Кремля. Эта война готовилась ими в течение 25 лет. Вы должны были более 20 лет работать на страшные планы Сталина, чтобы теперь проливать свою кровь и жертвовать своей жизнью. Эта война еврейского интернационала

Рис. 11. «Драпанули душегубы
и нет им возврата»

Рис. 12. «Вместе мы победим!»

за мировую революцию ставит целью сделать все народы рабами так, как это уже сделали с Вами.

Но немецкий вермахт освободил Вас от этого рабства. Теперь эта война приняла другой оборот, не такой, как желал и задумывал Сталин.

Угнетатель и тиран народных масс почувствовал мощный кулак Германии.

Перед Вами стоит мощный, непобедимый немецкий вермахт! Перед Вами стоят Ваши братья, добровольцы в освободительной борьбе против большевизма! Они защищают Вас своими телами. Вы живете на своей освобожденной земле и за вами стоит объединенная сила Европы. Вы непобедимы! Ужасное рабство большевизма больше никогда не вернется»¹.

Чередую «политику кнута» с «политикой пряника», на оккупированных западных территориях СССР, особенно на Украине, немецкие органы пропаганды проводили активную агитационную работу. Выпускались плакаты, рассчитанные на гражданское население. Издавалась масса «вербовочных» плакатов с призывом вступать в дивизию СС «Галичина», а также с призывом ехать на работу в Германию.

¹ Крысько В. Г. Указ. соч. С. 363.

Во многом художественные приемы создания положительного образа фашистской Германии в глазах населения оккупированных ею территорий схожи с приемами, к которым прибегали ранее советские художники. Военные плакаты разных стран в своем принципе удивительно схожи по графической структуре и социальному предназначению. Они призваны создавать у населения четкий негативный образ врага, что должно способствовать настрою на уничтожение противника и оказание всеми силами помощи государству, выступающему в роли «освободителя».

Немецкий исследователь Клаус Вашик предлагает учитывать два момента в национал-социалистской плакатной пропаганде с точки зрения ее функциональной дифференциации. Во-первых, следует различать географию применения данной продукции: был ли плакат, изображающий врага, предназначен для Германии, либо для оккупированных территорий Восточной и Западной Европы, либо для оккупированных территорий Советского Союза. Во-вторых, «следует различать, какие намерения преследует плакат – например, перевозносятся ли на оккупированной советской территории преимущества немецкой оккупации или плакатом разжигаются чувства враждебности среди нерусского населения по отношению к русским, или же русское население стремятся настроить против его политического руководства»¹.

На *рисунке 11* использован образ немецкого солдата с автоматом в руках, от которого в панике мчатся советские командиры и политруки. Молодой немец высок и могуч, все пространство за его спиной занимает красное знамя с черной свастикой в белом кругу. Советские командиры в несколько раз мельче. Их безоглядное бегство подчеркивают детали: с одного слетела фуражка и взмыла в небо, другой на бегу поднимает руки, как будто одновременно сдается в плен, ни у кого нет в руках табельного оружия. Откровенно карикатурное изображение разбегающегося в разные стороны офицерского состава РККА должно было вызывать у зрителя презрительный смех, а образ молодого немца – внушать веру в надежность, несуетливую силу и правоту солдата Третьего Рейха. Нехитрая надпись под плакатом «Драпанули душегубы и нет им возврата» объясняет миссию немецкой армии как освободительную: немецкий солдат пришел как избавитель от гнета большевиков. В плакате четко прослеживается расистская составляющая немецкой пропаганды. О национальности «душегубов» надпись умышленно умалчивает, но визуальная типология указывает

¹ Вашик К. *Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов*. // Образ врага. М., 2005. С. 207–208.

на нее вполне четко. Преследуя цель политического раскола противника, данный плакат наглядно демонстрирует «заимствование антисемитского концепта в антибольшевистский образ врага»¹. Плакат предназначался для распространения на Украине, «где у населения предполагались антисемитские настроения»².

Очень примечателен с точки зрения географии распространения плаката творение под названием «Вместе мы победим!» (рис. 12). С одной стороны, его легко сравнить с плакатом В. С. Иванова «Подать руку помощи братским народам Западной Украины и Западной Белоруссии – наша священная обязанность!» (см. рис. 4). Те же четыре персонажа – крестьянская семья и солдат в полной боевой амуниции с автоматом в руках. Но на этом сравнение можно закончить, и дело не только в разной военной форме, в которую одеты солдаты на обоих плакатах. Предлагается совершенно иная эстетика – в ней реализован фашистский политический телесный канон. Композиция плаката такова, что главными героями являются двое мужчин – солдат и крестьянин, застывшие в статичных, «мужественных» позах. Интересно художественное решение именно образа полуобнаженного украинского крестьянина. Живописцы и скульпторы нацистской эпохи часто изображали обнаженную натуру, лишенную каких-либо недостатков. Согласно принципам нацистской эстетики, нагота выражает не только мускульную силу, но также силу духа и воли. В нацистском искусстве эксплуатировался идеалистический, героико-романтический образ «истинного арийца». В данном случае внимание сконцентрировано на идеальной наготе крестьянина. На самом деле, если бы не надпись на украинском языке, то национальную принадлежность изображенного семейства определить было бы достаточно трудно. О костюме женщины сказать почти ничего невозможно, а украинец-крестьянин выглядит братом-близнецом солдата-арийца. Метаморфоза превращения «недочеловека» в «такого, как мы» отвечала агитационной стратегии. В данном случае она должна была подвигнуть население оккупированных территорий к сотрудничеству, вдохновить его на работу на оккупационный режим. Относительно положительный образ врага эксплуатировался и с целью набрать людей для принудительных работ в Германии. В таких случаях «*imago* противника менялось: из скелетообразных и истощенных образов «недочеловека» получились, в соответствии с функциональными потребностями пропаганды, упитанные гордые крестьяне, энергичные рабочие,

¹ Там же. С. 212.

² Там же.

хорошо одетые дамы из высшего общества»¹. Но могли ли украинские крестьяне, которым адресован плакат, узнать себя в изображенных на нем персонажах?

Плакат «Солдаты Гитлера – друзья народа» (рис. 13) стоит в том же ряду. Жизнерадостный, пышущий здоровьем немецкий солдат держит на руках изможденную украинскую девочку. В маленькой ручке ребенок держит только что полученный от немца кусок черного хлеба. Этих двоих окружили еще несколько голодных украинских детей, ожидающие своего куска.

К. Вашик, основываясь на ряде подобных примеров противоречивого характера немецких плакатов, приходит к выводу, что их «близость... к реальному опыту и соответствующие средства сближения, по всей вероятности, не имели особого значения»².

Гораздо удачней с точки зрения установления общего языка с целевой аудиторией выглядит плакат «Помните! Немецкий солдат погиб и за Украину» (рис. 14). Судя по стилистике, его автором является украинец. В данном случае заявлена тема, не проявившаяся в мажорном советском агитационном плакате 1939–1940 гг. Это тема скорби и долга. Девушка в национальной одежде идет с цветами к могилам, в которых похоронены немецкие солдаты. Над двумя могилами растут две березы. Деревья будто плачут над убитыми. Правило соблюдено – образ в плакате эмоционален. Нет страсти, но есть печаль. В этих могилах вполне могли лежать и украинские националисты, сотрудничавшие с Вермахтом. На украинской земле такой плакат должен был найти «целевую аудиторию».

Плакат «Спокойно смотрим в будущее» (рис. 15) – пример идентичности некоторых художественных приемов пропаганды Советского Союза и Германии. Перед зрителем развернута картина ударного созидательного труда на полях и на заводах. Цвет в черно-белую графику плаката вносят красные солнечные лучи, выступающие здесь таким же фоном, как на предыдущем – красное знамя. Еще один цветовой акцент – красный щит со свастикой, который держит в руках немецкий солдат. Солдат со щитом стоит на первом плане, как будто выступая стражем мирного труда за его спиной. С другой стороны, идеологическая нагрузка совершенно иная. В контексте советской вербальной и печатной пропаганды созидательный труд рабочих и крестьян был направлен на процветание всего «великого советского народа», в контексте национал-социалистской – на процветание

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 211.

Рис. 13. «Солдаты Гитлера – друзья народа»

Рис. 14. Помните! Немецкий солдат погиб за Украину»

«великой Германии». В национал-социалистских плакатах и листовках отчетливо звучал мотив долга перед «избавителями»: «Работая в Германии, ты защищаешь свое отечество! Иди в Германию!», «Украинцы! Включайтесь в европейский фронт обороны против большевизма!» и т.д.

Рис. 15. «Спокойно смотрим в будущее»

В условиях режима, являвшегося оккупационным, воспринимавшимся большинством местного населения чужеродным, немецкая пропаганда сделала просчет в принципиальных установках. Приблизительно такие же ошибки совершила советская пропаганда вскоре после «освободительного похода» в Польшу.

Не получив требуемых территориальных уступок от официального финского правительства, СССР 30 ноября 1939 г. начнет войну с Финляндией. В сентябре 1939 г., когда советские войска вошли в Польшу, в глазах восточнославянского населения они выступили

как сила, альтернативная войскам фашистской Германии. Теперь ситуация оказалась иной. Советская пропаганда, однако, попыталась использовать приемы идеологической войны, оправдавшие себя в предыдущий раз.

На первом этапе войны лозунг «Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов»¹ должен был сыграть все ту же роль благовидного предложения для начала военных действий. В этом контексте «ненавистное народу плутократическое правительство»² «не подходило» на роль его законного представителя, поэтому 2 декабря 1939 г. в городе Териоки было сформировано Народное правительство Финляндской Демократической Республики под руководством коммуниста Отто Вилле Куусинена. Подписав с правительством Куусинена Договор о взаимопомощи и дружбе, советское руководство отказалось от каких-либо контактов с хельсинским правительством. Более того, 4 декабря состоялась встреча В. М. Молотова со шведским послом Винтером, который «сообщил о желании так называемого «финляндского правительства» приступить к новым переговорам о соглашении с Советским Союзом». Далее с нашей стороны последовали доводы, как две капли воды похожие на те, что приводились во время польского похода: «Тов. Молотов объяснил г. Винтеру, что Советское правительство не признает так наз. «финляндского правительства», уже покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении, и потому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос»³. В советской пропаганде место «реакционных правителей Польши» автоматически заняли «реакционные правители Финляндии», которым, с точки зрения руководителей СССР, была «обеспечена... участь беков и мосьцицких»⁴, как писал корреспондент «Правды», напоминая читателям о бегстве польского правительства в Румынию.

Развитие событий не оправдало надежды советского руководства и выявило неверное направление пропагандистской кампании. Создается впечатление, что советские пропагандисты просто не знали, с какими лозунгами идти к финскому населению и как работать среди него.

По инерции использовался лозунг воссоединения — на этот раз карельского и финского народов — в составе единого финляндского государства, т.н. Финляндской Демократической Республики. Советское руководство,

¹ Правда. 1939. 4 декабря.

² Правда. 1939. 2 декабря.

³ Правда. 1939. 5 декабря.

⁴ Правда. 1939. 3 декабря.

давая установки органам пропаганды, фактически приравняло малочисленных карелов к многомиллионным украинскому и белорусскому народам.

Но явным фаворитом пропагандистской кампании была все же социально-политическая аргументация, именно она вызвала обращение к истории, но к истории недавней. Пресловутый «образ врага» в «Зимней войне» срачивался с врагом в войне гражданской. Элементом пропагандистской кампании становится новообразование «белофинны», которое должно было проассоциироваться у населения СССР, у личного состава РККА, у рабочего класса Финляндии не только с классовым врагом, но и с неизбежностью победы над ним, уничтожением «белогвардейского ада для трудящихся». Авторы советских пропагандистских текстов, не имея возможности называть финнов «единокровным братским народом», апеллировали, по большей части, к классовой солидарности трудового народа, описывая бедственное положение рабочих и крестьян в Финляндии. В негативном свете изображались государственные лидеры, которые довели «своей империалистической политикой до полного истощения свою страну». «Политические картежники», «потерявшие разум», «шуты гороховые из потомства «свиноголовых» — пожалуй, самые мягкие определения, которые давала финским правителям советская пресса. По мнению уже упоминавшегося В. Г. Крысько, листовки, содержавшие прямые оскорбления авторитетных руководителей Финляндии, во время «зимней войны» принесли советской пропаганде большой вред. Премьер-министра Каяндера, например, в них называли «орущим петухом», «извивающейся змеей», «маленьким, жадным хищником, у которого нет зубов». Маршала Карла Густава Маннергейма (1867–1951) клеймили как «кровавого палача финского народа» и «старую сволочь»¹. В качестве примера красноречив текст советской пропагандистской листовки «Мясник Маннергейм» (рис. 16):

1910: Наемник русского царя Николая Кровавого.

1918: Убийца десятков тысяч рабочих, финский мясник.

1939: Золото, которое Маннергейм добывает из крови финских рабочих и крестьян.

1940: Ставленник богатых английских банкиров, провокатор антисоветской войны.

Однако авторитет Маннергейма в стране был настолько велик, что финские солдаты воспринимали эти оскорбления словно личные².

¹ Крысько В. Г. Указ. соч. С. 96.

² Там же.

Советская пропаганда довольно легко справилась с задачей дискредитации политического руководства разгромленной фашистской Германией Польши, чему в большой степени способствовали действия самого польского правительства осенью 1939 г., а также политика польского государства по отношению к украинцам и белорусам Восточных воеводств за предшествующее двадцатилетие. Однако в советско-финскую войну ситуация сложилась совсем иная. В данном случае деятельность пропагандистской машины оказалась крайне неэффективной. Не удалось сформировать у военнослужащих противника негативной установки по отношению к войне. Вплоть до конца военных действий в стране преобладал консенсус о необходимости защиты от агрессора. Не оправдала себя ставка на единство интересов пролетариата всех стран — национальные интересы для финнов оказались в явной прерогативе. Стереотип положительного отношения народа Финляндии к своему политическому руководству так и не удалось сломать. Лозунг освобождения финского народа от «белофинской банды» оказался устаревшим и неактуальным для финнов.

В условиях тяжелой ситуации, сложившейся на финском фронте в начале 1940 г., пришлось перестраивать пропагандистскую работу в самой РККА, об «освободительной миссии» которой говорить уже не приходилось. Высокий боевой дух финской армии не шел ни в какое сравнение с боевым духом отступающего почти без сопротивления в сентябре 1939 г. Войска Польского. Руководство Политического управления Красной армии было вынуждено перестраиваться «на ходу». 4 февраля 1940 г. в действующую армию была направлена директива ПУРККА за № 29 «О задачах агитационно-пропагандистской работы в связи с финляндской войной». В директиве утверждалось следующее: вместо повседневного разъяснения личному составу, что основной задачей в этой

Рис. 16. Мясник Маннергейм»

войне является обеспечение безопасности северо-западных границ СССР и Ленинграда, некие (естественно, не названные) «комиссары, политработники, пропагандисты и агитаторы», а также армейская и дивизионная печать либо вовсе умалчивали об этом, либо выдвигали на первый план вопрос об интернациональных обязанностях Красной армии и «о помощи финскому народу в его борьбе против гнета помещиков и капиталистов». В директиве утверждалось, что действующие в таком духе «схематично, по-книжному решают вопросы политического воспитания масс, отрываются от конкретной обстановки»¹. Справедливости ради заметим, что финская контрпропаганда отдавала себе отчет в важности должности политического работника в РККА и роли политруков в «политическом воспитании масс», поэтому либо стремилась дискредитировать их в глазах рядовых служащих РККА (рис.17), либо призывала к их физической ликвидации (рис.18)

* * *

В целом, советскую пропагандистскую кампанию осени 1939 г. можно признать успешной. Ее положительно восприняла армия, гражданское население СССР и население Западной Украины и Западной Белоруссии.

Рис. 17. Финская

агитационная листовка

Рис. 18. Финская

агитационная листовка

¹ Невежин В. А. Указ. соч. С. 213.

Несмотря на отсутствие опыта у советских органов спецпропаганды, проводимые ими мероприятия соответствовали правилам ведения психологической войны, и в этой военной кампании они выиграли борьбу за психологию народных масс. Тем не менее, советские органы пропаганды пришли к успеху далеко не сразу. В сложнейших предвоенных и военных условиях было совершено достаточно ошибок. Итоги «зимней войны» наглядно продемонстрировали не только недостатки армии (неквалифицированное командование, плохую работу техники в условиях очень холодной зимы и т.д.), но и недостатки пропаганды. Во-первых, практически отсутствовал опыт работы с войсками противника. В «освободительном походе» осени 1939 г. разгромленные армией Вермахта деморализованные польские войска оказались чересчур легкой мишенью, что не подготовило советские органы спецпропаганды к «духу Зимней войны», которым были охвачены финские военнослужащие. Советские информационно-пропагандистские материалы отличались декларативностью призывов, схематизмом, ориентированностью в основном на классовое сознание военнослужащих противника. Не принималась во внимание необходимость учитывать реальные настроения солдат противника, особенности их психологии, конкретность аргументов, с которыми необходимо обращаться к представителям разных общественных групп. Во-вторых, ошибочность пропагандистских установок сказалась на боеспособности РККА, бойцы которой не ожидали упорного сопротивления «братьев по классу» и т.д. На практике приходило понимание, что и этот способ ведения войны, войны психологической, подлежит модернизации; эффективность пропаганды определяется, в том числе, и ее умением быстро перестроиться и приспособиться к конкретной обстановке, скорректировать установки, лозунги и формы работы.

А. Г. Цымбал

**ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
в Западной Белоруссии в 1939–1941 годах**

Начало Второй мировой войны привело к значительным изменениям в положении Православной Церкви на территориях, которые ранее входили в состав Польского государства. 1 сентября 1939 г. митрополит Дионисий Валединский обратился к верующим Православной Церкви в Польше с призывом к защите Отечества. В своем обращении глава Церкви в Польше приводил примеры гетмана Константина Острожского и воеводы Адама Киселя как православных защитников и патриотов Речи Посполитой¹. Однако противостоять немецким войскам, а с 17 сентября и Красной армии, Польша была не в силах.

В результате раздела Польши между Германией и СССР Западная Белоруссия и Западная Украина были заняты советскими войсками. Автокефальная Православная Церковь в Польше, возглавляемая митрополитом Дионисием Валединским, потеряла Волынскую, Полесскую, Гродненскую и Виленскую епархии. Актуальным стал вопрос о церковном организационном устройстве и управлении в западном регионе Белоруссии, на который еще распространялась юрисдикция Польской Автокефальной Православной Церкви (ПАПЦ).

С установлением советского режима в западных областях Белоруссии в сентябре 1939 г. религиозная жизнь претерпела существенные изменения. На нее наложили отпечаток как политика государства в целом, так и отношение советской власти к религии и Православной Церкви в частности.

Происходящие перемены в экономической, политической, культурной сферах были бурными: формирование и укрепление новых органов власти, национализация промышленности, конфискация помещичьих, церковных земель, начало коллективизации.

Согласно данным польского статистического ежегодника, в 1939 г. на территории восточных воеводств проживало: 4734,9 тыс. человек римско-католического вероисповедания (36,4 %), 3273,3 тыс. греко-католиков (25,1 %), 3514,7 тыс. православных (26,9 %), 105,5 тыс. евангелистов, 87,9 тыс. человек исповедующих другие религии христианского толка

¹ *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и её автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1980 гг. М., 1997. С. 255.

(0,7 %), 1269,1 тыс. исповедующих иудаизм (9,7 %), 17,9 тыс. исповедующих другие религии или атеистов (0,1 %)¹.

Большевики застали в Западной Белоруссии религиозную жизнь хорошо организованной. В отличие от восточных областей, где были закрыты все церкви, не существовало ни одной епархии и не было ни одного епископа, в западных областях в 1940 г. насчитывалось 542 церкви и 606 священников². Православные архиепископы – виленский Феодосий Федосьев и пинский Александр Иноземцев – остались на своих местах. Спешно выехали за границу до прихода советских войск епископ гродненский Савва Советов и викарный епископ Виленской епархии Матвей Семашко³. Перед своим отъездом епископ Савва поручил управление Гродненской епархией местной консистории, которую возглавил протоиерей Георгий Боришкевич, настоятель гродненского кафедрального собора. Сам же епископ, используя югославский паспорт, выехал сначала в Берлин, затем в Румынию, а в 1940 г., после короткого пребывания в Константинополе и Белграде, отправился в эмиграцию в США⁴.

После передачи Виленщины Литве из Ковно вернулся в Вильно депортированный в 1923 г. из Польши митрополит Елевферий Богоявленский. Он возглавил руководство Литовско-Виленской епархии. Архиепископ Феодосий признал ошибочным свое вхождение в состав Польской Автокефальной Православной Церкви, покаялся и попросил принять его обратно в Русскую Православную Церковь (РПЦ). Решением Московского Патриархата от 20 декабря 1939 г. он был принят в РПЦ и был направлен в юрисдикцию митрополита Елевферия⁵. После смерти митрополита в декабре на его место был назначен митрополит Сергей (Вознесенский) с титулом митрополита Литовского и Виленского и всей Прибалтики.

На присоединенных территориях Русская Православная Церковь стремилась подчинить себе приходы, входившие ранее в Польскую

¹ *Bonusiak W.* Polska podczas II wojny światowej. Rzeszów, 1995. S. 128.

² Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 2355. Л. 26; Шкаровский М. В. приводит другую цифру – 749 церквей. (См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. С. 102.)

³ *Мартос А.* Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 318

⁴ *Arcybiskup general brygady Sawa (Jerzy Sowietow) : wybór dokumentów.* Białystok – Warszawa, 1997. S. 9–11.

⁵ *Касяк І.* З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу. New York, 1956. С. 79; *Святиц А.* Православная Церковь в Польше и её автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии... С. 263.

Автокефальную Православную Церковь. В Жировичском монастыре находился на покое архиепископ Пантелеймон Рожновский, не признававший образованной в 1924 г. ПАПЦ, юрисдикция которой распространялась на Западную Белоруссию. Архиепископ Пантелеймон, узнав об отъезде епископа Саввы, сообщил духовенству Гродненской епархии о том, что он принимает на себя управление епархией. Гродненская консистория ожидала прибытия на гродненскую кафедру епископа Острожского Симона Ивановского, но тот отказался от поездки в Гродно. После этого консистория и духовенство Гродненской епархии подчинилось архиепископу Пантелеймону. В начале октября 1939 г. он написал в Московскую Патриархию письмо, в котором он просил присоединить его к РПЦ и назначить епископом Пинско-Новогрудским¹. Митрополит Сергей ответил письмом от 22 декабря 1939 г. следующее: «Митрополит Елевферий пишет мне, что Вы не получили ни моего письма, ни указа от 17 октября за № 613. Мы Вас утвердили епископом Пинско-Новогрудским с присвоением Вам ношения на клобуке бриллиантового креста, а также звания экзарха Патриархии в виду поручения Вам принять в общение с Патриархией и в свое ведение всех тех областей вновь присоединенных территорий, кто пожелает от автокефалии войти в сношение с Патриархией»². Заканчивалось письмо предложением прибыть в Московскую Патриархию.

Вскоре после присоединения Западной Белоруссии советское правительство отдало Вильно Литовской республике. Вследствие такого положения Виленская епархия лишилась своего епархиального центра, который остался за границей. Митрополит Сергей указом от 24 июня 1940 г. утвердил Пантелеймона архиепископом Гродненским и Вилейским. Таким образом, архиепископ Пантелеймон объединил две епархии Западной Белоруссии в одну, исключая г. Вильно.

Архиепископ Пантелеймон разослал епископату Западной Украины и Западной Белоруссии письма, в которых уведомлял архиереев о своем вступлении в должность экзарха и запретил за богослужением помянуть имя митрополита Варшавского Дионисия. Необходимо было помянуть местоблестителя патриаршего престола митрополита Сергея и его экзарха архиепископа Пантелеймона. Экзарх предложил архипастырям выслать ему декларации о признании за Московской Патриархией канонической власти. Декларацию выслал лишь епископ Острожский Симон³.

¹ Костюк В. История Пolesской епархии (1922–1944). Брест, 1999. С. 113.

² Мартос А. Указ. соч. С. 319.

³ Костюк В. Указ. соч. С. 113.

Создавшееся церковное управление не удовлетворяло архиепископа Александра. 1 ноября он и епископ Волынский и Кременецкий Алексей Громадский создали Священный Синод Православной Церкви в границах Западной Украины и Западной Белоруссии. В состав Синода был включен и епископ Острожский Симон¹.

Указом Священного Синода Православной Церкви в Польше от 1 января 1939 г. в состав Варшавско-Холмской епархии включался Брестский повет. В сентябре 1939 г. Брестчина оказалась в составе СССР. Учитывая это, Священный Синод Православной Церкви в границах Западной Украины и Западной Белоруссии постановлением от 15 декабря 1939 г. возвратил приходы Брестского повета в ведение архиепископа Александра. Действия Синода вносили раскол в церковное управление на Полесье. Синод архиепископа Александра и епископа Алексия не признавался ни экзархом архиепископом Пантелеймоном, ни митрополитом Сергием².

В связи с нежеланием части духовенства Брестской области поступать в подчинение архиепископу Александру, оно обратилось с соответствующим ходатайством в Патриархию. Ее указом № 161 от 28 марта 1941 г. Брестская область в церковном отношении передавалась из Полесской епархии в Гродненскую, с учреждением кафедры епископа Брестского, викария Гродненской епархии. В епископа Брестского был хиротонисан архимандрит Венедикт Бобковский, настоятель Свято-Успенского Жировичского монастыря³.

Летом 1940 г. епископат западных областей Украины и Белоруссии был вызван в Патриархию для оформления присоединения к РПЦ. Акт присоединения включал покаяние бывших автокефальных архиереев, исповедь и совместную службу с митрополитом Сергием. 25 июня в Москву прибыл викарий Полесской епархии епископ Камень-Каширский Антоний Марценко, 10 июля – архиепископ Пантелеймон⁴.

Архиепископ Александр был вызван в Патриархию письмом № 319 от 7 июня. Он должен был прибыть в Патриархию к 20 июня, но в Москву Полесский архипастырь не поехал, сославшись на болезнь. Действительно, в 1940 г., после того, как у верующих Пинска была отобрано помещение Духовной консистории, в которой власти устроили школу милиции, архиепископ Александр находился в подавленном состоянии и ожидал своего ареста. Формально, таким образом, он отказался присоединиться

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 115–116.

³ Там же. С. 118.

⁴ Свитич А. Указ. соч. С. 265.

к РПЦ, за что был митрополитом Сергием уволен на покой. На его кафедре в Пинске был посвящен архимандрит Почаевской Лавры Вениамин Новицкий. Посвящение состоялось в Луцке в первой половине июня 1941 г.

В Москву так же не поехали архиепископ Феодосий Федосьев и епископ Поликарп Сикорский¹. Однако Московский Патриархат не был последователен в своих действиях. Отказ приехать в Москву со стороны епископа Поликарпа не повлек за собой его увольнение, как в случае с епископом Полесским Александром. Позднее, епископ Поликарп неоднократно совершал богослужения вместе с присланным из Москвы экзархом Николаем Ярушевичем и принимал участие в хиротонии епископа Вениамина².

Визит в Московскую Патриархию привел к существенным изменениям во взаимоотношениях митрополита Сергия и архиепископа Пантелеимона. Архиепископ был лишен титула экзарха Западной Белоруссии и Западной Украины. В его управлении оставалась лишь Гродненско-Вилейская епархия, в состав которой входили три области: Барановичская, Белостокская и Вилейская. На территории епархии находилось 307 приходов³.

В июле 1940 г. из Москвы в Луцк был прислан митрополит Николай Ярушевич, назначенный митрополитом Сергием на кафедру Волынской епархии. Он поселился в Луцке с титулом экзарха Западной Украины и Западной Белоруссии. С нападением Германии на Советский Союз митрополит Николай 15 июля 1941 г. был эвакуирован в Киев, где был назначен экзархом всей Украины и митрополитом Киевским и Галицким.

В конце 1939 г. советское руководство, признавая гораздо более сильное влияние церкви в западных областях Украины и Белоруссии, было вынуждено проводить более корректную, чем на остальной территории СССР политику. Она заключалась в использовании хорошо контролируемой Московской Патриархии, как средства советизации⁴. Учитывая факт дискриминации Православной Церкви польскими властями, и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии, советское государство в 1939–1940 гг. уменьшило масштабы антицерковных акций.

¹ Bird E. Thomas. Orthodoxy in Byelorussia: 1917–1980 // *Zanicy. Беларускі інстытут навукі і мастацтва*. New York, 1983. P. 159; *Mironowicz A. Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok, 2006. S. 657.

² *Mironowicz A.* Op. cit. S. 657.

³ Ibid. S. 643

⁴ *Sword K.* Polityka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi Zachodniej w latach 1939 – 1941 // *Spółeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno – wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941*. Warszawa, 1995. S. 157.

Одной из главных задач третьего пятилетнего плана, принятого в апреле 1937 г., была задача коммунистического воспитания масс и ликвидации пережитков капитализма в сознании людей. Самым распространенным пережитком объявлялась религия. Более того, утверждалось, что дальнейший рост и процветание СССР наталкиваются на противодействие со стороны капиталистического окружения. В числе подобных попыток не последнее место занимала и «гнусная деятельность международной поповщины», призывавшей к «крестовому походу» против большевиков. Поэтому партия потребовала от каждого коммуниста, комсомольца, от каждого активиста – антирелигиозника «сознательного вмешательства в процесс организованной помощи массам в их освобождении от религиозного дурмана». Пропаганда безбожия велась под лозунгом: «Борьба с религией есть борьба за социализм»¹.

В западных областях в борьбе с религией применялся богатый арсенал атеистической пропаганды, накопленный в 1920-е – 1930-е годы в СССР. Большевики придавали ей острую классовую направленность. Наступление на церковь советская власть начала с уничтожения материальной базы церкви и духовенства. Уже 29 октября 1939 г. было объявлено о национализации церковной собственности. В соответствии с практикой Восточной Белоруссии межвоенного периода предпринимались шаги по изъятию храмовых ценностей, колоколов, обложению духовенства завышенными налогами. Эта практика использовалась и в Западной Белоруссии². Все служители культа облагались подоходным налогом и культсбором. Обычно финотдел узнавал о размере дохода священников и облагал их налогом в несколько раз большим, чем весь доход. Так, Белицкий священник был обложен налогом в 6000 руб., а он подал годовой доход в 3000 руб. Священники в Хотенчицах и Ховхле были обложены налогом в 9000 руб. В результате здесь были прекращены богослужения. Священник в Мире был обложен налогом в 15 000 руб. в год³. Во многих приходах верующие начали собирать пожертвования на оплату непосильных налогов на священников. Так, в деревне Бостынь Лунинецкого района поп Вечерко

¹ *Онищук Н. П.* Деятельность Союза Воинствующих Безбожников в Западной Беларуси в 1939 – 1941 гг. // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова – практычнай канферэнцыі. Брэст, 1998. С. 227.

² *Ярмусик Э. С.* Католический Костел в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945 гг.). Гродно, 2002. С. 55.

³ *Касяк І.* Указ. соч. С. 74.

для уплаты налога организовал сбор средств от 10 до 15 руб. с каждого крестьянского двора¹.

Ликвидировались позиции церкви в сфере образования. Были закрыты все духовные учебные заведения, запрещалось преподавание Закона Божьего в школе. Однако попытки органов народного образования искоренить религиозность школьников путем атеистической работы не увенчались успехом. В докладной записке о состоянии антирелигиозной работы в Слонимском районе за 1940 г. сообщается: «Антирелигиозная работа среди детей ведется от случая к случаю, она затруднена еще тем обстоятельством, что многие учителя сами не порвали с религией. Учитель деревни Хадевичи Петрарецкого сельсовета Томильчик заявил: «Никто меня не убедил, что нет Бога, и вы меня не убедите. В этом духе я буду воспитывать детей». Учительница Жировичской школы Ванда Кравчик высказала работникам РОНО: «Меня воспитывали в религиозном духе, и я такой останусь»².

В отходе народа от религии большевики важное место отводили культурно-массовой работе. Вместо храмов народ завлекали в дома соцкультуры, избы-читальни, библиотеки, кинотеатры и иные культпросветучреждения, вместо молитв и обрядов им предлагалось слушать лекторов, радио, смотреть кинофильмы, участвовать в художественной самодеятельности. Однако многие из «очагов культуры» существовали формально, не оказывали значительного влияния на мировоззрение населения, особенно сельского, не меняли его отношение к религии. Это признавалось и в письме ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 г. «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии»: «Избы-читальни, которые должны быть превращены в очаги культурно-массовой, политической работы, во многих случаях бездействуют: обставлены малокультурно, неуютно, кадры зачастую подобраны неудачно, а в некоторых случаях на работу заведующих избы-читальней пробрались классово враждебные элементы»³.

Одним из приемов атеистической атаки на религию и церковь стало шельмование духовенства в статьях, памфлетах и карикатурах. Эта «традиция» началась в 1930-е годы, когда «воинствующие безбожники», подогреваемые массовой сталинской пропагандой, срывали с храмов кресты, жгли на кострах иконы, богослужебные книги, церковную утварь.

¹НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2355. Л. 28.

²Там же. Оп. 47. Д. 19. Л. 8.

³Ярмусик Э. С. Указ. соч. С. 48.

Духовенство представлялось не иначе как «мракобесы», «черное воинство», «слуги мирового империализма», выставлялось в уродливо-карикатурной форме. Такие характеристики должны были пробуждать у верующих если не ненависть, то хотя бы недоверие к «слугам божьим».

С установлением советской власти западные области Белоруссии приковали к себе внимание Союза воинствующих безбожников (СВБ). Однако в отличие от других регионов СВБ не создал здесь своих ячеек и не развернул активной деятельности. Его идеолог Емельян Ярославский в статье «Об антирелигиозной работе в Западных областях Украины и Белоруссии», напечатанной в газете «Безбожник» от 2 ноября 1940 г., писал: «Мы против того, чтобы организовывать в Западной Украине и в Западной Белоруссии ячейки Союза воинствующих безбожников. Это вовсе не значит, что мы отказываемся от борьбы против предрассудков, против реакционного движения религии, против религиозных предрассудков, против реакционной деятельности духовенства». Основной задачей партийных органов в религиозном вопросе провозглашалось опровержение «гнусных выдумок мракобесов о преследовании за веру в СССР». Поэтому, полагал автор, основной формой «борьбы против реакционного влияния церкви и религии здесь должна стать систематическая, планомерная, всесторонняя политико-просветительская работа. Основной формой пропаганды в западных областях Белоруссии и Украины должна быть огромная работа, построенная на естественно-научном материале, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программы по вопросу об отношении к религии»¹.

В 1940 г. Центральный совет СВБ БССР совместно с ЦК КП(б)Б, ОК ЛКСМБ, ЦК ЛКСМБ провел в западных областях Белоруссии четыре трехдневных семинара в Белостокской, Брестской и Барановичской областях с охватом 155 человек. Сюда была направлена пропагандистская литература: «Церковь панской Польши», «15 лет СВБ», «Об антирелигиозной работе в западных областях Белоруссии и Украины» (статья Е. Ярославского), «Православные обряды и их вред», «Миссионеры на службе империализма» – всего по 1000 экземпляров².

Президиум Академии наук БССР совместно с ЦС СВБ БССР создал группу атеизма, в которую вошли академики С. Я. Вольфсон, Н. М. Никольский, Т. М. Годнев, профессор П. Е. Герке и другие. Подготовленные ими популярные брошюры: «Контрреволюционная роль православного

¹НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 326. Лл. 20–21.

²Ярмусик Э. С. Указ. соч. С. 51.

духовенства в период русской революции 1905–1907 гг.», «Католическая церковь на службе польских панов», «О происхождении человека» и другие распространялись среди населения западных областей Белоруссии.

За 1940 г. лекторами ЦС СВБ в западных областях, согласно отчету, было прочитано 526 лекций. Вызывает сомнение указанное количество присутствующих – 57 тысяч, т.е. в среднем более 100 человек на одной лекции. Вряд ли можно было найти помещение такой вместимости, особенно в сельской местности. А партийным и комсомольским активом и того более – 922 лекции и доклада для 153 838 человек (более 160 на одной лекции). Их заидеологизированная тематика вряд ли могла заинтересовать слушателей: «Марксизм-ленинизм о религии», «Происхождение религии», «Нравственность и религия», «Сталинская Конституция и свобода совести», «Враги народа под маской религии», «Наука и религия» и т.п.¹

Проводились мероприятия по подготовке антирелигиозных кадров. С 5 марта по 3 апреля 1940 г. СВБ БССР и отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б проводили республиканские курсы антирелигиозного актива областей и районов республики. На них занимались 62 человека. Среди участников были 42 белоруса, 18 евреев, 2 русских, 1 поляк. С высшим образованием – 2, средним – 31, низшим – 30. Коммунисты и кандидаты ВКП(б) составляли большинство – 38, комсомольцы – 23. Все они были партийными деятелями, культработниками, учителями либо рабочими предприятий. Занятия проводились по ускоренной программе и включали лекции из истории религии, марксистско-ленинского понимания религии, происхождения человека, истории атеизма, о формах и методах антирелигиозной пропаганды. После их окончания слушатели направлялись в распоряжение обкомов, райкомов, облсоветов СВБ для использования в антирелигиозной работе².

Однако низкий уровень антирелигиозной работы не удовлетворял государственное руководство и 10 февраля 1941 г. ЦК КП(б)Б принимает постановление «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях». Обкомы, горкомы, райкомы партии обязывались «организовать среди населения повседневную систематическую антирелигиозную пропаганду и агитацию. Основной формой должно было стать чтение лекций и докладов на антирелигиозные темы, построенных на естественнонаучном материале, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программы по этому вопросу». В постановлении

¹НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2355. Лл. 18–19.

²Ярмусик Э. С. Указ. соч. С. 52.

намечалась программа идеологической кампании против религии, в которой задействовались редакции газет, радиокомитет, Наркомпрос, Президиум Верховного Совета БССР. Так же в постановлении отмечалось, «что анти-религиозная пропаганда в западных областях приобретает исключительно важное значение и должна проводиться на высоком идейном уровне путем кропотливой разъяснительной работы, не допуская администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих»¹.

Несмотря на некоторую осторожность в религиозной политике, советская власть применяла и репрессивные методы борьбы с религией, а порой действия партийцев, комсомольцев и красноармейцев содержали в себе откровенное издевательство над духовенством и верующими. Например, на второй день пребывания в Пинске красноармейцы подожгли Свято-Федоровский собор и стреляли в него из ружей. Вдоволь наглумившись над храмом, они решили отобрать церковную мебель. Когда члены церковного комитета Анна Полюхович, Борахова и Сыроватко (имена неизвестны) потребовали прекратить самоуправство или предоставить документы на конфискацию имущества, их арестовали. Издевались красноармейцы и над епископом Александром. Считая его тунеядцем, они заставляли архипастыря подметать улицы². В первые дни установления советской власти были убиты: протоиерей Андрей Куц с семьей в Шиловичах, священник Боровский в деревне Лаши в Левшове, священник Каминский убит около Свислочи. В Жижме Лидского благочиния, был застрелен священник Евграф Бука³.

Новая власть лишила возможности православных верующих посещать богослужения в дни больших праздников. Так, в Давид-Городке, на местном кирпичном заводе в день Успения не вышли на работу 32 человека. Материал на этих людей был передан в судебные органы⁴.

Со стороны светской власти священнослужители испытывали постоянное давление. Один из работников НКВД Лунинецкого района и заведующий военным отделом РК КП(б) в состоянии алкогольного опьянения убеждали местного священника отречься от сана. В противном случае угрожали ему репрессиями. Подобные случаи не единичны. Не выдержав угроз,

¹ КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3. 1933–1945. Мн., 1985. С. 401–402.

² Костюк В. Указ. соч. С. 109–110.

³ Касяк І. Указ. соч. С. 73.

⁴ Костюк В. Указ. соч. С. 110.

прекратил церковную деятельность священник села Язвинки Лунинецкого района Филипп Донгин. Перестал служить псаломщиком Г. Тридентский¹.

Органы НКВД активно боролись с влиянием духовенства на народные массы и самим духовенством. В деревне Фасти Белостокской области председателем крестьянского комитета был выбран дьякон Бакун. Вскоре священник был арестован². 2 декабря 1939 г. во все областные отделения НКВД была разослана «оперативка», в которой указывалось: «Учитывая, что церковный к-р. (контрреволюционный – Ц. А.) актив – попы, ксендзы, раввины и другие служители религиозного культа будут пытаться использовать религиозные предрассудки населения в к-р. целях, НКВД БССР предлагает: 1. Немедленно направить агентуру на выявление и вскрытие организованной антисоветской деятельности церковников и прочего к-р. элемента... 4. Наряду с агентурно-оперативными мероприятиями по к-р. формированиям среди церковников и сектантов, необходимо проводить агентурно-разложительную работу, которая должна привести к дроблению сект и развалу церковной работы». 17 февраля 1940 г. из НКВД СССР в Белоруссию пришла директива, подписанная Л. Берией, где обращалось внимание «на активизацию антисоветской деятельности католического, униатского, автокефального, православного и еврейского духовенства». В осуществление решений центра 14 июля 1940 г. по всем западным областям за подписью Л. Цанавы была распространена очередная «оперативка», информирующая сотрудников о состоянии и настроениях православного духовенства. Отмечалось, в частности, наличие двух течений внутри Православной Церкви в Западной Белоруссии – автокефальном и соборном. «Принудительное ополячивание, а главное, то обстоятельство, что православное духовенство является чуждым по национальным и социальным взглядам, привело к тому, что между духовенством и населением отсутствует взаимное доверие, что является важным каналом в нашей работе по ведению разложеческой работы в их среде». Все православное духовенство ставили на оперативный учет. Аналогичные материалы были подготовлены в отношении католиков³.

Священнослужители выказывали свое недовольство новой властью. Бывший поп, псаломщик Янчук местечка Череповцы бывшего Полесского воеводства среди населения заявил: «Серп и молот изображают угнетение народа. Серп – это крестьянское угнетение, а молот – угнетение рабочих»⁴.

¹ Там же.

² НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1683. Л. 2.

³ Протьюко Т. Репрессированная вера // Советская Белоруссия. 1992. 24 сентября.

⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1683. Л. 119.

Священник Федор деревни Девятковичи при крещении призывал не идти в колхоз. Священник Котович Евгений и иеромонах Шахмат Серафим агитировали за открытие церкви в деревне Поречье, которая была закрыта с приходом Красной армии¹.

В местечко Беловежа Гайновского района в сентябре 1940 г. из Пинска приехал священник Бойков, который, с разрешения священника Пушкаревича, проповедовал: «Сталинская конституция дает нам основание отбывать все религиозные обряды, поэтому мы должны еще больше молиться и выполнять все законы евангелия. Там, где я служу, местные власти хотели запретить мне звонить в колокола, но я вместе с прихожанами добился того, что и сейчас звоню. Я призываю вас молиться, посещать церковь. Бог простит вам все грехи»². Однако, уже 30 ноября 1940 г. на священника Бойкова было заведено уголовное дело, как на злостного неплательщика налогов. Его посадили в Несвижскую тюрьму, несмотря на то, что церковный совет собрал 4 798 рублей для покрытия долга³.

В Горицком сельсовете в деревне Ходовичи Слонимского района 20 октября 1940 г. был назначен сход по выдвижению кандидатов в окружные избирательные комиссии. Собрание, по мнению партийцев, было сорвано бывшим церковным старостой Давидом Балем для выдвижения кандидатов из церковного актива. В Березовском районе, по утверждению местного отделения партии, священник, не желая регистрировать церковную двадцатку, пустил слух, что новый председатель сельсовета Новик предложил ему закрыть церковь и убраться⁴.

14 октября 1940 г. в праздник Покров при большом количестве верующих (более 2000) архиерей Рожновский выступил с проповедью, в которой говорил: «Мы переживаем очень тяжелые времена, но нам не следует падать духом и унывать. Нужно усилить наши молитвы к царице небесной: подобно тому, как некогда она спасла от гибели жителей г. Константинополя в память чего и установлен праздник «покров», так равным образом она и нас не оставит своим заступничеством и помощью»⁵.

Однако часть священников приняла советскую власть. Это объясняется дискриминацией православной церкви во II Речи Посполитой, неприятием части духовенства, ориентирующегося на Московскую Патриархию, автокефалии Православной Церкви в Польше. Эта часть духовенства,

¹ Там же. Оп. 47. Д. 19. Л. 3.

² Там же. Оп. 27. Д. 328. Лл. 152–153.

³ Там же. Л. 205.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Оп. 21. Д. 2355. Л. 30.

возможно, надеялась с приходом советской власти вернуться в состав РПЦ. Но не исключено и обычное приспособленчество. В деревне Рожайчицы на собрании по выдвижению кандидатов в депутаты священник Васильев произнес: «Да здравствует советская власть, да здравствуют исторические выборы, да взвоется красное знамя на всей земле»¹. А священник деревни Ново-Березово Гранютович среди прихожан по поводу налогов говорил: «Жить можно: сначала было наложено около 2000 руб., когда пожаловался в область, то половину сняли»².

Вскоре после установления советского режима начались депортации отдельных категорий населения Западной Белоруссии в лагеря Сибири. Часть духовенства за сотрудничество с польскими властями была арестована. Под репрессии подпали православные военные капелланы. Так был арестован, а затем расстрелян в Катынском лесу главный капеллан православного вероисповедания Войска Польского протопресвитер Симон Федоренко³. Были высланы православные священники: Анатолий Билев из деревни Занаречье, протоиерей Язеп Морозов и священник Лукьян Кресюк, священник Всеволод Яськов. Протоиерей Ермалай Сурвило был арестован в 1941 г. и погиб, а его сын был депортирован в 1939 г.⁴. Среди убитых или умерших в тюрьмах и лагерях православных пастырей были протоиереи Илларион Денисевич, Сергей Яроцкий, Александр Саховня, священники Александр Мартинюк, Мелион Матушевич. Был арестован и пропал без вести священник Алексей Сомкович. В 1937 г. он служил в селе Речица Пружанского повета. Для снижения активности «враждебных элементов» только на Волыни и Полесье было арестовано не менее 53-х священнослужителей⁵.

Таким образом, с установлением советского режима в Западной Белоруссии религиозная жизнь претерпела существенные изменения. Епархии на присоединенных территориях были включены в юрисдикцию Московской Патриархии. Однако не все руководители епархий согласились подчиниться Москве и создали Священный Синод Православной Церкви в границах Западной Украины и Западной Белоруссии, чем вызывали раскол в Православной Церкви на присоединенных территориях. Сохраняя прежнюю установку на искоренение религиозных пережитков, советская

¹ Там же. Л.33.

² Там же. Л.32.

³ Mironowicz A. Kościół prawosławny w Polsce. Białystok, 2006. S. 642.

⁴ Касяк І. Указ. соч. С. 73.

⁵ Костюк В. Указ. соч. С. 111.

власть признавала значительное влияние Церкви в западных областях. Основными формами борьбы с религией стали:

- лишение церкви и духовенства материальной базы;
- ликвидация церковного влияния в сфере образования;
- пропаганда атеизма и антирелигиозная агитация;
- репрессии в отношении священников.

Уже в 1940 г. государственная религиозная политика начинает постепенно ужесточаться. А в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны, в статье «Патриотизм и религия» (опубликованной в журнале «Безбожник») утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма. История не подтверждает заслуг церкви в деле подлинного патриотизма...»¹.

¹ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 111.

Ю. А. Лабынцев, А. А. Щавинская

УКРАИНСКОЕ ПЕЧАТНОЕ СЛОВО ХОЛМЩИНЫ 1940–1941 ГОДОВ: ПЕРВЫЕ НАРОДНЫЕ ИЗДАНИЯ

*«Civitas Chelmensis in Russia» – («Город Холм в Руси»
– надпись на старинной гравюре с его изображением)*

Духовная культура депортированного в середине 1940-х годов украинского населения Холмщины до сих пор остается малоизученной. Даже богатейшее восточнославянское письменное наследие этой древней земли, ставшее активно собираться в последней четверти XIX в., постепенно, в силу многих причин, оказалось почти забытым в научном мире.

После обретения в 1918 г. Польским государством независимости, возвратившееся из «беженства» украинское православное население Холмщины постоянно подвергается со стороны польских властей различным репрессиям, вплоть до трагических событий лета 1938 г., когда с помощью полиции и воинских команд здесь были разрушены более ста действующих церквей. В течение нескольких лет после 17 сентября 1939 г., во время немецкой оккупации, происходит заметная активация местной украинской религиозной жизни, направляемая православным архиепископом, а затем митрополитом Илларионом (профессором Иваном Огиенко (1882–1972)). Центром всех этих начинаний, которые можно назвать украинизацией Холмщины, становится Свято-Данилова гора – резиденция холмского православного архипастыря. В Холме организуются украинские типография, издательство, духовная семинария, гимназия, начинают издаваться книги и периодические издания на украинском языке, в том числе народные календари. Обладая колоссальным научным, издательским и литературно-популяризаторским опытом, архиепископ Илларион, разрабатывавший широкие планы церковного и светского народного просвещения еще в межвоенной Польше¹, делает печатный текст одним из главнейших средств своей пастырской деятельности.

Прекрасно сознавая, что запрещение использования в церковной жизни православного населения Холмщины церковнославянского и русского языков, на чем резко настаивали некоторые наиболее рьяные сторонники тотальной украинизации из числа интеллигенции, не сулит

¹ Подробнее: Лабынцев Ю. А., Щавинская А. А. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. М., 1999. С. 223–239; Они же. Профессор Иван Огиенко (митрополит Илларион) и его заботы по устройству церковных библиотек и музеев в межвоенной Польше // *Cerkiewny wiestnik. Kwartalnik Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*. Warszawa, 2007. № 1. S. 14–26.

ничего хорошего, архиепископ Илларион пытается вводить украинский язык в повседневную религиозную практику постепенно, на первых порах используя преимущественно народные издания. Как показывают наши многолетние экспедиционные наблюдения, основным успех при этом несомненно принадлежал выполненному самим архиепископом переводу на украинский язык необычайно популярного в народе «Акафиста Пресвятей Богородице пред Ея Чудотворною Иконою Холмскою»¹, написанного в 1920-е годы на церковнославянском языке в Бресте в период, когда православно-книгоиздательство в Польше занимало лидирующие позиции в мире². Этому переводу, а также некоторым другим оригинальным и переводным текстам архиепископа Иллариона, созданным им на Холмщине, была суждена долгая жизнь и довольно широкое распространение в украинской народной среде и у населения белорусско-украинского пограничья³.

До момента, когда профессор Иван Огиенко был пострижен в Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре⁴ и хиротонисан 19 октября 1940 г. в Холмском кафедральном соборе в епископа Холмского и Подляшского, местная православная жизнь направлялась особой временной Церковной Радой, созданной в конце 1939 г. во главе с протоиереем Иваном Левчуком (1869–1947). 16 декабря 1939 г. Холмская Церковная Рада была утверждена митрополитом Дионисием (Валединским), а о. Иван Левчук, коренной холмчанин, возведен в сан протопресвитера с одновременным назначением Администратором Православной Церкви на Холмщине и Подляшье. В этот период на пространстве Администрации насчитывалось всего лишь полсотни православных храмов, остальные были закрыты или уничтожены польскими властями в конце 1910-х – 1930-х годов. Энергичные действия Церковной Рады и ее Управы способствовали быстрому восстановлению приходской системы и уже через несколько месяцев к весне 1940 г. число

¹ Подробнее: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Современная народная литературная традиция почитания иконы Богоматери Холмской: По материалам экспедиционных исследований 1990–2002 гг. в Польше, Беларуси и Украине // Верховина. Збірник наукових праць на пошану професора Олексія Мишанича з нагоди його 70-річчя. Дрогобич, 2003. С. 155–162.

² Подробнее: Лабынцев Ю. Православная книжность межвоенной Польши (1918–1939) // Kultura książki ziem wschodniego i południowego pogranicza Polski (XVI–XX wiek): Paralele i różnice. Katowice, 2004. S. 84–92.

³ Подробнее: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. М., 2009. С. 251–271.

⁴ Чин пострижения с последующим посвящением в иеродиакона, иеромонаха и архимандрита был совершен митрополитом Дионисием (Валединским) в течение трех дней – 9–11 октября 1980 г.

их возросло до ста, а отобранный ранее католиками древний холмский собор Пресвятой Богородицы, где столетиями сберегалась икона Богоматери Холмской, возвращен православным¹. В столице Варшавской православной митрополии в «Варшаве также возникла Украинская Церковная Рада, главою которой был избран б[ывший] при Директории УН Республики Министр Исповеданий проф[ессор] И. Огиенко. Эта Варшавская Церковная Рада фактически и юридически приобрела значение Центральной Церковной Рады в Православной Церкви всей Генеральной Губернии, в которой по городам Холмщины и Подляшья также были организованы украинские церковные рады»². Все эти организации прямо или косвенно сотрудничали с Украинским центральным комитетом в Генерал-Губернаторстве, а отчасти и направлялись им. Именно Украинский центральный комитет, управляемый Владимиром Кубийовичем (1900–1985), выступил посредником и организатором встречи 23 сентября 1940 г. высших представителей православных Генерал-Губернаторства с его главой, давшим, в частности, согласие на поставление в епископы профессора И. Огиенко. При этом митрополит Дионисий, присутствовавший на переговорах вместе с И. Огиенко и В. Кубийовичем, преследовал, возможно, весьма далекие цели по расширению своей юрисдикции, что никак не входило прежде всего в планы немецких властей, да и украинского автономистского православного движения³. В преддверии своего посвящения в епископы И. Огиенко был приглашен Холмской Церковной Радой прочитать курс лекций по истории православия на украинских землях⁴. Для несколькосоттысячного сообщества православных украинцев Холмщины это было важным событием, особенно для местной интеллигенции и, конечно же, духовенства, а также для всего украинского общества в Генерал-Губернаторстве⁵.

Одной из самых злободневных проблем православной духовной жизни как в межвоенной Польше, так и в Генерал-Губернаторстве всегда была

¹ Материалы частных архивов в Польше, Украине и Белоруссии. См. также: Senex. Українська Православна Церква в часі другої світової війни: 1939-1945. Мюнхен, 1996; Ратевський С. Українська Автокефальна Церква. Джорданвилль, 1948.

² Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. Нью-Йорк, 1966. Т. 4. С. 181.

³ См.: Николаев К. Н. Восточный обряд. Париж, [1950]. С. 282–288.

⁴ См.: Ювілейна книга на пошану митрополита Іларіона. Вінніпег, 1958. С. 178.

⁵ О положении дел в украинском сообществе Генерал-Губернаторства см.: Кубийович В. Українці і Генеральній Губернії 1939–1941. Історія Українського Центрального Комітету. Чикаго, 1975.

языковая. Попытки тотальной украинизации сразу же встретили большое сопротивление и мирян, и духовенства. В конце концов «Внутренний устав» Православной Церкви Генерал-Губернаторства, одобренный собором епископов в конце 1942 г., стал содержать такое положение: «Богослужбным языком Св. Автокефальной Православной Церкви в Генерал-Губернаторстве является церковнославянский язык с украинским произношением в украинских приходах и с российским произношением в российских приходах. Там, где того желает приход, богослужбным языком может быть, с благословения епархиального архиерея, живой украинский язык»¹. Положение это на практике не претерпело больших изменений за весь период архиерейского правления митрополита Иллариона, которому удалось в итоге расширить сеть приходов до 175² и начать постепенную украинизацию в языковой сфере. Последняя в реальности носила достаточно ограниченный характер и требовала, в частности, наличия большого числа самых разнообразных религиозных текстов, для квалифицированной подготовки которых не хватало сил. К тому же тогда, в начале 1940-х гг., почти сразу же очень резко обозначилось противостояние с местным польским населением, переросшее в колоссальный, по сути военный, конфликт с убийством тысяч православных, в их числе и десятков церковнослужителей, сожжением многих украинских сел. «В таких условиях, — вспоминал позднее митрополит Илларион, — с Холмищины убегали все, ибо пребывание на этой земле стало Голгофою. И приходы мои еще более опустошались, никто на службу на Холмщину идти не хотел, так как все панически боялись польских экзекуций»³. Призывы самого митрополита к миру ни с одной, ни с другой стороны услышаны не были, началась затяжная кровавая польско-украинская междоусобица, закончившаяся практически полной депортацией местного коренного украинского населения из Холмищины и южного Подляшья⁴.

¹ Цит. по: Власовський І. Указ. соч. С. 186.

² См.: Холмський Православний Народний Календар на 1944 рік. Холм, 1943. С. 34–35.

³ Иларіон, митр. Спогади 1939–1945 років // Віра і культура. 1966. № 12. С. 8–12.

⁴ Митрополит Илларион не раз призывал местных католиков и православных перед иконою Богоматери Холмской:

«Подайте, Холмщини, брат братові руки,
Цвіте нехай Холмський наш край!
Діва Пречиста нас візволить з мукі,
Й настане правдивий в нас Рай!»

Цит. по поэтическому сборнику митрополита Иллариона «Радуйся, Чиста Марія» (Холм, 1943. С. 62).

В период этой депортации, находясь в Швейцарии, митрополит Илларион пишет драматическую поэму «Невинная кровь», повествующую о «много-страдальной Холмшине», которая «вся кровавится, как рана».

Отдельные картины этой поэмы целиком перекликаются с самыми разнообразными текстами, написанными им в начале 1940-х годов в Холме, в том числе и первыми украинскими народными изданиями, выпущенными здесь без указания его имени. К их числу принадлежит, например, «Провідник по Святій Даниловій Горі в Холмі» (Холм. Св. Данілова Гора. Єпархіяльна друкарня, 1941). Собственно все повествование в поэме ведется вокруг Даниловой Горы, точнее привязано оно к древнему православному собору, здесь находящемуся, в котором и сберегалась главная святыня Холмщины – икона Богоматери Холмской. Герои поэмы совершают своеобразный подробный экскурс в драматическую историю Даниловой Горы и всей Холмщины, лапидарно изложенную митрополитом Илларионом и его сподвижниками в «Провіднику» 1941 г.

Тиражи первых народных изданий расходились как по городским, так и сельским приходам, порой составляя основу украиноязычных фондов тех или иных церковных библиотек. Значительная часть их экземпляров становилась собственностью учащихся различных местных учебных заведений, у отдельных из которых, кстати, эти книжечки сохранились до сих пор. Интересно, что со временем эти издания оказались востребованы даже некоторой частью особой категории населения Холмщины – перешедшими по разным причинам в римо-католичество местными греко-католиками, в том числе в 1905 г., так называемыми «упорствующими», которых часто стали называть несколько презрительно «калакутами»¹.

¹ Общее число «калакутов» на Холмшине, видимо, приближалось к 200 000. Каким-либо специальных исследований о них не существует. Вместе с тем, как нам удалось установить, в силу многих обстоятельств какая-то их часть в начале 1940-х годов переходила в православие. В семьях потомков перешедших до сих пор сохраняются различные свидетельства этого процесса, в том числе и первые украинские народные издания Холмщины периода Второй мировой войны. Переход из римо-католичества в православие был очень серьезным шагом и однозначно означал украинский национальный выбор, что необходимо было подтвердить массой документов и свидетельств, которые в конце концов принимались или не принимались немецкой оккупационной администрацией. Несомненно, митрополит Илларион всячески поддерживал этот процесс и вместе со своей духовной консисторией разработал специальный чин этого перехода. Чин этот предполагал, в частности, прилюдную клятву переходящих в православном храме, которая, кстати, содержала и утвердительный ответ на такое вопрошание священника: «Будете ли в будущем истинным православным христианином и истинным украинцем,

В собраниях холмщаков и их потомков сохранились и различные рукописные списки фрагментов тех или иных народных изданий, однако самое большое число списков приходится на «Акафіст Пресвятії Богородиці перед її Чудотворним Образом Холмським», которые в свою очередь стали оригиналами для его переписки в самой широкой украинской православной среде.

Писания митрополита Иллариона для народа и ставшие народными почти не изучены¹. О многих мы не знаем вовсе. Это, в частности, касается такого важнейшего во всех отношениях культа как почитание древней иконы Богоматери Холмской, многоязыкая вербальная традиция которого насчитывает несколько веков². Важно отметить наличие по крайней мере двух течений этой традиции, зародившихся, видимо, уже достаточно давно, но ставших наиболее заметными только в XIX в. — народного, представленного ранее почти исключительно устными формами, и так сказать церковно-причтового, изначально книжно-литературного, письменного. Ныне взаимосвязь этих двух течений абсолютна, как впрочем, и взаимовлияние. Собственно, их уже почти невозможно разделять или точнее выделять, так как существование одного без другого просто невозможно.

Классификация произведений данной литературной традиции, которую в известной мере и в основном для краткости можно было бы назвать «холмским циклом», представляет определенную трудность. К числу литургических и отчасти паралитургических принадлежат «Акафисты Пресвятой Богородице пред Её Чудотворною Иконою Холмскою» на церковнославянском и украинском языках, тропари, кондаки, величания и молитвы на церковнославянском, украинском и русском языках. К паралитургическим произведениям — в основном различные весьма многочисленные песнопения на местных украинских и белорусских диалектах, на местных вариантах русского языка и украинском языке, будете ли ходить в Православную Церковь на Богослужения, воспитывать своих детей в православном и украинском духе и будете ли во всем проявлять себя, как то надлежит истинному православному и украинцу».

¹ См., напр.: *Ляхоцький В.* Просвітитель: Видавничо-редакційна діяльність Івана Огієнка (митрополита Іларіона). Київ, 2000; *Ляхоцький В.* Тільки книжка принесе волю українському народові...: Книга, бібліотека, архів у житті та діяльності Івана Огієнка (митрополита Іларіона). Київ, 2000.

² См., напр.: *Лабынцев Ю. А., Шавинская Л. Л.* Живая древность: литературная традиция культа иконы Богородицы Холмской наших дней // Древняя Русь. № 2 (8). С. 14–25.

входящие в состав различных сборников, прежде всего «Богогласников» или бытующие самостоятельно. К произведениям четьего характера могут быть отнесены весьма популярные и поныне всевозможные сказания об иконе Богоматери Холмской, среди которых преобладают сочинения на русском языке, появившиеся в XX столетии, написанные под влиянием древних образцов с использованием старинных летописаний. Конечно же, чаще всего встречаются рукописные тексты «Акафиста Пресвятей Богородице пред Ея Чудотворною Иконою Холмскою», автором которого был о. Константин Зноско¹. Церковнославянский текст о. Константина, появившийся в 1920-е годы, послужил основой для появления его украиноязычного перевода, выполненного владыкой Илларионом – «Акафіста Пресвятії Богородиці перед її чудотворним образом Холмським», написанного митрополитом Илларионом. В последние годы этот украиноязычный акафист получил довольно широкое распространение, мы зафиксировали его текст даже на северо-востоке Украины в рукописных и ксеро-копиях.

Как приложение к нашей статье мы приводим фрагмент из рукописной копии этого акафиста, бытующей на Черниговщине².

«Величання

Величаєм Тебе, Пресвята Діво, і шануємо дорогоцінний Твій образ, що його від літ давніх у місті Холмі Ти прославила!

¹ Об о. Константине см.: *Лабынцев Ю. А., Шавинская Л. Л.* Зноско Константин // *Православная энциклопедия*. М., 2009. С. 301.

² В значительной степени интерес к этому акафисту активизировался в связи с новообретением древней иконы Богоматери Холмской в 2000 г., когда она была передана на вечное хранение потомками Холмского священника Гавриила Коробчука Волинскому краеведческому музею в Луцке. См.: *Горлицька (Коробчук) Н.* Спогади про Холмську чудотворну ікону // *Пам'ятки сакрального мистецтва Волині на межі тисячоліть: Науковий збірник*. Луцьк, 2000. Вип. 7. С. 19-20; *Квасюк А., Романюк О.* Холмська чудотворна ікона Божої Матері: Повернення з небуття // Там же. С. 14-18; *Александрович В.* «Залишилась єдиною втіхою Холма»: Віднайдена ікона Богородиці Холмської // *Warszawskie zeszyty ukrainoznawcze*. Warszawa, 2001. Т. 11-12. С. 124-130. К новонайденной иконе сразу же возник огромный интерес не только в православном мире, но и среди украинских греко-католиков, а также ученых из многих стран. Без сомнения, ее обретение стало одним из самых значительных событий в области славянских древностей последнего времени. Известный украинский искусствовед, профессор Владимир Александрович датирует этот образ XI в. См.: *Холмська ікона Богородиці*. Львов, 2001.

Кондак 1

Зо всіх родів обраній Владичиці світу, уславленій вище небесних сил, похвальні пісні приносимо ми, слуги Твої, Богородице. А Ти, як та що має невимовне милосердя, яке виявляється в святому Твоєму образі, від усяких бід визволи нас, щоб ми Тобі з радістю кликали:

Радуйся, землі Хомської втіха, й всьому світові захист та оборона!

Ікос 1

Хори Ангелів на небі величають Тебе, Пресвятую Діву, що породила найсвітлішу радість усьому світові. А ми, пісню ангельську наслідуючи, тут на землі таке Тобі заспіваємо: Радуйся, Богом обраная Діво. Радуйся, Богу зарученая від днів стародавніх. Радуйся, пророками світові вказана. Радуйся, Архангелом Гавриїлом про зачаття Сина від Духа Святого сповіщена. Радуйся, що Архангелові благовістя в покорі була прийняла. Радуйся, наставнице, що навчаєш покори премудрої нас. Радуйся, праведною Єлисаветою богонадхненню названая Матір'ю Божою! Радуйся, що про народження від Тебе Спасителя світу в радості духовній Господа звеличила. Радуйся, ангельськими хорами в піснях оспівувана! Радуйся, всіма родами хвалена завжди.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 2

Бачивши оборону Твою, Найдобріша Владичице, християнського роду виявлювану, бо Ти в бідах міцна помічниця для нас, покривдженим заступниця, засмученим розрада, uzдоровлення хворим і всім працею змореним, поміч швидка, ми вдячно за Тебе до Бога голосим усі: Алілуя!

Ікос 2

Розуму дай нам, Найдобріша Владичице, як достойно співають про опіку Твою, виявлену землі Холмській, коли просвітитель Землі Української, князь Володимир, з волі Твоїї на покрову та на охорону цієї землі, що світлом науки євангельської просвіщалась, місту Холму на подарок приніс Твого образу, Пречистая! А ми, дивуючися Твоєму за нас заступанню зворушливо кличем до Тебе: Радуйся, пільна заступнице християнського роду. Радуйся, що насадителю віри Христові князю Володимирові в апостольстві допомогла. Радуйся, що Своїм чудотворним образом землю Холмську немов даром дорогоцінним збагатила! Радуйся, що віру православну в цій землі закріпила. Радуйся, що Своєю незчисленною добротою християн милуєш. Радуйся, що невимовна милосердя для наших душ виливаєш. Радуйся, Своїми молитвами за нас невичерпна. Радуйся, що Своїм матернім заступством визволяєш від усяких бід тих, що шанують Тебе. Радуйся,

що дорожчим Своїм образом виявляєш християнам лікування тілесне й духовне. Радуйся, висото незбагнена, що ведеш нас до вишнього притулку.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 3

Силу благодатну Ти виявила в Святому Своєму образі, Пресвята Владичице, бо Ти нам відкриваєш у ньому скарб багатоцінний, і Ти подаєш незчисленне милосердя, хто до нього приходить, щоб ми збагатившись Твоїм милосердям зворушливо кликали Богові всі: Алілуя!

Ікос 3

Маючи про новоосвічених людей Хомської землі невичерпну опіку Ти від дорогоцінного Свого образу вилила джерела чудес, Владичице, щоб усі пізнали, що Твоя любов та опіка завжди пробувають на православних людях. Тому вдячно Тобі заспіваєм: Радуйся, що невичерпне джерело ласки даєш. Радуйся, що проміннями чуд Ти освітлюєш всіх, хто приходить до Твого образу. Радуйся, помоче всім, що вірно шанують Сина Твого, Преславная! Радуйся, твердине міцна православної віри на нашій землі. Радуйся, що Своєю повсякчасною опікою за православних людей зміцняєш правду православія. Радуйся, що Своїм образом чиниш нам радість духовну. Радуйся, що високоцінний скарб милости нам відкриваєш. Радуйся, що проливаєш море милосердя для тих, що просять у Тебе. Радуйся, що правдиву дорогу заблудлим показуєш. Радуйся, що скоро допомагаєш ти, що кличуть на поміч Тебе!

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 4

Буря напастей та бід, що не раз підіймалася на православну віру на нашій землі, не змогла захитати твердості в вірі в усіх, що до Тебе приходять, Владичице, й Твоєму цілющому образі поклоняються. Бо образ цей даний Тобою для православних християн за щита та за переможного прапора. І Ми грішні твердо надіємося, що й за днів наших напастей Ти скоро вислухаєш усіх нас, що з вірою до Твого пречистого образу приходимо й Сину Твоєму співаємо: Алілуя!

Ікос 4

Коли православні люди почули були, що дорожчий Твій образ заховався під попелом храму за тих днів, як місто Холм було віддане нечестивими татарами огню та мечу і по сотні літ він знову знайшовся неушкоджений, то великою радістю втишилися і таку похвалу Тобі, Пресвята Діво та Мати, вони заспівали: Радуйся, землі Хомської покрово! Радуйся, православія в ній насаджування та закріплювання. Радуйся,

що дивно непошкодженим зберегла в огні Свого образу. Радуйся, що рососою чудотечною огонь погасила. Радуйся, що радість велику немов юнакам тим халдейським в огненній печі, Ти нам подала. Радуйся, що навчила пізнати Тебе в чудо творенні сильною. Радуйся, бо вбачивши неушкодженого Твого образу, ми навчаємось поклонятись святині оцій. Радуйся, бо від Твого образу ми сподобляємось дарів чудесних. Радуйся, броне наша невразлива. Радуйся, стіно наша нерушима!

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 5

Богом веденою зорею явився був нам, Мати Божа, дорогоцінний Твій образ, бо промінням чудес, що походять від образу Ти освітлюєш всіх Тобі вірних, темноту гріховну та темряву наших скорбот проганяєш і всіх що шукають спасіння наставляєш співать Богу з вірою: Алілуя!

Ікос 5

Коли князь Володимир побачив, що населення Холмської землі перебуває в темноті поганства та в тіні смертельній, то він поруйнував на горі міста Холма божницю ідолівську і на ній збудував храм Богу Живому, а в ньому поставив дорогоцінного образу Твого, Мати Божа, щоб усі хто дивляться на нього й шанують Тебе, брали дари від Тебе, які на життя й благочестя. А ми, шануючи святиню Твою, з зворушенням кажемо: Радуйся, полато Сина Божого що зволила жити в земному храмі. Радуйся, вмістилище слави Господньої, що славою й честю вінчала отих, що до Тебе приходять. Радуйся, горо нерушима, що джерело живої води прагнучим випустила. Радуйся, зоре що світиш у темряві, що морок поганський у нашій землі зруйнувала. Радуйся, горня золотее що рятуєш весь світ від духовного голоду. Радуйся, стовпе огненний що провадиш до Сонця Правди всіх, що шукають спасіння. Радуйся, що Своім образом джерела чудес виливаєш для нас. Радуйся, що двері райські відчиняєш усім, що вірно шанують Тебе. Радуйся, для християн радість й втіхо. Радуйся, розв'язання кайданів гріховних для впалих.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 6

Проповідниками великих чудес, що походили від Твого образу, були не тільки православні, але й люди іновірні. Бо Ти не відкинула Своїм милосердям і їх, що до Тебе приходили й поклонялися Твоєму цілющому образу, щоб усі зрозуміли Тебе, сильну помічницю і навчилися поклонятись православної святині й зворушливо кликали до Бога: Алілуя!

Ікос 6

Засіявши від дорогоцінного Твого образу променисту ласку, Ти світиш, Пречистая, для нашої землі світлом чудес та милостей, щоб усі, що з вірою до Твого цілющого образу приходять і чекають від Тебе великої та багатої милості одними устами й одним серцем голосно голосили Тебе: Радуйся, смітливая перед Богом заступнице. Радуйся, за світ християнський тепла молитовнице. Радуйся, невичерпне джерело святині. Радуйся, повна річко вічного добра. Радуйся, що освітлюєш нас сяйвом слави Своєї. Радуйся, що гріховних морок наших душ касуєш. Радуйся, що Своїм образом джерела чудес виявляєш. Радуйся, що Ти подаєш корисне тим, хто приходить до нього. Радуйся, розчулення наших сердец. Радуйся, від бід та напастей наше спасіння!

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 7

Коли нечестиві татари Холма руйнували а Ти виявити захотіла Своє милосердя, то Ти не відкинула, скоро послушнице, двох Холмських князівен, що перед образом Твоїм молилися за спасіння цього міста й обіцяли прийняти чин чернечий. І прийшла Ти на поміч для міста цього і погнала на розтіч ворожі полки щоб, Тобою спасені від бід, заспівали усі: Алілуя!

Ікос 7

Дивну опіку про дім Господній, що в ньому пробував твій образ цілющий, Ти виявила, Пресвятая Владичице. Бо як не дивуватися про чудесну Твою поміч, виявлену збирачеві лепти на поширення цього храму, черцеві Йосифові, коли цей чернець від Тебе що явилася в подобі вродливої жінки прийняв у дарунок звитка з лептою, на це діло вистачальною. І він дивувався зверху посланій помочі і заспівав Тобі так: Радуйся, преславна заступнице в бідах. Радуйся, превеликої милости подателька. Радуйся, що часто наші прохання попереджуєш. Радуйся, променистее сяйво, що скорботний морок нашої душі розганяєш. Радуйся, неганебна надія безнадійних. Радуйся, радосте та втіхо для всіх що вірно шанують Тебе. Радуйся, невичерпно джерело любови. Радуйся, міцна наша надія. Радуйся що всіх, хто до Тебе приходить, покриваєш милістю Своєю. Радуйся, що вічної радості нас сподобляєш.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 8

Ми на землі подорожні й проходьки шукаємо нового міста – Єрусалима небесного. А Ти, Пресвятая Владичице, як заступниця за людей перед

Сином Своім моли, щоб нам подаровано прощення прогріхів перед кінцем щоб ми досягли тихого пристановища на небі і Богові заголосили: Алілуя!

Ікос 8

Усі сили небесні Тебе величають як Матір Божу. А Ти, Богородице Діво, чеснішая від Херувимів і славнішая без порівняння від Серафимів, не бридилася заступати за рід людський гріхами осквернений. І тому всі на землі роджені приносять Тобі подяку, співаючи так: Радуйся, невимістимого вмістилище. Радуйся, чистоти Божественної схованко. Радуйся, що Своім породінням Бога й людину поєднала. Радуйся, що спасіння людям зробила. Радуйся, Провіднице що ведеш нас до неба. Радуйся, Царице неба й землі, що райські ворота для нас відчиняєш. Радуйся, що з Сином Своім і Богом співцарюєш. Радуйся, що не побридила перебувати й серед нас, грішних. Радуйся, що приносиш на ласку Владики молитви благочестивих у вірі. Радуйся, що не відкидаєш моління й нас, грішних.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 9

Усе єство ангельське та людське дивуючись Твоєму невимовному милосерддю до християнського роду похвальні пісні Тобі приносить, бо Ти Своім сильним заступством увесь світ від бід визволяєш, хворих ликуєш, за грішних заступаєшся й молишся за всіх, що з вірою до Бога приходять і голосять до Нього: Алілуя!

Ікос 9

Велемовні промовці вагаються якими словами, Владичице, хвалити славне свято твого Холмського образу. Бо до нього в цей святий день приходить превелика сила не тільки православних, але й іновірних, чекаючи від Тебе визволення від скорбот, зцілення від хвороб, сповнення радостей і сподоблення вічного добра. І Ти, Щедра Подателько, виявляєш цього дня Своім образом незчисленні добродійства, щоб усі, радіючи за Тебе, говорили отак: Радуйся, що світ від скорбот визволяєш. Радуйся, що в напастях нас обороняєш. Радуйся, сліпих прозрівання, глухих слухання. Радуйся, кривих ходіння, німих розмово. Радуйся, болізнів наших лікування. Радуйся, наших сподівань виконання. Радуйся, що забитих гріхами оживляєш ласкою Своєю. Радуйся, що виявляєш нам подання вічного добра. Радуйся, тихе пристановище тим, що шукають спасіння. Радуйся, несумнівна обороно тим, що шанують Твого образу.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 10

Ти захотіла спасти одного Холмського чоловіка Якова що в річці потопав був і Твоїї помочі кликав. І Ти, Божа Мати, спасіння безнадійним, подібно Христові, що витяг Петра з морської безодні, простягла руку помочі до цього, що гинув, щоб усі хто в біді, знаючи чудо оце, співали про Тебе похвальну пісню до Бога: Алілуя!

Ікос 10

Ти стіна нерушима для міста Холма, Пресвятая Богородице Діво! За давніх днів нечестиві татари віддали були Холмську землю огню та мечу й наближалися до міста Холма. А населення міста узявши Твого дорогоцінного образу обносило його кругом храма й слізно молилося про спасіння міста. Ти вислухала благання людей, що втратили були надію на спасіння й настрашила ворогів дивним видінням та й відігнала їх від міста, ними обложеного, щоб усі, спасенні Тобою від бід, що йшли на них, заспівали Тобі отак: Радуйся, що нашу землю від татарського нападу визволила. Радуйся, що чудесним видінням недоступної стіні ворогів настрашила. Радуйся, що сильним заступством Своїм від усяких нас бід Ти визволяєш. Радуйся, що від огня, меча та нападу чужинців нас рятуєш. Радуйся, в боях міцна помічнице. Радуйся, несподівана надіє безнадійних. Радуйся, від смертельної згуби наше спасіння. Радуйся, наших ворогів відкрите посоромлення. Радуйся, непохитна підмого в бідах знеможеним. Радуйся, в наших стражданнях міцная розрадо.

Радуйся, землі Холмської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 11

Зворушливу пісню приносять Тобі всі працею зморені та перетяжені бо Ти неперестанно стоїш перед Своїм Сином і молишся, щоб слово яке Він прорік був: "Я заспокою вас!" Він виконав і всіх, що в недостатках, привів до небесної радості. І всі, що прийняли цього небесного дара, заспівують Йому пісню похвальну: Алілуя!

Ікос 11

Осаяним промінем благодатної надії явився православним християнам дорогоцінний Твій образ, Владичице, за днів їхніх скорбот. Бо коли Холмська земля лестошами була відірвана від православія, люди православні буди в цій напасті, молилися перед твоїм образом й знаходили велику розраду й світлу радість та зміцнялись в надії, що ці лукаві дні тимчасові. Коли ж сповнилося сподівання оце люди з радістю заспівали Тобі оцю хвалу: Радуйся, виявлення шкідливих для душі наук. Радуйся, дарунку корисного

для душі знання. Радуйся, священний наш захисте та вірних оградо. Радуйся, загинулих привернення і заблудлих виправлення. Радуйся, керівничко нашого спасіння що життя наше добре будеш. Радуйся, розрадо в стражданнях і що в благодатному житті зміцнення нам подаєш. Радуйся, що ради Тебе православні люди відкидають єретичні лестоці. Радуйся, що й єретиками відвернені Тобою знову знаходять православну віру. Радуйся, Христової Церкви пресвітла окрасо. Радуйся, непохитне затвердження в нашій землі православія.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 12

Ласки Своєї не позбав нас. Пренепорочная, бо милію страждаємо від своїх беззаконств і не маємо іншої помочі, не маємо іншої надії оправдатися окрім Тебе, Владичице. Ти допоможи нам щоб нам не загинути люто і прийми нас до небесних осель, щоб радіючи Тобою заголосили ми до Бога: Алілуя!

Ікос 12

Оспівуючи Тебе як невичерпну милосердя заступницю нашу перед Господом віруємо й визнаємо, що Ти випросиш нам добро не тільки в цьому тимчасовому житті. але й по нашій смерті, щоб ми не позбавлені небесного добра заспівали такеє Тобі: Радуйся, очищення тим, що в безодні гріховній перебувають. Радуйся, примирення грішників з Богом. Радуйся, що Своїми матерніми молитвами випрошуєш у Свого Сина милість та всепрощення грішникам. Радуйся, що Своїми молитвами Ти відвертаєш гнів Божий, який йде справедливо на нас. Радуйся, наша потіхо й розрадо в день смерті. Радуйся, наша надіє й по смерті. Радуйся, що даєш несоломливий кінець життя тим, що надію свою покладають на Тебе. Радуйся, що в день судний Ти робиш для нас по правиці стояння. Радуйся, ключе царства Христового, що небесні ворота Ти нам відчиняєш. Радуйся, двері райські, що до небесних палат нас приводиш.

Радуйся, землі Хомської втіхо, й всьому світові захисте та обороно!

Кондак 13

О всехвальная Мати, Царице неба й землі! Ми прибігаємо до Твого пречистого образу й йому поклоняємося та зворушливо кажемо: Покрий нас покровом Свого милосердя, визволи нас від усякого лиха. скорбот та напастей і вмоли Свого Сина, щоб Він сподобів нас стояти в день справедливого Божого суду по правиці зо всіми святими, щоб ми неперестанно співали Йому: Алілуя!»

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

К. Е. Науменко

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ К ПРОЦЕССАМ СОВЕТИЗАЦИИ. 1939–1941

Освобождение западноукраинских земель из-под польской оккупации и присоединение их к Советской Украине, которое состоялось в результате Пакта Молотова–Риббентропа от 23 августа 1939 г., последующего разгрома Польши усилиями, главным образом, вермахта, и вторжение Красной армии в сентябре того же года с целью «взять под защиту украинское население в ситуации распада польского государства», как гласило официальное заявление Москвы, в историческом плане было положительным явлением. Оно отвечало давним стремлениям к соборности Украины, которые были присущи украинскому национально-освободительному движению на всех его этапах со времен казачьих войн Богдана Хмельницкого против Польши в XVII столетии. Когда в результате распада Российской и Австро-Венгерской империи в 1917–1918 гг. образовались независимые украинские государства – Украинская Народная Республика (УНР) со столицей в Киеве и Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР) со столицей во Львове, стремление к соборности было реализовано Актом соборности за подписью руководства УНР и ЗУНР, торжественно провозглашенном 22 января 1919 г. на Софиевской площади в Киеве. Президент ЗУНР Е. Петрушевич вошел в состав Директории УНР, а Галицкая армия, отражавшая агрессию Польши, которую активно поддерживала Антанта, получила реальную помощь вооружением и воинскими частями из украинской армии. К сожалению, несмотря на значительные усилия и жертвы галичан, отстоять независимость ЗУНР в украинско-польской войне не удалось. Однако население Западной Украины не смирилось с польской оккупацией и продолжало бороться за освобождение, причем конечная цель различных группировок не всегда совпадала: если лозунгом компартии было воссоединение с УССР, Организация украинских националистов и ряд других партий выступали за интеграцию в составе независимой Украины.

Таким образом, воссоединение западноукраинских земель, как говорили галичане, с Великой Украиной осенью 1939 г. стало историческим

событием, воплощением длительных стремлений и весомым вкладом в процесс консолидации украинской нации. К сожалению, сталинское руководство этот этнополитический аспект мало интересовал. Оно стремилось использовать занятую территорию Западной Украины, в первую очередь для расширения СССР и укрепления западных границ государства. Хотя, прагматические интересы заставляли Кремль, независимо от желания, реализовать украинский национальный проект.

Отношение населения Западной Украины к воссоединению с УССР и процессам советизации в рассматриваемый период претерпело ощутимую трансформацию от позитивного, которое складывалось в 1920-х годах и первые месяцы после воссоединения, до негативного. После поражения Украинской революции 1917–1920-х годов в Советской Украине пребывали тысячи галичан, в частности, беженцев времен Первой мировой войны, основные битвы которой состоялись на землях Галиции, а также бывших бойцов и командиров 402-го Галицкого полка и других галицких частей Красной армии, которые предпочли остаться на Советской Украине. Их число заметно увеличилось в период так называемой «украинизации», осуществляемой руководством УССР после 1922 г. Тогда, по приглашению украинского советского правительства сюда прибыли из Чехословакии и Польши много представителей западноукраинской интеллигенции и военных бывшей Украинской галицкой армии во главе с полковником Г. Коссаком. Галичане плодотворно трудились в сферах культуры и просвещения. Так, в тогдашней столице УССР Харькове действовал известный в Европе театр «Березиль» во главе с уроженцем Львовщины Л. Курбасом. Группа талантливых галицких писателей основала литературное объединение «Западная Украина». Нередко галичане занимали высокие руководящие посты в республике, возглавляли высшие учебные заведения, как например, заместитель председателя правительства В. Порайко, или директор института И. Сияк.

Большой вклад в развитие культурных связей между двумя ветвями украинского народа, разделенного государственной границей между Польшей и УССР, вносило открытое в 1927 г. во Львове Генерального консульства Советского Союза. Особенно плодотворно оно действовало в 1927–1934 гг. под руководством национал-коммунистов Ю. Лапчинского и А. Радченко. Представители галицкой творческой интеллигенции получили широкие возможности для поездок в Советскую Украину, в частности, на гастроли. Немало подготовленных специалистов выезжали на работу. К примеру, сын И. Франко, Петро, несколько лет работал в Химико-технологическом

институте Харькова. Сближению обеих частей Украины способствовала деятельность Научного общества им. Т. Шевченко во Львове, которое поддерживало тесные связи с Всеукраинской академией наук. Часть известных ученых во главе с бывшим президентом УНР и выдающимся историком М. Грушевским переехала работать в структуры ВУАН, группа галицких ученых – М. Возняк, В. Щурат и др. – стали ее академиками. Активно действовали под лозунгами воссоединения подпольная Компартия Западной Украины и ее легальная «пристройка» рабоче-крестьянская массовая организация «Сельроб». Следует отметить, что немало других украинских партий и объединений в Западной Украине, не разделявших социалистический выбор, в своих программах выражали стремление к воссоединению¹.

Указанные факторы формировали у населения Западной Украины в целом позитивное отношение к перспективе воссоединения искусственно разделенных частей украинского народа. Однако, начавшиеся в конце 1920-х годов негативные события в Советской Украине, осуществленные сталинским руководством: свертывание процессов украинизации, насильственная коллективизация, грандиозный по масштабам и катастрофический по последствиям голод 1932–1933 гг., массовые репрессии, в результате которых погибло много известных общественно-политических и военных деятелей – выходцев из Западной Украины, а также широкая антисоветская пропаганда в Польше и на Западе существенно повлияли на отношение населения к советской власти.

И все же вступившие 17 сентября 1939 г. в Западную Украину первые части Украинского фронта маршала С. Тимошенко, среди которых было много призванных из запаса бойцов и командиров восточных областей Украины (в том числе мой отец – командир взвода 2-го кавалерийского корпуса генерала Ф. Костенко лейтенант Е. Науменко), большинство населения встречало с энтузиазмом. В значительной степени этому способствовали не прокоммунистические настроения, а перспектива избавления от ненавистного польского оккупационного режима. К тому же над Западной Украиной нависла реальная угроза нацистской оккупации. Заметим, что в ходе войны с Польшей войска вермахта заняли значительную часть западноукраинских земель: с 11 сентября дивизии немецкого 18-го армейского корпуса вышли в район Дрогобыча и Стрия, начали штурм Львова. Безусловно,

¹ Науменко К. Генеральне консульство СРСР у Львові // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип.7. Львів, 2000. С. 391–392.

приход Красной армии поддерживали, прежде всего, украинцы – жители бедных кварталов западноукраинских городов и беднейшее крестьянство. Они повсеместно встречали красноармейцев цветами и красными флагами. Вместе с ними приветствовали советские войска евреи, для которых нацистская оккупация предвещала неминуемую гибель. В то время они составляли значительную часть городского населения. К примеру, во Львове их было 116 тыс. – 32 % жителей, тогда как украинцы составляли всего 14 %. После нападения Германии на Польшу и в ходе стремительного продвижения войск вермахта вглубь страны, спасаясь от уничтожения, во Львов прибыли еще десятки тысячи беженцев из Польши.

Многочисленные документы Российского государственного военного архива, в первую очередь, политические донесения из дивизий, корпусов и армий Украинского фронта, свидетельствуют, что население везде встречало Красную армию как освободительницу. Нередко еще до ее прихода украинцы создавали местные комитеты, брали власть в свои руки. К примеру, в районе Заболотцы на Львовщине бывший член ЦК Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), неоднократно репрессированный польскими властями О. Кожан (мой дядя) организовал ревком, отряд рабочей гвардии, которые разоружали полицию, деморализованные подразделения польской армии, осуществили переход власти в руки галичан. Украинское население Заболотцев (впоследствии районный центр Львовской области) и окрестных сел торжественно встретило передовые части советской 6-й армии генерала Ф. Голикова. Заметим, что достаточно распространенная в Западной Украине, известная антипольской деятельностью и антисоветской политикой Организация украинских националистов (ОУН), использовала ситуацию для создания вооруженных отрядов численностью 500–800 боевиков, которые выступали против поляков.

Естественно, большая часть польского населения встречала Красную армию и воспринимала советскую власть враждебно. Хотя, как писал в воспоминаниях последний советский консул во Львове Е. Синицын, немало поляков – жителей города – заявляли ему о том, что Советскому Союзу следует не допустить немцев на земли Западной Украины. Более того, 9 сентября 1939 г. он сообщил в Москву, что встретился с польским руководством Львова. Президент города Островский и вице-староста Домбровский задали ему прямой вопрос – почему Красная армия не берет

под защиту Западную Украину – и заявили, что мы – славяне и можем найти общий язык¹.

В этой связи, интересным представляется и другое свидетельство советского дипломата, который писал, что в те дни консульство осаждали сотни посетителей, среди которых была вдова И. Франко Ольга, возглавлявшая группу львовской интеллигенции. От их имени она высказала просьбу спасти жителей Львовщины от фашистской армии или разрешить выезд украинцев в СССР. Подобные заявления консулу поступали от многих жителей края, до его отбытия из Львова 15 сентября 1939 г.²

Враждебное отношение определенного слоя польского населения к приходу в Западную Украину Красной армии и отторжению от Речи Посполитой «восточных кресов», как они именовали оккупированные украинские земли, проявилось в создании с первых дней установления советской власти довольно широкого антисоветского подполья. Им руководили прибывшие во Львов генералы М. Янушайтис, а после его ареста органами НКВД – М. Боруца-Спехович, позднее – М. Токаржевский-Карашевич. Первый секретарь ЦК КП(б)У Н. Хрущев, который прибыл во Львов вместе с частями Украинского фронта и длительное время находился в Западной Украине, сообщал И. Сталину о многих проявлениях враждебного характера со стороны поляков, особенно во Львове, что стало поводом для их массовой депортации в 1940 г.

В этой ситуации, осознавая необходимость формирования у западноукраинского населения позитивного отношения к процессам советизации, политическое руководство Москвы и Киева с первых дней кампании большую роль отводило советской пропаганде. Политуправление Украинского фронта сообщало в Москву, что с 17 по 30 сентября 1939 г. распространило среди населения 400 тыс. экземпляров газет, 1210 тыс. листовок. В одной из них – обращении маршала Тимошенко «К рабочим и крестьянам Западной Украины» (120 тыс. экземпляров), в частности, провозглашалось: «Мы идем к вам, нашим братьям, чтобы помочь вам освободиться от гнета польских панов». Командующий Украинским фронтом призывал украинских крестьян, которые составляли большинство населения края, брать власть в свои руки, делить панские земли и инвентарь, быть хозяевами на своей земле. Кроме того, среди населения было распространено 9 млн книг и брошюр, 25 тыс. плакатов и т.д. Их

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВН РФ). Ф. 341. Оп. 10. Д. 14. Лл. 19–21.

² Синицын Е. Резидент свидетельствует... Москва, 1996. С. 12–13.

основным содержанием был тезис из заявления правительства СССР о намерении Красной армии «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии», передать власть на освобожденной земле в руки рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции¹.

Вопреки точке зрения, утвердившейся в советской историографии, польские политики и историки, с которыми согласны и некоторые наши украинские коллеги, сегодня считают, что вооруженное присоединение указанных земель было исключительно частью сговора между Гитлером и Сталиным о переделе Западной Европы, неприкрытой агрессией СССР против Польши, скоординированным совместным ее разгромом. К сожалению, они обходят вниманием факт, что в момент вступления Красной армии на территорию Западной Украины, Польша как государство практически прекратила существование. Ее правительство и Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы покинули страну и бежали в Румынию, причем последний приказ маршала войскам гласил: сопротивления Красной армии не оказывать, а стремиться вывести части в Румынию. К 17 сентября осталось лишь несколько очагов сопротивления, в частности Львов и Брест, которые пали 22 сентября 1939 г.

К указанным польским историкам относится И. Лойек — автор книги с красноречивым названием «Агрессия 17 сентября 1939 г.». Кстати, он ошибочно считает, что без Пакта 23 августа и нападения СССР вслед за Германией на Польшу 17 сентября 1939 г. не было бы Второй мировой войны вообще. Но, как известно, план нападения на Польшу «Вайс» Гитлер утвердил намного раньше, и он был бы осуществлен, а Западная Украина, безусловно, оказалась бы под немецкой оккупацией. На известном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. Сталин заявил, что если СССР, идя навстречу настойчивым предложениям Берлина, подпишет договор с Германией о ненападении, Гитлер вторгнется в Польшу и в Европе разразится война. Сталин сделал заключение, что СССР есть смысл подписать договор с Германией. Хотя Гитлеру будет открыт путь к войне в Европе, Советский Союз получит определенные преимущества: остаться в стороне от конфликта между западными странами и практически без особых усилий присоединить утерянные в 1920 г. земли, в частности, Западной Украины. Следует также отметить, что Сталин отказался

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 7.; Красная Звезда. 1939. 24 сентября.

от предложений Берлина присоединить к СССР значительную часть территории Польши до Вислы¹.

После выхода войск Украинского фронта маршала Тимошенко на согласованный с Берлином рубеж по реке Сан, который стал государственной границей, на западноукраинских землях сразу же развернулись радикальные социально-экономические преобразования. Еще в ходе освобождения и военных действий Военный совет Украинского фронта решал с помощью населения края первоочередные задачи: в каждом селе создавались выборные крестьянские комитеты, которые ориентировались на захват крупных землевладений, раздел земли среди бедняков и середняков. Срочно принимались меры для возобновления работы предприятий и транспорта, объектов торговли и обслуживания населения в городах и местечках.

С целью юридического оформления территориально-правового статуса и общественно-политического устройства Западной Украины были проведены выборы Украинского народного собрания. В их организации и проведении принимали активное участие первый секретарь ЦК КП(б)У Н. Хрущев, маршал С. Тимошенко и другие представители Киева, а также силовые структуры УССР во главе с наркомом внутренних дел И. Серовым. 29–28 октября во Львове собрались 1495 делегатов Народного собрания, среди которых было 92 % украинцев, в частности, известные представители местной интеллигенции: ученый К. Студинский, педагог П. Франко (сын Каменяра), композитор В. Барвинский, медик М. Панчишин, театральный деятель И. Рубчак, а также значительная группа бывших активистов КПЗУ во главе с членом ЦК А. Кожаном, рабочие и крестьяне. Народное собрание единодушно приняло декларации об установлении советской власти и присоединении к УССР, национализации банков и крупной промышленности, конфискации земель помещичьих, монастырских и крупных чиновников, которые были позитивно приняты большинством населения².

Последующие решения Верховных Советов УССР и СССР дали Кремлю законные основания для осуществления планов освоения — советизации занятых земель, установления на них тоталитарного режима. По советскому образцу унифицировалась общественно-политическая жизнь, устанавливалась однопартийная политическая система с монополией коммунистической партии на государственную власть. Существовавшие политические партии и общественные организации были распущены.

¹Текст речи Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19.08.1939 // Другая война 1939–1945. М., 1996. С. 73–75.

²Литвин М., Луцкий О., Науменко К. 1939: Західні землі України. Львів, 1999. С. 130, 134–136.

Особые и практически неограниченные права получали создаваемые репрессивные органы в лице НКВД и НКГБ. В декабре 1939 г. были осуществлены административно-территориальные изменения, образованы шесть областей: Львовская, Дрогобычская, Станиславская, Тернопольская, Волинская и Ровенская, поделенные на районы. Основные рычаги власти на местах были сосредоточены в обкомах, райкомах и горкомах компартии. Деятельность общественных организаций строго регламентировалась.

В стремлении как можно быстрее советизировать западноукраинские земли Киев направлял в органы местного управления партийных, советских и хозяйственных работников из восточных областей Украины. Уже до 2 октября 1939 г. туда были направлены и назначены на руководящие посты 320 партийных и 142 комсомольских функционеров, а также 1000 коммунистов и 500 комсомольцев, срочно демобилизованных из армии. В апреле 1940 г. их численность возросла до 16 тысяч¹.

Создание всех органов управления от сельсовета до руководства области по советскому образцу, в общем-то, не вызывало особых возражений среди населения, но огульное недоверие к местным кадрам и даже к бывшим членам КПЗУ, классовый подход в кадровой политике, не отвечали его менталитету и ощутимо подрывали доверие к советской власти. Несмотря на то, что среди местного населения, особенно в городах, было много украинских авторитетных общественно-политических деятелей, специалистов в различных сферах народного хозяйства с высшим образованием, руководящие посты повсеместно занимали кадры, прибывшие с восточной Украины. Нередко они оказывались некомпетентными, с начальным и средним образованием. Так, в Дрогобычской области из 199 руководящих работников звена район — область высшее образование имели лишь 12, а среди аппарата партийных, государственных и хозяйственных органов второго эшелона их не было вовсе. Во Львове руководителями национализированных промышленных предприятий были назначены 177 рабочих, в то время как в городе было много квалифицированных инженеров, имевших практический опыт руководства работой промышленных предприятий. Неудачными оказались известные деятели национального кооперативного движения. Значительная часть прибывших руководителей не знали и не воспринимали местных обычаев и традиций, особенно в сфере религии. Украинская греко-католическая церковь пользовалась в духовной жизни поголовно верующего западноукраинского населения непрерываемым авторитетом, и любые проявления

¹ РГВА. Ф. 35077. Оп. 1. Д. 188. Лл. 83, 331.

атеизма или недостаточной толерантности к верующим среди прибывших с востока негативно сказывались на отношении к новой власти, отражаясь на настроениях населения, вызывая непонимание ее политики.

Широкомасштабные мероприятия по советизации региона были неоднозначными. Многие из них были встречены с одобрением. К примеру, после национализации в регионе 2243-х крупных и средних промышленных предприятий уже в октябре–ноябре 1939 г. партийные, государственные и хозяйственные органы развернули активную работу по ликвидации безработицы. Была возобновлена деятельность 520-ти промышленных предприятий, введен 8-часовой рабочий день, повышена заработная плата. Только во Львове в короткий срок получили работу 27 тыс. безработных. Кроме того, 11 тыс. львовян приступили к ремонту и строительству железной дороги Львов–Ровно, 17 тыс. добровольцев выехали трудиться на промышленных предприятиях Донбасса. В Тернополе были трудоустроены более 15 тыс. безработных. Аналогичные меры принимались на всей присоединенной территории края, что положительно повлияло на отношение населения к процессу советизации¹.

Значительные политические дивиденды новой власти принесло реформирование просвещения. Переход всех учебных заведений на содержание государства и бесплатное обучение радикально расширили возможности для украинцев в области образования. С большим одобрением воспринималось доминирование школ на родном языке. Если в Польше на западноукраинских землях из 5100 школ (819 тыс. учащихся) с украинским языком обучения было всего 139, уже в 1939/1940 учебном году их стало 5600 (84 %). В следующем учебном году количество указанных школ возросло до 6800. В них обучалось 1400 тыс. украинских детей. Были реорганизованы высшие учебные заведения. Украинская молодежь получила широкие возможности для учебы в университете, политехническом, медицинском, сельскохозяйственном, торговом, ветеринарном и педагогическом институтах Львова, а также в учительских институтах, открытых в Луцке, Ровно, Станиславе, Дрогобыче, Кременце².

Всеобщее одобрение получило введение широкой бесплатной медицинской помощи. В 1940 г. в регионе было открыто 184 больницы, 490

¹Торжество історичної справедливості. Львів, 1968. С. 78; Державний архів Львівської області. (ДАЛО). Ф. Р-121. Оп. 1. Спр. 34. Арк. 175–176; Вільна Україна. 1939. 23 жовтня.

²Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР 1939–1979. 36 документів. Київ, 1980. С. 41; Баран В., Токарський В. Україна: Західні землі. 1939–1941. Львів, 2009.

поликлиник, 140 аптек и аптечных пунктов. Население обслуживали около 4-х тыс. врачей и 9 тыс. среднего медицинского персонала. Существенно расширились мероприятия по пенсионному обеспечению, социальному и культурному обслуживанию населения (в сфере деятельности библиотек, театра, музеев и т.д.). Важное место в процессе советизации отводилось культуре как средству идеологического влияния на западноукраинское население. Были сформированы и работали под контролем партийных органов объединения писателей, художников, театрального искусства из числа известных деятелей, налажен выпуск периодической печати. Безусловно, все эти, в целом положительные, действия диктовались не только политическими и идеологическими заданиями власти, но и объективными потребностями развития региона.

Выборы в Народное собрание Западной Украины и его исторические решения о присоединении региона к Советской Украине находят сегодня у нас немало критиков. Но нельзя не согласиться с тем, что они отражали волеизъявление подавляющего большинства народа, освободившегося из-под польской оккупации, его стремления к соборности Украины. Непосредственный участник этих событий ныне академик НАНУ П. Тронько вспоминает, что все депутаты, и он в том числе, с большим энтузиазмом голосовали за объединение украинского народа в едином государстве. Об этом также свидетельствуют заявления о готовности к сотрудничеству с советской властью руководства весьма далеких от Коммунистической партии Западной Украины легальных украинских политических партий: Украинского национально-демократического объединения (УНДО), Украинской социал-демократической партии (УСДП), Украинской социалистической радикальной партии (УСРП) и других влиятельных национальных группировок. Их представительная делегация во главе с известным в Европе политическим деятелем, бывшим главою правительства ЗУНР К. Левицким завершила о желании сотрудничать с новой властью в первые дни после вступления Красной армии во Львов. Что, впрочем, не предотвратило роспуск и запрещение их деятельности и арест К. Левицкого, который провел полтора года на Лубянке и был освобожден по указанию главы правительства СССР В. Молотова и наркома внутренних дел Л. Берии. Лояльность к новой власти выразил также глава Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) митрополит А. Шептицкий¹.

¹ *Німчук І.* 595 днів радянським в'язнем . Торонто, 1950. С. 22, 25–26; «До духовенства» // *Львівські єпархіальні відомості.* 1939. № 9. С. 205.

Однако позитивное отношение большей части западноукраинского населения к советизации региона было ощутимо нивелировано действиями репрессивных органов — НКВД и НКГБ, которые обеспечивали ее форсированные темпы. Прибывшие во Львов уже в сентябре 1939 г. нарком внутренних дел УССР И. Серов и замнаркома внутренних дел СССР В. Меркулов приступили к реализации обширной директивы Л. Берии от 15 сентября 1939 г., содержание которой лишь недавно выявлено в архиве и опубликовано Службой безопасности Украины. Нарком требовал силами оперативных групп НКВД очистить край от явных и потенциальных врагов советской власти, в первую очередь, от «украинских буржуазных националистов» и «польских враждебных элементов»¹.

Следует отметить, что еще во время продвижения Красной армии по территории Западной Украины в сентябре 1939 г. мирное население стало свидетелем самовольных расстрелов бойцами и командирами сдавшихся в плен польских солдат и офицеров, захваченных жандармов, а также «потенциальных врагов советской власти». Прокурор Украинского фронта Нечипоренко писал непосредственно Сталину, что старшие командиры отдают приказ расстреливать пленных без суда на месте. Он возмущался тем, что председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульрих поощрял такие акции и приказал военным трибуналам: «Смертные приговоры местному населению и бывшим военнослужащим польской армии выполнять немедленно без санкции Москвы. Отчетов не высылать»².

Под непосредственным руководством наркома внутренних дел УССР И. Серова в Западной Украине разворачивались массовые репрессии с целью очистить регион, как требовала директива Берии, «от вражеских элементов, осадников, аппарата местного самоуправления, неблагонадежных служителей культа, представителей местной интеллигенции по классово-политической окраске». Под эту категорию местные репрессивные органы подгоняли по своему усмотрению большое количество людей, нередко без весомых оснований. Таким образом, только в октябре–декабре 1939 г. было арестовано 10 200 человек, из них 1600 представителей местной интеллигенции, 108 педагогов, 42 деятеля культуры и искусства, 1300 крестьян. В ходе репрессий 1940–1941 гг. было арестовано 65 тыс. человек, из 5064 осужденных каждый десятый был расстрелян, остальные брошены

¹Галузевий державний архів Служби Безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 16. Оп. 32. Спр. 33. Арк. 10–15.

²РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 269.

в тюрьмы на срок 5–10 лет. Большинству из них предъявлялись стандартные обвинения о принадлежности к «контрреволюционным организациям», т.е. к легальным украинским партиям в Польше, а также к ОУН¹.

Следует отметить, что после присоединения западноукраинских земель к СССР, деятельность ОУН, которая основными своими врагами считала Польшу и Советский Союз, уже в начале 1940 г. значительно активизировалась. Ее руководство во главе со С. Бандерой легально действовало в оккупированном немцами Кракове. Среди архивных документов выявлено много донесений наркома внутренних дел И. Серова и наркома госбезопасности СССР П. Мешика об организации в 1940 г. вооруженных формирований ОУН и их подготовке к восстанию, а также о террористических акциях против работников партийных, советских и силовых структур. Сообщалось, что только в ходе операции 21 декабря 1940 г. во Львовской, Станиславской, Тернопольской, Дрогобычской и Волынской областях арестовано 576 оуновцев. Подводя итоги борьбы с ОУН в 1940 г., П. Мешик докладывал в Москву, что органами НКВД и НКГБ ликвидирован ряд оуновских областных центров, арестовано 4657 украинских националистов, агентурой выявлено 13 529 членов ОУН, из них 426 нелегалов. Кроме того, подчеркивалось, что Краковский центр организации поддерживает тесную связь с Берлином².

В донесениях Л. Берии нарком И. Серов обращал внимание на то, что руководство ОУН «на протяжении многих лет считало, считает и в настоящее время, что создание «Соборной Украины» осуществится только с помощью Германии и сейчас не исключает возможного вооруженного столкновения последней с СССР... В тесном контакте с разведывательными органами Германии ОУН проводит активную работу по подготовке отторжения СССР от Советского Союза и создания украинского буржуазного государства фашистского типа»³.

Безусловно, Москва была обеспокоена ситуацией в Западной Украине и требовала от руководства силовых структур в СССР принятия самых решительных мер. Они особенно ужесточились в первой половине 1941 г. в условиях приближения агрессии Германии. Наиболее массовым видом репрессий стали депортации 1940–1941 гг., которые мотивировались необходимостью очистить край от «неблагонадежных элементов», а также лишить националистическое подполье поддержки. Они охватили около

¹ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 73–74.

² ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 84. Спр. 7. Арк. 218–222.

³ Там же. Оп. 33. Д. 53. Лл. 232–249.

10 % всего населения. Эта широкомасштабная акция осуществлялась на основе постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства СССР, директив Наркомата внутренних дел под непосредственным руководством наркома Серова. В первую очередь, в феврале 1940 г. были депортированы поляки — осадники в количестве 17 200 семей (89 тыс. человек). О масштабах акции свидетельствует привлечение 54 тыс. личного состава оперативных групп НКВД. В соответствии с директивами Москвы до июня 1941 г. было проведено четыре подобных акции политической «зачистки» западного региона — массовые депортации, в ходе которых были вывезено за пределы Украины более 300 тыс. населения различных категорий, в первую очередь связанных с подпольным оуновским движением, а также бывших общественно-политических деятелей. К примеру, за январь—май 1941 г. было выселено и вывезено в Сибирь 3079 семейств (11 329 чел.). По подсчетам генерала МВД Украины И. Биласа, на протяжении 1939—1941 гг. в Западной Украине было репрессировано 1070 тыс. человек¹.

В ходе этих широкомасштабных репрессивных мероприятий, когда судьбу сотен тысяч людей местного западноукраинского населения решали низовые органы власти и структуры НКВД, практически без надлежащего контроля и часто без суда и следствия, конечно, не обходилось без самоуправства, без грубых нарушений закона и прав человека. Это особенно отражалось в ходе выселения из родных мест и депортаций вглубь СССР семей членов ОУН или подозреваемых в сотрудничестве с организацией. Характерным примером, который основательно подорвал доверие значительной части населения Западной Украины к советской власти, были массовые расстрелы органами НКВД заключенных в тюрьмах края в начале войны — в 20-х числах июня 1941 г. перед отступлением советских войск.

Приказ Л. Берии эвакуировать всех заключенных вглубь страны, с конкретными указаниями, в какие города их направить, чтобы использовать в качестве рабочей силы, не был выполнен. В ситуации, когда ко Львову приближались войска вермахта, прибывшие из Киева заместители наркомов Т. Строкач (НКВД) и И. Ткаченко (НКГБ) приказали расстрелять поголовно всех — около 15 тысяч узников, хотя подавляющее большинство из них находились под следствием и не были осуждены. Когда немецкие войска вступили 30 июня во Львов, они открыли ворота трех тюрем, где были 2239 трупов расстрелянных и разрешили близким забрать их для захоронения.

¹ *Билас І.* Репрессивно-каральна система в Україні 1917–1953. Т. 1. Київ, 1994. С. 154.

Немецкая пропаганда и газеты на украинском языке широко освещали эту кровавую акцию НКВД на протяжении всего периода оккупации края¹.

Все это в сумме давало аргументы противникам советской власти, активизировало польское подпольное движение и деятельность Организации украинских националистов под политическим руководством С. Бандеры. По оценке советских спецслужб численность законспирированного оуновского подполья, которое имело руководящий центр во Львове, вначале составляла около 5,5 тыс., а к лету 1941 г. достигла 7 тыс. человек, нередко организованных в вооруженные отряды. На позицию открытого антисоветизма встала влиятельная сила общества – Украинская грекокатолическая церковь. В результате, новая власть за неполных два года в ходе форсированной интеграции Западной Украины, серьезно дискредитировала себя и создала предпосылки для образования в годы войны против Советского Союза украинских военных формирований в составе вермахта, в частности, дивизии СС «Галичина», отдельных батальонов «Нахтигаль», «Роланд» и полицейских частей для борьбы с советскими партизанами. В годы немецкой оккупации были созданы 40-тысячная Украинская повстанческая армия и весьма значительная сеть подпольных организаций ОУН, которые оказывали вооруженное сопротивление советской власти в 1940–1950-х годах. Все это обусловило дополнительные трудности в ходе восстановления советской власти в западном регионе УССР, когда пришлось применить достаточно широкие репрессивные меры, последствия которых ощущаются и сегодня в политических настроениях определенной части населения областей Западной Украины.

¹Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9413. Оп. 1. Д. 23. Лл. 147–153.

И. И. Ильюшин

**Антисоветское подполье в Западной Украине
и НКВД в 1939–1941 годах (по документам архивов
российских, украинских и польских спецслужб)**

Неблагоприятное для Польши развитие событий сентябрьской военной кампании 1939 г. привело к ее быстрому поражению и территориальному разделу Германией и СССР. На присоединенных к Советскому Союзу территориях Восточной Галиции и Волыни очутилось немало польских офицеров, известных общественно-политических деятелей, которые покинули Центральную Польшу, чтобы избежать арестов со стороны немцев. Местная польская общественность чувствовала себя униженной и очень болезненно переживала поражение. Большинство поляков надеялось, что уже весной будущего года западные союзники Польши одержат победу над Германией и их родина будет освобождена. С их точки зрения, Красная армия также должна была вернуться на исходные позиции. Поэтому польское население отнеслось к советской власти сдержанно. Оно полагало, что существующее положение вещей носит временный характер и не может продлиться долго¹.

Уже в первые дни после завершения военной кампании поляки развернули во Львове и в других западноукраинских городах подпольную деятельность. Однако обстановка для нее на присоединенных землях оказалась сложной ввиду специфики советского военно-политического руководства. Приобретенный поляками ранее и в совсем иной ситуации опыт создания вооруженных подпольных организаций оказался полностью непригодным. В условиях деятельности советских спецслужб использование прежних методов конспиративной работы неминуемо приводило к значительным потерям².

Борьба органов НКВД с антисоветским подпольем в Западной Украине оказалась более эффективной, нежели меры, предпринимаемые немецкой полицией в отношении антинацистского сопротивления в Генерал-Губернаторстве (ГГ). По мнению представителей польской конспирации, об этом свидетельствовали материалы двусторонних конференций, состоявшихся в марте 1940 г. в Кракове и на вилле «Пан Тадеуш» в Закопане,

¹ *Pobóg Malinowski W.* Nainowska historia polityczna Polski. 1864–1945. T. 3. Londyn, 1960. S. 106–112; *Rudnicki K.* Na polskim szlaku (wspomnienia z lat 1939 – 1947). Warszawa, 1990. S. 60–69.

² *Węgiński J.* Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 1991. S. 24.

на которых спецсотрудники НКВД поделились своим опытом борьбы с подпольем с «коллегами» из гестапо. Разведывательный отдел польского подпольного Союза вооруженной борьбы (СВБ – *Związek Walki Zbrojnej*) выявил среди участников этих конференций 18 работников НКВД и даже раздобыл их фамилии¹.

Помимо проведения открытой борьбы с польскими подпольными организациями, действовавшими на западноукраинских землях, руководство НКВД неоднократно обращалось к наиболее влиятельным польским деятелям (например, к ксендзу Янушу Радзивиллу, профессору Казимежу Бартелю и другим) с просьбой повлиять на своих соотечественников и убедить их прекратить конспиративную деятельность на территории, занятой советскими войсками².

В сентябре – октябре 1939 г. нарком внутренних дел Украины Иван Серов встретился в Москве и Львове с генералом Владиславом Лянгнером, который во время сентябрьской кампании командовал обороной Львова. После многодневной его защиты от немцев генерал подписал 22 сентября акт о капитуляции польских военных частей и передал город Красной армии. Во время встреч с советским наркомом генерал пытался узнать о судьбе офицеров, которые после капитуляции Львова были вывезены на восток. Кроме того, в эти же сентябрьские дни первые польские пленные были отправлены в Козельский (Смоленская область) и Путивльский (Сумская область) лагеря, каждый из которых в тот период был готов принять по 10 тысяч человек³.

Представители советских спецслужб, в свою очередь, пытались привлечь генерала Лянгнера к совместной работе по созданию военной разведки на оккупированной Германией территории Польши. Из-за неуверенности в отношении дальнейшей своей судьбы генерал отправил на территорию Генерал-Губернаторства жену и сына. А 18 ноября он сам тайком оставил Львов и через два дня перешел румынскую границу⁴.

¹ *Bór-Komorowski T.* Armia Podziemna. Warszawa, 1994. S. 50.

² *Jaczyński S.* Sowietkie próby pozyskania oficerów polskich w latach 1940–1941 // *Wojskowy Przegląd Historyczny*. № 4. 1993. S. 1–27.

³ Галузевий державний архів Служби Безпеки України (далее – ГДА СБ України). Діяльність оперативно-чекістських груп НКВС у західних областях України, 1939–1940. Директива НР 4301/Б от 20. IX. 1939 г. наркома внутренних дел СССР Л. Берии т.т. Меркулову и Серову о развёртывании пунктов приёма военнопленных по БССР и УССР. Ф. 16. Оп. 32. Д. 33. Лл. 25–27.

⁴ *Langner W.* Ostatnie dni obrony Lwowa 1939. Warszawa, 1979. S. 13.

Однако удачный побег за границу генерала вызвал во второй половине ноября – декабре 1939 г. аресты во Львове всех польских высших офицеров. Среди них были и деятели Польской организации борьбы за свободу (ПОВВ – *Polska Organizacja Walki o Wolność*). Организация была создана еще в сентябре активным членом Национальной партии, генералом Марьяном Янушайтисом («Карпинским»). 27 октября последний был арестован. 8 (по другой версии – 12) декабря во львовскую тюрьму Бригидки был доставлен и его заместитель по организации полковник Ежи Добровольский. Следователи НКВД неоднократно допрашивали обоих офицеров.

Во время допросов на Лубянке в феврале-марте 1940 г. генерал М. Янушайтис пытался убедить советские спецслужбы изменить свое отношение к полякам. Генерал считал, что вскоре Москве придется вести войну с Германией, и тогда поляки станут необходимы. С Янушайтисом беседовал и нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия. В июне 1940 г. генералу, несмотря на его статус заключенного, было предложено выступить с лекцией перед сотрудниками НКВД о перспективах войны между Германией и СССР. После подписания польско-советского политического соглашения от 30 июля 1941 г., известного как «соглашение Сикорского-Майского», генерал Янушайтис был освобожден. Советское руководство предложило ему возглавить Польскую армию в СССР, которая должна была быть создана в соответствии с достигнутой договоренностью, но тот отказался¹.

Иначе сложилась судьба полковника Е. Добровольского. Весной 1940 г. он был вывезен на восток. В 1941 г. по особому поручению главы польского эмигрантского правительства генерала Владислава Сикорского, приятеля полковника Добровольского еще со времени обучения во Львовском политехническом институте, последнего разыскивали по тюрьмам и лагерям в СССР. Но только после войны стало окончательно известно, что полковник Добровольский умер от истощения в тюрьме (возможно, в Киеве). Существуют и другие версии его гибели².

Еще один из руководителей ПОВВ генерал Мечислав Борута-Спехович («Копя»), после неудачной попытки перейти венгерскую границу, попал в тюрьму в Станиславе. Он вынужден был признаться в том, кем он является, после чего генерала перевезли в Москву. В тюрьмах на Лубянке

¹ *Żegota-Januszajtis M. Życie moje tak burzliwe. Warszawa, 1993. S. 27–28.*

² *Mazur G., Węgierski J. Konspiracja Lwowska 1939–1944. Słownik biograficzny. Katowice, 1997. S. 54–55.*

и Бутырке Боруту-Спеховича неоднократно допрашивал Л. Берия, пытаясь добиться от него согласия возглавить Польскую армию в СССР. 12 августа 1941 г. генерал был освобожден¹.

По мере того, как украинские и польские конспиративные организации разворачивали на территории Восточной Галиции и Волыни свою деятельность, активизировали борьбу с местным антисоветским подпольем и органы НКВД. Уже в октябре 1939 г. перед руководством НКВД встала проблема содержания большого количества пленных и других заключенных. На 1 октября общая численность арестованных так называемыми оперативно-чекистскими группами НКВД в Западной Украине (помимо военнопленных) составила 3914 человек, в том числе «бывших жандармов, полицейских, официальных и тайных агентов полиции и разведки – 2539, помещиков и представителей крупной буржуазии – 293, офицеров польской армии и осадников – 381, руководителей УНДО (Украинское национально-демократическое объединение. – *И. И.*), ОУН (Организация украинских националистов. – *И. И.*) – 144, петлюровцев, участников бандформирований – 74, всех прочих – 483 человека»².

Чтобы «разгрузить» тюрьмы Западной Украины, Л. Берия 3 октября издал приказ: военнопленных солдат – украинцев, белорусов и других национальностей, жителей Тернопольского, Станиславского, Львовского и Луцкого воеводств, освободить и распустить по домам. Военнопленных солдат – выходцев из оккупированной немцами части Польши, было приказано и далее, до особых указаний, отправлять в Козельский и Путивльский лагеря. Военнопленных генералов, офицеров, крупных военных и государственных чиновников следовало отправлять в Старобельский лагерь в Ворошиловградской области, а бывших разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских – в Осташковский лагерь Калининской области³.

Таким образом, судьбой даже военнопленных распоряжалось не командование Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), а руководство НКВД⁴. Что же касается арестованных, не имевших официального статуса военнопленных, только во Львове были взяты на учет, а потом, по распоряжению И. Серова, «эвакуированы в лагеря» 4312 офицеров резерва

¹ *Rzepecki J.* Kierownictwo polityczne polskiego podziemia wojskowego w latach 1939–1941 // *Przegląd Historyczny*. Т. 65. З. 1. 1974. S. 115–144.

² ГДА СБ України. Ф. 16. Оп. 32. Д. 33. Л. 95.

³ Там же. Лл. 97–99.

⁴ *Obozy jenieckie NKWD IX-1939 – VIII-1941*. Warszawa, 1995. S. 14.

и 384 офицера кадрового состава бывшей польской армии, в том числе бывших сотрудников польской дифензивы¹.

Изучение механизма работы польской разведки, а также опыт и знания арестованных сотрудников польских «пляцувок» 2-го Отдела (разведки и контрразведки) Генштаба Войска Польского было использовано НКВД в борьбе с уже существовавшими и продолжавшими возникать антисоветскими подпольными организациями. По линии 2-го Отдела НКВД было проведено немало агентурных разработок.

В спецуведомлениях И. Серова называются десятки агентурных дел, по которым были арестованы украинские и польские подпольщики. Так, по делу «Паутина» были арестованы лица, получившие задание от генерала Янушайтиса создать боевые группы в польских гимназиях № 1, № 9, № 10 г. Львова. По делу «Блок» были арестованы 22 человека, среди которых находились и активные деятели ОУН и УНДО. Была также раскрыта польская антисоветская организация под названием «Секция гражданской готовности» (СПО – Sekcja Pogotowia Obywatelskiego) во Львовском университете, в состав которой входили профессора и студенты².

В январе 1940 г. на границе, во время возвращения в Париж, был арестован майор запаса Тадеуш Стровский («Тужима»). После допроса майора сотрудники НКВД выяснили, что тот является эмиссаром Главного коменданта польской общегосударственной подпольной организации Союза вооруженной борьбы генерала Казимежа. Соснковского («Годзембы»). По словам майора Т. Стровского, на советскую территорию он прибыл во второй половине декабря с тем, чтобы встретиться с руководителями местного подполья (с генералами М. Янушайтисом или М. Борутоу-Спеховичем, возможно, с генералом Владиславом Андерсом) и передать им правительственную инструкцию от 4 декабря 1939 г. о создании СВБ на землях, отошедших к СССР³.

В мае 1940 г. майор был перевезен в Москву, а в июне 1941 г. приговорен Военным трибуналом к расстрелу. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. Т. Стровский был амнистирован. Учитывая то, что эмиссар Главного коменданта СВБ майор Стровский оказался среди тех, кто первым попал в НКВД, есть все

¹ГДА СБ України. Ф. 16. Оп. 32. Д. 33. Лл. 16–17. 3 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило: «Утвердить предложение НКВД относительно ареста всех зарегистрированных кадровых офицеров бывшей польской армии».

²Там же. Лл. 159–163.

³Anders W. Bez ostatniego rozdziału. Wspomnienia z lat 1939–1946. Lublin, 1992. S. 41–49.

основания утверждать, что именно от него Киев и Москва впервые узнали о существовании на западноукраинских землях организованного подполья, которым руководило польское эмигрантское правительство в Париже¹.

В январе 1940 г. в районе Чортковской приграничной заставы во время нелегального перехода румыно-советской границы были задержаны еще два польских офицера-курьера из Парижа — капитан Юзеф Жимерский («Пётр») и подпоручик Станислав Жимерский («Павел»). «Павел» был отправлен с вышеупомянутой правительственной инструкцией в Варшаву, а «Пётр» — во Львов. Во время допроса офицеров сотрудники НКВД узнали о шифре, которым должны были вестись и велись все радиопередачи между польским эмигрантским правительством и подпольем Варшавы и Львова².

Насколько известно, польские подпольщики пользовались этим шифром до мая 1940 г., т.е. до тех пор, пока на конференции в Белграде, состоявшейся при участии представителей польского эмигрантского правительства, комендантов баз связи с оккупированной страной в Будапеште и Бухаресте, а также членов подполья из Варшавы и Львова, не выяснилось, что этот шифр уже не является тайной для советских спецслужб³.

Тем временем условия подпольной деятельности в Восточной Галиции и на Волыни значительно ухудшились. Вследствие первых двух массовых депортаций населения в феврале и апреле 1940 г. из западных областей Украины была значительно подорвана материальная база подполья. Из этих территорий вывезли почти все семьи военных и гражданских осадников, лесничих, крупных землевладельцев, работников полиции и т.д.

К тому же ситуация в польском подполье осложнялась тем, что с самого начала своего существования на советской территории СБВ был расколот на две организации. Организацией СБВ-1 во главе с полковником Владиславом Жебровским («Жуком») руководили из Парижа, тогда как организацией СБВ-2 во главе с подполковником Яном Соколовским («Тшаскою»), а позднее, во главе с майором Зигмунтом Добровольским

¹Польша та Україна у тридцятих-сорокових роках ХХ ст. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т. 1: Польське підпілля 1939–1941. Львів – Коломия – Стрий – Золочів. Варшава-Київ, 1998. С. 84, 804–816; Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 2. Варшава–Москва, 2001. С. 890–921.

²Там же. С. 828–853; Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. Т. 1: wrzesień 1939 – czerwiec 1941. Londyn, 1970. S. 72, 234–235.

³Materiały i Dokumenty Archiwum Wojskowego Instytutu Historycznego (MID WIH) w Rembertowie. Zespół akt Armii Krajowej. Program i przebieg chronologiczny konferencji Belgradzkiej w maju 1940 r. Sygn. III/21/16. Cz. IV (a). K. 39.

(«Феликсом», «Зигмунтом») – из Варшавы, что, безусловно, приводило к несогласованности действий польских конспираторов. Известно, что полковник Жебровский пытался договориться с представителями СВБ-2 и ради этого предлагал подполковнику Соколовскому должность начальника штаба в объединенной организации, однако соглашение не было достигнуто, и обе организации продолжали действовать отдельно друг от друга.

Причины такого непонимания и противостояния двух организаций следует искать, прежде всего, в политических пристрастиях их руководителей. Если группа Соколовского-Добровольского тяготела к варшавскому отделению СВБ, объединявшему преимущественно пилсудчиков, то группа Жебровского – к эмигрантскому руководству СВБ, которое воспринималось в качестве борца с влиянием довоенных «санационных» политиков. Немалое значение имели также и личные амбиции руководителей обеих организаций¹.

В марте-апреле 1940 г. органы НКВД провели массовые аресты среди членов обеих польских подпольных организаций, в том числе в их руководящем составе. Так, в частности, были арестованы руководитель периферийных организаций на территории Станиславской, Дрогобычской, Тернопольской и Ровенской областей Марценяк П. («Эмиль»), ближайшие сотрудники командира СВБ полковника В. Жебровского, бывшие офицеры польской армии Котарский В. («Друг») и Дзекановский К. («Корвин»), дочь Жебровского Юркевич В. и другие. Чекисты обнаружили материальную базу организации, представляющую собой ценности, ранее принадлежавшие Познаньскому ломбарду и хранившиеся в доминиканском костеле во Львове. Были изъяты более 1200 золотых часов, золотые кольца, портсигары, браслеты, броши. У арестованного за финансирование организации профессора Ренского Р. сотрудники НКВД изъяли 789 золотых французских, австрийских, российских, американских и английских монет разного достоинства².

В отчете на имя Серова от 25 апреля 1940 г., составленном начальником опергруппы НКВД СССР, старшим лейтенантом госбезопасности Луферовым, сообщалось об успехах чекистов в выявлении подполья СВБ на территории Дрогобычской области. Только по Бориславскому району были арестованы 29 активных участников польской конспирации. Среди

¹ Польське підпілля 1939–1941. Т. 1. С. 708, 816; *Węgiński J.* Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. S. 35.

² ГДА СБ України. Ф. 16. Оп. 32. Д. 33. Лл. 20–24.

них – руководитель организации в городах Борислав, Дрогобыч, Самбор, Добромилль, Хиров и Перемышль Чеховский Е. и его заместитель Бурчик Е., организатор переправы в Венгрию, завхоз поликлиники г. Борислава Богач Р., курьер бориславского отделения СВБ Возняк О., разработчики плана диверсионных актов на нефтепромыслах г. Борислава Рачковский С. и Шопа А. и некоторые другие. Во время допроса Бурчик Е. признался в том, что привез из Варшавы в Залешики золото и другие ценные бумаги Варшавского казначейства.

17 активных участников СВБ были арестованы в Добромилльском районе. Среди них – руководитель местной организации Бестер В. («Ковадло»), имевший налаженные связи с подпольем в Перемышле, Бориславе и Львове, военный руководитель Стец К. («Сарно»), руководители так называемых «пятерок» Бар Б. («Барский»), Копец А. («Свирк») и Поепский Б. («Сарко»). В Самборе сотрудники НКВД арестовали руководителя местного отделения СЗБ, главного врача железнодорожной поликлиники Альтера Л. Развернутые признания дал арестованный в Станиславе связной, бывший подхорунжий польской армии Валянта Я. Во время ареста руководителей Добромилльской организации чекисты обнаружили схему размещения частей Красной армии, советских и партийных организаций, планы захвата наиболее важных объектов г. Добромиля, а также 20 винтовок и ручной пулемет¹.

В докладной записке заместителя начальника следственной части ГУГБ НКВД СССР капитана госбезопасности Родоса, отосланной 29 апреля 1940 г. И. Серову, уведомлялось об арестах значительного числа лиц по линии Организации украинских националистов. В частности, были арестованы члены ее заграничного центра – Гринев Владимир («Кремень-Креминский»), Горбовий Ярослав («Славко», «Буй»), Федечко Федор («Ярема»), которые прибыли из Кракова во Львов якобы для подготовки вооруженного восстания против советской власти, руководители Львовской краевой экзекутивы ОУН Грицак Осип («Галайда»), Вирчин Степан («Вирко»), Габа Павел («Юрко»), главный курьер Львовской экзекутивы Левицкая Галина («Куна»), хозяйка главной конспиративной квартиры в доме № 10 по улице Пильникарской Шавлюк Мирослава и некоторые другие. Задержанные имели при себе автоматическое оружие, порошок быстро действующего яда, карты многих городов СССР. У Горбового было изъято зашифрованное им послание в Краков о состоянии ОУН во Львове и провалах среди членов организации.

¹ Там же. Ф. 16. Оп. 33. Д. 44. Лл. 39–42.

Во время допросов работники НКВД выяснили, что члены ОУН, прибывшие из Кракова, наряду с поручениями центра, получили задание и от агентов немецкой разведки провести разведывательные работы на территории СССР. На основании показаний арестованных чекисты узнали о составе и планах заграничного центра ОУН, в частности, о заместителе руководителя центра Сушко Романе, а также об активных его сотрудниках – Яром Рихарде, Гайвасе Ярославле, Тимчии Владимире и некоторых других, которые, по мнению задержанных членов ОУН, были резидентами немецкой разведки.

Руководству НКВД стало известно о существовании созданной немцами специальной разведшколы в Закопане, в которой проходили обучение завербованные Абвером оуновцы для заброски их на территорию СССР. Показания членов ОУН позволили сотрудникам советских спецслужб выявить несколько конспиративных квартир во Львове и других городах Западной Украины, а также склады оружия организации. Один из таких складов находился, в частности, в каменных карьерах вблизи села Олейки, где хранилось 10 пулеметов (четыре станковых и шесть ручных), 42 винтовки, 34 пистолета¹.

В марте-апреле 1940 г. оперативно-чекистские группы НКВД СССР, командированные для оказания практической помощи Управлению НКВД по Волинской области, провели многочисленные аресты среди деятелей антисоветского подполья в Луцке, Ровно, Дубно и некоторых других городах Волыни. Вследствие проведенных операций был закрыт ряд агентурных дел, в том числе:

1. «Перспектива». По этому делу «разрабатывалась» польская молодежная подпольная организация «Легион независимой Польши». Вследствие удачно проведенных сотрудниками УНКВД агентурно-оперативных мероприятий молодежная организация была ликвидирована. Чекисты арестовали также члена руководящей пятерки Ровненского отделения СВБ Язвинского Я., а позднее, прибывшего в Ровно курьера из Львова Жалнерчика. Вследствие проведенного следствия по этому делу была выявлена и ликвидирована организация СВБ в г. Ровно, а также арестован весь ее руководящий состав. В общей сложности в Ровно были арестованы 63 участника СВБ, из которых 44 признали свою принадлежность к организации. Большинство арестованных составляли офицеры резерва бывшей польской армии и бывшие чиновники польских государственных учреждений.

¹ Там же. Л.л. 15–19.

2. «Повстанцы». По этому делу «разрабатывалась» польская подпольная группа, занимавшаяся распространением антисоветских листовок, изданных польским эмигрантским правительством на территории Франции.

3. «Опиум». По этому делу «разрабатывался» ксендз Зентара С. и его окружение, в частности, брат и сестра генерала Янушайтиса М., проживавшие по фиктивным документам и под чужими именами.

4. «Стрельцы из Долины». По этому делу «разрабатывалась» группа бывших стрелцов – участников повстанческой организации на каменных карьерах в Костопольском районе.

5. «Лабиринт». По этому делу «разрабатывалась» крупная польская повстанческая организация – филиал СВБ в г. Дубно. Руководство этой организацией поддерживало связи со Львовом. Среди 40 арестованных членов местного подполья 21 признался в принадлежности к организации. Дубненское отделение СВБ в основном складывалось из бывших офицеров польской армии и молодежи. Следствие, проведенное по делу «Лабиринт», выявило вторую линию польского подполья, командование которого находилось в Варшаве. С целью руководства всей повстанческой деятельностью на Волыни по этой линии из Варшавы прибыл полковник Тадеуш Шмигель. Сотрудники УНКВД выяснили, что этот высший офицер бывшей польской армии возглавляет СВБ на территории всей Волыни. Вместе с ним прибыли два специалиста – подрывники, бывшие офицеры саперных частей польской армии Каспшицкий и Потапов, заданием которых было проведение технической разведки и подготовка диверсий. Во время следствия по делу «Лабиринт» в Дубненском райотделе НКВД следователи опергруппы получили признания от 10 деятелей польской конспирации.

6. «Соседи». По этому делу «разрабатывалась» оуновская конспиративная группа в окрестностях Острога, поддерживавшая тесный контакт с ОУН во Львове¹.

Массовые аресты весной 1940 г. убедили руководителя организации СВБ-1 полковника В. Жебровского в том, что в дальнейшем его пребывание во Львове небезопасно. В середине апреля он перешел границу с целью достичь бухарестской базы связи, а позднее – Франции. До недавнего времени существовало несколько версий дальнейшей судьбы полковника, в частности, относительно его гибели. Только в 1998 г. польская писательница Эльжбета Котарская, которой одной из первых среди

¹ Там же. Докладная записка начальника опергруппы НКВД СССР ст. лейт. госбезопасности Журавлёва от 26.IV.1940 г. наркому НКВД УССР т. Серову. Лл. 30–35.

иностранных исследователей разрешили ознакомиться с документами Государственного архива Службы безопасности Украины, обнаружила во Львове подтверждение тому, что командир СВБ-1 во время перехода румынской границы был застрелен советскими пограничниками¹.

В качестве своего заместителя полковник В. Жебровский оставил подполковника Владислава Котарского («Друха»), который до этого времени исполнял в организации обязанности коменданта так называемого округа «Львов-восток». Однако 19 апреля 1940 г. был арестован и подполковник В. Котарский. Организацию СВБ-1 фактически возглавил другой заместитель В. Жебровского, комендант округа «Львов-запад» майор кавалерии запаса Эмиль Мацелинский («Рей», «Корнель»)².

Так случилось, что вскоре в руки этого деятеля перешло руководство всем польским подпольем в Западной Украине (в так называемом Регионе № 3 СВБ), и он сыграл решающую, а одновременно и трагическую роль в судьбе польской конспирации второй половины 1940 — первой половины 1941 гг.

Новый командир СВБ был по воинскому званию старшим офицером в организации (из тех, кто еще не был арестован), и ему было около 50 лет. Его военная карьера началась еще в годы Первой мировой войны, в которой поручик Мацелинский принимал участие в качестве офицера австрийской армии. Потом была польско-советская война 1920 г., которую он окончил с серебряным крестом военного ордена *Virtuti Militari* пятого класса за удачную конную атаку под Радзивиловым на Волыни. После войны Мацелинский служил в кавалерии, побывал на разных должностях и в разных местностях. В 1924 г. он получил воинское звание майора. В 1932 г. перешел в запас. До нападения Германии на Польшу Мацелинский находился на гражданской службе. В сентябре 1939 г. он вместе со своей семьей оказался во Львове. После захвата Красной армией этого города Мацелинский работал личным водителем у какого-то советского профессора геологии и одновременно включился в конспиративную деятельность в организации генерала М. Янушайтиса³.

Весной 1940 г. майор Э. Мацелинский дважды был арестован органами НКВД. Причем последний раз его задерживали в конце апреля или

¹ *Kotarska E. Proces czternastu. Warszawa, 1998. S. 165.*

² Поскольку Львов был крупным городом, население которого превышало 100 тысяч человек, то на территории Львовской области поляки стремились создать три подпольных военных округа: «Львов-восток», «Львов-запад» и «Львов-провинция». См.: *Węgierski J. Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. S. 87.*

³ *Ibidem. S. 88–89.*

в начале мая 1940 г., когда он уже возглавлял СВБ-1. Однако во всех случаях Мацелинского через несколько дней выпускали. До недавнего времени можно было предположить, что причиной освобождения майора была неосведомленность сотрудников НКВД в отношении его подпольной деятельности. Хотя с самого начала выдвижения польскими исследователями этой версии¹ ее опровергал тот факт, что никто из арестованных органами НКВД поляков, заподозренных в причастности к конспиративной деятельности (а советская служба безопасности в каждом поляке видела конспиратора), не был освобожден. В любом случае, сотрудники НКВД пытались склонить арестованных к сотрудничеству (не каждого, но многих, а тех, кто не давал согласия, отправляли в тюрьму либо брали под особый надзор «органов»)².

В связи с этим необходимо упомянуть о попытках НКВД завербовать командующего первой общепольской подпольной организации, созданной еще во время обороны поляками Варшавы от немцев, – Служба победы Польши (СПП – *Służba Zwycięstwu Polski*) – генерала Михала Токажевского – Карашевича («Столярский», «Торвид», «Доктор»). Генерал был арестован уже после назначения его комендантом подполья на советской территории во время перехода границы на р. Сян в ночь с 6 на 7 марта 1940 г. Сотрудники НКВД сразу не поняли, кто попал к ним в руки. Только в первой половине 1941 г. генерал был опознан, перевезен в Москву, где ему было предложено вернуться в Варшаву, возглавить тамошнее польское антинемецкое подполье и действовать в интересах СССР, но тот отказался³.

Известие о том, что майор Мацелинский в соответствии с распоряжением полковника В. Жебровского возглавил СВБ-1, получили в польских эмигрантских правительственных кругах в конце апреля – начале мая 1940 г. Оттуда уже 5 мая генерал К. Соснковский направил во Львов инструкцию, в которой речь шла о назначении Мацелинского исполняющим обязанности коменданта Региона № 3 с одновременным его подчинением командующему Варшавским Регионом № 1 полковнику Стефану Ровецкому. В инструкции также говорилось, что обеспечение Региона № 3 всем необходимым для подпольной деятельности и поддержания связи между ним и Главным командованием (ГК) СВБ будет и далее осуществляться через посредничество баз в Бухаресте и Будапеште.

¹ *Węgierski J.* W sprawie podpułkowników Emila Macielińskiego, Stanisława Mrozka i Jana Sokółowskiego // *Wojskowy Przegląd Historyczny*. № 2. 1993. S. 230–239.

² *Biuletyn Informacyjny 1944–1987*. Chicago, 1969. 62 s.

³ *Bargielowski D.* Pierwszy // *Karta*. 1992. № 9. S. 3–30.

Инструкция Главного коменданта СВБ генерала К. Соснковского, который в это время вместе со всем польским эмигрантским правительством пребывал на территории Франции, вносила неопределенность в положение польского подполья на западноукраинских землях. С одной стороны, Львов во всех отношениях должен был подчиняться Варшаве, а с другой, — должен был поддерживать постоянную связь, через посредничество баз, с ГК СВБ во Франции.

Позитивным в инструкции было то, что в ней уделялось значительное внимание вопросу о необходимости объединения двух организаций СВБ. В дополнение к инструкции Главный комендант обращался к командующему СВБ-2 (в то время уже к майору З. Добровольскому) и приказывал ему подчиниться майору Э. Мацелинскому, а также действовать только в соответствии с директивами последнего¹.

Вопрос о назначении майора Э. Мацелинского командиром СВБ и одновременно исполнителем обязанностей коменданта Региона № 3 был окончательно решен на вышеупомянутой конференции в Белграде, которая проходила с 29 мая по 2 июня 1940 г. Целью конференции было проанализировать ситуацию, которая сложилась в оккупированной Польше, а также принять соответствующие меры, которые улучшили бы условия существования и деятельности польских подпольщиков².

Присутствовавший на конференции представитель польской конспирации из Львова подпоручик Юлиан Лепьянкевич («Юлек») уведомил, что майор Мацелинский считает себя деконспирированным, и потому просит позволить ему немедленно переправиться в Румынию. На эти слова и просьбу Мацелинского один из участников конференции, заместитель Главного коменданта СВБ генерал Густав Пашкевич («Радван»), отреагировал буквально так: «Корнель (псевдоним Мацелинского — И. И.) должен оставаться на месте. Нельзя вообще дезорганизовать работу. Создается впечатление, что у людей на этой территории не выдерживают нервы. Пусть лучше законспирируется. Чтобы облегчить ему работу уже подписан приказ о назначении Корнеля на должность коменданта Региона № 3 и повышении его в звании до подполковника...»³.

После обмена мнениями делегаты конференции сделали вывод о целесообразности назначения подполковника Э. Мацелинского

¹ Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. I. S. 234–239.

² Zamojski J. Konferencja belgradzka w 1940 r. // Najnowsze Dzieje Polski 1939–1945. 1960. T. X. S. 191–238.

³ MiD WIH. Program i przebieg chronologiczny konferencji Belgradzkiej w maju 1940 r. Sygn. III/21/16. Cz. IV (a). K. 75–77.

на должность командующего и подчинении ему всех антисоветских подпольных организаций на западноукраинских землях, в частности, СВБ-2.

Мы уделили столько внимания этому вопросу лишь потому, что это назначение, как уже было сказано, самым негативным образом отразилось на дальнейшей конспиративной деятельности поляков в Восточной Галиции и на Волини; а тот факт, что сотрудники НКВД через завербованного ими Мацелинского также стремились повлиять на ситуацию в украинском подполье, вообще делает этот вопрос одним из ключевых в понимании методов работы советских спецслужб с арестованными конспираторами. Опубликованный в 2004 г. 3-й том совместного украино-польского серийного издания документов из архивов спецслужб целиком свидетельствует о том, что Мацелинский был завербован во Львове сотрудниками НКВД¹. Как теперь выяснилось, Москва имела собственную агентуру в Лондоне, которая была внедрена в близкое окружение генералов Сикорского и Соснковского².

В конце июня – начале июля 1940 г. органы советской власти подготовили и провели третью депортацию местного населения из Западной Украины, которая сопровождалась очередными арестами. Во время новой волны арестов, 22 июня, по не до конца выясненным обстоятельствам был арестован очередной польский эmissар, уполномоченный Главным комендантом СВБ генералом К. Соснковским выполнить особые поручения, подполковник Станислав Пстроконский («Стефан Лозинський»). Последний был направлен из Франции во Львов еще в марте 1940 г. Когда подполковник очутился в НКВД, то понял, что там о нем и о цели его командировки в Западную Украину знали практически все. Такая информированность советских спецслужб о деятельности парижского эmissара лишний раз бросала тень на ближайшее окружение Главного

¹ Польське підпілля 1939–1941. Т. 3. С. 366.

² По мнению польского исследователя Е. Венгерского, подозрение в сотрудничестве с Кремлем падает на заместителя Главного коменданта СВБ генерала Г. Пашкевича, который после своего возвращения в июле 1945 г. в Польшу принимал активное участие в поддержке нового режима и разгроме «реакционного аковского подполья» в Белостокском воеводстве. См.: *Węgierski J. Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. S. 137*. Если существующее подозрение со временем подтвердится, то станет понятным, почему генерал на белградской конференции настаивал на том, чтобы оставить Э. Мацелинского на должности командующего польским подпольем в Западной Украине.

коменданта СВБ во Франции, которое, без сомнения, знало о миссии Пстроконского¹.

В НКВД Пстроконскому предложили сотрудничество, на которое он сразу же согласился. Причиной своего ареста он считал предательство Мацелинского, о котором у него после встреч во Львове с деятелями обеих организаций СВБ сложилось негативное мнение. Уже после своего освобождения, в рапорте от 14 августа 1941 г., Пстроконский так объяснил свое поведение во время допросов в НКВД: «... Когда мне предложили освобождение в обмен на согласие возглавить подпольную организацию и действовать в их интересах, то после раздумий в течение ночи я решил согласиться (подполковник Пстроконский был убежден в том, что в НКВД о СВБ все было известно и без его признаний – *И. И.*)... Повезли меня в Москву, где в течение двух часов я разговаривал с министром Берией, убеждая его в том, что в связи с опасностью войны с Германией, которая угрожает Советам после капитуляции Франции, их политика в отношении поляков является ошибочной... Все свои усилия направил на то, чтобы повлиять на Советов в направлении смягчения их отношения к арестованным»².

В рапорте от 13 февраля 1942 г., составленном в период службы в Польской армии в СССР, подполковник Пстроконский объяснил свое согласие на сотрудничество с НКВД уже тем, что «... он решил освободиться любой ценой только для того, чтобы сообщить всем о предательстве в организации»³.

Однако, из его собственных показаний, поданных в НКВД, и опубликованных сотрудниками Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации в 2001 г., стали известны подлинные мотивы принятого Пстроконским решения о необходимости сотрудничества с советскими спецслужбами. Пр процитируем фрагмент из этих показаний: «Поражение Франции избавило нас от всяких надежд на восстановление польского государства... убежден, что будет советско-немецкая война и в этой войне мы обязаны быть на стороне Советов... считаю, что могу и обязан встать на сторону Советов... мой арест и форма влияния на меня (тайное сотрудничество с НКВД) очень болезненно воспринято мною, но я признаю необходимость этого и обязан довести свой компромисс

¹ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 2. С. 1314–1345.

² Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 2: czerwiec 1941 – kwiecień 1943. Londyn, 1973. S. 79–80.

³ MiD WIH. Kопerty. Коп. № 17.

до этих границ... условия, в которых оказалась Польша, требуют чрезвычайных шагов и я знаю, что в перспективе не сделаю ошибки, встав на сторону Советов...»¹.

Подполковник Пстроконский утверждал, что его наибольшим желанием является участие в рядах польских подразделений на советской стороне в борьбе с немцами, и ради этого он был готов поставить под советский контроль все подпольные организации, действовавшие в Западной Украине, а также завязать контакт с варшавской организацией с целью получения от нее информационных материалов касательно немецкого военного потенциала на оккупированной территории и во всем Рейхе².

После двухнедельного пребывания в Москве в первой половине июля Пстроконского вернули во Львов. Официальной версией его освобождения был побег с депортационного поезда. По требованию сотрудников НКВД подполковник после освобождения трижды встречался с Мацелинским, с его адъютантом поручиком Станиславом Немчицким («Козловским») и с другими деятелями польской конспирации.

Из вышеупомянутых рапортов подполковника известно, что он будто бы поручил некоторым из этих лиц, кому особенно доверял, предупредить организацию о предательстве Мацелинского и распространить информацию о том, чтобы никто из подпольщиков не контактировал с ним самим. Поручику Немчицкому будто бы было поручено передать эту информацию за границу генералу Соснковскому³.

Приблизительно через десять дней после освобождения Пстроконского его арестовали во второй раз. Второй и последний арест подполковника был вызван тем, что в НКВД решили вывести его из игры. Принимая во внимание общую бездеятельность в этот период всех польских антисоветских организаций в Западной Украине, можно предположить, что уже до лета 1940 г. все они находились под контролем советских спецслужб, и потому о двойной роли, которую, возможно, пытался сыграть их агент, в НКВД не догадываться не могли. Пстроконский, в отличие от Мацелинского, Москве был уже не нужен. Судьба остальных более-менее известных деятелей польского подполья в Западной Украине в НКВД еще не была решена.

¹Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 2. С. 1340–1342.

²Там же.

³Archiwum Akt Nowych (AAN). Oddział VI w Warszawie. Zespół akt Armii Krajowej. Komenda Główna. Wojskowy sąd specjalny. Akta sprawy płk. Pstrokońskiego i mjr. Macielińskiego za wrzesień 1941 r. Sygn. 203/IX/2. K. 1–30

До августа 1941 г. парижский эmissар находился в московской тюрьме на Лубянке, а после освобождения оказался в армии генерала В. Андерса и служил там интендантом. В сентябре 1941 г. в Варшаве при ГК СБВ состоялся тайный суд над бывшим посланцем из Франции. В обвинительном акте прокурора капитана Л. Милевского (Бачинского) значилось: «... обвиняемый подполковник Пстроконский 22 июня 1940 г. был арестован во Львове и во время допросов передал НКВД информацию о существовании организации ПЗП (Polski Związek Powstańczy – Польский повстанческий союз. – И. И.) и её руководящих территориальных властях, назвал также фамилии (псевдонимы) членов организации – Добровольского, Яся (Соколовского), Влады Пеховской... В обмен на предложенное освобождение он согласился сотрудничать с НКВД и обязался регулярно поставлять информацию о ПЗП...»¹.

Однако Главнокомандующий СБВ генерал С. Ровецкий приговор варшавского суда не утвердил, мотивируя это тем, что подполковник был эmissаром «Центра», и что основной материал на него находится там².

Информация о суде над подполковником Пстроконским и о решении передать это дело на рассмотрение «Центра» была отослана радиогаммой в Лондон. В документации бывшего уполномоченного Главного коменданта СБВ, подготовленной для Главнокомандующего Польскими вооруженными силами, генерал В. Сикорский 15 января 1942 г. сделал такую пометку: «Уведомить генерала Андерса о судебном приговоре и об отложении рассмотрения этого дела на послевоенное время. Потребовать использовать Пстроконского только на второразрядных должностях, на которых он мог бы искупить свои ошибки хотя бы частично»³.

¹Ibidem. К. 3.

²30 июня 1940 г., в связи с капитуляцией Франции и необходимостью перемещения польских эмигрантских властей на Британские острова, Главное командование Союза вооруженной борьбы (ГК СБВ), которое до этого времени возглавлял генерал К. Соснковский, было перенесено в оккупированную Польшу. Штабквартирой ГК СБВ стала Варшава, а Главным комендантом – повышенный в звании до генерала С. Ровецкий. Организационно-территориальная структура СБВ и в дальнейшем была разделена на 6 регионов (обшары), которые в свою очередь подразделялись на округа, районы (обводы) и отделения (пляцувки). В Краковском, Люблинском, Львовском, Тернопольском, Станиславском и Волынском округах наряду с польским проживало и многочисленное украинское население. Последние четыре округа, как и ранее, продолжали составлять так называемый Регион № 3.

³MiD WiH. Koperity. Kop. № 17.

Нового рассмотрения этого дела при своей жизни подполковник уже не дождался. Через семь лет после его смерти, в 1959 г., Товарищеский суд Объединения солдат Армии Крайовой в Лондоне реабилитировал Станислава Пстроконского, а еще через два года, в 1961 г., министр национальной обороны Польши в эмиграции генерал М. Токажевский-Карашевич утвердил это решение¹.

Тем временем вопрос о возможности сотрудничества подполковника Мацелинского с органами НКВД еще раз был поставлен на очередной конференции членов польского подполья, состоявшейся 27 августа 1940 г. в Черновцах. Местом проведения г. Черновцы были выбраны не случайно. По мнению ее участников, советские спецслужбы там еще не располагали разветвленной сетью информаторов².

Верили ли деятели польской конспирации в возможность предательства со стороны подполковника Мацелинского? Конечно, в тех сложных условиях, в которых приходилось действовать подпольщикам в Западной Украине, слухи о сотрудничестве с советской властью того или иного члена организации были довольно распространенным явлением, и Мацелинский был не единственным, кого в этом подозревали. Ближайшее окружение полковника могло его обвинить только в бездеятельности, но прямых доказательств сотрудничества «Корнеля» с НКВД у его подчиненных не было. Поэтому представители бухарестской базы связи, прибывшие в Черновцы, в частности, поручик Роман Татарский («Люда»), высказали на конференции свое доверие Мацелинскому³.

Среди важных проблем, которые обсуждались на конференции, были также вопросы, связанные с организацией военной разведки на территории СССР, которая, следует полагать, в тот период поляками вообще не проводилась. Несмотря на последние указания генерала Соснковского о необходимости сосредоточить главные усилия на разведдеятельности, она была организована плохо. Мацелинский через своего представителя на конференции, поручика Немчицкого, сетовал, во-первых, на то, что для профессионального ведения военной разведки ему не хватало ни средств, ни специально подготовленных специалистов. Во-вторых, по его мнению, активизация разведдеятельности могла привести к деконспирации

¹ *Węsierski J.* Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. S. 148–149.

² Centralne Archiwum Wojskowe (CAW) w Rembertowie. Zespół akt oddziału VI Sztabu Głównego Naczelnego Wodza. Sprawozdanie i raporty organizacji podziemnej w województwie Lwowskim z 1940 r. Sygn. 407. K. 274.

³ *Ibidem.*

организации органами советской контрразведки (несомненно, подполковник знал, что говорил).

Участники конференции, дабы избежать деконспирации, предложили командованию польского подполья в Западной Украине отделить разведотдел от остальной организации и поддерживать с ним контакт исключительно через штаб СВБ. К тому же Мацелинскому были переданы дополнительные инструкции от генералов Сикорского и Сосновского, касающиеся организации разведки на советской территории. Они требовали, чтобы Регион № 3 подавал еженедельно разведдонесения посредством радиосвязи и ежемесячно — через курьеров¹.

Как уже говорилось, весной-летом 1940 г. советские органы безопасности провели на западноукраинских землях очередные аресты. Они охватили около 2 тысяч деятелей украинского и польского подполья и фактически положили конец организованной антисоветской деятельности (особенно пострадало украинское и польское подполье на Волыни)².

Под маховик репрессий попали все неблагонадежные и нелояльные к советской власти политические организации и группы, в том числе опальная Компартия Западной Украины (КПЗУ). Спецслужбам СССР не удалось окончательно разгромить лишь ОУН.

Одновременно с арестами среди членов подпольных организаций руководство НКВД продолжало попытки склонить к сотрудничеству новых участников украинской и польской конспирации. Агентами советской службы безопасности стали, в частности, члены СВБ Эдвард Голя («Анджей», «Антоний Рудый», «Кулас»), капитан Эдвард Метзгер («Хаслинг», «Кетлинг»)³, варшавский курьер СВБ Владимир Кордецкий («Марцинюк», «Бродач»)⁴, бывший исполняющий обязанности коменданта Волынского округа организации Служба победы Польши Болеслав Зимон («Болек», «Валда Волинський») и некоторые другие⁵.

На последнем из упомянутых агентов НКВД следует остановиться отдельно. Дело в том, что в октябре 1940 г. ГК СВБ подготовила к засылке

¹Ibidem. К. 267–283.

²Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 1. S. 347.

³Подробнее см.: AAN. Zespół akt Armii Krajowej. Komenda Główna. Wojskowy sąd specjalny. Akta sprawy Azurewicza A. i Metzgera E. za listopad 1941 r. Sygn. 203/IX/2. К. 60–65.

⁴Ibidem. Wojskowy sąd specjalny. Akta sprawy Kordeckiego W. za listopad-grudzień 1940 r. К. 8–20.

⁵Ibidem. Wojskowy sąd specjalny. Akta sprawy B. Zymona za październik 1941 r. К. 31–43.

в Регион № 3 очередную группу во главе со специальным эмиссаром полковником Леопольдом Окулицким («Яном», «Мрувкою»), которая должна была попробовать активизировать деятельность польского подполья в Западной Украине. Помимо Л. Окулицкого, в состав группы входили еще два офицера, связной и проводник. На роль проводника был назначен подпоручик Б. Зимон, который в сентябре 1940 г. прибыл в Варшаву из Волини. Именно он привез известие о массовых арестах, постигших польское волинское подполье.

Главное командование СВБ отчего-то не удивило то, что сам подпоручик, руководитель штаба волинской организации, избежал ареста. Напротив, варшавские руководители отнеслись к Зимону достаточно благосклонно. Они решили, что этот человек, уже имевший опыт в пересекании границы, а также в конспиративной работе на советской территории, будет лучшим помощником полковнику Окулицкому. Только позднее стало известно, что подпоручик Зимон был агентом НКВД, виновником ареста коменданта волинского СВБ полковника Т. Маевского и многих других членов местного польского подполья¹.

Задание нового варшавского эмиссара состояло, как и ранее, в том, чтобы разобраться в ситуации, сложившейся в подполье на советской территории. После ознакомления с последней «почтой» оттуда представители ГК СВБ пришли к мысли, что в составе организации находятся агенты НКВД, которые своими действиями парализуют работу всего подполья на этих землях. Если бы подозрения подтвердились, новый эмиссар должен был отстранить подполковника Мацелинского от командования, возглавить и реорганизовать Регион № 3. Такими полномочиями полковник Окулицкий обладал, поскольку от генерала Ровецкого получил назначение на должность командующего подполья во всей советской зоне, где располагались два так называемых «обшара» Союза вооруженной борьбы — Регион № 3 с центром во Львове и Регион № 2 с центром в Белостоке².

В конце октября 1940 г. группа Окулицкого выехала из Варшавы. Границу удалось перейти только самому полковнику, его связной Б. Вислоуховой («Бирути») и подпоручику Зимону. 2 ноября первые двое прибыли во Львов, а Зимон вернулся на Волинь.

Варшавский эмиссар Окулицкий не пошел на контакт с подполковником Мацелинским, подозревая его в предательстве и опасаясь в связи с этим

¹Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 2. С. 1130–1154.

²Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 2. S. 62.

быстрого собственного ареста. Подобно своему предшественнику Пстронскому, он решил, что для дела будет лучше, если во Львове появится новая организация СВБ. О своих действиях по созданию такой организации он позднее писал: «... на протяжении ноября, декабря (1940 г. – *И. И.*) и половины января (1941 г. – *И. И.*) была сформирована новая Комендатура Региона № 3 и развернута работа по созданию окружных комендатур...»¹

Однако трудно поверить в то, что действия полковника Окулицкого во Львове могли принципиально изменить что-либо в подпольной деятельности поляков на западноукраинских землях. С другой стороны, об эффективности его действий в этот короткий период может свидетельствовать ситуационный рапорт, который в зашифрованном виде связная Вислоухова должна была переправить в Варшаву Главному коменданту СВБ генералу С. Ровецкому. Однако в январе 1941 г., из-за предательства Б. Зимона, ее арестовали во Львове, а рапорт изъяли. Через несколько дней, в ночь с 21 на 22 января 1941 г., сотрудники НКВД арестовали и самого полковника².

В изъятom НКВД рапорте полковника Окулицкого содержалось множество секретных данных, касающихся военной, экономической, хозяйственной, политической ситуации как в советских приграничных районах, так и в СССР в целом, в том числе информация о дислокации и боеготовности частей Красной армии, ходе подготовительных работ к приближающейся войне с Германией, настроениях населения в Западной Украине и Западной Белоруссии накануне решающих событий.

Подводя итог своим наблюдениям за подготовкой СССР к войне, полковник Окулицкий, в частности, утверждал, что она, однако, не является свидетельством «... концентрации войск с наступательной целью», что «... вперед выдвинуты лишь передовые части». По мнению полковника, «... Советский Союз боится войны с немцами. Красная армия может пойти на запад только через труп Германии. В случае нападения Германии на Россию следует ждать, что советские войска, численность которых невелика, не выдержат и отступят на восток»³.

Следует подчеркнуть, что в этот период деятельность польского вооруженного подполья в западных областях Украины находилась фактически под контролем НКВД. Сам Окулицкий в только что упомянутом

¹Ibidem. S. 65.

²Mazur G., Węsierski J. Op. cit. S. 140–141

³Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 1. Перевод изъятom НКВД во Львове ситуационного доклада Л. Окулицкого С. Ровецкому. С. 462–478.

донесении в Варшаву признавал, что «... работа польских подпольных организаций ничего не стоит, поскольку она достаточно известна советской контрразведке. Условия конспиративной работы очень тяжелы. В целом можно сказать, что действия гестапо в сравнении с действиями НКВД – просто детская игра»¹.

Любопытные сведения содержатся в рапорте польского полковника в Варшаву, изъятом чекистами, о положении украинцев в Западной Украине. Он писал: «Украинцы наиболее сильно сплочены и организованы. Руководители обеих течений УНДО бежали. Группа Хомишина (станиславский греко-католический епископ – *И. И.*) не обладает влиянием. На сцене остались ОУН и Ярый (деятель ОУН и активный сторонник ее сотрудничества с Германией – *И. И.*), который в нынешнее время является хозяином положения, вследствие чего значительно уменьшаются наши шансы на возможность договориться с ними»².

В другом месте рапорта командующий польским подпольем на советской территории утверждал следующее: «Москва лавирует, наибольшую опасность для нее представляют украинцы, против которых в последнее время развернуты массовые репрессии. Поляков стремятся склонить к сотрудничеству и подстрекают со стороны Киева на выступления против украинизации... Между тем ОУН является единственной и очень мощной антисоветской силой. Среди украинцев существует мнение, что им удастся в ближайшее время, при помощи Гитлера, освободиться от советской власти»³.

Уже во время своего первого допроса, который проводил глава НКВД Украины генерал И. Серов, полковник Окулицкий выяснил для себя, что о нем сотрудники этого учреждения знают все. Как и в случае с Пестроконским, Окулицкому предложили продолжать руководить СВБ под контролем НКВД. Полковник согласился передать всю информацию, что знал о Германии, и обещал способствовать активизации антинемецкой деятельности польского подполья. Но после того, как были расшифрованы его депеши в Варшаву, в которых речь шла об антисоветских действиях, сотрудники НКВД перестали ему доверять и отказались от своих предыдущих замыслов. До августа 1941 г. полковник находился в тюрьме. После освобождения

¹ Там же. Т. 2. Протокол допроса арестованного Окулицкого Леопольда Блажевича от 18 марта 1941 г. С. 1180.

² Там же. Т. 1. С. 476.

³ Там же. С. 472.

Л. Окулицкий принимал активное участие в создании Польской армии в СССР, занимая должность начальника штаба этой армии¹.

Арест Вислоуховой и Окулицкого деятели польской конспирации во Львове с самого начала связывали с предательством Зимона. В октябре 1941 г. тайный суд при ГК СВБ в Варшаве рассмотрел личное дело подпоручика и признал его виновным в предательстве многих членов подполья. 21 октября суд вынес смертный приговор подпоручику, а генерал Ровецкий утвердил его. Однако Зимону удалось бежать и приговор не был приведен в исполнение².

Вся сохранившаяся за вторую половину 1940 г. корреспонденция, которой обменивались Лондон, Варшава и Львов, свидетельствует о том, что польское верховное командование в этот период не владело информацией ни в отношении личного состава штаба комендатуры Региона № 3 СВБ, ни в отношении численности местного подполья, ни в отношении конкретных его действий. К тому же усложнение курьерской и радиосвязи вследствие изменений, произошедших в военной и политической ситуации в Европе в течение второй половины 1940 г. — первой половины 1941 г., сделало практически невозможным какое-либо влияние с его стороны на положение польского подполья в Западной Украине.

Несмотря на это, Лондон и Варшава продолжали переводить туда большие денежные суммы, предназначавшиеся для конспиративной работы. В начале апреля 1941 г. генерал Соснковский утвердил годовой бюджет расходов для советской зоны в размере 90 тысяч долларов. Эта сумма предназначалась для работающих тут 350 «штатных» офицеров. Из этой суммы 27 тысяч долларов выделялось на организационную работу, 9 тысяч долларов — на расходы по переводу денег через границу, 6 тысяч долларов — на обеспечение конспиративными квартирами и т.д.³

Командировка группы Окулицкого во Львов было последней попыткой Главного командования в Варшаве активизировать деятельность СВБ в Регионе № 3 в период присоединения западноукраинских земель к СССР. На протяжении нескольких месяцев 1941 г., до нападения Германии на СССР, антисоветскую подпольную деятельность поляки тут вообще не проводили. Тем не менее, аресты среди причастных и не причастных

¹Mazur G., Węgieński J. Op. cit. S. 142.

²AAN. Wojskowy sąd specjalny. Akta sprawy B. Zymona za październik 1941 r. Sygn. 203/IX/2. K. 42–43. В середине 1942 г. Зимона Б. застрелила украинская полиция в селе Обурки на Волини. См.: Armia Krajowa na Wołyniu. Warszawa, 1994. S. 31.

³Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. 1. S. 504.

к СБВ продолжались. Прежде всего, они каснулись представителей политических партий и организаций.

В январе–феврале 1941 г. органы НКВД арестовали во Львове около 100 деятелей польской Национальной партии (в основном молодежь). 12–13 июня 1941 г. руководители этой группы (около 25 человек) были осуждены специальным трибуналом к разным срокам заключения, а 9 из них – к смертной казни. Москва готовила еще один судебный процесс над руководством польской Харцерской организации, и только война не позволила его провести¹.

17–19 января 1941 г. состоялся судебный процесс во Львове над 59 арестованными членами ОУН. Процесс вошел в историю под названием «процесс над Второй исполнительной (проводом) ОУН». В целом на скамье подсудимых оказались 37 мужчин и 22 женщины. Среди арестованных был будущий командир воыньских отрядов УПА и инициатор антипольской акции на Воыньи 1943 г. Дмитро Клячкывскый. Суд вынес смертный приговор 42-м обвиняемым, в частности, 11 женщинам. Спустя некоторое время 10 девушек и 11 юношей из приговоренных к смертной казни были помилованы. Суд назначил новое наказание – 10 лет заключения и 5 лет высылки².

В марте 1941 г. был арестован командующий округом «Львов-провинция» СБВ-1 Владимир Млотковский («Млот»), а в апреле (по другой версии – в июне) – командующий СБВ-2 подполковник Адам Пашковский («Задора»). Во время допросов Млотковский согласился на предложение сотрудников НКВД поставлять им необходимую информацию, касающуюся немецких дел, а также деятельности украинских организаций. Так получилось, что последний никогда не был прямо обвинен своим руководством в предательстве. После проверки польской контрразведкой Млотковский продолжал принимать участие в гражданском подполье уже в период немецкой оккупации западноукраинских земель. В мае–июне 1944 г. он самовольно оставил свое место руководителя отдела безопасности Львовской окружной Делегатуры правительства и бежал на Запад³. Что касается подполковника Пашковского, то он по решению Наркомата внутренних дел УССР и прокуратуры УССР 25 июня 1941 г. был расстрелян⁴.

¹ *Węgieński J.* Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. S. 267.

² Реабілітовані історією. У 27 т. Рівненська область. Кн. 1. Рівне, 2006. С. 405–406.

³ *МіД ВІН.* Sygn. III/49/176. К. 50.

⁴ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941. Т. 2. С. 1124.

В начале 1941 г. между Львовом и Варшавой прервалась радиосвязь. Единственной возможностью для польских подпольщиков Региона № 3 СВБ донести до Варшавы или Лондона хоть какую-нибудь информацию о себе оставалась база связи в Стамбуле. Существовавшие до недавнего времени подобные базы связи в Будапеште и Бухаресте, опиравшиеся на польские дипломатические представительства, действовавшие в Венгрии и Румынии почти до конца 1940 г., по требованию немцев были ликвидированы.

В апреле 1941 г., посредством стамбульской базы, в Лондон пришла просьба от подполковника Мацелинского прислать инструкции для мобилизованных в Красную армию польских граждан относительно того, какую позицию им следовало занимать в связи с ухудшением советско-германских отношений, а также касательно украинских организаций¹. Тогда же, в середине апреля, генерал Ровецкий принял решение лично возглавить командование на советской территории, о чем он и оповестил Львов.

Однако, после многочисленных сообщений из Стамбула о взятии под контроль советскими органами безопасности организаций СВБ в Западной Украине польское верховное командование в Лондоне отнеслось, наконец, к этому серьезно. Генерал Соснковский признал невозможным до выяснения ситуации во Львове командировать туда кого-либо из своих офицеров, а также запретил ехать туда генералу Ровецкому.

Новые данные о полной деконспирации органами НКВД организации СВБ на советской территории и, в частности, о предательстве руководителя польского подполья в Западной Украине майора Мацелинского пришли в Варшаву и Лондон из Советского Союза от освобожденных из тюрем и лагерей польских офицеров, которые оказались в армии генерала В. Андерса: подполковника Пстроконского, полковника Окулицкого, генерала Янушайтиса, адъютанта генерала Андерса поручика Е. Климовского, самого командующего Польской армией в СССР. Последний, в частности, сообщал: «... У меня есть неопровержимые доказательства того, что не только майор Мацелинский, которого знаю только с плохой стороны, но и его жена были на советской службе и способствовали уничтожению очень многих наших людей...»².

Завершая анализ деятельности антисоветского подполья на территории Западной Украины в 1939–1941 гг., отметим, что главное задание местных как украинских (ОУН), так и польских (СВБ) подпольщиков

¹ Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. I. S. 521.

² AAN. Akta sprawy płk. Pstrokońskiego i mjr. Macielińskiego za wrzesień 1941 r. Sygn. 203/IX/2. K. 29.

сводилось к накоплению сил и ожиданию возможной в ближайшем будущем войны против СССР их союзников, когда бы эти силы могли понадобиться. В украинском случае таким союзником была Германия, а в польском — Великобритания.

Спецсообщения наркома внутренних дел УССР И. Серова, а также уголовно-следственные дела членов украинской и польской конспирации, составленные органами НКВД на протяжении 1940–1941 гг., с которыми нам удалось частично познакомиться, дают основания утверждать, что у деятелей антисоветского подполья в Западной Украине были планы подготовки восстания (даже в самом Львове), многочисленных саботажно-диверсионных акций (в польском случае речь шла о диверсиях на железной дороге с целью предотвратить поступление нефти и другого сырья из СССР в Германию), организации терактов против сотрудников НКВД и милиции, наконец, проведения разведки на советских военных объектах и т.п.

Однако реальные масштабы антисоветской деятельности в Западной Украине в этот период были мизерными. Наиболее громкой попыткой вооруженного выступления, например, поляков стали их усилия по захвату военного склада с оружием в г. Чорткове на Тернопольщине 21–22 января 1940 г. Из-за слабой подготовки «восстания» и по многим другим причинам оно не имело никаких шансов на успех.

Просматривая материалы судебных заседаний, протоколы допросов и обвинительные акты участников украинской и польской конспирации, иногда удивляешься суровости наказания многих молодых людей, которые, собственно, еще не успели ничего сделать в своей жизни. Оставаясь патриотами родной земли, они в соответствии с действующим в СССР законодательством не могли, конечно, не быть признаны советскими областными судами и военными трибуналами контрреволюционерами и активными борцами против «рабоче-крестьянской» власти. Фактически, многих из них осудили не столько за конкретные антисоветские действия, сколько за их социальное происхождение и имущественное положение.

Хочется надеяться, что реализуемый в последние годы усилиями российских, украинских и польских спецслужб совместный проект публикации ранее неизвестных документов из этих ведомств, и в дальнейшем будет приоткрывать завесу над тайной трагических событий этого периода, даст возможность объективно оценить принимавших в них участие людей, будет способствовать созданию более доверительных отношений между Украиной, Польшей и Россией.

А. В. Трофимчик

**МЕРЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ
И АНТИСОВЕТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛАХ
ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР (1939–1941)¹**

Действия советской власти в отношении враждебных проявлений в сфере школьного просвещения² имели характер «кнута и пряника». Несомненно, большевики хотели, чтобы население присоединенных территорий проявляло лояльность к их политике, и, искренне веря в сталинскую программу развития социализма, не всегда могли объяснить отсутствие симпатий к их действиям. Чтобы исправить ситуацию, большевики использовали различные приемы задабривания населения, причем, не всегда эффективные. Так, например, не только на производстве, но и в сфере образования стали вводить социалистическое соревнование, рассчитывая при этом не только на энтузиазм участников, но и на их определенную материальную заинтересованность в виде премий, подарков, экскурсий, путевок на отдых и т.п. Кроме того победителей ждал почет со стороны власти (грамоты, медали, ордена) и слава в обществе (их портреты тиражировались в газетах различного уровня, висели на досках почета). Применялись и такие рычаги как продвижение по службе, быстрая карьера, преференции при распределении путевок в лагеря и поступлении в учебные заведения, которые получали активисты пионерского и комсомольского движения.

Метод «пряника» помогал далеко не всегда, и поэтому широко применялся «кнут» — та или иная форма репрессий и жесткого контроля со стороны органов власти. Более того, даже практическая лояльность человека к Советам не обязательно являлась условием его неприкосновенности и отсутствия наблюдения за ним. Размах репрессий установить труднее, чем масштабы антисоветских настроений и деятельности. Большевики

¹ Работа выполнена в рамках научной стипендии Музея истории Польши.

² Подробнее см.: *Трофимчик А.* Политика по реорганизации школы и антисоветские настроения в ней на территории, присоединенной в 1939–1941 гг. к БССР // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2007. № 27. С. 84–121; *Трофимчик А.* Реорганізація школи і антирадянські настрої серед школярів західних абласей БССР (1939–1941 гг.) // *Беларусь і беларусы ў прасторы і часе: Зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдэіса*. Мінск, 2007. С. 365–371; *Трофимчик А.* Права антирадянства ў сістэме школьнай адукацыі на Гарадзеншчыне ў 1939–1941 гг. // *Гарадзенскі палімест. XII – XX стст. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Горадня, 7 лістапада 2008 г.)*. Горадня-Беласток, 2008. С. 173–176.

оставили в общедоступных архивах лишь часть материалов, которую можно сравнить с вершиной айсберга. Однако даже имеющиеся данные позволяют представить общую картину борьбы советской власти с явными и потенциальными противниками.

В первую очередь советская власть приступила к выявлению враждебных элементов на присоединяемых землях, в том числе потенциально. Во многих случаях это не составляло труда. Те, кто воспринимали большевиков в качестве агрессоров наравне с нацистами не скрывали своего негативного отношения к советизации и были готовы вести с ними активную борьбу. Однако большая часть населения антисоветские настроения открыто не проявляла. Для выявления потенциально враждебных элементов была снаряжена целая армада служащих НКВД. Причем сбор информации проводился как кадровыми сотрудниками, так и через оперативно созданную плотную сеть секретных агентов (сексотов). Для разработки антисоветского элемента среди учительства и учащихся старших классов вербовались «секретные осведомители». В Лиде, например, действовали 10 осведомителей и 3 агента. Согласно документам, этими «осведомителями», доносившими на своих товарищей, являлись сами школьники¹.

Поскольку учебные заведения были одним из важнейших рычагов советизации, большевики уделяли им особое внимание, тщательно следили за настроениями учителей. Неблагонадежные именовались «особами, не гарантирующими коммунистическое воспитание»².

Фактически уже с 17 сентября 1939 г. началась физическая ликвидация антисоветски настроенных учителей и учащихся. Первыми пострадали те, кто с оружием в руках выступил против прихода Красной армии. О жестокости некоторых боев свидетельствует следующий пример. Красноармейцы-«освободители» не щадили не только взрослых противников, но и детей. Свидетельница событий Г. Липиньская вспоминала: «На одном из танков вижу распятого мальчика – тринадцатилетнего Т. Ясиньского, который пробовал бутылкой поджечь танк»³. Есть сведения,

¹ Государственный архив Брестской области (ГБАО). Ф. 7580 «11». Оп. 1. Д. 26. Лл. 310–311; Д. 248. Лл. 36–40; Archiwum Wschodnie przy Ośrodku «KARTA» w Warszawie, Bakiński S., sygnatura 11/607. K. 35; Śleszyński W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001. S. 521.

² Цит. по: Gnatowski M. W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941. Łomża, 1997. S. 159

³ Цит. по: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954). Гродно, 2004. С. 115.

что в Гродно были расстреляны 20 учеников, защищавших Дом стрелца (патриотической организации), причем замечено, что исполнителями казни были не солдаты Красной армии, а уже сотрудники НКВД. Это была не единственная подобная акция в городе по уничтожению оказавших сопротивление учеников и учителей. Особое внимание советских карателей притягивали харцеры – ученическая молодежь польской патриотической организации. По словам местного жителя В. Новицкого, еще в сентябре 1939 г. группы детей в возрасте 10–15 лет по 15–20 человек под вооруженным конвоем уводились из города в лес на расстрел¹. Следовательно, во многих случаях школьная молодежь погибала не в боях, а при захвате в плен. Вместе с тем, подобные воспоминания требуют скрупулезной верификации при введении их в научный оборот, так как их носители в силу обиды на советскую власть нередко склонны гиперболизировать ее пейоративность.

Пленных продолжали уничтожать и в дальнейшем. Только в трех лагерях для военнопленных из офицеров резерва было убито 832 учителя и преподавателя. Судя по всему, цифра касается выходцев со всех восточных «кресов», на долю же территории, присоединенной к БССР, можно предположить, приходится около 400 человек. Белосточина потеряла таким образом 64 педагога².

Наиболее оперативно репрессивная машина развернулась на землях Виленщины, которые передавались Литве. По сообщению народного комиссара НКВД Белоруссии, которое сохранялось под грифом «совершенно секретно», «по городу Вильно на 5 октября этого года установлены 253 (! – А. Т.) общественные организации с полными установочными, характеризующими данными (название, время создания, фамилии руководителей, местонахождение и характеристика деятельности их)», в том числе «Союз польских учителей»³. Нешадно отнеслись большевики и к белорусской интеллигенции, арестовав самых активных на специально созванном собрании, на которое белорусские националисты доверчиво пришли⁴.

¹ *Filipowicz M., Sawicka E. Zbrodnie sowieckie na obroncach Grodna 1939 г. // Biuletyn Historii Pogranicza. 2005. № 6. S. 12, 15–16.*

² *Kryńska E. Martyrologia nauczycieli Białostoczczyzny w latach II wojny światowej // Edukacja. 2000. № 4. S. 109.*

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1683. Л. 11.

⁴ *Малецкі Я. Пад знакам Пагоні // Спадчына. 1994. № 2. С. 123–125; Iwanow M. Sprawa przynależności Wilna i problemy narodowościowe na Białorusi //*

На остальной присоединенной территории такого «цейтнота» не было, что позволило проводить процесс перетряски и фильтрации педагогических кадров не так резко, но и не настолько тихо, чтобы его не заметить. В советских исторических исследованиях по этому поводу старались ограничиваться общими фразами, не раскрывающими всей полноты проблемы. Сообщалось лишь, что реакционные «старые кадры» усложняли «проведение в жизнь мероприятий партии и правительства в деле культурного строительства и внедрения советской педагогики в системе народного просвещения» в западных областях Белоруссии в конце 1939 г.¹

Основная масса арестов среди педагогов на территории Западной Белоруссии пришлось на первый учебный год. В первую очередь арестовывали тех, кто считался наиболее опасным для советской власти – социально активных, заметных, влиятельных, таких, как, например, директора гимназий². Не всегда пользовались доверием у большевиков и лишённые должностей во II Речи Посполитой учителя-белорусы, получившие осенью 1939 г. работу, в том числе и на руководящих должностях. Они также оказались «под присмотром» властей и подвергались арестам, как, например, руководитель Крынского района Н. Чернецкий. Впрочем, последнему удалось из-под ареста сбежать³.

Как правило, потенциально опасные, по мнению представителей новой власти, ставились на учет и брались в «агентурную обработку» – первый этап на пути к аресту. Волна арестов захлестнула белорусскую интеллигенцию: сотни учителей так и не успели развернуть педагогическую деятельность в реорганизованной школе⁴, в которой многие из них надеялись вести обучение на родном языке. Наибольшие потери понесло польское учительство, и в результате стала ощущаться нехватка компетентных кадров для польскоязычных школ. Не обошли своим вниманием силовые органы и иные национальные школы. Так, в июне 1941 г. и без того испытывающие острую нехватку специалистов украинские *Spółczesność białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941*. Warszawa, 1995. S. 90–91.

¹См.: Царук І. З гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі // Савецкая школа. 1958. № 6. С. 37; Царук І. О. Рост культуры заходніх абласцей БССР за гады Савецкай улады: Да 20-годдзя ўз'яднання Беларусі. Мн., 1959. С. 12.

²Liszewski K. Wojna polsko-sowiecka 1939 r. Londyn, 1986. S. 75.

³Чыгрын С. З Беластоцкай зямлі. Беласток, 2008. С. 291.

⁴Ю: Татаренко А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах: 1921–1954. СПб, 2006. С. 148.

школы недосчитались 30 арестованных учителей¹. Подозреваемых работники НКВД забирали не только ночью. Часто вызывали учителей в районы и там арестовывали. Некоторых такая участь постигала прямо на уроках². К этому стоит прибавить учителей, осужденных за нарушение трудовой дисциплины в соответствии с указом от 26 июня 1940 г., каравшего даже за опоздания³.

Советская историография умалчивала факты арестов «неблагонадежных» школьников. В то же время в одной только гимназии Августова было арестовано 40 учащихся, среди которых были 12–13-летние подростки⁴. В назидание другим нередко устраивали «показательные» суды, которые чаще всего выносили наказания в виде лишения свободы от 5 до 10 лет в исправительно-трудовых лагерях за проступки, несоизмеримые с наказанием. Так, в Лиде 12 гимназистов и их педагогов были арестованы, а еще 5 объявлены в розыск за то, что во время торжественного заседания, посвященного годовщине Октябрьской революции, кто-то рассыпал в зале порошок с аммиачным запахом⁵. Однако даже строгие меры не пугали молодежь. В Ломже при проведении процесса по подобному делу возникла стихийная манифестация под окнами суда. Следует отметить, что и несовершеннолетние иногда приговаривались к смертной казни. В той же Ломже уже на втором «показательном» суде были три подобных случая. Однако впоследствии мера наказания была изменена на 10 лет лишения свободы: видимо, подобные процессы были, прежде всего, средством устрашения населения. Но активность молодежи не падала, и аресты продолжались. Установить даже приблизительную цифру арестованных школьников невозможно. Имеющиеся данные позволяют предположить, что речь идет о сотнях осужденных несовершеннолетних в Западной Белоруссии. Многие школьники задерживались на несколько суток. Следует отметить, что за провинности детей арестовывали и их

¹ Гаврилюк Ю. Берестейщина — регіон у лабетах геополітики // Пам'ятки України: історія та культура. 2002. №3–4. С. 81.

² НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 224. Л. 33; *Strzemboś T.* Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939 – 1941) // *Przegląd Historyczny*. 1992. Z. 3. S. 672.

³ Государственный архив общественных организаций Гродненской области (ГА-ОО ГО). Ф. 6195. Оп. 1. Д. 400. Л. 35.

⁴ *Batura W., Makowski A., Szlaszyński J.* Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. Suwałki, 1997. S. 291.

⁵ По: *Лицкевич О.* С винтовкой и газетой «Правда». Политическая работа с молодежью Западной Белоруссии в 1939–1941 годах // *Беларуская думка*. 2008. № 2. С. 47.

родителей¹. Бывали случаи, когда у детей спрашивали, говорят ли им родители молиться, и при положительном ответе забирали отца или мать в заключение². С организованным подпольем, включавшем и молодежные ячейки, шла вооруженная борьба, в которой были человеческие жертвы³.

Практически сразу же стало очевидным, что одними арестами нельзя навести «большевистский порядок». Сами силовые органы признавали, что иной раз могли лишь частично ликвидировать подпольные структуры, подобные организации школьников в Пружанах⁴. Поэтому стал применяться метод депортаций населения. НКВД готовил «списки на высылку национально-сознательных и всех классово-ненадежных элементов занятой территории»⁵, куда, безусловно, попадали подозрительные или тем более настроенные против Советов учителя. Особенно много учительства было вывезено во время одной из волн депортаций (в апреле 1940 г.). По некоторым подсчетам, только из бывшего Белостокского воеводства было депортировано около 300 учителей, большинство из которых (263 человека) ушли из жизни в местах ссылки. К этим данным необходимо прибавить репрессированных учителей-офицеров резерва⁶. На размеры акции по депортации повлияла кампания, развернутая после постановления Совета народных комиссаров от 22 апреля 1940 г., касающегося состояния школьных педагогических кадров «под углом их атеистического отношения к религии». По мнению А. Бобовика, подобными мерами

¹ Wincenciak W. Oświata i szkolnictwo północno-wschodniego Mazowsza w latach wojny i okupacji (1939–1945). Łomża, 1996. S. 63; ГАОО ГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 291. Л. 9; Strzembosz T. Opór moralny bierny i opór moralny czynny jako forma walki z okupantem na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warszawa, 1995. S. 279–284.

² Sword K. Polityka wyznaniowa władz sowieckich na terenie Białorusi Zachodniej w latach 1939–1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941. Warszawa, 1995. S. 155.

³ См., например: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954). С. 157.

⁴ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава – Москва, 2001. С. 584.

⁵ Палакевіч Г. Нацыянальная тэорыя і практыка бальшавізму ў Беларусі // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1960. Кн. 12. С. 74.

⁶ Волаціч М. Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР // Беларускі зборнік. Мюнхен, 1956. Кн. 4. С. 15; Siemaszko Z. W sowieckim osaczeniu. 1939–1941. Londyn, 1991. S. 87; Kryńska E. Op. cit. S. 109.

обеспечивалась необходимая квалификация учителей для работы в следующем учебном году¹.

Выселение классово чуждых и ликвидация вражеских элементов напугала учителей, заставила надеть «маску лояльности», хотя, по мнению власти, взглядов своих они не изменили².

Белорусская историография, после исследований А. Хацкевича, оперирует данными о как минимум 120 тыс. депортированных из западных областей БССР. Польские историки в своих расчетах приводят цифры в три-четыре раза большие. Причем говорится, что число детей не старше 16 лет, депортированных из западных областей Белоруссии и Украины, доходило до 140 тыс.³ Соответственно, на белорусскую долю připадает около 50 тыс. детей, которых вывозили вместе с семьями. В любом случае размах депортаций, направленных на элиминацию антисоветского элемента, был велик, и поставленные задачи были частично выполнены. Следовательно, меры, предпринятые советской властью для контроля в отношении учителей, по своей жесткости не шли ни в какое сравнение с дискриминацией учительства во II Речи Посполитой, что не могло не вызвать различного рода реакций со стороны педагогов.

Большевистские репрессии в системе образования имели не только открытый, но и латентный характер. Цели их были одинаковыми – скорейшая советизация просвещения. Однако методы осуществления различались. Дифференциацию мероприятий советской власти наглядно отражает схема, составленная на основе проведенного анализа (*рис. 1*).

Широкое распространение приобрели случаи увольнения преподавателей и исключения учащихся. Сам факт, что педагог работал в «буржуазной» школе, вызывал подозрение. А если ситуация осложнялась отсутствием рабоче-крестьянского происхождения, не говоря уже о малейших проявлениях антисоветизма, учителя однозначно увольняли. Особенно массовые увольнения-чистки происходили в 1939/1940 учебном году, что негативно сказывалось на качестве учебного процесса. По Барановичской области недопущенных к работе в реорганизованной школе оказалось около 200, по Брестской – до 250 учителей. Вместо тех 250 «учителей,

¹Bobowik A. Szkolnictwo ogólnokształcące na Białostocczyźnie w cystemie oświaty radzieckiej w latach 1939–1941 w świetle ostatnich badań archiwalnych // Przegląd Historyczno-Oświatowy. 2000. № 3–4. S. 117.

²ГАОО ГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 398. Лл. 14–17.

³Bugaj T. Dzieci polskie w ZSRR i ich repatriacja (1939–1952). Jelenia Góra, 1986. S. 10–14; Theiss W. Zniewolone dzieciństwo. Socjalizacja w skrajnych warunkach społeczno-politycznych. Warszawa, 1999. S. 34.

из коих подавляющее большинство были выходцы из чиновников, духовенства, купцов, помещиков и кулаков», были «назначены на работу бывшие безработные учителя, бывшие политзаключенные и революционно настроенные»¹.

Такие радикальные меры вскоре принесли результат и дали основания органам советской власти рапортовать, что «за время после реорганизации школ города (Гродно – А. Т.) и перехода их на советские программы преподавания, партийные и советские организации города оказали помощь школам в наведении большевистского порядка, парторганизация сплотила учительский коллектив, значительно очистила его от враждебных элементов»². Таким образом, уж в первый учебный год силовыми методами представители власти в основном «разобрались» с проблемой тех педагогических кадров, которые достались им в наследство от II Речи Посполитой: часть их была репрессирована (количество элиминированной польской интеллигенции в западных областях БССР, по некоторым оценкам, составляет 80 %³), а большинство остальных этим запугано.

Ситуация с педагогическими кадрами в Западной Белоруссии в 1939/1940 учебном году привлекла внимание партийных властей БССР. «Перестраивая школу, – признавалось в письме ЦК КП(б)Б “О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии”, – партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако, при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины. Особо нетерпимыми являются действия некоторых работников, сводящиеся к ограничению прав польского населения на пользование польским языком»⁴. Поэтому при массовом увольнении педагогов польских школ в начале 1940/1941 учебного года в некоторых районах Белостокской области райкомы

¹ ГАБО. Ф. 7580 «11». Оп. 1. Д. 430. Л. 9; Ф. 278. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² ГАОО ГО. Ф. 2. Оп. 50. Д. 70. Лл. 22–25.

³ Jasiewicz K. Liczba deportowanych // Karta. 2001. №3 2. S. 145.

⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1081. Л. 42.

КП(б)Б критиковались за нежелание заниматься «кропотливой работой по индивидуальному изучению, воспитанию и выращиванию» педкадров из местного населения; приказано было их устроить назад и в дальнейшем при увольнениях и перемещениях учителей сохранять индивидуальный подход¹. После прозвучавшей со стороны ЦК КП(б)Б критики, политика в отношении учительства Западной Белоруссии стала более мягкой и рассудительной, причем некоторые из уволенных (конечно, далеко не все) сумели возвратиться на работу. В Белостокской области обратились в школы лишь 17 человек². Там же «в процессе исправления ошибок» 318 местных учителей были выдвинуты на руководящую работу: заведующими районо — 4 человека, инспекторами районо — 30, заведующими райпедкабинетами — 7, директорами школ — 277³. Такие действия, с одной стороны, свидетельствуют о повышении доверия к местным педагогам, а с другой — о надежном контроле за педагогическими кадрами, их настроениями. К причинам такого «потепления», как предполагают польские исследователи, стоит отнести и капитуляцию Франции — союзника Польши, поскольку, таким образом, исчез один из каналов материальной и моральной подпитки польского патриотического подполья⁴.

Отсутствие проявлений антисоветских настроений не означало прекращения надзора за благонадежностью учителей. Особенно скрупулезно контролировали учителей школ приграничных районов, состоявших на особом учете⁵. Секретарь Малоритского РК КП(б)Б, несмотря на то, что этот район не был обеспечен педкадрами даже наполовину, в июне 1940 г. сообщал, что из 54-х работающих в школах учителей 24 (! — А. Т.) необходимо освободить из-за несоответствия своему назначению («классово-чуждые» или без педагогического образования)⁶. А среди педкадров Ломжинского региона антисоветскую деятельность, не говоря уже о настроениях, к началу 1940/1941 учебного года так и не смогли искоренить, «несмотря на значительную чистку учительского состава»⁷.

Хотя система всеобщего образования не позволяла выдворять учеников из школы в массовом порядке, но отдельные случаи исключения

¹ ГАОО ГО. Ф. 2. Оп. 50. Д. 4. Л. 45.

² НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 243. Л. 17.

³ ГАОО ГО. Ф. 2. Оп. 50. Д. 67. Л. 38.

⁴ Gnatowski M. Op. cit. S. 107; Śleszyński W. Op. cit. S. 260.

⁵ См., например: ГАОО ГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 399. Лл. 238–269.

⁶ НАРБ. Ф. 4. Оп. 27. Д. 255. Л. 177.

⁷ Gnatowski M. Op. cit. S. 257–258.

(за проявление антисоветских настроений) были¹. Интересен пример протеста учеников против задержания в НКВД на два дня их товарищей, за которым последовали исключения из школы².

Репрессии коснулись и школ национальных меньшинств. С самого начала сеть школ формировалась таким образом, что обучение на белорусском, «еврейском», польском языке не сулило перспектив: в средних, средних специальных и высших учебных заведениях преобладало обучение на русском языке. При создании сети национальных школ не всегда учитывалась пожелания населения. Более того, в национальных школах, в том числе белорусских, часто не хватало квалифицированных учителей, и преподавание шло на «трасянке». Еврейские школы, численность которых заметно уменьшилась при советской власти, переводились с иврита на идиш³. Во многих школах дети-«восточники» в ультимативной форме предлагали местным учителям переходить в их присутствии на русский. К тому же в результате неадекватной кадровой политики учителей часто переводили из одной школы в другую, не обращая внимания на их владение соответствующим языком.

Помимо перечисленных, к репрессиям можно отнести и другие мероприятия советской власти по советизации просвещения, имевшие насильственный характер:

- жесткое навязывание большевистской идеологии, как то проведение антирелигиозной кампании, в результате чего система образования фактически превратилась в средство индоктринации;
- различные ограничения, в том числе передвижений, выбора профессии и т.д.;
- упразднение прежних «буржуазных» политических партий и общественных организаций;
- мобилизация молодежи в школы трудовых резервов и на социалистические стройки;
- принудительное участие в социалистическом соревновании, в советских праздниках, демонстрациях, спортивных и военных мероприятиях;

¹ГАОО ГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 399. Л. 28; "W czterdziestym nas Matko na Sybir zesłali..." Polska a Rosja 1939–42. Londyn, 1983. S. 82.

²Ścisłe tajny raport o okupacji Białostocczyzny. [b. m. w.]: Agencja Wydawnicza "JJ" spółka z o. o., [b. r. w.]. S. 25.

³Bonusiak W. Polityka ludnościowa i ekonomiczna ZSRR na okupowanych ziemiach polskich w latach 1939 – 1941 ("Zachodnia Ukraina" i "Zachodnia Białoruś"). Rzeszów, 2006. S. 302.

- необходимость вступления в пионерскую, комсомольскую и партийную организации для обеспечения перспектив карьерного роста;
- расформирование учебных заведений, считающихся «очагами контрреволюции»;
- отсутствие адекватных условий для получения образования на родном языке (выселение национальных школ в худшие помещения, уничтожение польскоязычной литературы, в том числе учебников, дискриминация местных учеников и учителей при параллельном возвышении приезжих);
- контроль за «социально-чуждыми элементами», включая надзор за благонадежностью учителей.

Какие причины обусловили тот или иной вид репрессий, достоверно установить невозможно: для этого необходимо более тщательно исследовать документы НКВД. Очевидно, что важнейшей целью была оперативная советизация просвещения, и поэтому особое внимание уделялось проявлениям антисоветских настроений. Предпринятые действия принесли плоды, причем достаточно быстро. Однако «рецидивы антисоветизма» присутствовали, что вызывало крайнее неудовольствие советских властей. Органы НКВД по-прежнему находили среди учителей «врагов советской власти».

В Едвабновском районе на конец 1940 г. после того, как 13 человек были арестованы, 7 выселены, 18 отстранены от работы, во всяческих попытках противодействия коммунистическому воспитанию детей были уличены и поставлены на оперативный учет 26 учителей. Причем, как правило, подвергались репрессиям местные кадры, работавшие до сентября 1939 г., коих было всего 69 человек. Больше половины из них (38) к этому моменту уже были удалены из школы¹. С постановкой на учет цифра возрастала до 64. Таким образом, проявляется тенденция к тотальной элиминации педагогических кадров, работавших во II Речи Посполитой.

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была во многом, хотя далеко и не полностью, подавлена. Даже в самых неблагонадежных польских школах «по данным на март 1941 г. была достигнута почти нормальная посещаемость во время религиозных праздников», в чем сыграло роль постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР» от 10 февраля 1941 г.²

¹Gnatowski M. Op. cit. S. 257–258.

²Еленская И. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939–1941 // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Białystok, 2000. С. 174.

Развернувшаяся антирелигиозная кампания, хотя и не смогла привить основной массе учеников атеистическое мировоззрение, дала результат в виде формального соблюдения минимальных требований: например, посещения школы во время религиозных праздников, прекращения антисоветских выступлений.

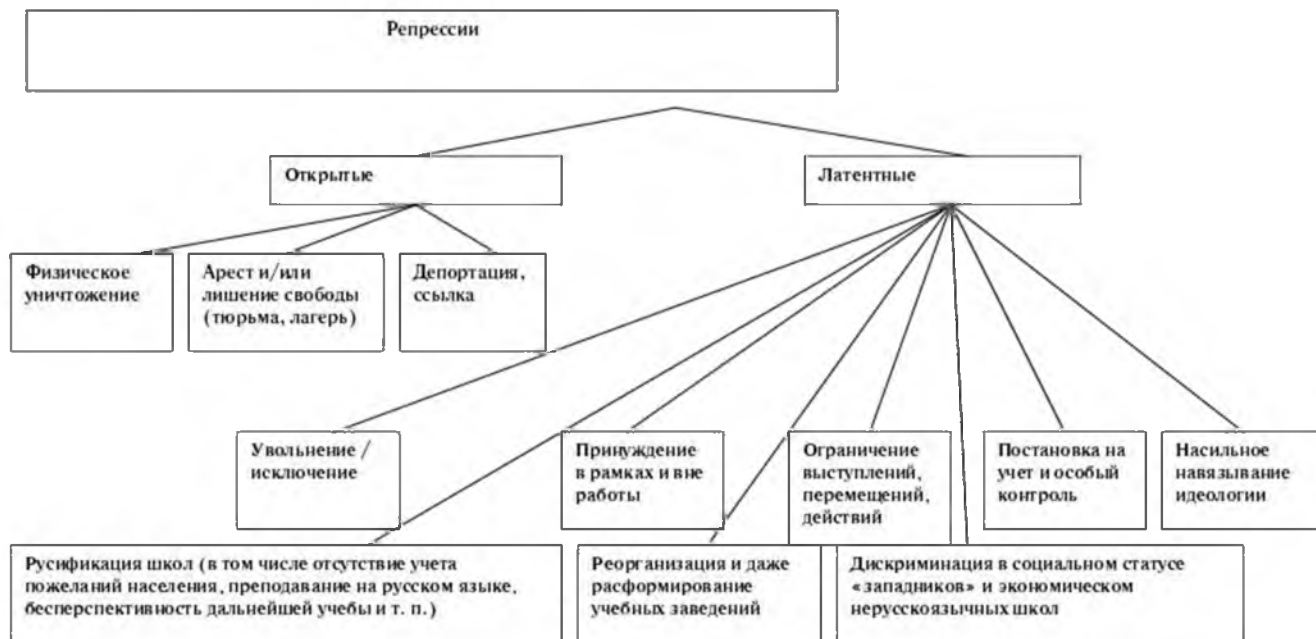
Таким образом, становление советской системы образования проходило в непростых условиях, что привело к появлению различного рода недостатков в организации учебного процесса. «Самый крупный недостаток в школьной работе города (Бреста – А. Т.) состоит в том, что учительские кадры сильно засорены чуждыми элементами» – полагали большевики¹. Советская власть, чтобы не просто укрепить свои позиции на приобретенных землях, а установить там тотальный диктат, прибегла к комплексу мер, в том числе и в сфере просвещения – от открытых репрессий (включая физическое устранение) до разной степени дискриминации и ограничений даже потенциальных антисоветских элементов.

Охват всех детей школьным обучением преследовал не только цель повышения образовательного уровня населения, но и должен был удовлетворить в последующем потребности государства в квалифицированной рабочей силе. Одновременно таким способом осуществлялся контроль за подрастающим поколением, не позволяющий наладить антисоветскую деятельность.

В заключение стоит подчеркнуть, что антисоветские выступления в школах сопровождались как непосредственными, так и превентивными мерами по их ликвидации. Советизация западных областей БССР отличалась оперативностью: за два года должны были быть достигнуты цели, к которым в восточной части республики шли с конца 1920-х годов. Однако полностью очистить Западную Белоруссию от антисоветского элемента так и не удалось, и репрессии были продолжены и после окончания Второй мировой войны.

¹ ГАБО. Ф. 2. Оп. 1 «а». Д. 1. Л. 77.

Рисунок 1
Дифференциация репрессивных мероприятий советской власти
в Западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баран Владимир Кондратьевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой новейшей истории Украины Волынского национального университета имени Леси Украинки

Борисенок Елена Юрьевна, к.и.н., зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН

Вабищевич Александр Николаевич, д.и.н., доцент, зав. кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Гай-Нижнык Павло Павлович, д.и.н., с.н.с. Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины

Еленская Ирина Эдуардовна, к.и.н., доцент кафедры истории Беларуси Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Ильюшин Игорь Иванович, д.и.н., профессор, зав. кафедрой международных отношений Киевского славистического университета

Лабынцев Юрий Андреевич, д.филол.н., в.н.с. Института славяноведения РАН

Левкиевская Елена Евгеньевна, д.и.н., в.н.с. Института славяноведения РАН

Максименко Елена Петровна, к.и.н., доцент кафедры исторических, социальных и философских наук Московского института стали и сплавов

Милевский Ян Ежи, д.и.н., главный специалист института национальной памяти (Отделение в г. Белостоке), преподаватель Института истории Белостокского университета

Науменко Ким Елисеевич, научный сотрудник отдела новейшей истории Института украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины.

Петровская Оксана Васильевна, д.и.н., в.н.с. Российского института стратегических исследований

Пивоварчик Сергей Аркадьевич, д.и.н., доцент, зав. кафедрой археологии и этнологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Розенблат Евгений Семенович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Снапковский Владимир Евдокимович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Струнец Сергей Владимирович, ассистент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Тихомирова Виктория Яковлевна, д.филол.н., доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Трофимович Владимир Васильевич, д.и.н., зав. кафедрой истории Национального университета «Острожская Академия»

Трофимчик Анатолий Викторович, к.и.н., научный сотрудник Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа, г. Минск

Цымбал Александр Георгиевич, к.и.н., преподаватель кафедры отечественной и мировой истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка

Щавинская Лариса Леонидовна, к.филол.н., с.н.с. Института славяноведения РАН

ОТ РЕДАКТОРОВ 5**ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ И ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ
НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***А. Н. Вабищевич*Этнокультурное положение и этнополитические отношения
на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года 7*П. П. Гай-Ныжык*Карпатская Украина в 1939 году как одна из «разменных монет»
Мюнхенского договора 25**ВКЛЮЧЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ
БЕЛОРУССИИ В СОСТАВ СССР: КОНТРОВЕРСИИ ВЗГЛЯДОВ***Е. С. Розенблат*Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах:
окупация – воссоединение – советизация 42*Ян Ежи Милевский (Jan Jerzy Milewski)*Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941):
новая точка зрения 62*В. Е. Снапковский*О советско-германском сотрудничестве
при подготовке и осуществлении военной кампании
СССР против Польши в сентябре 1939 года 77*И. Э. Еленская*События 1939–1941 годов в западных областях Белоруссии:
устная история 103*С. В. Струнец*Этнические окраины многонациональных государств
в кризисные периоды военно-политической нестабильности
(осень 1938 – осень 1939 годов) 121

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В. К. Баран

Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах	156
--	-----

Е. Ю. Борисенок

Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг.	177
---	-----

О. В. Петровская

Деятельность Красной армии среди населения Западной Белоруссии в 1939–1941 годах	199
---	-----

С. А. Пивоварчик

Система обеспечения оборонного строительства рабочей силой в западных областях БССР (1939–1941)	248
--	-----

В. В. Трофимович

Этнодемографические изменения в Восточной Галиции и Волыни (1939–1941)	263
---	-----

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

Е. Е. Левкиевская

Западная Украина 1939 года: культурный и языковой конфликт	279
--	-----

В. Я. Тихомирова

Советский человек на «Кресах» в 1939–1941 годах: свидетельства очевидцев и художественные образы	292
---	-----

Е. П. Максименко

Использование художественных средств в пропагандистской кампании СССР осенью 1939 года	307
---	-----

А. Г. Цымбал

Положение православной церкви в Западной Белоруссии в 1939–1941 годах	338
--	-----

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Шавинская

Украинское печатное слово Холмщины 1940–1941 годов: первые народные издания	352
--	-----

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ Западной Украины и Западной Белоруссии

К. Е. Науменко

Отношение населения Западной Украины
к процессам советизации. 1939–1941 366

И. И. Ильюшин

Антисоветское подполье в Западной Украине и НКВД
в 1939–1941 годах (по документам архивов российских,
украинских и польских спецслужб) 380

А. В. Трофимчик

Меры по ликвидации оппозиционных настроений и антисоветской
деятельности в школах западных областей БССР (1939–1941) 406

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 419

Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.: люди, события, документы

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*

Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 05.04.2011. Формат 60х88 1/16

Усл. печ. л. 25,9. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №712